

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
гуманитарная безопасность
в условиях глобальных вызовов**

Материалы
Седьмой международной научной конференции
(16–17 ноября 2023 года, г. Минск)

В двух томах
Том 1

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2023

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Бей)я43

И73

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 11 от 26.10.2023 г.)

Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя), М. Б. Завадский (секретарь),
Н. Е. Захарова, Н. А. Кутузова, В. А. Максимович, А. Н. Спасков, А. О. Карасевич,
С. Г. Доронина, В. К. Игнатов, Т. В. Зайковская, Е. А. Круподеря, Д. В. Куницкий,
Н. А. Лазаревич, Ю. Ф. Никитина, Н. А. Никонович, О. А. Павловская, Д. В. Столяров,
Е. П. Саковский, Ю. П. Середа, В. Н. Соколыч, И. К. Ставровский, О. Л. Сташкевич

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Т. П. Винокурова*,
доктор социологических наук, профессор *Н. А. Барановский*

И73

Интеллектуальная культура Беларуси: гуманитарная
безопасность в условиях глобальных вызовов : материалы Седьмой
междунар. науч. конф. (16–17 ноября 2023 г., г. Минск). В 2 т. Т. 1
/ Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.)
[и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2023. – 398 с.

ISBN 978-985-581-653-0 (т. 1).

Сборник в двух томах содержит тексты докладов и выступлений, включенных в программу работы Седьмой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: гуманитарная безопасность в условиях глобальных вызовов» (Республика Беларусь, г. Минск, 16–17 ноября 2023 года). Материалы демонстрируют актуальность и важность философской рефлексии в преодолении угроз и гуманитарных вызовов для обеспечения социокультурной, антропологической, экологической, информационной безопасности, эвристический потенциал философского наследия в обеспечении гуманитарной безопасности и устойчивого развития Республики Беларусь. Современное гуманитарное знание, отражающее проблемное поле глобального кризиса, показывает его связь с практическими решениями в образовательной и социокультурной сферах общества.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Бей)я43

ISBN 978-985-581-653-0 (т. 1)

ISBN 978-985-581-652-3

© ГНУ «Институт философии
НАН Беларуси», 2023

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	11
Раздел 1 Социодинамика, устойчивое развитие и гуманитарная безопасность в цифровую эпоху	13
<i>А. А. Амирова</i> Маргинализация общества как угроза национальной безопасности.....	13
<i>М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич</i> Исследователи высшей квалификации в составе кадрового потенциала белорусской науки	16
<i>А. А. Бекдербек</i> Политическая идеология как основа безопасности государства.....	20
<i>Г. В. Болбас</i> Феномен природосообразного воспитания в контексте концепции устойчивого развития	22
<i>С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов</i> Цифровые права человека как условие обеспечения устойчивого развития и глобальной гуманитарной безопасности.....	25
<i>М. А. Вальковский</i> Технологии искусственного интеллекта в медиасфере: тренды трансформационных процессов	28
<i>В. Н. Ватыль</i> Манипулирование исторической памятью как угроза гуманитарной безопасности Республики Беларусь: сетевые медиа.....	31
<i>С. В. Воробьева</i> Социальная инженерия: эпистемологические вызовы цифровой эпохи.....	34
<i>А. А. Ганус</i> Семейная политика и современные проблемы профориентации и трудоустройства несовершеннолетних.....	37
<i>А. Н. Данилов</i> Стратегия достаточного развития Павла Водопьянова	42
<i>М. А. Дедюлина</i> Социальный рейтинг в эпоху цифровизации: философское осмысление	44
<i>Д. Г. Доброродний</i> Статус техники с позиции постфеноменологии	46
<i>Р. Н. Дождикова</i> Обыденное познание и цифровой интеллект	49
<i>Э. М. Иззетова</i> Цифровая социализация в зеркале философии: достижения и риски	51
<i>Е. М. Ильина</i> Риторика игрового дизайна в теории политики в условиях цифровой трансформации	54

А. В. Колесников Основания гуманитарной безопасности Союзного государства.....	57
И. Н. Колядко Культурная традиция и легитимация социального порядка в условиях социокультурной трансформации	61
К. И. Костиневич Цифровая грамотность как условие развития взаимодействия между государством и людьми старшего поколения	65
О. Ю. Кравцов Концептуальные основы обеспечения экзистенциальной безопасности: философско-мировоззренческое измерение.....	68
Ю. В. Мицкевич Роль и значение SMM-технологий в цифровом обществе	71
С. А. Мозгов Определение факторов социальной среды, точек роста и направлений развития человека в условиях глобальных вызовов на современном этапе	74
П. Ю. Молчанов Кризис модернизационных детерминант развития техногенной цивилизации в начале XXI века	78
А. А. Мушта Феномен human security: понятие, концептуализация, понимание в контексте исторической политики	81
Д. И. Наумов Социетальные риски дигитализации социальной памяти: социально-философский анализ.....	84
А. И. Нафикова "Цифровой барьер" как проблема и тенденция современного социального развития	87
Ю. Ф. Никитина Евразийский экономический союз в условиях мировой цивилизационной дифференцировки.....	89
Т. Е. Новицкая Экологические аспекты медиатизации общества.....	92
А. И. Пирогов, Л. И. Пирогова Современные угрозы информационной безопасности Союзного государства	94
И. М. Ратникова Справедливость как предмет философской рефлексии современной критической теории	96
Э. І. Рудкоўскі Моладзь і каштоўнасці гуманізму ў кантэксте інфармацыйнага грамадства	98
А. Я. Сарна Проблема нормативно-правового обеспечения цифрового развития Беларуси	101
А. С. Селезнёв Формы деструктивной социализации в цифровой среде.....	104

В. Н. Семенова Обретет ли утопия трансгуманизма идеологические очертания?	108
Ю. П. Серeda Динамика сферы трудовой деятельности в условиях цифровизации	112
И. Н. Сидоренко Кризис национальной идентичности как обратная сторона глобализации	115
В. Н. Соколыч Этические и методологические требования к использованию данных в открытой науке (на примере биомедицинских исследований).....	118
Д. В. Столяров Проблема радикализации экологических движений	121
М. С. Фабрикант Доверие к информации как когнитивная метаэвристика: следствия для информационной безопасности в цифровую эпоху	125
С. В. Хамутовская Гуманитарная безопасность личности: информационные аспекты	127
В. И. Чуешов Искусственный и естественный интеллект в образовании: от противостояния к новому союзу.....	130
Д. А. Шиханцова Лиминальный характер субъекта коммуникации в цифровую эпоху	132
Э. М. Щурок К некоторым аспектам функционирования системы подготовки научных кадров высшей квалификации в Беларуси и России в условиях цифровизации общества	135
Раздел 2 Интеллектуальная история Беларуси и мировая философская мысль: национальный, евразийский, универсальный контексты	139
Е. М. Бабосов Стратегическая значимость эффективного развития интеллектуальной культуры нации	139
В. Ф. Берков На волнах методологического кризиса современного исторического познания	145
І. М. Бабкоў Інтэлектуальная гісторыя Беларусі 20 гадоў ХХ стагоддзя: між Захадам і Усходам.....	149
С. А. Жук Организация Института философии и права АН БССР	151
М. Б. Завадскі Праблематыка сяброўства ў беларускай народнай культуры	154

Г. І. Клімовіч Філасофія як інструмент абгрунтавання рэлігійных праўд у творчасці В. Бучынскага	157
Н. І. Кулак Значение понятия "идеология" в творчестве Г. В. Плеханова	160
И. Д. Кулаков Размышление по книге В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" (1909) о феноменализме Р. Авенариуса	162
А. А. Легчилин Интеллектуальное пространство Беларуси в социокультурном контексте "XIX Долгого столетия"	165
Г. А. Личевский Четвертая политическая теория как перспектива преодоления регрессивной социальности	169
А. І. Лойка Крос-культурная філасофія ў эпоху крызісу парадыгмы глабалізацыі	171
Л. Е. Лойко Философия права Беларуси конкретной исторической эпохи	174
Н. М. Лукьянович Ж. Делез и С. Маймон: философские параллели	176
Д. В. Малахов Интерсубъективное измерение трансцендентального "Я" в "Картезианских размышлениях" Э. Гуссерля	179
М. Я. Мацевич "Стаккато жизни" (к 75-летию философа Семенова Николая Сергеевича)	182
Н. В. Медведев Что такое сравнительная философия?	186
В. С. Попова Преимуществом логико-методологического опыта А. И. Введенского и Н. О. Лосского	189
Т. Г. Румянцева Эвристический потенциал философского наследия И. Канта	192
Я. П. Сакоўскі Газета "Мінскі лісток": ад літаратурнай і філасофскай крытыкі да фармавання беларускай ідэнтычнасці	195
С. І. Санько Цыцэрон і ранняя гісторыя канцэпта "інфармацыя"	198
Н. Г. Севостьянова Онтологические ценности моральной философии Н. О. Лосского	201
Е. А. Тюгашев География философской мысли: по страницам "Географии" Страбона	204
А. В. Филиппович "Эзотерический ренессанс" и его роль в развитии философии	206

Раздел 3	Философское и этико-эстетическое осмысление проблем культуры, науки, образования и воспитания в контексте обеспечения гуманитарной безопасности.....	210
<i>М. В. Анцыповіч</i>	Культура: стан і працэсы.....	210
<i>Т. П. Барысюк</i>	Прымяненне прынцыпу залатога сячэння ў паэзіі: аднайменная новая цвёрдая форма верша	213
<i>Н. Л. Бахановіч</i>	Уплыў філасофіі Новага часу на рэлігійную самаідэнтыфікацыю асобы (на матэрыяле аповесці "Сповідзь" А. Плуга).....	217
<i>П. М. Бурак</i>	Агрегация онтологических функций коэволюции в формировании мировоззренческой безопасности общества	220
<i>А. В. Вишняков, А. Е. Михайлов</i>	Социокультурный контекст психиатрии постмодерна.....	223
<i>В. А. Голубев</i>	Роль массы в контексте общества потребления.....	226
<i>Е. В. Давлятова</i>	Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей белорусского общества в условиях социокультурных трансформаций	228
<i>С. Г. Доронина</i>	Философский анализ теории поколений: критические заметки и перспективы использования	231
<i>А. И. Екадумов</i>	Альтернатива метанаррации: негативная универсальность в философии постмодернизма	235
<i>Е. И. Жук, И. М. Наливайко</i>	Гуманистический потенциал гетерологического подхода в образовательной практике.....	238
<i>О. Ю. Зайцева</i>	Перспективные направления модернизации системы дошкольного образования в России в контексте социально-философской концепции обеспечения гуманитарной безопасности	242
<i>Н. Е. Захарова</i>	Социокультурные перспективы взаимодействия человеческого и искусственного интеллекта	244
<i>Т. В. Карнажицкая</i>	Эстетизация реальности как жизненная стратегия	248
<i>Н. К. Кисель</i>	Трансдисциплинарные интенции современного философско-методологического дискурса: на пути к постакадемической философии науки	250
<i>Е. В. Корень</i>	Роль этических и эстетических знаний в развитии духовной культуры и профессиональных компетенций выпускников высшей школы.....	253

Я. А. Коховец Об актуальности экзистенциальной и гностической оптики в условиях современного антропологического кризиса	256
А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов Кризис западного проекта глобализации и современные тенденции развития общества	259
Е. В. Кузнецова Дискурс: этнокультурные особенности построения и проявления.....	262
Н. А. Лазаревич Экологическая эстетика в контексте культуры	265
А. И. Левко Теоретико-методологическое осмысление духовно-гуманитарных проблем современного образования и его философско-эпистемологические основания.....	268
И. И. Лещинская Специфика формирования интеллектуальной культуры в контексте современной образовательной парадигмы	273
Е. В. Ли Цифровизация образования: перспективы и проблемы	276
Ю. В. Логиновская Творчество и сознание как ключевые факторы развития культуры	279
Н. Б. Ломакина Значение интеллектуальной культуры в условиях перемен и неопределенности ВANI-мира.....	281
А. В. Лукьянов, М. А. Пушкарёва, Н. А. Шергенг Трансцендентально-интеллектуальная культура: проблема гуманитарной безопасности	283
В. А. Максимович Художественное творчество как ценностно-смысловая составляющая культуры	284
Д. В. Малахов Земля, событие, смысл в феноменологии Дж. Саллиса и Ж.-Л. Нанси	288
Г. И. Малыгина, В. И. Миськевич Гуманитарная культура в контексте вызовов цифровой эпохи	292
Е. В. Мартищенко Специфика восприятия своей профессиональной деятельности белорусскими учеными	295
В. Ф. Мартынов Рационализация ценностей техногенного мира.....	299
С. Н. Мизякина Демографические риски в контексте гуманитарной безопасности.....	302
М. В. Михайлова, А. Е. Михайлов Мирозренческая функция гуманитарных наук в профессиональной подготовке выпускников медицинского вуза	305
Н. И. Мушинский Философско-этическое осмысление проблем справедливости в контексте обеспечения гуманитарной безопасности ...	308

<i>Nasriddin Nazarov</i> Some theoretical aspects of interethnic relations transformation in the poly-ethnic society of the Central Asia	310
<i>О. В. Новикова</i> Статус исторического опыта и проблема интерпретации в современном философско-историческом дискурсе	314
<i>О. А. Павловская</i> Моральный фактор в системе национальной безопасности.....	316
<i>Е. А. Ротмирова</i> Изобразительное творчество как актуальный фактор культуuroбеспечения гуманитарной безопасности	319
<i>А. Э. Рудкоўская</i> Пакаленне Z і праблема фарміравання гістарычнай памяці.....	322
<i>А. Д. Рымашевский</i> Видеоигры как социально-культурный феномен: сущность и основные характеристики.....	325
<i>И. В. Сабирзянова</i> Турбулентность социальной динамики: аксиологический аспект.....	328
<i>В. А. Салеев</i> Нравственно-эстетические основания гуманитарной безопасности страны.....	331
<i>Н. С. Семенов</i> Субъект философии сегодня (краткие тезисы).....	334
<i>Т. Ю. Сидорина</i> Технический прогресс и антропологический кризис: гуманитарные вызовы цифровой эпохи.....	338
<i>И. К. Ставровский</i> Особенности эстетической программы газеты "Наша доля"	339
<i>Н. В. Струтинская</i> Визуальный текст в коммуникации цифрового общества	341
<i>Т. М. Тузова</i> Этика ответственности: о синергичности индивидуального и социального	343
<i>А. И. Федоров</i> Использование нейросети ChatGPT в процессе обучения: перспективы и опасности	346
<i>О. Р. Чугрина</i> Взаимодействие науки и религии в эпоху постмодернизма	348
<i>О. А. Shershnyova</i> Axiological potential of philosophical education.....	350
<i>Г. М. Шыманская</i> Метадалагічны патэнцыял этнаэкалагічных ідэй беларусаў	353
Круглый стол «Превращенные формы современной социальности: онтология, сущность, пути преодоления»	357

Т. И. Адуло Онтология превращенных форм социальности переходных исторических эпох	357
Н. А. Балаклеец Эскалация насилия: перспективы и границы	360
О. В. Беркова Эффективность метода моделирования в современной экономической науке	363
И. Н. Браницкая Обоснование построения новой системы развития социальных инноваций в белорусском обществе	366
А. С. Галанзовский Товар и массовое общество: опыт социологической рефлексии	369
Т. В. Жмакина Прототипические аргументативные модели в политике.....	372
В. А. Ксенофонов Прокси-война как современная угроза национальной безопасности в военной сфере.....	376
А. Ю. Опарин Affluenza ("болезнь изобилием") как превращенная форма современной социальности в условиях транскапитализма	379
В. Н. Семенова К вопросу о либертарианской утопии как превращенной форме социальности	382
Сведения об авторах	387

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси» является седьмой по счету и продолжает традицию ежегодных научно-практических форумов в стенах Института философии НАН Беларуси, приуроченных к Всемирному дню философии ЮНЕСКО. Целью ее является обсуждение и популяризация достижений интеллектуальной культуры Беларуси, а также стремление показать творческий потенциал ее философской, научной, морально-этической, педагогической, общественно-политической и эстетической мысли. Проблематика конференции 2023 года выявляет роль и место интеллектуальной культуры в обеспечении гуманитарной безопасности и устойчивого развития Республики Беларусь, что особенно важно для обеспечения адекватных социально-политических решений в условиях турбулентной социальной динамики современности. Для преодоления, купирования или минимизации информационных, экологических, социокультурных рисков и угроз необходимо находить пути, механизмы и формы укрепления духовной, культурной и гуманитарной безопасности общества.

Выбор подобной темы для конференции связан с тем, что кризисные процессы в современном мире как ничто иное актуализируют философские вопросы и проблемы бытия. Вместе с тем особую значимость приобретают вопросы современного междисциплинарного знания: интеллектуальная культура цифрового общества; культурно-цивилизационное и ценностно-эстетическое измерение интеллектуальной культуры; трансдисциплинарная стратегия исследования сложных социоприродных систем и современная наука как коэволюционирующие компоненты обеспечения гуманитарной безопасности и перехода к устойчивому развитию; этнофилософские основания интеллектуальной культуры Беларуси и их роль в укреплении гуманитарной безопасности.

Данная проблематика требует глубокого философско-теоретического анализа, осмысления их онтологических и гносеологических оснований, выявления их этико-аксиологических и социально-психологических аспектов. С этой целью в рамках конференции организован предметный диалог представителей научного сообщества, работников сферы культуры, образования, органов государственной власти и управления. Он

представлен на пленарном заседании, работе пяти секций: «Социодинамика, устойчивое развитие и гуманитарная безопасность в цифровую эпоху»; «Интеллектуальная история Беларуси и мировая философская мысль: национальный, евразийский, универсальный контексты»; «Философское и этико-эстетическое осмысление проблем культуры, науки, образования и воспитания в контексте обеспечения гуманитарной безопасности»; «Становление современной научной картины мира: трансдисциплинарный синтез, гуманитарный контекст»; «Концептуальное и проблемное поле, современные парадигмы религиоведения и философии религии». Представлено обсуждение узловых философских проблем современности на шести круглых столах: «Этические принципы применения биомедицинского знания»; «Беларусь и Китай в системе глобального партнерства»; «Вклад интеллектуалов в постконфликтное развитие: педагогика, философия, культура»; «Превращенные формы современной социальности: онтология, сущность, пути преодоления»; «Техно- и медиасфера общества как факторы социализации и воспитания подрастающего поколения: социально-философский анализ»; «Феномены мировой культуры (к юбилеям Ф. Кафки и А. Камю)» и интеллектуальной площадке «Молодая академия».

Полагаем, что публикуемые материалы станут существенным вкладом гуманитариев в теоретическое осмысление современных общественных процессов и разработку конкретных предложений по их дальнейшему безопасному и прогрессивному развитию.

Раздел 1 СОЦИОДИНАМИКА, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Амирова

Маргинализация является одной из наиболее опасных угроз, подрывающих стабильность и в целом состояние защищенности, безопасности личности, общества и государства. Негативный смысл маргинализации обусловлен тем, что она ведет к социальному неравенству, десоциализации, социальному аутсайдерству, что может создать почву для социальных конфликтов и беспорядков. Маргинализированные группы или сообщества являются потенциальными источниками радикализации и политической нестабильности в государстве, представляющими реальную угрозу, в том числе, и для гуманитарной безопасности. Этот вид безопасности обеспечивает состояние защищенности человека, общества и государства в гуманитарной сфере, к которой относятся такие вопросы, как защита прав и свобод человека, доступ к образованию, культуре, медицине, социальной помощи, занятости, трудоустройству и другие.

В этой связи изучение сущности и особенностей феномена маргинализации общества как одно из основных условий, способствующих дестабилизации социума, подрыву национальной безопасности, крайне востребовано.

Маргинализация (от лат. *marginalis* – находящийся на краю) – понятие, обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами, что накладывает определенный отпечаток на его психику. Иными словами, маргинализация – это процесс потери человеком социального статуса, или процесс его постепенной социальной деградации.

Философское понятие маргинальности характеризует специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им

господствующую парадигму мышления и, тем самым, довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры [1].

Более точно маргинализацию можно описать как процесс разрушения гражданского общества, проявляющийся в распаде социальных групп, разрыве традиционных связей между людьми, потере индивидами объективной принадлежности к той или иной социальной общности, извращении эстетических, этических, правовых, физиологических и иных общечеловеческих норм и ценностей, превращении людей в духовных и социальных люмпенов, полностью зависимых от непредсказуемых и бесконтрольных действий властей, демагогов и авантюристов [2]. Формирование у молодых людей маргинальности как устойчивой характеристики личности обусловлено своеобразной качественной системой их отношения к миру, себе, людям, в основе которой доминируют неприятие, отвержение, отчуждение и враждебность, а также факторами десоциализации значимых сфер жизнедеятельности, что в совокупности определяет экстремистскую активизацию личности, формирование ее экстремистской направленности [3, с. 138–156].

Наряду с этим, маргинализация приводит человека к такому состоянию как одиночество, асоциальность, социальному исключению, социальной изоляции. То есть социальная маргинализация способствует стигматизации (навешиванию социальных ярлыков), дискриминации и, как следствие, когда-то полноценная личность испытывает экзистенциальный кризис.

Маргинализация общества как сложный социальный феномен имеет разные формы. Можно выделить социально-экономическую и социально-культурную маргинализацию.

Социально-экономическая маргинализация охватывает широкий спектр социальных и экономических факторов, которые могут привести к изоляции и ограниченному участию индивидов или групп в общественной жизни. Данный процесс может включать в себя такие показатели как: низкий доход, безработицу, отсутствие и ограниченный доступ к образованию, медицинским услугам, жилищную нестабильность. Названные факторы взаимосвязаны между собой и в совокупности создают условия для маргинализации общества в целом. Тем самым лица, находящиеся в социальной изоляции, испытывающие дискриминацию, являются наиболее уязвимыми перед радикализацией и вовлечением в экстремистские группы.

Как отмечает М. Д. Напсо «расширение пространства маргинальности вызвано в первую очередь трудностями социально-экономического свойства, с которыми сталкивается практически каждый индивид. Низкий уровень благосостояния, отсутствие рабочих мест,

невозможность реализовать свой потенциал – профессиональный, человеческий, неостребованность на рынке труда квалификационных умений и дарований, глубокие социальные дистанции между стратами, проявляющиеся в том числе и в "контрастирующих" формах вознаграждения, и т. д. имеют своим объективным следствием расширение пространства маргинальности. Более того, эти процессы сопровождаются обострением морально-психологических негативных состояний, когда индивид ощущает себя вычеркнутым из жизни, брошенным на произвол судьбы» [4, с. 147–153].

Социально-культурная маргинализация. По мнению А. В. Кочеткова и В. А. Лукова «культурная маргинальность – это свойство определенных социальных групп ориентироваться в своих ценностных установках, образе жизни, демонстрируемых формах соблюдения правил поведения, ритуалов, культурных предпочтений одновременно на разные культурные системы и соответствующие ожидания социокультурного окружения в силу особого стечения жизненных обстоятельств, а именно – необходимости непосредственной и длительной связи с представителями других культур (феномены билингвизма, мезальянса, межрасовых и межнациональных браков, вовлеченность в миграционные потоки, торговый обмен с соседними странами и т. д.)» [5, с. 248–250].

Социально-культурная маргинализация прежде всего связана с кризисом идентичности, которая проявляется в разных формах: национально-культурной, языковой, религиозной, гражданской, социальной и других. Размытость, утрата культурной идентичности (затрудненность ответить на такие вопросы, как «Кто Я?», «Какой Я?», «С кем Я?») порождает чувство неопределенности человека – к какой группе он принадлежит, с кем себя ассоциирует, отождествляет. В результате возникает «пограничное» состояние между разными культурами, традициями, ценностями, или ситуация как «свой среди чужих» и «чужой среди своих». Культурная маргинальность, неопределенность в принадлежности к определенной культурной группе является одной из предпосылок утраты связи со своей семьей, обществом, родиной, в целом – национального, гражданского самосознания. Такая духовная, культурная дистанцированность, обособленность негативно влияет не только на индивида, но и на единство, целостность общества и государства, что представляет угрозу национальной безопасности страны.

Безусловно, маргинализация во всех своих проявлениях общества представляет серьезную угрозу безопасности личности, общества и государства, подрывает социально-политическую стабильность и социально-культурную целостность нации.

Для предупреждения маргинализации и ее негативных последствий необходим комплексный подход, включающий скоординированные усилия со стороны государства, общественных организаций и активного участия

самых граждан. Нейтрализация маргинальных проявлений в обществе должны включать следующие превентивные меры:

- устранение факторов, способствующих дискриминации и неравенству;
- создание конкурентоспособной экономики и новых рабочих мест;
- развитие социальных программ, адресной социальной помощи уязвимым слоям населения, в частности, маргинализированным группам;
- продвижение культурной инклюзивности и уважения к разнообразию культур;
- создание условий для диалога и участия маргинализированных групп в политической общественной жизни.

Литература и источники

1. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/444.php. – Дата доступа: 07.09.2023.
2. Маргинализация [Электронный ресурс] // Wikipedia – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 05.09.2023.
3. Исаева, Э. Маргинализация сознания в современном мире / Э. Исаева, А. Р. Сутаева // Развитие личности. – 2017. – № 2. – С. 138–156.
4. Напсо, М. Д. Маргинальность как форма социального аутсайдерства / М. Д. Напсо // Социодинамика. – 2016. – № 3. – С. 147–153.
5. Кочетков, А. В. Культурная маргинальность / А. В. Кочетков, В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 4. – С. 248–250.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В СОСТАВЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ

М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич

Экономика инновационного типа, опирающаяся на новейшие передовые технологии, не может развиваться без современной науки, кадровый потенциал которой по своим количественным и качественным параметрам в полной мере отвечает требованиям постиндустриального развития. В этой связи перед нашей страной стоит задача формирования кадрового потенциала научно-инновационной сферы нового качества и мирового уровня. Особое внимание должно быть уделено его интеллектуальному ядру – научным кадрам высшей квалификации – докторам и кандидатам наук. И это вполне обоснованно, так как одной из важных характеристик кадрового потенциала науки является его квалификационная структура – удельный вес докторов и кандидатов наук в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки. Именно этот показатель отражает качественный уровень

кадрового потенциала науки и его конкурентоспособность.

По состоянию на конец 2021 г. численность научных работников высшей квалификации в белорусской науке составила 3172 чел (548 докторов наук и 2624 кандидата наук). За период 2015–2021 гг. численность докторов наук сократилась на 15,4%, а кандидатов наук на 7,0% [1]. При этом за рассматриваемый период численность докторов наук в области социально-экономических и общественных наук уменьшилась на 24,5% с 49 человек в 2015 г. до 37 человек в 2021 г.; в области естественных наук – на 22,3% с 274 человек в 2015 г. до 213 в 2020 г.; в области медицинских наук – на 17,0% с 88 человек в 2015 г. до 73 в 2021 г. И только в области сельскохозяйственных наук за этот период отмечен рост численности докторов наук с 42 человек в 2015 г. до 45 в 2021 г., или на 7,1% [1].

Анализ динамики численности кандидатов наук по областям наук за период 2015–2020 гг. показывает, что в отличие от докторов наук она имеет в целом положительный тренд. Так, за период 2015–2021 гг. на 15,6% выросла численность кандидатов наук в области гуманитарных наук – с 192 человек в 2015 г. до 222 в 2021 г.; в области социально-экономических и общественных наук – на 16,9% с 249 человек в 2015 г. до 291 в 2020 г.; в области сельскохозяйственных наук – на 1,7% с 292 человек в 2015 г. до 297 в 2021 г. Однако в ряде ключевых областей наук наблюдалось существенное сокращение численности кандидатов наук. Так, численность кандидатов наук в области медицинских наук сократилась с 364 человек в 2015 г. до 226 в 2021 г., или на 37,9%; в области естественных наук – с 1052 человек в 2015 г. до 923 в 2021 г., или на 12,3%; в области технических наук – с 673 человек в 2015 г. до 665 в 2021 г., или на 1,7% [2; 3].

Такая отрицательная динамика численности докторов и кандидатов наук негативно сказалась на динамике удельного веса исследователей высшей квалификации в общей численности исследователей. Так, если в 2015 г. удельный вес исследователей высшей квалификации в общей численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, составил 13,3%, то в 2021 г. – 12,5%. При этом удельный вес докторов наук в общей численности исследователей сократился за 2015–2021 гг. на 0,4 п. п., а кандидатов наук – на 0,5 п. п.

Динамика удельного веса исследователей высшей квалификации в общей численности исследователей по областям науки за период 2015–2021 гг. представлена следующим образом. В области гуманитарных наук удельный вес докторов наук в общей численности исследователей за этот период снизился на 2,1 п. п. – с 12,0% в 2015 г. до 10,1% в 2020 г. Аналогичная картина наблюдается и в области естественных наук, где удельный вес докторов наук в общей численности исследователей снизился на 1,7 п. п. – с 8,0% в 2015 г. до 6,3% в 2021 г., а также в области

социально-экономических и общественных наук, где удельный вес докторов наук в общей численности исследователей снизился на 0,6 п. п. – с 4,1% в 2015 г. до 3,5% в 2021 г. На этом фоне выделяются медицинские науки, где удельный вес докторов наук в общей численности исследователей вырос на 0,5 п. п. – с 8,5% в 2015 г. до 9,0% в 2021 г. [2; 3].

За рассматриваемый период отраслевая квалификационная структура исследователей по удельному весу кандидатов наук в общей численности исследователей также изменилась не в лучшую сторону. Так, существенное сокращение удельного веса кандидатов наук в общей численности исследователей наблюдалось в области медицинских наук – на 7,4 п. п., естественных наук – на 3,1 п. п., сельскохозяйственных наук – на 1,1 п. п. Удельный вес кандидатов наук в области гуманитарных и технических наук остался на прежнем уровне. И только в области социально-экономических и общественных наук удельный вес кандидатов наук вырос на 6,4 п.п. [2; 3].

Приведенные данные о состоянии квалификационной структуры исследователей в разрезе областей науки свидетельствуют о необходимости принятия неотложных мер по повышению удельного веса докторов и кандидатов наук в общей численности исследователей по ключевым для национальной экономики областям науки. Особенно в этом плане следует выделить технические науки. Так, если на 100 исследователей по состоянию на 1 января 2022 г. в области естественных наук приходилось 6,3 доктора и 27,4 кандидата наук, в области медицинских наук – 9,0 докторов и 27,9 кандидатов наук, то в области технических наук – всего 1,3 доктора и 6,9 кандидатов наук. Последнее в значительной мере затрудняет решение основной задачи науки в Беларуси – обеспечение ускоренного развития наукоемких производств и достижение технологического суверенитета.

Одним из важнейших условий и предпосылок инновационного развития национальной науки являются наличие в кадровом потенциале научной сферы рационального соотношения исследователей высшей квалификации молодого, среднего и старшего возрастов. В этой связи следует отметить, что в возрастной структуре докторов наук, занятых в научной сфере, в последнее время стали наблюдаться положительные сдвиги. Так, за период 2015–2021 гг. доля докторов наук до 39 лет в общей численности исследователей выросла с 0,3% в 2015 г. до 0,4% на конец 2021 г., а доля возрастной группы 40–49 лет с 2,8% до 6,3% (почти в два раза – с 18 человек в 2015 г. до 34 на конец 2021 г.). Это стало следствием устойчивого роста численности молодых кандидатов наук в 2010–2015 гг. Последнее позволило сформировать весомую социальную базу роста численности докторов наук возрастной группы 40–49 лет в последующее пятилетие. Однако следует отметить, что продолжается рост доли докторов наук старше 70 лет (с 37,3% в 2015 г. до 50,5% в 2022 г.). В целом

к концу 2021 г. доктора наук старше 60 лет составляли 82,4% от общей численности докторов наук, занятых в научной сфере (в 2015 г. – 79,6%) [2; 3].

Анализ показывает, что за период 2015–2021 гг. по сравнению с периодом 2010–2015 гг. возрастная структура кандидатов наук по многим показателям ухудшилась. Прежде всего следует отметить весомое сокращение по сравнению с 2015 г. численности кандидатов наук в возрасте до 29 лет (с 66 человек до 23, или на 65,2%), а также возрастной группы 30–39 лет (с 603 человек до 467, или на 22,6%). Тем самым за период 2015–2021 гг. утрачен стабильный для периода 2010–2015 гг. рост доли кандидатов наук в возрасте до 29 лет и возрастной группы 30–39 лет в общей численности кандидатов наук. Так, если в 2015 г. доля кандидатов наук в возрасте до 29 лет составляла в общей численности кандидатов наук 2,3%, то на конец 2021 г. – 0,9%. Продолжает уменьшаться также доля кандидатов наук возрастной группы 30–39 лет с 21,4% в 2015 г. до 17,8% на конец 2021 г. [2; 3]. Этот негативный тренд может остановить развитие наметившегося в период 2015–2021 гг. процесс омоложения докторского корпуса белорусской науки. В результате снижения численности кандидатов наук в возрасте до 29 лет и возрастных групп 30–39 лет наиболее продуктивные для научной деятельности возрастные группы докторов наук лишаются кадровой подпитки и теряют критическую массу, необходимую для своего динамичного роста.

В заключение следует отметить, что позитивное решение накопившихся кадровых проблем в белорусской науке возможно при условии принятия комплекса государственных мер по совершенствованию кадровой и социальной политики в научной сфере, создания эффективной системы отбора и подготовки высококвалифицированных научных кадров, а также выработки эффективных социально-экономических механизмов привлечения и закрепления молодых талантливых ученых в научных организациях.

Литература и источники

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2021 года: Аналитический доклад / Под ред. С. В. Шлычкова, В. Г. Гусакова. – Минск : ГУ «БелИСА», 2022. – 330 с.
2. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2021 году: стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 115 с.
3. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году: стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 145 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

А. А. Бекдербек

Развитие любого общества и государства определяется многими факторами – как материальными, так и гуманитарными, в том числе идеологическими, основу которых составляют цели, ценности, идеалы.

Сама идеология имеет разнообразные формы. Одна из них политическая идеология, которая играет ключевую роль в обеспечении безопасности общества и государства. Политическая идеология служит для целевой и идейной ориентации политического поведения человека и общества, включает в себя идеи, ценности и убеждения, которые связывают общество и создают общий набор принципов. Она тесно связана с формированием и институционализацией идей нации и национального государства, способна выражать образ внешнего или внутреннего противника [1, с. 377].

Политическая идеология выполняет множество функций, среди которых можно выделить следующие:

– идеология служит средством объединения нации вокруг общих ценностей и идей. Это способствует созданию стабильности и единства общества, что является важным элементом национальной безопасности. Единое, сплоченное общество более устойчиво к различным угрозам, таким как внутренние конфликты или экстремизм;

– укрепление моральных и этических ценностей в обществе. Это помогает поддерживать закон и порядок, содействуя тем самым национальной безопасности;

– идеология может использоваться для создания образа внешнего врага, что может мобилизовать общество и укрепить его единство. Этот аспект идеологии может быть полезным при защите национальных интересов и безопасности от внешних угроз.

Сегодня в мире наблюдается активная конкурентная борьба между государствами за мировое и региональное господство, выражающееся, в том числе, в идеологическом противостоянии. Если конкуренция на идеологическом поле будет проиграна страной, политические проблемы, вместе с идеологическими, неизбежно переместятся внутрь страны, что неизбежно серьезнейшим образом отразится и на национальной безопасности. В этой связи сегодня требуется серьезное переосмысление взаимосвязи идеологии и национальной безопасности. Многие эксперты отождествляют основную задачу национальной безопасности в области идеологической составляющей с задачей защиты национальных ценностей [2, с. 9].

Значимость политической идеологии в обеспечении и укреплении

безопасности государств можно проследить на историческом опыте. Так, идеологическую основу бывшего Советского Союза составляла революционная теория – учение марксизма-ленинизма. Оно открывало историческую перспективу, вооружало целями и идейными средствами борьбы, сплачивало массы и цементировало их единство во главе с авангардом – коммунистическими и рабочими партиями [3, с. 24]. Вместе с тем разрушение Советского Союза началось именно с деидеологизации, с эрозии ценностей коммунистического общества.

Пример Китая также свидетельствует, что его экономический подъем и развитие оборонного потенциала напрямую связаны с трансформацией идейно-ценностных основ. На XII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 1982 г. была разработана комплексная программа модернизации КНР и стратегия реформ с теорией «строительства социализма с китайской спецификой». Понимая необходимость глубокой перестройки в сознании людей, Дэн Сяопин призывал к широкой общественной дискуссии о путях подъема экономики [4, с. 107]. Отказываясь от традиционного мышления, идеологи страны видели возрождение Китая через обновление «культуры», через развитие «правильной идеологии» у китайцев – к созданию «правильного» общественного устройства.

Сегодня можем заметить, что Председатель Компартии Китая Си Цзиньпин, являясь преемником политического и экономического курсов Дэн Сяопина, в вопросах обеспечения безопасности и стабильности Поднебесной обращает особое внимание на ценностно-идеологические устои китайского общества. Об этом свидетельствует название доклада, с которым на XX съезде КПК выступил руководитель КНР, подчеркнуто выдержанного в лучших традициях китайского революционного нарратива: «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» [5].

Общенациональная идеология США разумного либерализма воспитывает каждого американца с детских лет в духе высочайшего патриотизма и побуждает к деятельности на благо народа, в том числе и свое личное [6, с. 223]. Такие идеологические ценности, как демократия, права человека и свободы, являясь основой американской национальной идеологии, ориентируют стратегию национальной безопасности США и определяют, какие цели и интересы должны защищаться. Так, Стратегия национальной безопасности президента Джо Байдена намерена реализовывать и защищать демократические ценности, лежащие в основе американского образа жизни [7, с. 7]. Идеино-ценностный пласт американского общества, выступая в роли «мягкой силы», способствовал созданию военных и политических союзов на основе общих ценностей и интересов. Ярким примером такой консолидации является

Североатлантический Альянс (НАТО).

Резюмируя, уместно привести слова известного американского философа Уильяма Эрнеста Хокинга о том, что «идеология – это могучая, иногда незаметная сила, формирующая наши взгляды и поведение». В этой связи политическая идеология – это квинтэссенция безопасности и стабильности любого государства, обеспечивающая ее поступательное развитие, а ее отсутствие ставит под угрозу существование общества. По этой причине поддержание и развитие духовных ценностей в обществе должны стать главными задачами политики государственной власти.

Литература и источники

1. Гаджиев, К. С. Политология: учебник для высших учебных заведений / К. С. Гаджиев. – М. : Университетская книга, Логос, 2006. – 488 с.
2. Андреев, А. П. Идеология в рамках национальной безопасности / А. П. Андреев // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. Информационно-аналитический журнал. – 2015. – № 3. – С. 9–15.
3. Волкогонов, Д. А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д. А. Волкогонов. – М. : Воениздат, 1983. – 288 с.
4. Модернизация Китая и Казахстан: монография / Н. А. Алдабек, П. Е. Бектурганова, А. Е. Сериккалиева, Д. Дауен, М. Асыл; отв. ред.-сост. П. Е. Бектурганова. – Алматы : Қазак Университеті, 2014. – 348 с.
5. Зуенко, И. XX съезд Компартии Китая: основные итоги [Электронный ресурс] / И. Зуенко // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khkh-sezd-kompartii-kitaya-osnovnye-itogi/>. – Дата доступа: 08.09.2023.
6. Джуманова, Г. Ж. Национальная идея как фактор модернизации общества: зарубежный и отечественный опыт / Г. Ж. Джуманова // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. – 2019. – № 2 (68). – С. 220–230.
7. National security strategy of USA [Electronic resource] // The White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf>. – Date of access: 10.09.2023.

ФЕНОМЕН ПРИРОДОСООБРАЗНОГО ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Г. В. Болбас

Происходящие цивилизационные изменения актуализируют вопросы формирования гармоничных отношений человека и окружающего мира. Антропоцентризм и техноцентризм, утверждающие приоритет человека и его творений, обусловили нарушение равновесия в системе «человек – природа», что грозит серьезными проблемами для человечества, требует реагирования и разрешения. Впрочем, такие последствия свойственны

любому «центризму», смещающему в силу своей функциональной природы фокус на один из элементов системы. Лишь в одном случае баланс сохраняется: если мы сосредотачиваемся, «центрируемся» не на элементе, а на связи между элементами.

Такого рода связь и потенциал развития социоприродного единства транслируют идеи природосообразного воспитания. Эволюционирующие долгое время в педагогической науке через согласование процесса формирования личности с объектами живой и неживой природы (космос, человек, естественная природа, культура, общество и др.) идеи все чаще резонируют в рамках коэволюционной парадигмы научного знания. Таким образом, природосообразное воспитание определяется как направление педагогической теории и практики, основанное прежде всего на безусловном приоритете гармонизации отношений человека со средой его жизнедеятельности через глубокое познание и следование законам окружающей природы и социобиодуховной природы человека.

Важно отметить, что основоположник природосообразного воспитания, чешский педагог Я. А. Коменский, движимый в своем творчестве пансофическими идеями, именно в таком смысле понимал рассматриваемый феномен. Однако интерпретация его идей в эпоху Просвещения с характерным для этого времени пристальным интересом прежде всего к естественнонаучному знанию подменила приоритет формирования гармоничных отношений со средой согласованием воспитания с законами естественного природного мира. Идея природосообразности была воспринята не в контексте взглядов мыслителя, а в контексте ценностей исторической эпохи. Более того, немецкий педагог А. Дистервег несколько позже попытался «проверить алгеброй гармонию», что привело к появлению принципа природосообразности как сообразности с природой человека и принципа культуросообразности, требующего учета имеющегося социально-культурного опыта воспитанника и условий среды его развития и формирования. Данный подход несколько отдалил от понимания природосообразного воспитания в его многомерности и философской глубине.

Идеи природосообразного воспитания в условиях современного социокультурного пространства более чем актуальны, так как заключают в себе возможности транслирования взаимосвязи и взаимозависимости человека и окружающей среды, развития чувства принадлежности миру и ответственности за его состояние, формирования коэволюционного природосообразного мышления, природоохранного и здоровьесберегающего поведения. Такие задачи выступают приоритетными в условиях неопределенности, нестабильности среды и вызванных ими поисков путей устойчивого развития. Опора на законы окружающей среды (естественной, искусственной) и законы природы человека не является исчерпывающей и самоценной в реализации задач

природосообразного воспитания, однако представляет важнейшее и необходимое условие данного процесса.

Переход на путь устойчивого развития требует актуализации и решения вопросов формирования природосообразного мышления и поведения как в контексте мирового, так и регионального пространства. Согласимся с А. И. Зеленковым, что в данном случае следует объединить усилия народов и наций и, сохраняя их этнонациональную специфику, «сформировать идеал социоприродного единства и взаимообусловленности» [1, с. 560]. В историческом наследии каждого народа имеется опыт взаимодействия с природой.

Традиционная педагогическая культура белорусов также аккумулирует в себе традиции и обычаи, регламентирующие отношения человека с природным и социальным миром. Кроме того, белорусский народ отличается более тесной связью с природой и, по мнению М. А. Можейко, традиции его национального искусства «могут быть с полным правом отнесены к экофильным» [1, с. 210]. Непосредственно свойства национального менталитета и характера белорусов обуславливают внутреннюю потребность народа в контакте с природным миром и предрасположенность к гармоничным отношениям с окружающей средой. Зачастую это объясняется устойчивостью языческих традиций, пантеистических и анимистических представлений, характеризующихся обожествлением и одушевлением объектов и явлений природного мира. Также природно-географическая среда долгое время определяла для белорусов приоритет сельскохозяйственной деятельности и крестьянского образа жизни, что во многом требовало их подчинения законам природы.

Таким образом, идеи природосообразного воспитания органичны белорусской ментальности и пронизывают традиционную педагогическую культуру, что усиливает их возможности в реализации задач устойчивого развития. Более того, традиция, в том числе педагогическая, как способ сохранения накопленного опыта, в силу своей нормативно-стабилизирующей функции также способствует устойчивому развитию в условиях нестабильности и неопределенности.

Литература и источники

1. Антология экологической мысли. Восточные славяне / Науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск : Харвест, 2003. – 656 с.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ГЛОБАЛЬНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов

Сегодня человеческая цивилизация развивается под существенным влиянием макромасштабных, многоплановых и внутренне противоречивых интеграционных глобальных процессов [11, с. 3–15], направленных на формирование единой общественно-техноприроднокосмической системы. Современные глобальные процессы чуть более десяти лет развиваются под влиянием цифровизации, где ключевая роль принадлежит не только персональным компьютерам и сети Интернет, но также целому ряду инновационных технологий 4.0 (большие данные, блокчейн, искусственный интеллект, роботы и многие иные). Новые возможности несут разрабатываемые на принципах открытости и децентрализации интернет-технологии Web 3.0. Развитие следующего поколения Web 4.0 направлено на усиление интеграции виртуальных и реальных объектов, что создает еще более существенные возможности для развития экономики и образования. Осенью 2022 г. был запущен проект чат-бота от технологической компании OpenAI ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer). Весной 2023 г. стала доступна новая версия GPT-4, способная взаимодействовать в режиме диалога с достаточно широким спектром возможностей от ответов на вопросы до написания кода. Технологические новинки наряду с интересом вызвали крайне серьезные опасения по поводу безопасности. Фактически речь идет о новой эпохе цивилизационного развития, что «требует переосмысления многих правовых вопросов» [7; 10, с. 75–87].

Противоречивая динамика в развитии глобальных процессов способствует не только усилению старых, но и появлению новых планетарных вызовов, связанных с внедрением инновационных технологий (цифровые милитаризация, контроль, неравенство, разжигание нетерпимости, недружественный искусственный интеллект и др.) [3; 4]. В контексте цифровой трансформации вызовами являются неосведомленность о цифровых технологиях и их потенциальных рисках, недоступность технологий, недостаточный уровень цифровой грамотности среди всех заинтересованных сторон.

Упомянутые выше противоречия в развитии глобальных цифровых процессов 4.0 требуют эффективного поиска путей правового урегулирования [9; 10]. Некоторые шаги в этом направлении были предприняты в рамках Организации Объединенных Наций (ООН). Однако, приходится признать, что регулирование цифровой глобализации 4.0 в значительной мере отстает от потребностей общественного развития. Оно

представлено в основном устаревшими и рекомендательными нормами в области устойчивого развития, информационного права и прав человека, а также этическими нормами [5; 6].

Разрабатываемый в настоящее время при участии всех заинтересованных сторон (от правительств и технологических компаний до научных кругов и частных лиц) Глобальный цифровой договор должен быть принят в сентябре 2024 г. в рамках Саммита будущего высокого уровня ООН на тему «Многосторонние решения для лучшего завтра», инициированного для разработки новой повестки по вопросам мира и глобальной безопасности. Глобальный цифровой договор заявлен как направленный на формирование «открытого, свободного и безопасного цифрового будущего для всех», включая урегулирование вопросов цифровой связи, прав человека в Интернете, использования данных и повышения безопасности Интернета через противодействие дискриминации и введению в заблуждение. Не оспаривая важность упомянутых вопросов, отметим, что фактически речь идет в основном о технологиях предыдущего поколения 3.0, урегулирование которых приблизит решение, но не решит глобальных вызовов 4.0. Полагаем, что перспективы урегулирования новых вызовов глобальной безопасности, связанных с внедрением цифровых технологий 4.0, следует формировать на основе концепции глобальных цифровых прав человека [1; 2; 12].

Таким образом, ключевыми трендами развития человеческой цивилизации являются глобальные цифровые, макромасштабные, многоплановые и внутренне противоречивые интеграционные процессы. Глобальные процессы объективно направлены на формирование единой общественно-техноприроднокосмической системы, но их разбалансированность и неурегулированность предопределяет негативные последствия планетарного масштаба [3; 4]. Глобальные негативные последствия планетарного масштаба в сфере общественно-техноприроднокосмических взаимодействий (вызовы, проблемы, риски, угрозы и кризисы) чреваты прекращением существования человеческой цивилизации и требуют совместных усилий для их недопущения, прекращения, преодоления и урегулирования.

Не основанное на правах человека экономическое развитие и внедрение цифровых технологий ведет к усилению старых и появлению новых глобальных вызовов 4.0, как минимум, некоторые из которых препятствуют устойчивому развитию и угрожают существованию цивилизации. Формируемые сегодня на доктринальном уровне цифровые права человека призваны обеспечить доступ каждому не только к информации и Интернету, но и к инновационным цифровым технологиям, что будет способствовать осуществлению возможности пользования соответствующими благами в интересах развития личности и устойчивого управляемого развития глобального общества. Это новое, требующее

правового закрепления и реализации, четвертое поколение прав человека, отражающее их эволюцию в контексте цифровой глобализации 4.0 [1; 2].

Глобальные цифровые права человека – это принадлежащие каждому от рождения и закрепляемые в формах глобального права возможности доступа к цифровым технологиям 4.0, реализация которых приведет к пользованию общественно-техноприроднокосмическими благами в интересах развития и самореализации личности. Для этого на международном уровне в рамках ООН необходимо принять Конвенцию о глобальных цифровых правах человека [1; 2].

В итоге правовое закрепление и реализация цифровых прав человека является важным фактором обеспечения устойчивого развития и глобальной гуманитарной безопасности в современную эпоху [8].

Литература и источники

1. Бурьянов, М. С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации: монография / С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов; под науч. ред. С. А. Бурьянова. – М. : РУСАЙНС, 2022. – 148 с.
2. Бурьянов, М. С. Цифровые права человека как условие эффективного участия России и других государств-участников евразийского экономического союза в цифровизации 4.0 / М. С. Бурьянов // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2021. – № 2 (56). – С. 83–90.
3. Бурьянов, С. А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития / С. А. Бурьянов // Век глобализации. – 2019. – № 4. – С. 129–142.
4. Бурьянов, С. А. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький // Государство и право. – 2019. – № 8. – С. 95–100.
5. Епифанов, А. Е. Теоретические аспекты воздействия законности на правовое поведение личности / А. Е. Епифанов, Е. Л. Кдлян. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 208 с.
6. Епифанов, А. Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) / А. Е. Епифанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 14–20.
7. Комарова, В. В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста / В. В. Комарова // Образование и право. – 2022. – № 2. – С. 38–46.
8. Кроткова, Н. В. Круглый стол: Права человека и стратегия устойчивого развития / Н. В. Кроткова // Государство и право. – 1998. – № 11. – С. 103–119.
9. Павленко, Е. М. Влияние деформаций правового сознания на формирование правовой культуры и культуры прав человека / Е. М. Павленко // Российское государствоведение. – 2016. – № 2. – С. 15–27.
10. Полякова, Т. А. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации / Т. А. Полякова,

А. В. Минбалеев, Н. В. Кроткова // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 75–87.

11. Чумаков, А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы / А. Н. Чумаков // Век глобализации. – 2018. – № 4 (28). – С. 3–15.

12. Dowd, R. The Birth of Digital Human Rights. Digitized Data Governance as a Human Rights Issue in the EU / R. Dowd. – Springer Nature Switzerland AG, 2022. – 274 p.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИАСФЕРЕ: ТРЕНДЫ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

М. А. Вальковский

Информационно-коммуникационная революция, дигитализация, стремительное развитие и использование искусственного интеллекта (термин ИИ применяем как зонтичный, обозначающий ряд технологий), в том числе в медиасфере, привели к кардинальным изменениям в структуре глобальной медиасистемы, формированию социальных проблем нового уровня сложности.

Так, «зависимость человека (и человечества) от владельцев технологий и цифровых данных достигла критической отметки» [1, с. 61], а «их частные решения напрямую влияют на средства к существованию, взаимодействия и даже образ мыслей миллиардов людей по всему миру» [2].

ИИ стал причиной ряда трансформаций в медиасфере, одновременно быстро осваивая новые ниши и парадигмы.

При интерпретации тех или иных аспектов ИИ как феномена в фокус внимания исследователей неизменно попадают процессы создания им контента по запросу. Ведь основным элементом модели реальности в большинстве формаций является информация, а также способ ее создания и получения, анализа, потребления и инсталлирования в картину мира человека. Отмечается, что «автоматизируя производство новостей, ИИ может создавать большое количество контента в ограниченное время», а также «анализировать потребности аудитории и увеличивать ее вовлеченность в контент» [3].

Таким образом, ИИ становится важнейшим фактором, определяющим то, как живет социум, во что верит, к чему стремится, чего хочет – и что готов сделать, чтобы этого достичь, т. е. инструментом изменения реальности.

В условиях непрекращающегося технологического развития ИИ вопросы использования его в самых чувствительных отраслях, в том числе медиа, приобретают особую значимость.

Можно отметить минимум три из них.

Во-первых, осмысление социальных и социокультурных эффектов, потенциальных угроз и конфликтов при реализации возможностей ИИ в медиасфере. В первую очередь демонтажа существующих этических норм, протоколов информационной безопасности и реагирования на фейки.

Очевидно, что даже к неожиданным проявлениям возможностей тех или иных нейросетей / чат-ботов удастся адаптироваться, пусть и весьма высокой ценой. Главное, конечно, чтобы весь накопленный опыт такой адаптации был должным образом систематизирован, проанализирован и учтен.

Во-вторых, достижение консенсуса в отношении, что приемлемо и целесообразно в использовании ИИ в медиа, с учетом того, что каждая страна имеет свои особенности, чувствительные темы. Пожалуй, общее, что всех объединяет – понимание степени риска при намеренном искажении контента ИИ, в условиях правоотношений, которые четко не отрегулированы трансформирующимися нормативными рамками.

В-третьих, определение направлений применения ИИ в медиа и потенциальных препятствий в этом процессе.

Очевидно, что ИИ дает в распоряжение редакции огромное количество опций, и, соответственно, конкурентных преимуществ. Уже зарекомендовал себя в качестве автора материалов, как инструмент для повышения эффективности работы журналиста и редакции: упростил или заменил многие рутинные задачи в медиа (мониторинг информационного пространства, подбор источников и фактуры, автоматизированный перевод текстов, поиск справочной информации, генерацию текстов / оперативных заметок, подбор и категоризацию иллюстраций / видеоматериалов по топикам и геолокации, анализ пользовательских комментариев, верификацию и фактчекинг, дистрибуцию и т. д.). Эти его способности будут развиваться и совершенствоваться.

В ближайшей перспективе ожидается массовое внедрение технологий персонализации новостных лент и автоматизированной генерации текстов. Будут продолжены попытки генерации телеведущих при помощи нейросети.

Следует ожидать, что ИИ даст не просто повышение эффективности работы журналистов, но кардинально изменит журналистику, как род человеческой деятельности, общественный институт, который требует от акторов исполнения социально-значимых ролей.

В этом, наверное, и состоит его принципиальное отличие от остальных инструментов, которые получили журналисты в ходе информационно-коммуникационной революции.

Можно предположить формирование полной зависимости медиаструктур от ИИ. Причем чем более разветвленной и устойчивой будет становиться система человек-машина, тем сложнее будет

регулировать или трансформировать ее.

Практически все медиаструктуры заинтересованы использовать ИИ, задействовать его возможности, однако процессы внедрения идут скорее спонтанно, чем синхронно и массово.

Среди рисков внедрения технологии, свидетельствуют результаты исследования практик и перспектив использования ИИ в российской сфере медиа и коммуникаций, проведенного Ассоциацией электронных коммуникаций, НИУ ВШЭ и факультетом журналистики МГУ, одним из главных указан разрыв между крупным медиабизнесом и небольшими компаниями, которым недоступны инвестиции в инновационный бизнес и мощную аппаратную поддержку. Нехватка средств и опыта, недостаточная квалификация сотрудников также названы как барьеры и препятствия внедрения ИИ в медиакоммуникационные практики [4].

Таким образом, финансовый параметр определит сегрегацию медиаструктур, степень использования ими ИИ.

Социальным измерением ИИ станет заметное обесценивание навыков и умений журналистов, уже наметившийся тренд на снижение числа занятых: ИИ заменяет сотрудников СМИ. Например, медиаконцерн Axel Springer сообщил о намерении сократить 200 журналистов (издания Bild, Die Welt) – их функционал будет выполнять нейросеть: издатель стремился увеличить доходы и перейти к тому, чтобы стать «чисто цифровой медиакомпанией».

И здесь возникает самый главный вопрос: можно ли рассматривать AI-driven журналистику как журналистику в принципе? Однозначного ответа на него на данной стадии применения ИИ нет.

Вместе с тем, возможности ИИ ограничены в сфере межличностных коммуникаций, и, очевидно, в распознавании нюансов контекста, креативе, критическом мышлении, понимании важности темы и, тем более, нюансов редакционной политики. Скорее всего, не стоит ожидать от ИИ генерации новых идей и решений – это навсегда останется прерогативой человека. Как и риски, связанные с ответственным принятием профессиональных решений журналистами и руководителями медиа.

Так что роль и значимость человеческого интеллекта в журналистике (как и в ряде других сфер) в эпоху искусственного интеллекта будет в значительной степени определяться тем, что машины не смогут делать.

Обнадеживает то, что останутся области журналистского труда, где заменить человека сложно, и даже, наверное, принципиально невозможно. Речь идет о получении информации непосредственно от людей. Ведь журналисты не просто пассивные сборщики информации, которым можно давать задания и направлять их; в процессе интервью они могут задавать новые вопросы, которые не предполагались заранее, влиять на течение беседы.

Но ограничительные рамки будут смещаться: мы должны быть

готовы к тому, что предел возможностей машин будет увеличиваться с огромной скоростью, и ИИ будет осваивать и занимать новые ниши на рынке журналистского труда.

Оптимальной видится коллаборация ИИ и человека – создание единой среды креативности и творчества с четким распределением ролей и функционала акторов.

С прицелом на это следует переосмысливать набор компетенций, необходимых журналисту, а также программы подготовки и переподготовки, направленные, в том числе, на получение навыков эффективного взаимодействия с ИИ.

Литература и источники

1. Шилина, М. Г. Big data и цифровая датификация как техносоциальный феномен. К вопросу формирования научно-теоретической рамки исследования / М. Г. Шилина // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 60–65.
2. Bremmer, I. The Next Global Superpower Isn't Who You Think [Electronic resource] / Ian Bremmer // Foreign Policy Magazine. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2023/06/17/china-russia-us-multipolar-world-technology/>. – Date of access: 05.07.2023.
3. Искусственный интеллект в журналистике и медиа [Электронный ресурс] // Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <https://www.journ.msu.ru/about/news/40808/>. – Дата доступа: 06.08.2023.
4. Гребенников, С. Искусственный интеллект в медиа и коммуникациях. Практики российского медиабизнеса [Электронный ресурс] / С. Гребенников // Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). – Режим доступа: <https://raec.ru/live/branch/14034/>. – Дата доступа: 08.08.2023.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ КАК УГРОЗА ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СЕТЕВЫЕ МЕДИА

В. Н. Ватыль

Устойчивое национальное развитие Беларуси неразрывно связано с формированием определенного восприятия исторического прошлого ее гражданами. Историческая память как фокус прошлого является важнейшим ресурсом сохранения исторической преемственности поколений, значимым механизмом социальной коммуникации в обществе, неотъемлемой частью социально-политической идентичности страны, стратегическим элементом определения перспектив для ее дальнейшего развития.

В условиях кризиса неолиберального тренда глобализации и обозначившегося перехода к модели миропорядка на многополюсной платформе, статус и роль многофакторного влияния исторической памяти

резко возрастает. Влияния как позитивного, так и негативного. Модусом негативного влияния исторической памяти на социально-политическую жизнь выступает ее манипулятивный потенциал. О разнообразных формах и широко используемых практиках его применения убедительно свидетельствуют, прежде всего, новые СМИ – сетевые медиа. Объектом данного доклада станет феномен исторической памяти в сетевых медиа, предметом – манипулирование исторической памятью как угроза гуманитарной безопасности Республики Беларусь, целью – выявление устойчивых элементов и динамики функционала исторической памяти в контексте глобальных гуманитарных вызовов и угроз.

В преломлении к заданной теме, историческая память представляет собой социокультурно обусловленный феномен, который состоит из совокупности представлений о прошлом и проявляется в различных формах, дифференцированных в зависимости от специфики мнемического субъекта (индивидуальная и коллективная память) и способа передачи информации (коммуникативная и культурная память). В современных условиях в структуре информационной передачи исторической памяти определяющее место занимают сетевые медиа. Они представляют нынешнюю практику информационно-коммуникативного и личностного действия, поведения и общения, техническими трансляторами которого выступают различные цифровые платформы – блоги, форумы, Telegram-каналы, мессенджеры. С их помощью осуществляется манипулирование исторической памятью. Манипулирование понимается нами как тот вид информационно-психологического воздействия, которое преднамеренно ведет к деформациям сознания человека и общества и создает угрозы для гуманитарной безопасности государства. Угроза определяется как реально существующая опасность нанесения вреда национальным интересам Республики Беларусь. Национальные интересы понимаются как объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении безопасности и устойчивом развитии, а гуманитарная безопасность трактуется как защита традиционных для страны духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. К таковым ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство национальностей и конфессий страны.

Сложные и неоднозначные процессы перехода к многополюсной структуре современного мира ведут к тому, что молодые независимые государства сталкиваются с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ценностей и устойчивых исторических ориентиров.

Активное насаждение группой стран, исповедующих неолиберальный путь развития, чуждых духовных ценностей и социальных идеалов, грубое навязывание, без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений, реформ в сфере образования, науки, религии, языка и инфодеятельности, приводит к усилению разобщенности поколений и поляризации настроений и интересов формирующихся независимых социумов, разрушают фундамент культурного суверенитета и гуманитарной безопасности, подрывают основы политической стабильности и национальной государственности. Фронтально нарастающие акции по фальсификации мировой и белорусской истории, искажение исторической правды и уничтожение исторической памяти широко применяются в сетевых медиа.

Сетевые медиа, как продукт глобальных технологических трансформаций, для заинтересованных структур, групп и лиц являются эффективным инструментом управления образами прошлого и конструирования исторической медиапамяти. Медиапамять можно определить как цифровую систему хранения, производства, преобразования и распространения информации о прошлом, с помощью которой можно предоставлять и распространять формы и практики репрезентации истории в пространстве повседневности, увеличивать количество создающих и потребляющих мемориальных контент. Медиапамяти присущи две особенности: 1) образы прошлого интенсивно производятся поколениями, непосредственно не принимавшими участие во вспоминаемых событиях; 2) производство медиапамяти опирается на аргументационные системы постправды, в которых субъективная оценка всегда превалирует над объективными данными. Характер такой оценки чаще всего является эмоциональным и негативным, что выступает залогом ее быстрого / вирусного распространения. Негатив контента проявляется в эмоциях гнева, возмущения, ненависти, тесно связан с языком вражды, что легко превращает его в орудие мемориальных войн.

В манипулировании исторической памятью чаще всего применяются такие формы, как: 1) исторический фейк; 2) исторический интернет-мем. Исторический фейк, являющийся разновидностью интернет-фейка, представляет собой фальсификацию исторического события либо исторического источника в интернете. Типичным примером исторического фейка сегодня являются неблагоприятные попытки фальсификации роли СССР в разгроме гитлеровской Германии во Второй мировой войне и реабилитации геноцида нацистов против мирного населения на оккупированной территории БССР в Великой Отечественной войне. Исторический фейк можно охарактеризовать как интернет-контент, эксплуатирующий образы прошлого в целях внедрения в коллективную память исторического знания, искажающего представления об истории и содержащего ложную информацию. Исторический фейк представлен в

современном медиапространстве во всех доступных форматах. Производство исторического фейка подчинено цели подкрепления исторической самоидентификации интересанта и разрушения исторической самоидентификации оппонента-мишени.

Исторический интернет-мем – это инструмент сетевой коммуникации, передающий информацию в виде текста, картинки, графики, видеоматериала, содержащую в себе историю об объекте, которую она представляет, несущую в себе определенный смысл и имеющую значение для субъекта, который использует ее в качестве эмоционально окрашенного сообщения. В нем особо значим механизм трансляции информации, учитывающий когнитивные, семантические, эмоциональные и аксиологические потребности интернет-пользователей, вынужденных в условиях информационной перегрузки и дефицита времени, быстро реагировать на изменения повестки дня. Исторические интернет-мемы являются эффективным способом формирования упрощенных, мифологизированных представлений. Меминг политики памяти позволяет любому актору политической жизни решать задачи по созданию «заданной» исторической памяти, определять идентичность собственной группы и консолидировать ее, мобилизовать на решения поставленных задач, разворачивать мемориальные войны. Формат мемов позволяет интернет-пользователям давать любую интерпретацию исторических событий, соответствующую мировоззренческим и политическим целям, не намереваясь следовать правилам исторической объективности, опираясь на анализ исторических источников и научной литературы. Мемы эффективно влияют на процесс восприятия аудиторией нового смысла исторических событий, которые они им передают, превращают историю в элемент коммуникационного противостояния, а также информационного давления и манипулирования.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

С. В. Воробьева

Актуальность проблем, связанных с социальной инженерией (СИ), обусловлена поиском путей обеспечения информационной безопасности и противодействия угрозам информационной войны. Цифровая среда трансформировала форматы коммуникации, облегчила способы доступа к получению нужной информации, активизировала методы воздействия на человека. По этой причине методологически важно раскрыть сущность СИ в контексте эпистемологических вызовов цифровой эпохи.

СИ представляет собой проективную деятельность по преобразованию различных аспектов жизни в соответствии с

изменяющимися условиями и новыми возможностями. Ее необходимо рассматривать как дополнение к социально-философским теориям, основанным на исторической необходимости [1]. Переход к цифровой эпохе вызвал кардинальные трансформации в СИ. В методологическом контексте это означает поворот от реализма к номинализму, от деятельности, обусловленной исторической необходимостью, к деятельности проективной, координирующей многоплановые действия и ограниченной во времени и пространстве целью и результатом.

СИ связана с проективной логикой, поэтому все изъяны этой логики становятся источниками эпистемологических вызовов. Указанная логика разрабатывается на основе проективной функции языка, связанной с действием (Дж. Серль, Д. Вандервекен, П. Стросон), значит, с прогнозированием. Эпистемологическая сущность прогнозирования проявляется комбинированием объяснения в форме гипотез (оснований, предпосылок, допущений и пр.) и, собственно, прогноза в форме выводимых из гипотез логических следствий (заключений). Из-за неполноты предшествующих описаний языковая семантика такого следования (например, «произойдет» или «случится») неопределенна, а в случае принятия решений рискованна. Если в объяснительных моделях гипотезы направлены на прояснение известных фактов, то в прогностических речь идет о неизвестных явлениях или событиях. Значит, выводимые следствия зависят от приемлемости гипотез и характера их имплицативной связи. В отличие от материальной импликации, основанной на экстенциональных особенностях высказываний, т. е. их содержательной неполноте, релевантная импликация основана на смысловой связи между гипотетическими конструкциями и выводимыми из них прогнозами. Такова идеальная модель проективной логики, формализующей деятельность агентов в условиях многообразия, поэтому являющейся логикой знания и времени (Г. Х. фон Вригт, Я. Хинтиikka).

Антиномический характер СИ в цифровой среде обусловлен позитивными и негативными аспектами использования информационно-коммуникационных технологий. Основанием эпистемологического подхода в СИ выступает необходимость реализации проективной функции языка, или проективной деятельности мышления. Согласно К. Попперу, человек должен «продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность», опираясь на собственный разум, «чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу» [1, с. 248]. Однако эпистемологические вызовы цифровой эпохи указывают на обратное: моделью разума становится клиповое мышление, для которого мир представляет собой мозаику фактов, связанных случайным образом в практиках номадизма [2]; риторика становится цифровой, значит, экстерриториальной, осложняющей привязку к контексту [3].

Значение территории, или пространства, обусловлено

необходимостью проектирования индивидом большинства аспектов своей личности, связанных с проектированием ощущения времени. Речь идет о пространственно-временном континууме, в зависимости от которого человек воспринимает мир. Возникающие затруднения вызваны отсутствием символических систем, необходимых для отделения того, что произошло, что происходит и что произойдет. Как результат, сложность идентификации самих себя заключается в невозможности понять, «где начинаются и заканчиваются границы "себя"», «какой вид и качество границ» имеет индивид и его мышление [4, с. 135]. Кроме того, снижается роль «интеллектуальных конструкторов как эффективных инструментов социальной инженерии», которые позволяют «расширить понимание масштабов, механизмов и закономерностей их воздействия на преобразования в обществе и государстве» [5, с. 237].

Ключевыми механизмами проектирования служат риторические механизмы как инструмент построения личного и публичного пространства. Идея подобных механизмов, восходящая к античной риторике, концептуально была редуцирована Аристотелем к трехэлементной структуре – этос, пафос, логос, – раскрываемой в конкретной ситуации (*кайрос*), которая трактуется как подходящий момент. Конкретная ситуация определяет доминирование только одного элемента и уход на задний план остальных элементов – доверия к оратору как источнику информации (этоса), экзистенциальной настроенности аудитории (пафоса) или фактов и логической аргументации (логоса).

Цифровую риторику генерируют информационно-коммуникационные технологии, ускоряющие и расширяющие циркуляцию идей, текстов и дискурсивных практик во времени и пространстве. Новые технологии обеспечивают ресурсы, посредством которых можно относительно легко и быстро выразить свои взгляды и мысли или попасть под воздействие чужих. Цифровая риторика, распространяемая через медиатексты и перестроенная с позиции гипертекста, мультимодальна, т. е. обладает несколькими режимами, методами или условиями информационного воздействия: в ней комбинируются письменные тексты, изображения, видео, аудио. Как результат, проектируя себя в системе виртуального общения, индивид оставляет в сети большое количество информации о себе, не имея четких представлений о личном и публичном пространствах. Автономия индивида, как подчеркнула Н. Бойм, становится все более ограниченной ожиданием того, что он «может быть доступным для связи в любое время, в любом месте» и будет обязан «дать надлежащий и своевременный ответ» [6, р. 4].

В отличие от концепции К. Поппера СИ в цифровых условиях смещает свою направленность против личности и ее безопасности. Это стало возможным благодаря клиповому мышлению, склонному к самообману, и цифровой риторике, модифицировавшей проективные

техники СИ в соответствии со структурой компетенций человека как объекта «взлома». К таким техникам относятся фишинг, вишинг (или телефонный фишинг), претекстинг, «троянский конь», вымогатель, «кто вместо кого» (*qui pro quo*), «дорожное яблоко», обратная СИ. Риторические стратегии «взлома» объекта манипуляции основаны на его доступности и готовности к ответу, а также на четком различении способов воздействия, направленных на формирование доверия к источнику информации, апеллирующих к базовым эмоциям – страху, жадности или эмпатии – или обращающихся к фактической аргументации.

Таким образом, эпистемологические вызовы СИ в цифровую эпоху связаны с клиповым мышлением и цифровой риторикой. Если техники СИ, направленные на проектирование себя и используемые в образовательных процессах, являются методами критического мышления, то техники, разрабатываемые с целью манипуляций, – являются методами информационной войны против личности и государства в целом.

Литература и источники

1. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М. : «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1. – 448 с.
2. Воробьева, С. В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики нонмадизма и пограничные состояния / С. В. Воробьева // Феномен границы в глобализирующемся мире : сб. науч. статей. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 121–124.
3. Воробьева, С. В. Сетевая идентичность и социальная эпистемология: диалектика экстерриториальности и территориальности / С. В. Воробьева // Женщины-ученые Беларуси и России : материалы Международной научно-практической конференции. – Минск : БГУ, 2021. – С. 41–48.
4. Холл, Л. М. Структура личности. Моделирование личности с помощью НЛП и нейросемантики / Л. М. Холл [и др.]. – М. : «КСП+», 2003. – 608 с.
5. Равочкин, Н. Н. Идея как инструмент социальной инженерии: философский анализ / Н. Н. Равочкин // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 237–255.
6. Baym, N. K. Personal Connection in the Digital Age / N. K. Baym. – Malden, MA : Polity Press, 2015. – 196 p.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. А. Ганус

Вопросы профориентации и трудоустройства несовершеннолетних представляются актуальными и затрагивают разных участников данной сферы [5]. Это подростки, работодатели, ученые, которые изучают различные аспекты данной проблемы, и государство со своими

институтами, которое прямо заинтересованно в эффективном урегулировании упомянутых отношений [4]. Актуальность данной проблематики значительно усиливается в условиях глобальных цифровых процессов и вызовов 4.0 [1].

Проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части вопросов регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет» подготовлен осенью 2022 г. в целях совершенствования трудового законодательства в части возможности совмещения получения образования и трудовой деятельности молодежи, а также в соответствии с планом мероприятий по реализации Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 3581-р. По мнению авторов законопроекта, «первая работа для подростка – это возможность получить первый трудовой опыт, начать распоряжаться первыми личными доходами, а также профориентация – помощь найти подходящую профессию для его дальнейшего развития и становления как личности».

В научной литературе профессиональная ориентация определяется как определенный комплекс взаимосвязанных экономических, педагогических, психологических, социальных и медицинских мероприятий, направленных на определение и формирование профессионального призвания, выявления особых интересов, способностей, пригодности и прочих факторов, влияющих на выбор работы или на смену рода деятельности или профессии. Для выявления профессионального таланта человека к определенному виду деятельности были созданы и широко распространены в школах среди старших классов психологические электронные тесты. Также аналогичные психологические электронные тесты проводят центры трудоустройства [10].

Несовершеннолетних интересует труд в первую очередь как возможность самоутвердиться и приобретение хоть и незначительной, но самостоятельности от родителей, с помощью зарабатывания небольших сумм денег. И к сожалению, лишь во вторую очередь, труд воспринимается как возможность для дальнейшего выбора будущей профессии и др. значимых человеческих и профессиональных качеств.

Для трудоустройства несовершеннолетние используют различные доступные способы, например, через существующие молодежные центры, которые подыскивают подросткам работу исходя из существующих возможностей [8]. Как правило, вакансии для несовершеннолетних не требуют высокой квалификации, что делает их недостаточно престижными. Но найти даже такие вакансии для несовершеннолетних часто очень сложно, т. к. работодатели имеют малый интерес в труде подростков из-за различных трудностей по организации труда для подростков [9].

В столице профильные ведомства работают не только с профессиональной ориентацией несовершеннолетних, но и с их дальнейшим трудоустройством. Для их эффективного решения развивают программы ранней профориентации и оказывают помощь в предоставлении рабочих мест для несовершеннолетних. Профильными государственными органами, предоставляющими услуги ранней профориентации и трудоустройства являются: Департамент труда и социальной защиты населения г. Москвы и подведомственные ему Государственное казенное учреждение г. Москвы Центр занятости населения города Москвы (далее – ГКУ ЦЗН) и Государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Моя карьера» (далее – ГБУ МК), а также – Департамент образования и науки г. Москвы.

На базе Государственного бюджетного учреждения г. Москвы «Моя карьера» реализуются тематические программы, направленные на содействие трудоустройству и профессиональной ориентации несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Содержание этих программ составляется с учетом того факта, что ситуация с трудоустройством подростков была достаточно напряженной и в доковидный период, а объективные условия рынка труда, сложившиеся в последние два года, внести существенные коррективы в формы работы Государственного бюджетного учреждения г. Москвы «Моя карьера». Например, стала очень популярна дистанционная работа с помощью инновационных технологий [3].

Но несмотря на это, центр «Моя карьера» на постоянной основе организует привлечение ответственных работодателей, готовых официально оформить трудоустройство несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет. Предложение рабочих рук несовершеннолетних на рынке труда всегда многократно превышало их спрос. Это обусловлено существенными ограничениями по видам деятельности и специфическими требованиями к кадровому оформлению подростков. Подросткам традиционно предлагаются такие вакансии как: курьеры, промоутеры, официанты, хостесы, мерчандайзеры, помощники менеджеров, офис-менеджеры, озеленители, брошюровщики, сканировщики, оператор ввода данных (операторы ПК), помощники архивариуса, расклейщики объявлений, консультанты торгового зала, копирайтеры и др. Средний уровень заработной платы подростков варьируется от 15 до 20 тыс. рублей в месяц при условии частичной занятости (от 4 до 7 часов в день). Основная часть работодателей при этом по-прежнему обозначают необходимость личного присутствия подростка на рабочем месте. Несмотря на имеющиеся сложности, сотрудники центра «Моя карьера» продолжают поиск подходящих вакансий для подростков, таких как: курьеры без финансового расчета с клиентами, доставка продуктов питания населению (при учете допустимой нагрузки по весу для

несовершеннолетних), брошюровщик, сканировщик, оператор ПК (ввода данных), копирайтер и др.

Главной целью проектов является формирование у подрастающего поколения ответственного отношения к своей жизни и будущему города.

Цифровые и коммуникационные технологии также изменили характер работы: они позволяют работникам проявлять большую гибкость – как в вопросе новых рабочих мест, так и достижения баланса между работой и учебой. Примером могут служить некоторые подростки, зарабатывающие в социальных сетях, наиболее активен этот процесс в Tik Tok. По заказу «Лаборатории Касперского» кампания Online Interviewer в 2021 г. провела исследование, в котором приняли участие 500 российских родителей и их детей школьного и дошкольного возраста. Результаты социальных опросов показывают, что 82% детей, сидя в интернете, чаще всего смотрят видео и читают посты блогеров, а 18% детей следят за блогерами и их жизнью постоянно. Чаще детей интересуют темы, связанные с компьютерными играми – 50%, музыкой – 25% и игрушками – 15%, а 10% опрошенных интересуются челленджами – это видео или социальные посты, в которых блогер выполняет задания своих подписчиков. На основании исследования, 10% родителей не знают, смотрит ли их ребенок за жизнью какого-либо блогера, некоторые родители вообще не хотели бы, чтобы их дети когда-нибудь стали блогерами, в то время как 23% не против, чтобы их ребенок стал популярным блогером, но только когда достигнет определенного возраста, а еще 18% не против, чтобы их ребенок стал блогером и в детском возрасте – при условии, если ребенку будет обеспечена достаточная оплата данного вида деятельности [2].

В качестве вывода отметим, что профориентация и трудоустройство несовершеннолетних требует научно обоснованных и инновационных решений, что позволит избежать отставания и многих проблем, включая нарушения прав человека, в цифровом будущем [7]. Особо подчеркнем необходимость грамотного использования глобальных цифровых технологий 4.0 с учетом приоритета прав человека [11; 12].

Для устранения препятствий в вопросе трудоустройства несовершеннолетних на фоне влияния глобальных интеграционных процессов потребуется увеличить не только ресурсы для решения данной задачи, а также систематизировать совместную деятельность различных институтов власти и организаций. Для того, чтобы работодатели были заинтересованы в принятии на работу несовершеннолетних, нужна мотивация в виде введения различных льгот по уплате налогов и сборов, как, например, для работников, имеющих ограничения по состоянию здоровья [6]. В итоге это будет содействовать уменьшению негативных последствий глобальных цифровых технологий 4.0 и преодолению глобальных вызовов социальной справедливости [2].

Литература и источники

1. Бурьянов, С. А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития / С. А. Бурьянов // Век глобализации. – 2019. – № 4 (32). – С. 129–142.
2. Бурьянов, С. А. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький // Государство и право. – 2019. – № 8. – С. 95–100.
3. Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С. А. Бурьянова, А. И. Кривенького. – М. : МГПУ, 2019. – Кн. II. – 276 с.
4. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / Под ред. Ф. М. Рудинского. – Волгоград, 2004. – 452 с.
5. Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): коллективная монография: в 2-х кн. / Под общ. ред. С. А. Бурьянова, А. И. Кривенького. – М. : МГПУ, 2019. – Кн. I. – 200 с.
6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в городе Москве, о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина в 2021 году [Электронный ресурс] // Уполномоченный по правам человека в г. Москве. – Режим доступа: <https://ombudsman.mos.ru/Deyatelnost/Doklady>. – Дата доступа: 07.08.2023.
7. Епифанов, А. Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) / А. Е. Епифанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 14–20.
8. Организация профориентационной работы в общеобразовательных учреждениях. – Ч. 2. – Брянск, 1999. – С. 13–16.
9. Павленко, Е. М. Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и прав человека в Российской Федерации / Е. М. Павленко. – М. : Права человека, 2016. – 216 с.
10. Самостоятельная профессиональная ориентация / Под общ. ред. В. Д. Рожкова. – СПб. : ООО «Фортекс», 2002. – 136 с.
11. Burianov, M. Here's why we need a Declaration of Global Digital Human Rights [Electronic resource] / M. Burianov // World Economic Forum. – Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/here-s-why-we-need-a-declaration-of-global-digital-human-rights/>. – Date of access: 07.08.2023.
12. UNDESA World Social Report 2021 [Electronic resource] // United Nations. – Mode of access: <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2021-2.html>. – Date of access: 07.08.2023.

СТРАТЕГИЯ ДОСТАТОЧНОГО РАЗВИТИЯ ПАВЛА ВОДОПЬЯНОВА

А. Н. Данилов

Начало XXI века в мире характеризуется глобальной нестабильностью, новыми вызовами и рисками. Фиксируется снижение активности экологических протестов, продолжается загрязнение окружающей среды, экспоненциальный рост численности населения, истощение природных ресурсов и недостаток жизненного пространства, появление ранее неизвестных болезней, таких как Covid-19, увеличивается неравенство и др. Вновь возобновилась гонка вооружений, образцы новой техники создаются на принципиально новой технологической основе, не всегда учитывающие экологические последствия, обостряется борьба за ресурсы в ущерб экологии. В поисках ответа на новые вызовы и угрозы белорусским ученым, философом Павлом Александровичем Водопьяновым предложена стратегия достаточного развития. Суть этой стратегии и ее обоснование он изложил в своей новой монографии «На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего» (Минск, Беларуская навука, 2023) [1]. В этой книге П. А. Водопьяновым намечены пути нового вектора социально-экономической перспективы на основе его согласования с законами эволюции биосферы, раскрыты закономерности сохранения природных экосистем и биосферы в целом, обозначена целесообразность разработки экологобезопасных технологий и утверждения нового гуманизма как необходимого условия достижения безопасного будущего.

П. А. Водопьянов в своей новой работе выдвигает и обосновывает стратегию достаточного развития. В частности он утверждает, что «ранее господствующий подход основывался на стремлении к безальтернативному планированию будущего, на прогнозировании того, каким это будущее должно быть и в какие сроки достигнуто. На практике это означало попытку навязать естественно-историческому развитию общества искусственно-рациональный проект, подчинить жизнь заранее заданной схеме, строить будущее на основе изначально принятого плана, подобно тому, как это имеет место при осуществлении конкретных мероприятий. В этом заключается сугубо технократический подход к анализу социальных процессов, приведший к негативным явлениям в жизни современного общества» [1, с. 423]. Ученый считает, что встраивание человека в природное окружение, подчинение его законам природы, поиск путей преодоления новых вызовов и рисков, обусловленных негативными последствиями достижений науки и техники, определяют основные направления коэволюционной стратегии достаточного развития. Реализация стратегии достаточного развития

связана с осуществлением чрезвычайных и непопулярных мер. Это:

- регулирование численности населения;
- снижение индустриального давления на биосферу за счет внедрения природоподобных технологий;
- экономное использование природных ресурсов, их замена искусственными; повышение производительности ресурсов за счет внедрения новых технологий;
- использование альтернативных источников энергии вместо энергии, получаемой от углеводородного топлива;
- изменение вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами природы;
- формирование нравственности нового типа и нового гуманизма;
- переход к эпохе «Нового Просвещения» на основе экологического сознания и мышления;
- коллективные действия по охране окружающей среды.

П. А. Водопьянов утверждает, что «проблема выживания человечества непосредственно связана с сохранением среды обитания, от которой зависит рационально продуманная стратегия и тактика человеческой деятельности, основанной на изменении поведения человека в природе. Данная стратегия, в свою очередь, связана с радикальным пересмотром сложившегося мировоззрения, изменением ценностных ориентаций по отношению человека к природе» [1, с. 419]. Готовы ли мы сегодня принять эту стратегию – покажет время, но прислушаться к мнению известного ученого следует обязательно.

Построение будущего основано на осмыслении позитивных достижений опыта прошлого, на преодолении негативных явлений человеческой деятельности, на выявлении нравственных ориентиров, определяемых самой природой. При этом ценностно-духовные ориентации являются основанием определения социально-экономического развития той или иной страны и всего мирового сообщества. Современное информационное общество оказывает огромное влияние на основы человеческой нравственности, духовный мир человека. Вот почему, как отмечает ученый, действенным инструментом противодействия этим негативным тенденциям выступает философское мировоззрение, направленное на формирование объективной и целостной картины социальной реальности. Одна из важнейших перспектив развития базовых, мировоззренческих основ общества должна быть связана с возвращением способности осознать смыслы и возможности человеческого бытия как сложной целостной системы, ответственной за развитие жизни в едином комплексе мироздания.

Не случайно на обложку своей книги ученый вынес пророческие слова: «Я не пророк...и склонен больше с оптимизмом смотреть в будущее, с верой в то, что человечество найдет адекватные ответы на

новые вызовы времени. Мною движет искреннее желание помочь людям открыть глаза на глобальные проблемы человечества, задуматься о своей личной ответственности за будущее Планеты, сделать реальные практические шаги по недопущению глобальной экологической катастрофы. Мы уже стоим на краю пропасти... Прошу понять меня правильно, ибо завтра уже может быть поздно. Созидание будущего будет зависеть от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления» [1, обложка].

Литература и источники

1. Водопьянов, П. А. На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего / П. А. Водопьянов ; Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2023. – 469 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

М. А. Дедюлина

В условиях применения цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности общества возрастает проблема исследования, как цифровые системы в форме больших данных, цифровых алгоритмов влияют на бытие человека и общество. В последнее время повсеместное использование вышеперечисленных технологий приводит к стремлению многих государств присвоить своим гражданам социальные рейтинги.

Большинством ученых социальный рейтинг понимается как система оценки деятельности граждан по определенным параметрам, которые собираются из интернета при помощи технологии анализа больших данных, предполагающая наделение субъектов теми или иными привилегиями в зависимости уровня в рейтинге.

Впервые технологии социального рейтинга стали использовать в Китае в начале этого века. Во всем мире к этой системе относятся по-разному. Одни ученые называют эту систему техноавторитаризмом, другие полагают, что скоро ее будут использовать большинство стран в мире в качестве средства для строительства правового государства в условиях повсеместного внедрения цифровых технологий [1].

В нашем исследовании изучим эту проблему с точки зрения того, что в ней закладывается механизм доверия между государством как социальным институтам и гражданами. В Китае эта система предлагается коммунистической партией для своих граждан. Под ней подразумевается дефиниция «чэнсинь», которая с китайского переводится как «надежность», «честность», «неподкупность», «искренность».

Фактически в Китае эта система доверия реализуется в следующих принципах:

- *чжэнсин* 徵信 (кредитоспособность);
- *гонгси гонгсинь* 司法公信 (правоприменение в суде);
- *shangwu chengxin* 商务诚信 (коммерческая надежность);
- *shehui chengxin* 社会诚信 (социальная надежность);
- *чжэнву чэнсин* 政务诚信 (честность правительства) и т. д. [2].

Система социального контроля была впервые использована в Китае, опираясь на традиции, которые можно проследить до периода «воюющих царств» в древнекитайской истории и философии. Достаточно вспомнить такие конкурирующие между собой школы как конфуцианство, легизм и моизм.

Все вышеперечисленные школы оказали влияние на систему управления в государстве первой императорской династии Цинь (221–206 гг. до н. э.). Именно внутри этой династии в имперской бюрократии применялась меритократическая система оценки и продвижения по службе, чтобы создать хорошо функционирующее китайское государство. Можно утверждать, что это была элементарная «система социального кредита», хотя она применялась только к государственным служащим и без точного «балла».

Так в трактате «Шэнь-цзы» Хань Шэнь Бухаем (400–337 гг. до н. э.) были описаны специфические технологии управления, опирающиеся на принципы недеяния и невидимости. Система власти Шэнь опиралась на следующие принципы: четкое распределение функций чиновников, субординацию, иерархичность и возможность использовать различные источники информации при приеме человека на должность. Бухай считал неприемлемым подход Конфуция при подборе сотрудников, опирающийся на рекомендации. Им была разработана система «Син Мин», в которой была заложена система найма, контроля и аттестации в работе чиновников [3].

Система управления Бухая позже была развита Чэнь Цюном (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). В эпоху Троецарствия он ввел «Девять рангов». Потом в 605 г. н. э. появилась система государственных экзаменов, названная «Кэцзюй» [3]. Данная система получения государственных чинов постоянно совершенствовалась. Уникальность ее заключалась в том, что она боролась с коррупцией во всех ее проявлениях. В связи с этим чиновников периодически перемещали из одного населенного пункта в другой. В последующем эта система стала использоваться на всех уровнях власти и по территориальному признаку. Во всех населенных пунктах: уездных, столичных, провинциальных проводились экзамены на профпригодность чиновника. На экзамене писали сочинение и проверялся уровень знаний в сфере классической филологии, философии и истории.

Эту систему возродили как один из способов получения возможности работать чиновником в XX веке. В современном Китае этот экзамен называют «Гокао» («экзамены на государственную должность») (公务员考试). В Китае сегодня госслужбу называют «золотой миской риса» (金饭碗), подразумевая многочисленные привилегии и возможности обогатиться, распоряжаясь вверенным властным ресурсом.

По этой причине, на наш взгляд, критика европейскими учеными социального рейтинга, введенного в Китае с 2014 г., неуместна – это продолжение традиции, которая формировалась столетиями.

Если провести параллели с Россией, то сегодня в вопросе применения социального рейтинга идут дебаты. Однако в некоторых регионах уже сейчас тестируются пилотные проекты. А если заглянуть в историю государственной службы России, то подобная система у нас тоже существовала вплоть до распада Российской Империи в качестве «Табеля о рангах». Эта система позволила поднять социальный статус подданным России, не принадлежащим по происхождению к привилегированным сословиями, создать в России систему социальных лифтов.

Идею создания социального рейтинга сегодня рассматривают во многих странах мира как возможность поиска интеллектуалов. Конечно, можно в ней найти и негативные моменты, но, на наш взгляд, она находится только в стадии формирования. Ведь когда Петр I впервые ввел «Табель о рангах», то у него тоже было много критиков, но в последующем эта система показала свою эффективность в течение почти 200 лет.

Литература и источники

1. Овчинников, А. И. Правовое стимулирование общественного развития и активности правосознания с помощью рейтинга в Китае / А. И. Овчинников, А. С. Конопий // Труды Института государства и права РАН. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 58–78.
2. Marianne von Blomberg. The Internet is Truly God's Gift to China / Marianne von Blomberg // Mapping China Journal. – 2018. – № 2. – P. 78–112.
3. Кокуева, Ж. М. Оценка государственных служащих в Древнем Китае / Ж. М. Кокуева, Л. В. Алехина // Competency (Russia). – 2020. – № 2. – С. 44–47.

СТАТУС ТЕХНИКИ С ПОЗИЦИИ ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИИ

Д. Г. Доброродный

Жизнедеятельность современного человека осуществляется в технически насыщенной среде. На работе, во время учебы или в повседневной жизни мы ежедневно пользуемся техникой, мы понимаем, что становимся зависимы от технических устройств и современных

технологий, но отказаться от благ, которые несет нам технический прогресс не представляется возможным. Техника всегда играла значимую роль в становлении человеческой цивилизации, значение техники исторически постоянно возрастало, что позволило говорить о становлении, начиная с эпохи Возрождения, особого типа общества – техногенного, или техногенной цивилизации [1].

Тем не менее на современном этапе постоянное ускорение технического прогресса заставляет вновь задуматься о статусе технических объектов в жизни человека и общества, о роли техники в социальной динамике, о рисках и перспективах, которые открывает технический прогресс для человечества. Специфика современного этапа связана не только с ростом количественных показателей (количеством технических устройств, их разнообразия, стоимости и т. п.), но и с появлением новых функциональных возможностей технических объектов, которые позволяют им обретать определенную автономность, активно участвовать в социальных коммуникациях в качестве актора или агента. Происходящие изменения требуют дополнительного философского осмысления системы отношений «человек-техника». Одной из таких попыток философской рефлексии над проблемами взаимоотношений человека с техникой в современных реалиях является постфеноменология [2; 3].

Постфеноменология рассматривает технику в качестве посредника, «медиатора», между человеком как субъектом и миром, при этом посредника, имеющего онтологический статус и влияющего на представления о мире и на деятельность человека [4]. Постфеноменологи Д. Айди и Р. Розенбергер выделяют четыре основные формы опосредования в системе «человек-техника-мир»:

– воплощение («embodiment relation»), когда техника является продолжением человеческой телесности, средством улучшения работы органов чувств (очки, слуховой аппарат), повышающим эффективность взаимодействия человека с миром;

– герменевтическое отношение («hermeneutic relation»), когда техника позволяет нам познавать, считывать смыслы, взаимодействовать с миром, замещая собой объекты и процессы непосредственно нам недоступные (часы, термометр, прогноз погоды);

– техника как «квазидругой» («alterity relation»), который воспринимается нами как объективная сущность, с которой можно взаимодействовать для достижения определенной цели (голосовой помощник и любая другая система с искусственным интеллектом, персонаж компьютерной игры и т. п.);

– техника как неосознаваемый фон и среда существования («background relation»), когда техника опосредует, обеспечивает существование человека, но он даже об этом не задумывается (система вентиляции и климат-контроль, отопление и холодильник).

Постоянный технический прогресс и появление все более сложных устройств позволяют говорить о еще одной форме взаимодействия – практически полное слияние, неразрывное единство человека и техники («cyborg, immersion, fusion relation»), когда импланты и искусственные органы становятся частью человеческого тела, а система умный дом самостоятельно подстраивается под потребности личности.

Постфеноменология помогает нам осознать, насколько тесно современный человек связан с техникой, насколько его представления о мире, его социальная активность и практическая деятельность определяются не только его сознанием и волей, но и возможностью использовать технические устройства. В этой связи важно понимать, в какой степени отношения человека с миром и другими людьми технически опосредованы, что именно техника добавляет или искажает в этих отношениях. Отдельного внимания заслуживает феномен прямого взаимодействия человека с техническим объектом – носителем искусственного интеллекта, когда человек вступает в коммуникацию с таким объектом или встречается с ним в социальной практике, может воспринимать его как равного участника диалога, такого же социального актора, например, автономного участника дорожного движения.

Таким образом, постфеноменология предлагает интересный ракурс философского осмысления статуса техники в жизни современного человека и общества. Такой подход обладает большим эвристическим потенциалом в сфере решения самых актуальных вопросов современной социальной динамики.

Литература и источники

1. Новиков, В. Т. Техногенная цивилизация: концептуальные основания и тенденции динамики / В. Т. Новиков, О. В. Новикова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2018. – № 3. – С. 58–63.
2. Rosenberger, R. Postphenomenological Investigations: Essays on Human-Technology Relations / R. Rosenberger, P.-P. Verbeek. – Lanham, MD : Lexington Books, 2015. – 282 p.
3. Aagaard, J. Postphenomenological Methodologies: New Ways in Mediating Techno-Human Relationships / J. Aagaard, J. Kyrre, B. Friis, J. Sorenson, O. Tafdrup, C. Hasse. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2018. – 296 p.
4. Верещако, А. И. Саморасширение и квазидругой как фундаментальные понятия постфеноменологической стратегии философии техники / А. И. Верещако // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – № 1. – С. 15–19.

ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ И ЦИФРОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Р. Н. Дождикова

Исторически обыденное познание предшествует научному познанию. «Зародышевые формы научного познания возникли в недрах и на основе... обыденного познания, а затем отпочковались от него» [1, с. 45]. Однако в дальнейшем наука, научная рациональность и созданные на их основе технологии оказывают обратное воздействие на обыденное познание, что ведет к трансформации его субъекта, объекта, средств и способов обыденной познавательной деятельности [2, с. 7–14]. В современном цифровом обществе происходит своеобразное расширение и переформатирование объекта обыденного познания за счет виртуальной реальности и возможностей интернета, оцифровки информации, книг, документов и т. д. «По образу и подобию машины» меняется и упрощается субъект обыденного познания, интеллектуальный багаж, кругозор, языковое поле которого сужается, вследствие постепенной утраты интереса к книжной культуре и формирования клипового мышления [3, с. 32].

Трансформации субъекта обыденного познания связаны с появлением так называемого цифрового человека (*Homo Digital*), программы поведения и общения которого задаются социальными сетями, смарт-реальностью, интернетом. Можно сказать, что трансформации обусловлены «сращиванием», своеобразной интеграцией современного субъекта обыденного познания с умными гаджетами, техническими нейросетями. Когда подобная интеграция нарушается, вследствие утраты умных гаджетов, возникает так называемый «синдром ампутации», о котором заявляют современные психологи и врачи. Субъект обыденного познания испытывает «синдром отмены», который можно даже сравнить с ломкой наркомана. «Возникает феномен "виртуального Я", и некоторые люди начинают предпочитать обычной жизни жизнь в киберпространстве, что приводит к феномену "размытой идентичности" или "полиидентичности". В этой связи диахроническое и синхроническое единство сознания оказывается под угрозой» [4, с. 21]. Происходит «технологическое расширение сознания» [5, с. 84] субъекта обыденного познания, изменяется его способ мышления.

Всеобщая цифровизация приводит к тому, что человеку даже думать не надо, умные гаджеты сами делают выбор за него, что ему смотреть, чем заняться в сети. Умные гаджеты анализируют предпочтения человека, а сам он перестает анализировать ситуацию. Просто идет по предложенной сноске. Но так ли это хорошо, что «человеку даже и думать не надо»? То, что не работает, деградирует. Это касается и мышц человека, и его интеллектуальных сил [2, с. 11]. Расширяются, дополняются и

трансформируются средства обыденного познания. Так, в качестве средства обыденного познания может выступать смартфон, компьютер, ноутбук, планшет, электронная книга, активно используются возможности искусственного интеллекта. В то же время возможности собственного интеллекта и даже собственных органов чувств используются недостаточно. Более того, человек перестает доверять себе, своей голове и чувствам, как бы «не верит собственным глазам». На деле происходит своего рода техническое ослепление [2, с. 10]. Решая какую-либо жизненную задачу, субъект обыденного познания обращается не к собственной голове, а к интернету, без собственного критического осмысления. Зачастую он так и остается на уровне детского мышления и мировоззрения [6, с. 107].

Под влиянием интернета и постоянного погружения в виртуальную реальность у субъекта обыденного познания формируется клиповое мышление, возникают нейрокогнитивные проблемы: нарушаются функции памяти, внимания, понимания и объяснения, что позволяет говорить о *когнитивной уязвимости субъекта обыденного познания* в цифровую эпоху [2, с. 12–13]. Клиповое мышление – это распространенная форма обыденного сознания, «особый способ организации когнитивно-эмоциональной сферы человека, связанный с разделением тематического поля сознания на лаконичные замкнутые фрагменты, "картинки", предполагающий полный или частичный отказ от последовательных логических умозаключений. Результатом работы сознания в таком режиме становится мозаичная, бриколажная, отчасти игровая картина мира, структура и содержание которой не продиктованы одним общим принципом и сочетают несочетаемые, не вытекающие друг из друга убеждения, мотивы, ценности» [7, с. 89]. Анализируя особенности интернет-поколения и клипового мышления, А. А. Лазаревич выявляет такие парадоксы нового типа личности (*Homo informaticus*), как «обращенная социальность», «анонимность» и другие [7, с. 90–93], что говорит о необходимости их адекватного решения.

Цифровизация приводит не только к возникновению цифрового поколения (*The Net Generation*), но и формированию цифрового интеллекта (*Digital Intelligence*). Пак Юхен (*Dr. Yuhyun Park*) определила цифровой интеллект как совокупность когнитивных, социальных и эмоциональных навыков, позволяющих противостоять вызовам и адаптироваться к требованиям цифрового мира. Для цифрового интеллекта характерны такие гибкие навыки (*soft skills*), как критичность, креативность, кооперативность, коммуникативность (4К навыки), а также цифровая грамотность и следование этическим стандартам цифровой среды. Однако этические стандарты цифровой среды не всегда соответствуют морально-правовым нормам социальной среды, 4К навыки выступают как технические навыки, которые характеризуют работу в цифровом формате,

а не качества личности, например, критическое отношение к информации и возможным фейкам, а не к самому себе. «Социальные качества и достижения человека в виртуальной среде оказываются для него более значимыми, чем достижения и качества в "реальном" мире. Возникает феномен обращенной социализации, когда исходная (внесетевая) социализация теряет значимость, а изначально вторичная (сетевая), напротив, приобретает конститутивный статус» [7, с. 92]. Креативность в отношении программного обеспечения не означает креативного отношения к своей жизни, к самому себе. Можно уметь программировать машину и не уметь наладить свою жизнь, построить свою жизненную программу.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
2. Дождикова, Р. Н. Трансформации обыденного познания в современном обществе / Р. Н. Дождикова // Вестник Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 7–14.
3. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации / Р. Н. Дождикова // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – № 1. – С. 30–40.
4. Лекторский, В. А. Философия как понимание и трансформирование / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 17–24.
5. Маклюэн, М. Г. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Г. Маклюэн. – М. : Кучково поле, 2018. – 464 с.
6. Дождикова, Р. Н. К вопросу об истине в научном и обыденном познании / Р. Н. Дождикова // Вопросы философии. – 2022. – № 7. – С. 98–108.
7. Лазаревич, А. А. Наше интернет-поколение / А. А. Лазаревич // Белорусская думка. – 2014. – № 10. – С. 86–93.

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И РИСКИ

Э. М. Иззетова

Технико-технологический прогресс XX–XXI веков, который вывел развитые страны Запада и Востока на качественно новый уровень жизни, основан на применении научных достижений. Планетарные масштабы происходящих процессов, более широкое использование научных знаний и наукоемких технологий стали главными отличительными чертами техногенного мира. Культурная матрица техногенной цивилизации закладывается в эпоху Ренессанс, и начинает свое собственное развитие в XVII веке. Цифровая цивилизация – это новый вид информационной

цивилизации. Специфику информационного общества составляла изменившаяся роль информации как в сфере материальной деятельности, так и в области человеческих отношений, духовной жизни. Ключевой характеристикой цифрового общества становится не сама информация, а электронно-цифровой способ ее хранения и распространения, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений [1, с. 74]. Безусловно, структура общества сильно меняется в эпоху цифрового развития, масштабного перехода к «цифре», рассматриваемой в качестве носителя информации.

Трансформация информационных технологий привела к становлению цифрового общества, цифровой экономики, «цифровой личности». Современный этап цифровой трансформации детерминируют такие виды технологий, как: а) облачные вычисления; б) большие данные; в) интернет вещей; г) искусственный интеллект [2, с. 62]. Возникает тип развития, основанный на ускоряющемся изменении природной среды, предметного мира, в котором живет человек. Изменение этого мира приводит к активным трансформациям социальных связей, форм коммуникации людей, типов личности и образа жизни. «Интернет Вещей – это не просто "умный дом", "умный город", а принципиально иное антропологическое пространство» [3, с. 5]. В этой ситуации технологического детерминизма выпадает живой человек со своими эмоциями, иррациональным мышлением и духовной сферой. Однако значительно важнее сейчас оценить гуманитарную составляющую социальных сетей и цифры, ее ценностные и смысловые основания.

В программно-технологической части «цифрового» мира перманентно и бесконечно идет архитектурная эволюция информационно-коммуникативных технологий, Интернета. Цифровое общество проявляет себя через такие признаки, как: а) ориентация на знания, функционирование когнитивного общества; б) цифровая форма представления объектов; в) виртуализация всех сфер деятельности человека; г) инновационная природа развития; д) интеграция и глобализация; е) конвергенция и динамизм; ж) широкое и разнообразное применение Интернета, гаджетов; з) использование алгоритмов искусственного интеллекта, переход к технологиям «умного управления», развитие гибридного мира и др. Формируется гибридное социальное пространство, характеризующееся взаимопроникновенностью виртуального и реального миров. «Цифровая трансформация» – это не только экономика, а глобальное явление, которое оказывает влияние на жизнь общества, в том числе и на философские проблемы. Мировое сообщество в полной мере осознает необходимость интегрироваться в цифровую среду, которая порождает в социальном пространстве инновационные явления.

К предпосылкам цифровизации на государственном уровне можно отнести: глобализацию экономики, стирающую границы национальных

экономик; функционирование действующих и создание новых экономических зон и единого экономического пространства; активное развитие интернет-технологий; рост вычислительной мощности процессоров; повсеместное распространение мобильных устройств; глубокую интеграцию в жизнь социальных сетей; появление цифровых стартапов, с которыми «традиционным» предприятиям приходится конкурировать.

Становление этой цивилизации происходит в настоящее время ускоренными темпами в результате взаимодействия трех основных процессов: глобализации общества, его комплексной информатизации и новой технологической революции, приоритетными направлениями которой стали биоинженерия, цифровые и нанотехнологии. Основным объектом труда в этом обществе становится научное знание, информация и цифра. Цифровая эпоха коренным образом изменила не только структуры повседневности, но и роль человека в общественной жизни. В результате цифровой социализации в современном мире появилось поколение зет (z), программы общения которого задаются, прежде всего, социальными сетями. Растет число молодых людей с периферийным мышлением, лишенных смыслового восприятия действительности. Соответственно, развиваясь и приспособляясь к новым технологиям, мозг теряет базовые социальные навыки, происходит их угасание, социальное поведение ухудшается. Цифру можно назвать своеобразной точкой роста различных видов цифровой реальности. Модифицируются и средства коммуникации. Поэтому привычно-обиходными становятся слова, имевшие ранее специализированное применение: «алгоритм», «интернет», «перезагрузка», «социальные сети», «комп», «киборг». Анализ модифицированных средств повседневного языка помогает проследить изменения в мышлении, образе жизни и потребностях субъекта цифровой реальности.

Цифровизация несет с собой не только благополучие, комфорт, но и определенные риски. Риску подвержены самые различные сферы социального бытия: дегуманизация образования и духовно-нравственная деградация общества; «цифровая деменция»; угрозы для здоровья; «цифровая идентичность», «цифровой оптимизм», киберпреступность и т. д. [4, с. 152]. Цифровая социализация может привести к эскапизму (бегству от реальности), аутизму, виртуальной зависимости, «цифровому слабоумию», «кретинизму», кризису рациональности, нарциссизму. «Вовлеченность мышления и сознания в техносферу и глобальные коммуникации таит в себе угрозу упрощения языка и роботизации сознания. В век высоких технологий блага цивилизации сопряжены с потерями естественного разума» [5, с. 10]. Соответственно, на передний план должны выйти проблемы, связанные с обеспечением гуманитарной безопасности личности и общества. Развитие глобальных социальных сетей, электронно-цифровых коммуникаций создают широкие

возможности для манипуляции общественным сознанием. Актуальными проблемами цифрового мира можно считать утрату индивидуумом свободы, появление «клипового мышления». Субъект с подобным мышлением воспринимает мир не целостно, а как череду почти не связанных между собой фактов, событий.

Современная техногенная цивилизация поставила человечество перед дилеммой: или обретение общества знания и свободы духа, или общество потребления и окончательное порабощение через «цифру». Сегодня современные технологии во многом уже закабалили людей, открыв перспективу ничем не ограниченного потребления, комфорта и развлечений, с одной стороны, и тотального контроля над людьми, управления ими – с другой. Долг философии в этой ситуации – всемерно содействовать сохранению человеческого достоинства, ясности мысли, оптимистической перспективы, решимости преодолеть кризисные явления, противоречия, порожденные внедрением цифровых технологий.

Литература и источники

1. Беляева, Е. В. Цифровое общество и возможности его этического регулирования / Е. В. Беляева // Вестник прикладной этики. – 2018. – № 52. – С. 74–82.
2. Василенко, Л. А. Социология цифрового общества / Л. А. Василенко, Н. Н. Мещярекова. – Томск : Изд-во ТПУ, 2021. – 226 с.
3. Чеклецов, В. В. Чувство планеты: Интернет Вещей и следующая технологическая революция / В. В. Чеклецов. – М. : Российский исследовательский центр по Интернету вещей, 2013. – 130 с.
4. Валеева, Г. В. Социально-философские основания цифровизации высшего образования в контексте становления и развития цифрового общества / Г. В. Валеева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 1А. – С. 151–157.
5. Чернышов, А. Г. Стратегия и философия цифровизации / А. Г. Чернышов // Власть. – 2018. – № 5. – С. 13–20.

РИТОРИКА ИГРОВОГО ДИЗАЙНА В ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е. М. Ильина

В научном дискурсе концептуализация компьютерных (видео) игр началась с 2000-х годов. Изучение компьютерных игр (computer game studies) как междисциплинарная область знаний получила активное развитие на базе Гарвардского и Оксфордского университетов, Массачусетского технологического института, Лаборатории исследований компьютерных игр Центра медиафилософии Института философии Санкт-

Петербургского государственного университета, Московского центра исследований видеоигр при философском факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Несмотря на более чем двадцатилетнюю историю данной исследовательской отрасли, в академической политологии научные работы, посвященные политическому потенциалу и прaxisу компьютерных игр, имеют единичный и фрагментарный характер.

В Беларуси, позиционируемой как ИТ-страна, где разработка компьютерных игр развилась до перспективной индустрии со всемирно известными играми, число геймеров с каждым годом увеличивается и в последние несколько лет наблюдается поступательный подъем отечественного киберспорта. На пространстве СНГ именно белорусские технические вузы одними из первых приступили к подготовке специалистов по новой специальности «Информационные системы и технологии (в игровой индустрии)» с наименованием квалификации «Инженер-системный программист-геймдизайнер».

В условиях цифровой трансформации актуальным концептуальным направлением формируемой цифровой теории политики является исследование масштабов, границ и возможностей дизайна политических игр / политического игрового дизайна – разработки правил, содержания и формы игрового процесса компьютерных игр исходя из политически мотивированных позиций. По критерию использования видеоигр в политических целях выделяют: игры о политике, информирующие об актуальных политических проблемах и мотивирующие игроков; игры как политическая деятельность, расширяющая инструментарий политических технологий и механизмов принятия решений и призванная добиться политических изменений; игровой процесс как политическое действие, позволяющее привнести принципы игрового дизайна в политическую практику [1, с. 27–35].

Компьютерные игры, являясь выразительными, интерактивными, цифровыми форматами взаимодействия с пользователями, наделены новыми способами убеждения и воздействия на игроков. Убеждающую силу компьютерных игр исследовали американские ученые И. Богост и Г. Фраска, разработавшие в 2003 г. первую официальную политическую видеоигру о президентских выборах в США (The Howard Dean for Iowa Game). Концепция «процедурной риторики» И. Богоста исходит из того, что, наряду с вербальным и визуальным риторическими уровнями, видеоиграм присуща практика убеждения посредством компьютерных алгоритмов и операций через авторство игровых правил и механик, детерминирующих игровой процесс [2, с. 28–29]. Данный способ рецепции компьютерной игры обусловлен формированием нового опыта самого игрока, который останется с ним после игры в реальном мире как часть чего-то, что было им пережито [3, с. 220]. Одной из ключевых

составляющих такого опыта является внутриигровая агентность (вовлеченность пользователя в игровой процесс, чувство контроля и свобода выбора в игре), которая может предопределяться политическими взглядами гейм-дизайнера и (или) заказчика игры при написании программного кода видеоигры.

В более широком дискурсе игрового дизайна для характеристики специалистов, целенаправленно кодирующих позитивные социальные месседжи и практики в архитектуре видеоигр, инкорпорируя тем самым этические и политические ценности в игровой процесс, используется термин «добросовестный дизайнер» (от англ. conscientious designer) [4, с. 3–12]. Трудно переоценить значимость политической компетентности добросовестного гейм-дизайнера, который должен уметь анализировать проблемы, выдвигаемые на повестку дня политики, выявлять формирующие их ценности и в дальнейшем использовать релевантные элементы игрового дизайна (персонажи, повествовательная предпосылка и цели, доступные действия и контекст игры, правила взаимодействия с другими игроками, неигровыми персонажами и окружающей средой, стратегии, награды, игровые карты и др. [4, с. 33–34]), позволяющие их критически переосмысливать. Отмечая потенциальное влияние процедурной риторики на политические ценности, И. Богост относит политические видеоигры к «процедурной риторике политики» [2, с. 328].

Таким образом, в целом потенциал цифровой риторики политического игрового дизайна как новой теории и практики проектирования метаигрового (от греч. meta – за пределами, вне, после) политического опыта находится на стадии изучения, дискутирования и экспериментирования. Модус убедительности цифровой политической риторики через олицетворенный опыт становится новым вызовом и одновременно широким горизонтом возможностей для иммерсивного политического воспитания и обучения, конфигурации и имплементации политических идентичностей и дискурсов.

Литература и источники

1. Lerner, J. Making Democracy Fun: How Game Design Can Empower Citizens and Transform Politics / J. Lerner. – Boston : MIT Press, 2014. – 288 p.
2. Bogost, I. Persuasive Games. The Expressive Power of Videogames / I. Bogost. – Cambridge, MA / London : MIT Press, 2007. – 464 p.
3. Ветушинский, А. Игродром: что нужно знать о видеоиграх и игровой культуре / А. Ветушинский. – М. : Бомбора, 2021. – 271 с.
4. Flanagan, M. Values at Play in Digital Games / M. Flanagan, H. Nissenbaum. – Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2014. – 207 p.

ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

А. В. Колесников

Ход развития мировой социодинамики идет по пути дифференцировки человечества на различные цивилизационные кластеры. В настоящее время уже очевидно, что глобальный социум не будет единым. Происходит членение человеческой популяции. Первым этапом разработки стратегии гуманитарной безопасности и формулы развития нового формирующегося надгосударственного образования является раскрытие и осознание собственной цивилизационной идентичности.

На нынешнем этапе социогенеза на планете формируются наднациональные государственные и надгосударственные образования, самоорганизующиеся не по национальному, а именно цивилизационному признаку и принадлежности. В жесткой конкуренции и жестоких сражениях формируются и выстраиваются границы зон влияния будущих цивилизационных центров.

Позитивное содержание цивилизационной идеи Союзного государства, ее глубинные основания следует искать в евразийских традициях мироощущения. В данном вопросе нет какого-то единого, заранее заданного критерия истинности. В историческом процессе угадывается элемент цикличности, который, более того, является доминирующим типом социодинамики. Исторические циклы, однако, никогда не повторяются в точности. Они все время видоизменяются и имеют тенденцию к вариациям периодов и длительностей. Правильнее называть их цивилизационными квазициклами. Они пульсируют с разной частотой и в разных ритмах, иногда срываясь в хаос. Иногда же социодинамические циклы на различных этапах эволюции способны превращаться в витки восходящих спиралей прогресса. Именно в этом видится сверхзадача структур управления социальной системой – преобразование естественных цивилизационных квазициклов в витки восходящей спирали и противодействие самопроизвольному срыванию динамики системы в хаос.

Формирующиеся наднациональные цивилизационные идеи конкурируют друг с другом за умы, человеческий материал и контроль за ресурсами планеты. Борьба идей проявляется в разных формах – от информационной экспансии до военного противостояния. Борьба идей представляет собой основное поле межцивилизационной конкуренции. Победа только тогда является полноценной и полной, если она обеспечена победой идеи над идеей. По этой причине гуманитарная безопасность формирующегося цивилизационного кластера Союзного государства и всего Евразийского пространства в целом представляет собой одну из

основных стратегических задач в реализации этого надгосударственного цивилизационного проекта. Выдвинутая нами идея космического человека и концепция тетрагнозиса позволяет системно классифицировать и противодействовать разнообразным внешним информационным недружественным инвазиям, несущим угрозы и риски происходящему формированию цивилизационного кластера.

Аутентичной идеей, образом желаемого будущего Союзного государства и всего Евразийского цивилизационного кластера нам представляется построение цивилизации космического человека, пассионарного творца. Альтернативой проекту космической цивилизации выступает потребительский рай молекулярного человека. Вся современная социальная динамика формируется в основном конкуренцией этих двух цивилизационных парадигм.

Для цивилизации, избравшей путь космического человека, все внешние информационно-гуманитарные угрозы и риски можно разбить на четыре крупных блока: угрозы философско-этическим основаниям цивилизационного кластера; угрозы научному потенциалу социальной системы; угрозы эстетической и культурной деградации; угрозы профессионально-технической и технологической сфере, риски утраты первичных ключевых технологий; потеря технологической, экономической и продовольственной независимости.

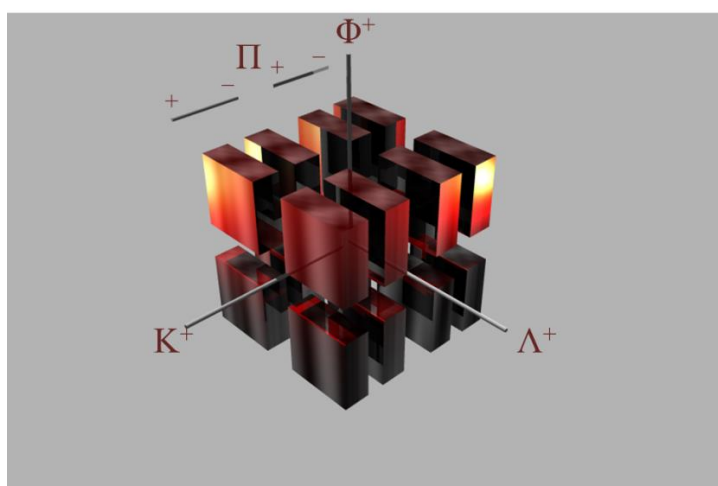
Задача обеспечения безопасности состоит в обнаружении и классификации информационных угроз цивилизационному коду, классификация внешних информационных инвазий, их различения по принципу желательности и нежелательности, соответствия и несоответствия генеральной цели цивилизационного развития. Когда цель осознана, а стратегии ее достижения определены, то и процесс обеспечения гуманитарной безопасности обретает основу и ясные критерии.

Наиболее эффективным способом обеспечения информационной безопасности выступает как раз не ограничение и изоляция, а совершенствование собственного цивилизационного кода, укрепление его представления в каждой клетке социального организма, улучшение системы передачи цивилизационного кода следующим поколениям, обеспечение цивилизационного семени питательными соками знания и новой информации, его эстетическое обогащение.

Код тетрагнозиса можно выразить формально, введя определенные обозначения. Соответствующее обоснование уже было приведено в наших прошлых работах [1]. Кратко их суть сводится к следующему. Социотип личности в основном характеризуют четыре элемента – философия (Ф), ум (Λ), вкус (Κ) и профессия (Π). Если человек обладает всеми четырьмя элементами, то это тот самый высший целевой социотип, ради которого стоит продолжать историю человечества.

Предложенный нами протоконструкт – характеристический гиперкуб – представляет по существу матрицу 4×4 , включающую 16 элементов (Рисунок 1). Каждый элемент матрицы – это частота или оценка вероятности нахождения в социальной системе соответствующего типа личности – творца, художника, философа, ученого, профессионала в какой-либо иной конкретной области деятельности. При достаточном уровне развития всех четырех компонентов, мы можем говорить о личности космического человека будущего – гармоничной личности, поднявшейся над властью эгоистичного гена и перешедшего в новый эон человеческой истории.

Рисунок 1. Характеристический четырехмерный гиперкуб в трехмерной проекции, включающий шестнадцать социотипических комбинаций, возможных в рамках концепции тетрагнозиса

Характеристическая цивилизационная матрица социотипов (Рисунок 2) может быть вычислена, заполнена конкретными эмпирическими данными, собранными в конкретной социальной системе. Каждый индивидуум будет представлять собой статистическую единицу, добавляемую в одну из ячеек. Накопленная статистика, отнесенная к общему числу испытуемых (объему выборки), будет служить частотой или оценкой вероятности появления соответствующего типа личности в исследуемой популяции.

Рисунок 2. Матрица всех возможных социотипических комбинаций в концепции тетрагнозиса

		Ф-		Ф+	
		К-	К+	К-	К+
Λ-	Π-	0000 ФЛКП	0010 ФЛКП	1000 ФЛКП	1010 ФЛКП
	Π+	0001 ФЛКП	0011 ФЛКП	1001 ФЛКП	1011 ФЛКП
Λ+	Π-	0100 ФЛКП	0110 ФЛКП	1100 ФЛКП	1110 ФЛКП
	Π+	0101 ФЛКП	0111 ФЛКП	1101 ФЛКП	1111 ФЛКП

Характеристическая матрица может выполнять функции матрицы перехода, своего рода ключа к следующему историческому состоянию общества, к его будущей социотипической структуре, фактически тот самый цивилизационный код – фундамент и основу следующего поколения.

Важное значение имеет также ресурс, произведенный текущим поколением в текущий момент исторического времени. Важен не только совокупный ресурс социальной системы, не только его общий объем, но и состав. Под совокупным ресурсом мы понимаем, разумеется, не сумму всех материальных благ, но и духовную продукцию общества. И этот духовный элемент имеет едва ли не более важное значение, чем совокупность и вместительность всех экономических ресурсов.

Рассмотренная матрица 4×4 представляет собой некоторую динамическую характеристику эволюционирующей социальной системы. В перспективе характеристическая матрица может быть дополнена нейронной сетью, подобием персептрона. Нейронная сеть в принципе могла бы обучиться распознавать и классифицировать состояния эволюционирующего социального организма. Кроме того, нейронная сеть, обучаемый искусственный интеллект мог бы теоретически, в перспективе принимать участие в разработке, планировании и управлении динамическими траекториями социальной динамики. Философия гуманитарной безопасности должна состоять в обеспечении естественности течения процесса эволюции характеристических матриц. Влияние чужеродных инвазий, особенно направленных на социотипическую структуру общества, может существенно видоизменить и деформировать образ будущего и траекторию эволюции социальной системы.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г23–049.

Литература и источники

1. Колесников, А. В. Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума / А. В. Колесников. – Минск : Белорусская наука, 2022. – 315 с.

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЛЕГИТИМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

И. Н. Колядко

Кризис в социальной системе – это переломный период в ее развитии, связанный с радикальной трансформацией основных социальных институтов и обусловленный процессами делегитимации актуального социального порядка и возникновением новых форм социальной практики. Вместе с тем конституирование социального порядка представляет собой процесс утверждения ценностно-нормативной системы, которая выступает конститутивным основанием различных форм социальности и культуры. Формирование нового социального порядка происходит путем консолидации вокруг ценностей, обладающих позитивным, негэнтропийным потенциалом, способным перевести социальную систему из функционирования ее в «режиме с обострением» к новым параметрам устойчивого развития. При этом важным для перехода к новой стабильности системы оказывается снижение критических значений ее системообразующего, интегративного качества, оказавшегося под угрозой разрушения.

Для социальной системы таким антиэнтропийным механизмом, поддерживающим определенную меру порядка и стабильности в условиях глобального цивилизационного кризиса, оказывается *культурная традиция*. Она регулирует степень воздействия кризисов на базовые параметры системы и отвечает за сохранение целостности последней. Социальная система в своем развитии сталкивается с вызовами, которые способны оказывать как деструктивное, так и конструктивно-созидательное влияние на ее базовые параметры и характеристики. Особую роль в поддержании социального порядка играет система ценностно-нормативных детерминант.

Социальный порядок конституируется посредством «"идей-ценностей", структурирующих социальную связь» [1, с. 127], а кризис в развитии социальной системы возникает прежде всего как результат изменений иерархического статуса ценностно-смысловых констант и актуальных мировоззренческих парадигм, закрепленных в присущих конкретному обществу культурных универсалиях. В процессах трансформации ценностно-нормативной системы снижается эффективность регулирования социальных взаимодействий, что, в свою

очередь, приводит к дезинтеграции социума и его подсистем, а также к стремительному расширению зон влияния маргинальных полей культуры. Кризис является специфической фазой в развитии социальной системы и характеризуется нарушениями в воспроизводстве норм социального порядка и деформацией целостности традиционных форм идентичности. В переломные эпохи развития деформации подвергается *ценностно-нормативный инвариант*, обеспечивающий соподчинение структурных уровней и устойчивость функционирования социальной системы. В результате увеличивается риск возникновения «редуцированных ситуаций, в которых срезаются искусственные формы социальности и остаются, выходят на поверхность и разворачиваются в бурной стихии элементарные формы» [2, с. 116], оказывающие репрессивное воздействие на процессы социогенеза и упорядочения.

Это обусловлено тем, что социальность как таковая представляет собой «мир людей и продуктов их совместной деятельности, обладающих *неприродными* и *надприродными* свойствами», а в роли субстанции социального выступает деятельность – «то "силовое поле", которое продуцирует надорганическую форму существования, структурирует ее, определяет родовидовую специфику, формы и механизмы изменения» [3, с. 129–130]. В социальной системе *социокод*, аккумулирующий программы социального поведения, общения и деятельности, фиксируется и передается посредством *культурной традиции*. Средствами надбиологической (символической) регуляции жизнедеятельности людей она задает императивы развития и регулирует глубину эволюционных процессов системы с интенцией на сохранение ее целостности путем поддержания предельных значений интегративного качества. Одним из главных вызовов для развития социальной системы в условиях деформации ее фундаментальных оснований и перехода к новому порядку является *кризис легитимации*.

Прежде всего, необходимо выяснить, что следует понимать под *легитимностью* и *легитимацией*. Согласно определению «Новой философской энциклопедии», *легитимность* подразумевает «законность режима, политических деятелей и лидеров, отражающая качества, вытекающие не из формальных законов и декретов, а из социального согласия и принятия их в качестве законных, т. е. соответствующих ценностным нормам со стороны самих граждан» [4, с. 384]. Так, конкретизируя понятие легитимности, Т. Парсонс обусловил устойчивость социальных систем способностью «актора реагировать на острые ситуационные требования, рассматриваемые либо как угрожающие, либо как благоприятные» [5, с. 31]. В понимании легитимности американский ученый особое значение уделял двум взаимосвязанным аспектам: соответствию политических институтов ожиданиям индивидов (социальный уровень) и нормативно-ценностным образцам (культурный

уровень). Таким образом, легитимность опирается на санкционированный *культурной традицией* ценностно-нормативный инвариант, задающий параметры социального порядка. Культурная традиция в данном аспекте выступает в качестве источника *власти*, которая может быть определена как «объективно-необходимый способ самоорганизации социальной системы посредством ценностно-нормативного упорядочения связей и отношений между ее элементами» [6, с. 98].

Взаимосвязь культурной традиции и власти является онтологически обусловленной и вытекает из их природы: и культурная традиция, и власть, во-первых, представляют собой необходимое, собственно человеческое, средство приспособления к среде обитания и, во-вторых, устанавливают определенные нормы взаимодействия индивидов, обеспечивая тем самым взаимосвязь социальной действительности и ценностей [6, с. 90–91]. Легитимность, таким образом, напрямую связана с признанием норм и регулятивов, источником которых выступает культурная традиция, в качестве социально значимых ценностей. Следовательно, ценности в социальной системе выступают надбиологическим, сверхприродным фактором регуляции деятельности, поведения и общения человека, в них фиксируются социально значимые нормы, опираясь на которые «задается целостный образ человеческого жизненного мира, картина этого мира» [7, с. 150–151]. Признание таких категориальных структур (культурных универсалий) ценностями, образующими базисные параметры интегративного качества социальной системы, представляет собой процесс *легитимации* – установления власти как средства поддержания и воспроизводства социального порядка.

Соответственно, *кризис легитимации* связан прежде всего с постулированием пост-идеологического характера социальной реальности, то есть с отрицанием онтологической природы ценностей, конституирующих основания актуального социального порядка. При этом именно *идеология* выступает «формой представления *картины мира* и способом полагания ценностей-норм, регулирующих-упорядочивающих социальное взаимодействие» [6, с. 84]. В трансформирующемся социуме, в котором стремительно увеличивается риск возникновения «редуктивных социальных ситуаций» [2, с. 115], ввиду отсутствия признанной в качестве легитимной системы ценностей, одним из способов осуществления власти и поддержания порядка выступает *манипулирование*. Распространение репрессивных социальных практик и технологий манипулирования массовым общественным сознанием становятся возможным при отсутствии четко фиксированного ценностно-нормативного инварианта, образующего общее символическое и смысловое поле культуры и базирующегося не столько на силе, сколько на достижении согласия («гегемонии» – в терминологии А. Грамши).

При этом, как отмечает отечественный исследователь

И. Н. Сидоренко, выявляя взаимосвязь феномена власти с полаганием упорядочивающих социальную структуру ценностей, «несмотря на увеличивающуюся рационализацию жизни, современное информационное общество сталкивается с новой проблемой: тотальность символического насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики» [8, с. 32]. Таким образом, власть, источником которой выступает культурная традиция, в условиях возрастания роли информационно-коммуникационных технологий в производстве товаров и услуг, объективируется не столько за счет применения исключительно силовых методов сохранения порядка и поддержания гомеостаза социальной системы, сколько путем конституирования общего ценностно-смыслового, идеологического пространства. В установлении такого рода власти, которая «навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе» [8, с. 38], одну из ключевых ролей играет идея «ненасильственного принуждения», в современной социально-философской литературе получившая свое оформление в рамках концепции *soft ideology* («мягкой идеологии»). В предельном своем выражении речь может идти о формировании социальной реальности как символически конструируемого пространства, в котором идеология хотя имплицитно и структурирует действительность, легитимизируя существующие отношения господства, выступает в роли «неявного знания», через власть языка формируя представления о реальности. Формируя пространство семантической и ценностно-смысловой intersubjectivity, язык как средство репрезентации культурного кода становится одним из механизмов реализации властеотношений, направленных на достижение согласия по поводу ключевых аксиологических ориентаций социума.

Таким образом, в развитии социальной системы кризис обнаруживает свою функциональную амбивалентность в процессах социальных трансформаций. Посредством реинтерпретации ценностно-нормативного регулятива, являющегося одним из компонентов культурной традиции, функционирование социальной системы ориентировано на ее стабилизацию и генезис в точке бифуркации новых параметров социального порядка. Важной составляющей кризисных этапов выступает иницируемый кризисными явлениями процесс образования нового баланса ценностей. Формирование новых аксиологических ориентаций в точке бифуркации нередко способствует разрешению социальных противоречий, а также генезису в переходный период относительно устойчивой системы целе- и смыслополагания, способной стать основанием актуальных стратегий развития социальной системы в будущем.

Литература и источники

1. Рикер, П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления; пер. с фр. И. С. Вдовиной / П. Рикер. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 240 с.
2. Мамардашвили, М. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики) / М. Мамардашвили. – СПб. : Азбука, 2012. – 320 с.
3. Момджян, К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории / К. Х. Момджян. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. – 398 с.
4. Алексеева, Т. А. Легитимность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд. – М., 2010. – Т. 3. – С. 384.
5. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Акад. проект, 2002. – 831 с.
6. Голубев, С. В. Идеология и государственность: теория и практика / С. В. Голубев. – М. : Спутник +, 2018. – 215 с.
7. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин ; Нац. акад. наук Белору, Ин-т философии. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 539 с.
8. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск : БГУ, 2017. – 175 с.

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ЛЮДЬМИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

К. И. Костиневич

Постоянное внедрение новых информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества делает все более актуальной проблему низкой цифровой грамотности как негативного фактора во взаимодействии власти и общества. Особенно уязвимой остается аудитория старшего возраста.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2022 г. интернет-услугами пользовались 89,5% жителей нашей страны в возрасте от 6 до 72 лет, при этом доля пользователей в возрасте 55–64 лет равнялась 84,5%, а 65–72 лет – 64,8% [1, с. 51]. При этом для взаимодействия с государственными организациями и органами интернет использует 26,7% людей от 55 до 64 лет и 19,7% – от 65 до 72, тогда как данный показатель для жителей Беларуси 25–54 лет составил 42,7%, а 16–24 – 30,1% [1, с. 55].

По результатам опросов Центра социологических и политических исследований БГУ, в 2020 г. политическую информацию из интернет-

сайтов получали 36,7% жителей Беларуси от 60 лет и старше [2, с. 123]. Для людей старшего поколения основным источником информации остается телевидение. Так, по данным исследовательской компании ЗАО «МедиаИзмеритель» за август 2021 г. возраст 45,7% телезрителей был от 55 лет и выше [3, с. 164].

Данные тенденции отражают малую вовлеченность людей старшего поколения в цифровую коммуникацию, что негативно сказывается на их возможностях по взаимодействию с государственными органами, а также выявляет разрыв с младшим поколением. Если ранее отношения аудитории интернет- и традиционных медиа описывались как «конфликт отцов и детей», то теперь «произошел сдвиг поколений, в результате которого "отцы и дети" солидаризировались, отделившись в выборе наиболее релевантных информационных источников от более старшего поколения» [4, с. 99].

В условиях возрастающей роли информационно-коммуникационных технологий и активизации их внедрения во всех сферах общества повышение цифровой грамотности граждан является необходимым требованием налаживания отношений не только между государством и обществом, но и между отдельными индивидами.

Стоит отметить, что в Республике Беларусь применяются меры для решения данной проблемы. Так, Министерство связи и информатизации Республики Беларусь объявило «открытый конкурс на закупку НИОКР "Разработка образовательной платформы для повышения 'цифровой грамотности' населения"» [5], которая предполагает предоставление для разных групп общества онлайн-курсов, программ, тестирующих уровень владения навыками использования цифровых ресурсов, подготовку статистической информации о цифровой грамотности граждан. Также многие территориальные центры социального обслуживания населения проводят кружки, направленные на повышение компьютерной грамотности.

Однако представляется необходимым интенсифицировать информационную работу с гражданами пожилого возраста о возможностях использования интернет-ресурсов как для решения бытовых вопросов, так и для взаимодействия с государственными органами и организациями. Для этого необходимо создание и распространение контента о различных возможностях использования сети Интернет на телевидении как наиболее популярном канале получения информации для данной группы граждан. Также немаловажно печатать в прессе информацию об интернет-ресурсах, которые могут быть полезны для людей старшего поколения, и инструкции по их использованию. Активная реклама кружков повышения цифровой грамотности, предоставляемых территориальными центрами социального обслуживания населения, может мотивировать людей пенсионного возраста к посещению данных занятий.

В средне- и долгосрочной перспективе подобные решения могут способствовать снижению нагрузки на органы государственного и местного управления и государственные организации, поскольку рост цифровой грамотности приведет к увеличению использования услуг электронного правительства. Перспектива введения электронного голосования, о которой заявлял председатель Центральной избирательной комиссии И. В. Карпенко [6], также невозможна в полной мере без достижения определенного уровня навыков использования цифровых ресурсов гражданами.

Помимо этого, проведение мероприятий по повышению цифровой грамотности среди людей старшего поколения положительным образом скажется на их уровне жизни за счет роста потребления образовательных услуг, увеличения их конкурентоспособности на рынке труда и осуществлению их социализации после выхода на пенсию. В свою очередь распространение информации о рисках в сети Интернет должно способствовать снижению числа киберпреступлений в отношении людей старшего возраста.

Таким образом, меры, направленные на повышение уровня цифровой грамотности, должны способствовать налаживанию более эффективной коммуникации между государством и гражданами пожилого возраста. Они позволят развить взаимодействие посредством сети Интернет, что снизит нагрузку на государственные органы и организации. Рост цифровой грамотности будет способствовать уменьшению информационного и ценностного разрыва между поколениями, что положительным образом скажется на политической социализации людей пожилого возраста. Также рассматриваемый процесс позволит активнее внедрять новые каналы и формы коммуникации власти и общества.

Литература и источники

1. Информационное общество в Республике Беларусь = Information society in the Republic of Belarus: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 65 с.
2. Посталовский, А. В. Мессенджеры в структуре медиапредпочтений национальной аудитории / А. В. Посталовский // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2021. – № 1. – С. 120–128.
3. Посталовский, А. В. Социально-демографический портрет аудитории белорусского телевидения / А. В. Посталовский // Аудивизуальные медиа в эпоху Интернета и информационных войн: от традиций к инновациям: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию кафедры телевидения и радиовещания БГУ, Минск, 21–22 сентября 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. М. Самусевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2022. – С. 163–166.
4. Бельский, А. М. Модели потребления контента новых медиа населением Беларуси: теоретико-методологический аспект построения / А. М. Бельский

// Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2021. – № 4. – С. 97–109.

5. Минсвязи объявлен открытый конкурс на разработку образовательной платформы для повышения «цифровой грамотности» населения [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/news/17-05-2023-8479>. – Дата доступа: 14.09.2023.

6. Когда в Беларуси может быть введено электронное голосование, рассказал глава ЦИК [Электронный ресурс] // Звезда. – Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20230213/1676272180-kogda-v-belarusi-mozhet-byt-vvede-no-elektronnoe-golosovanie-rasskazal-glava>. – Дата доступа: 14.09.2023.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

О. Ю. Кравцов

Конец прошлого и начало текущего века характеризовались стремительной индустриализацией развивающихся стран и образованием на их основе новых центров силы, концентрирующих промышленные, научно-технологические, финансовые и военно-политические ресурсы. В данных условиях вызов гегемонии «старого мира» выглядит закономерным и естественным результатом развития глобальной системы отношений. На начальном этапе противостояние между конкурирующими центрами силы ограничивалось взаимным обменом экономическими санкциями, гибридными действиями в информационной, гуманитарной и дипломатической сферах.

Новый этап характеризуется эскалацией напряженности на цивилизационных пограничьях, а тема глобальной и в том числе ядерной войны регулярно фигурирует в риторике ведущих мировых политиков [1, с. 86–88; 2, с. 58–59]. Геополитическая напряженность и поляризация мировых отношений отмечены в проекте новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) как основные тенденции современного мира [3]. Совершенно очевидно, что нарастание глобального противостояния приведет к усилению угроз во всех сферах, затронутых Концепцией, но не ограничится ими.

Используя аналогию с пирамидой А. Маслоу, жизненно важные приоритеты общества и государства можно условно разделить на базовые и высшие. К базовым можно отнести потребности социальных систем в самосохранении и самовоспроизводстве. В Концепции данный уровень приоритетов обозначен как национальные интересы в сфере политики, экономики, экологии, демографии, научно-технической, информационной, военной и иных сферах, обеспечивающих выживание и жизнеспособность.

Вторая часть приоритетов затрагивает высший экзистенциальный уровень смыслообразования: видение себя в ближне-, средне- и долгосрочной перспективе; понимание стратегических целей и задач, осознание своей роли и исторического предназначения [4, с. 583; 5].

Высший уровень смыслообразования призван дать обществу четкие, понятные и методологически выверенные ответы на вечные гогеновские вопросы: «Кто мы? Откуда? Куда мы идем? Каково наше идеальное, естественное, разумное предназначение?». И если ответы на первую часть вопросов достаточно успешно сформулированы отечественной историографией и закреплены в основополагающих документах (в Конституции, в словах национального гимна), то вторая часть остается в значительной степени полемичной.

Необходимо признать, что четких методологически обоснованных ответов на данный тип экзистенциальных вопросов у Беларуси нет, что приводит к дефициту позитивного смыслообразования, лишает белорусское общество основы для генерации привлекательного, разделяемого большинством, образа будущего и не позволяет мобилизовать дополнительный социальный ресурс для развития [6, с. 69–73]. Терминологически данная угроза может быть обозначена как *экзистенциальная* угроза философско-мировоззренческого порядка. В практической плоскости данная угроза проявляется в утрате доверия к существующему типу социально-экономических и политических отношений, неверии в прогрессивное будущее своей страны, внутреннем согласии на проигрыш и моральную катастрофу, стремлении покинуть пределы государства в поисках лучшей перспективы для себя и потомков. С высокой степенью вероятности, данный тип угроз будет актуализироваться по мере усиления напряженности между мировыми центрами силы и усложнения экономической и политической ситуации внутри страны.

На наш взгляд, причиной незащищенности на высшем экзистенциальном уровне является отсутствие у Беларуси официальной концептуальной философско-мировоззренческой доктрины, схожей по силе с советской идеей построения коммунизма, предлагавшей притягательный образ светлого будущего и высшие смыслы существования для людей и общества. В настоящий момент дефицит позитивного смыслообразования отчасти компенсируется дискурсами прошлого и акцентуацией на базовых проблемах настоящего. Данный метод дает краткосрочный эффект, но не решает проблему концептуально. Попытка заполнить идеологический вакуум положениями из теории локальных цивилизаций лишь усиливает тенденции на изоляционизм [2, с. 58–59].

В этой связи важным шагом на пути укрепления национальной безопасности на высшем экзистенциальном уровне может стать принятие

обновленной теории научного коммунизма, в которой понятие коммунизм будет означать более совершенный тип социальных отношений, необходимо возникающий в ходе исторического процесса, научно-технического развития и усложнения человеческих обществ.

Указанная теория соответствует, во-первых, принципу всеобщности (глобальности, интернациональности, несводимости к конкретному народу, географическому ареалу или отдельным общностям), во-вторых, традиционным мировоззренческим и ценностным установкам белорусского общества.

Принятие коммунистической теории в качестве концептуальной основы социально-политического бытия в значительной степени:

– укрепит национальную безопасность Беларуси на высшем экзистенциальном уровне, защитит картину мира, стиль мышления, комплекс мировоззренческих и ценностных предпочтений;

– подтвердит историческую преемственность существующего политического и социально-экономического уклада;

– снизит и/или нейтрализует угрозы когнитивного характера в сфере перспективного смыслообразования;

– задаст вектор стратегического развития и предложит для общества позитивный мобилизующий образ будущего, достижение которого станет миссией и высшим смыслом существования белорусского общества и государства.

Литература и источники

1. Кравцов, О. Ю. Мир-системный подход как философско-методологическое основание социального прогнозирования / О. Ю. Кравцов // Педагогическая наука и образование. – 2021. – № 1 (34). – С. 84–88.

2. Кравцов, О. Ю. Цивилизационный подход и концепт евразийства как философско-методологические основания социального прогнозирования / О. Ю. Кравцов // Педагогическая наука и образование. – 2020. – № 3 (32). – С. 54–60.

3. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 14.09.2023.

4. Кравцов, О. Ю. Социальное прогнозирование в эпоху трансформации миропорядка и гибридных конфликтов / О. Ю. Кравцов // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей (научное электронное сетевое текстовое издание) / Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев, 2023. – С. 581–584.

5. Когнитивная война: война нового поколения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russtrat.ru/analytics/24-dekabrya-2021-0010-7763?ysclid=ifg2xb2s9c611466482>. – Дата доступа: 19.03.2023.

6. Кравцов, О. Ю. Образ будущего евразийской цивилизации: анализ, диагноз, прогностика / О. Ю. Кравцов // Педагогическая наука и образование. – 2019. – № 4 (29). – С. 68–74.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ SMM-ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. В. Мицкевич

В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос конструктивного межличностного взаимодействия посредством цифровых технологий. Все больше внимания ученые уделяют проблеме эффективного использования современных технологий в профессиональной и досуговой деятельности. Цифровой социум – очередной этап постиндустриального развития и элемент современной глобальной техногенной цивилизации.

Основой коммуникативных процессов становится последовательность: «личность – знания – социальные сети – компьютерная техника». Широкое распространение получают четыре технологии, а именно: сетевые коммуникации, технологии больших данных, алгоритмы и платформы. Согласно мнению Ю. А. Чернавина, «цифровая информационная сфера – это система деятельности, отношений, коммуникаций, возникающих между соответствующими субъектами по поводу производства и потребления знаний с использованием цифровых средств и способов» [3].

Так, в частности, в XXI веке социальные сети являются одним из инструментов формирования имиджа организаций, продвижения их услуг на рынке, а также регулирования коммуникаций с целевой аудиторией. В последние годы количество пользователей социальных сетей постоянно увеличивается. Разные категории населения имеют возможности удаленно решать важные жизненные вопросы. Наиболее популярными социальными сетями являются: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Twitter», «Instagram», «Tiktok».

Все чаще руководители организаций проводят в социальных сетях исследования предпочтений целевой аудитории, что позволяет улучшить взаимодействие с потребителями товаров и услуг. Посетители охотно вступают в социальные группы не только для обмена личными сообщениями, но и для трансляции опыта, для публикации тематических материалов, научных статей, ведения общественных дел. Социальные сети объединяют пользователей по увлечениям, по профессиональным интересам.

Продвижение в социальных сетях (SMM-маркетинг) имеет ряд преимуществ перед другими инструментами онлайн-продвижения.

Реклама в социальных сетях интерактивна, сегментирована, позволяет повысить лояльность аудитории к товарам и услугам и формировать спрос на новинки. SMM, или Social Media Marketing, часто ассоциируется с нативной рекламой, которая не вызывает чувства отторжения у адресата, а, наоборот, содействует формированию лояльности по отношению к рекламируемым продуктам или услугам. SMM – это прежде всего возможность продвижения компаний на различных площадках интернет-пространства: в социальных сетях, блогосфере, форумах.

Понятие «социальная сеть» появилось в середине 1950-х годов в Англии. В 1930-е годы было изобретено несколько методов исследования взаимосвязей между людьми, на основании одного из которых была создана социометрия – психологический метод для выяснения распределения ролей в коллективе [1]. В 1951 г. Рэй Соломонофф (Ray Solomonoff) и Анатолий Рапорт (Anatol Rapoport) положили начало современной теории социальных сетей. Сам термин «социальная сеть» был введен в 1954 г. социологом манчестерской школы Джеймсом Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», вошедшей в сборник «Человеческие отношения» [1]. В 1959–1968 гг. венгерские математики Пол Эрдос (Paul Erdos) и Альфред Реньи (Alfred Renyi) написали восемь статей, описывающих принципы формирования социальных сетей. К 1970-м годам окончательно сформировался комплекс социологических и математических методов исследований, которые составляют научный фундамент современного анализа социальных сетей. Первые социальные сети появились в середине 1990-х годов и предоставляли пользователям начальные возможности для общения.

Быстро набрало популярность довольно большое количество социальных web-сервисов, объединенных общим названием «сервисы Web 2.0». Социальные сети помогают создавать новую музыку (MySpace), расширяют игровой опыт массовых онлайн-игр (Xfire), а также служат серьезным инструментом для поиска сотрудников и партнеров (LinkedIn) [1].

Рынок услуг SMM начал формироваться в Российской Федерации и Республике Беларусь в 2009 году, однако руководители компаний не готовы были сразу оценить преимущества продвижения товаров и услуг в интернет-пространстве. Отсутствовала прозрачность контекстной рекламы; не учитывался широкий охват медиа-баннеров; email-рассылки воспринимались как спам. В 2010 году происходит определенное признание SMM на просторах российского и отечественного интернет-пространства. Крупные компании начинают выделять часть рекламного бюджета на продвижение товаров и услуг в социальных сетях.

Начиная с 2011 года многие компании, занимающиеся SMM продвижением, позиционируют себя как экспертов в данной области. Появляются наработанные инструменты управления SMM, целевая

аудитория уже активно привлекается в группы с коммерческим уклоном, а в блогах и на самых крупных форумах появляются лидеры мнений, к которым охотно прислушиваются. Однако создание на социальных площадках чат-ботов дискредитирует рынок SMM, так как не способствует формированию доверия клиентов к транслируемой информации. Реклама в сети становится дороже, клиенты требуют все более массового охвата целевой аудитории.

Последние десять лет социальные сети меняются быстрыми темпами: традиционные рекламные инструменты заменяются более современными, на активность пользователей широкое влияние оказывают тренды и лидеры мнений. Визуальная составляющая подкрепляется качественным контентом, представляя ценность для пользователей. Посещаемость данных платформ сопоставима с поисковыми сайтами. В отличие от классических видов медиа суть новых медиа (это интерактивные цифровые способы доставки информации, общения и обмена различным контентом между пользователями) определяет персонализация. Google по умолчанию открывает страничку на языке страны, из которой зашел на него пользователь. Живой журнал, VK, Facebook и т. д. показывают записи именно друзей, а не всех пользователей. Оператор мобильной связи пытается угадать интересы и потребности, присылая предложение поучаствовать в акциях и скачать музыку. Такие коммуникации являются персонализированными, а вернее – квазиперсональными [2].

Блоги как одни из популярных социальных медиа представляют собой систему публикации контента, наполняемые записями, содержащими текст, изображения или мультимедиа. Изначально были сделаны как системы публикации онлайн дневников. Сейчас система блогов претерпела эволюционные изменения и рассматривается как ключевой способ публикации новостей в интернете и проведения онлайн дискуссий благодаря простоте использования и скорости вывода данных. Маркетологи принимают непосредственное участие в обсуждении, размещая комментарии в блогах других пользователей. Примерами интернет-сообществ являются вики-проекты, форумы, чаты, веб-конференции, социальные сети, коллективные блоги, имиджборды, многопользовательские онлайн-игры и т. п.

Таким образом, появление социальных сетей стало возможным благодаря созданию технологии Web 2.0, что позволило связывать пользователей в единое целое, интегрировать их в группы и более крупные формы взаимодействия, создавать социальные связи между разными категориями населения. Социальные сети – это ресурсы, которые содействуют общению с друзьями и коллегами, расширению профессиональных контактов, а также поиску необходимой информации. Сеть представляет собой аналог сообществ в реальном мире, разница

состоит в том, что местоположение пользователя не имеет значения. Социальная сеть – это виртуальная среда, целый новый мир бесплатных средств распространения информации, который строится в Интернете усилиями индивидуальных пользователей и компаний.

Литература и источники

1. История теории и практики социальных сетей [Электронный источник] // КиТ соц. сети. – Режим доступа: <https://keep-intouch.ru/analytics/history/history-of-the-theory-and-practice-of-social-networks.htm>. – Дата доступа: 02.09.2023.
2. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов, М. Кастельс, Д. Кульчицкая, Н. Лосева, М. Паркс, С. Паранько, О. Силантьева, Б. ван дер Хаак ; под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 304 с.
3. Чернавин, Ю. А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы [Электронный источник] / Ю. А. Чернавин // Цифровая социология. – 2021. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-obschestvo-teoreticheskie-kontury-skladyvayuscheysya-paradigmy>. – Дата доступа: 10.09.2023.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ, ТОЧЕК РОСТА И НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С. А. Мозгов

В части приоритетов государственной политики по развитию экономики и человека выводится следующий постулат: «Человек – цель, а экономика – средство его развития» [1, с. 16].

Ключевой элемент и движущая сила общества – высокоинтеллектуальный человек-творец, постоянно повышающий свои компетенции. В то же время велики риски «потери человека», трансформации представлений о его роли в цивилизационном развитии. Важно предвидеть актуальные проблемы и процессы развития общества, находить адекватные ответы на новые вызовы современности [2, с. 30].

Для реализации такой логики социального поведения необходимо оценить ситуацию в целом, нужны соответствующие параметры настройки и сегодня для человека актуален поиск теоретико-методологического инструментария для сохранения субъектности и личностного гармоничного развития. Наши поступки и сама жизнь протекают в последовательности: убеждения-мысли-слова-поступки-характер-судьба. Таким образом, некоторыми из базовых (отправных) точек для развития человека являются наши знания, навыки, убеждения, мысли и понимание мира в котором мы живем.

Для поиска такого инструментария можно воспользоваться

отдельными элементами из концепции разработки стратегий развития компаний, методологии управления проектами (от формирования инвестиционного замысла, цели, концепции до достижения целевых результатов). Например, высокотехнологичные компании разрабатывают и обновляют долгосрочные планы технологического развития. Одной из основных задач составления планов технологического развития является сбор информации о развитии науки и изменениях в поведении общества. Для реализации программы по достижению желаемого будущего генеральный директор или его заместитель по стратегии выполняют анализ факторов PESTLE в целевой период корпоративной трансформации, а затем определяют желаемое состояние компании через пять или десять лет, составляют план ее технологического развития.

Для распознавания факторов среды и формирование концепции для развития человека на горизонте 2020–2040 гг был осуществлен PEST-анализа факторов социальной среды (таблица 1).

Таблица 1. PEST-анализ факторов среды. Актуальный теоретико-методологический инструментарий происходящих процессов развития

<i>Политические факторы:</i>	<i>Экономические факторы:</i>
1. Геополитическая нестабильность в мире. 2. Современность характеризуется уплотнением исторического времени (период большого количества событий, быстрых изменений на жизни одного поколения). 3. Прохождение точки бифуркации.	1. Одновременно происходит два революционных события: смена технологических (гуманитарно-технологическая революция, переход к шестому укладу) и народнохозяйственных укладов. Смена народнохозяйственных укладов – процесс, происходящий раз в столетие и в ходе которого меняется система управления. Это кардинальная смена институтов мирохозяйственных связей, производственных отношений и всей системы управления социально-экономическим развитием, которая сопровождается и сменой центров мировой экономики. 2. Усугубление экологической обстановки и переход к циркулярной экономике. 3. Применение ограничительных мер (санкций). 4. Импортозамещение. 5. Построение инновационной экономики. Современный мир переживает период фундаментальных трансформаций, связанных с формированием постиндустриального общества и

	<p>принципиально новой инновационной экономики.</p> <p>Полноформатное внедрение цифровых технологий.</p>
<p><i>Социальные факторы:</i></p> <p>Вместо былых ограничений техники на первый план вышли ограничения человека – его способность воспринимать, осмысливать и использовать информацию, выбирать основное, планировать время.</p> <p>Широта внедрения современных информационных технологий, цифровизация, компьютерная (виртуальная) реальность оказывают сильное влияние на структуру и поведение общества, образ жизни и организацию труда, сформированные предыдущими технологическими укладами:</p> <p>1. В обществе наблюдается интенсивный процесс социальной цифровизации, интернет-зависимость, тотальное применение компьютеров, смартфонов в быту, большой объем информации, в том числе, представленной в виде коротких сообщений.</p> <p>Результатом таких процессов и других дисбалансов являются невнимательность к деталям и поверхностность при выполнении интеллектуальных заданий, клиповое сознание, фрагментарность и поверхностность мышления, кризис идентичности.</p> <p>2. Цифровая зависимость, цифровое неравенство, социальная цифровизация.</p> <p>3. Смарт-технологии и их использование являются соответствующим индикатором социальной трансформации, свидетельствуют о формировании нового типа общества.</p> <p>4. Новые формы коммуникации и новые технологии потребления информации. Усиление социально-коммуникативных факторов в структуре технико-технологического развития.</p> <p>5. Обозначенные новшества создают предпосылки для социальной самоорганизации, социального мониторинга, социального управления и контроля на основе компьютерных технологий.</p> <p>6. В Республике Беларусь Правительством</p>	<p><i>Технологические факторы:</i></p> <p>1. Ускорение научно-технологического прогресса и масштабов цифровизации экономики.</p> <p>2. Ограничение в доступе к передовым европейским технологиям.</p> <p>3. Формирование трендов шестого технологического уклада (в части цифровизации промышленности). Сегодня предъявляются новые требования к информатизации предприятий, внедрение технологий промышленного Интернета и Интернета вещей по концепции Индустрия 4.0, осуществляется переход от индустриальных к постиндустриальным и информационно-цифровым императивам развития.</p> <p>4. Темп изменений, частота развития технологий и информационных процессов постоянно растет. Время нас заставляет двигаться быстрее. Развитие событий и процессов происходит экспоненциальными темпами, что создает трудности для их понимания и представления человеком, при этом время для принятия решений и адаптации к изменениям сокращается.</p> <p>Стремительное развитие новых технологий создает огромные возможности для человечества, изменяя отношения между гражданами, бизнесом и государством, что ведет к преобразованию структуры общества и экономики.</p> <p>Темпы изменений в электронных технологиях настолько быстры, что зачастую новые технологии оказываются вне правового поля.</p> <p>5. «Большие данные» (Big Data). Происходит быстрый рост объема новой информации. Анализ «Больших данных», выполняемый с помощью компьютерных программ, позволяет установить корреляцию между параметрами, недоступную человеческому пониманию.</p>

<p>ведется работа по приведению до конца 2023 г. законодательства в соответствие с новой Конституцией, принятой на Референдуме в феврале 2022 г., что приведет к структурированию общества.</p> <p>7. Идет процесс построения высокоинтеллектуального общества. Приоритет развития человека.</p> <p>8. Ключевыми направлениями конкуренции ведущих стран стали те возможности, которые разные государства предоставляют своим гражданам.</p>	<p>6. С 2020 г. мировой тренд содействует удаленному взаимодействию.</p> <p>7. Изменение характера конкуренции. Происходит постепенный переход от традиционной, характерной для индустриальной эпохи, ценовой конкуренции к конкуренции информационно-сетевой, меняются ее характер и условия. Конкуренция, сохраняя свои старые, традиционные методы конкурентной борьбы, и формируя новые, расширяя границы конкурентной борьбы и глубину ее проникновения, приводит к росту технологической зависимости и усилению межстранового неравенства.</p>
--	--

На основании выполненного исследования, можно сделать предварительные выводы и предположить следующие точки роста и главные факторы развития человека в условиях глобальных вызовов на современном этапе:

1. Концепция развития человека в долгосрочной перспективе предусматривает переход к модели «Человек – цель, а экономика – средство его развития». Человек является национальным богатством.

2. Некоторыми из базовых (отправных) точек для развития человека являются наши знания, навыки, убеждения, мысли и понимание мира, в котором мы живем (таблица 1).

3. Гармоничное развитие человека (физическое, интеллектуальное, духовно-нравственное) и реализация его личностного потенциала, накопление знаний, умений, компетенций, индивидуальных способностей, навыков бережного отношения к природе и самому человеку.

4. Стремление к новым знаниям, владение знаниями и профессиональными компетенциями XXI в., осваивать новые знания на протяжении всей жизни, как основа устойчивого и сбалансированного экономического роста.

5. Стремление к здоровому образу жизни (ЗОЖ) и повышению общего уровня здоровья народа, увеличению продолжительности жизни и ее активного периода. ЗОЖ выступает эффективным ресурсом для раскрытия и реализации человеческого потенциала.

6. Развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, укрепление патриотизма.

7. Формирование активной гражданской позиции, развитие массового политического сознания граждан, гражданского самосознания, использование социальных технологий для консолидации общества.

8. Стремление к балансу в профессиональной, общественной и личной жизни.

9. Самореализация в интересах всего общества.

10. Стремление и поиск высоких идей развития (в том числе национальной идеи), смысла жизни на духовно-нравственной основе, ориентируясь за рамки своей жизни.

Литература и источники

1. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2023.

2. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс] // Национальная академия наук Беларуси. – Режим доступа: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 14.09.2023.

КРИЗИС МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ДЕТЕРМИНАНТ РАЗВИТИЯ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

П. Ю. Молчанов

Современный этап развития человечества в работах В. С. Стёпина и его единомышленников характеризуется как «техногенная цивилизация». По мнению автора, этот тип цивилизации начал формироваться в странах Западной Европы приблизительно в XV–XVII вв. В основе данного типа развития лежит идея преобразования мира и подчинения человеком природы путем использования научно-технических достижений в соответствии с прогрессистской антропоцентрической аксиологией [1, с. 18–29]. Фактически техногенная цивилизация в начале XXI века представляет собой мировую общественную систему, в той или иной степени ассимилировавшую развитые, развивающиеся и транзитивные общества на основе их модернизации по образцу высокотехнологичных стран Запада. Эти процессы сопровождаются амбивалентными трансформациями в основных сферах общественной жизни, что приводит к обострению глобальных проблем современности. Все это вызывает необходимость социально-философского анализа основных модернизационных детерминант социодинамики мировой общественной системы и выявления кризисных факторов их развития.

Системообразующие компоненты саморазвития техногенной цивилизации специфицируются по основным сферам человеческой деятельности – социально-экономической, политико-правовой и духовно-культурной. Теоретики модернизации в большинстве своем относят к ним рыночную капиталистическую экономику, представительную либеральную демократию, массовую потребительскую культуру и

гуманистическое мировоззрение. Соответствующие социальные институты, отношения и ценности являются основными модернизационными детерминантами социодинамики техногенной цивилизации. Они формируют архитектуру глобальной общественной системы начала XXI века и в целом признаются на уровне Организации Объединенных Наций в качестве универсальных ориентиров для мирового сообщества.

С. Липсет так описывает взаимосвязь данных системных компонентов: «Необходимым условием демократии является рыночная экономика. Демократия требует поддерживающей ее культуры, принятия гражданами и политическими элитами принципов, лежащих в основании свободы слова, собраний и совести, прав оппозиционных партий, верховенства права, прав человека и т. п.» [2, с. 88–89]. З. Бауман характеризует современное ему общество как «общество потребления» [3, с. 115]. То есть авторы указывают, что функционирование капиталистической экономики требует наличия национальных демократических государств, правительства которых будут гарантами неприкосновенности частной собственности и соблюдения договоренностей в рамках правовой системы. В свою очередь, демократия невозможна без свободного рынка, поскольку плановая экономика ведет к развитию авторитаризма. Для перманентного экономического роста и повышения нормы прибыли необходимо массовое потребление, которое рассматривается как «естественная» потребность и главный показатель благополучия в рамках массовой культуры. Легитимность потребительских установок по отношению к окружающей действительности обосновывается гуманистическим постулатом о человеке как венце эволюции. На основании сочетания этих компонентов строится алгоритм модернизации по образцу западных стран.

В то же время развитие государств незападного мира в последней трети XX века показало ограниченность классических модернизационных моделей. Появились теории «множественности» модернизаций, авторы которых указывали на наличие прогрессивных изменений в развивающихся странах за счет адаптации вестернизированных проектов к местным национально-культурным особенностям [4]. Причины кризиса западноцентристских эталонов общественных преобразований в начале XXI связаны с глубокими трансформациями социальных институтов и отношений в основных подсистемах общества.

Главная социально-экономическая проблема позднего капитализма, с точки зрения И. Валлерстайна, – это невозможность дальнейшего увеличения нормы прибыли за счет мировой периферии и окружающей среды. Логика перманентного роста и императив коммерциализации продукции превалируют в данном типе хозяйствования над экологической и социальной составляющими производства, что чревато в будущем

масштабными природными бедствиями и общественными потрясениями.

В политико-правовой сфере процессы глобализации и новейшие научно-технические достижения продуцируют кризисные явления в функционировании демократических институтов и государственно-правовых структур. Распространение транснациональных корпораций (ТНК) ставит под угрозу национальный суверенитет государств. Широкий доступ к информации и возможность прямой коммуникации людей из различных сфер деятельности и уголков мира создают условия для пересмотра традиционных форм представительства и политического участия граждан. На фоне возрастания экзогенных рисков (пандемия COVID-19, техногенные катастрофы и др.) возникает противоречие между принципом свободного индивидуального волеизъявления людей и объективной необходимостью принятия императивных международных экологических и социальных нормативно-правовых актов, ограничивающих свободу выбора индивидов.

Ситуацию в духовно-культурной подсистеме техногенной цивилизации большинство ведущих ученых и мыслителей современности классифицируют как антропологический кризис [1]. Релятивизация и примитивизация аксиологических и гносеологических доминант в рамках потребительской массовой культуры создают угрозу духовной деградации человечества. Антропоцентрический светский гуманизм проявляет свою ограниченность на фоне обострения экологических проблем и развития новейших конвергентных технологий.

Все эти кризисные факторы дестабилизируют западно-ориентированную модель общественного устройства. В результате возникают альтернативные проекты развития техногенной цивилизации реформистского либо радикального характера. Реформистский просистемный вариант предполагает сохранение и обновление основополагающих социальных институтов и отношений и гармонизацию их взаимо-детерминации. Радикальная антисистемная стратегия предусматривает построение нового проекта Модерна. В условиях глобальной нестабильности мировой общественной системы предпочтительным представляется последовательная реализация данных подходов (от реформистских к радикальным) на основе взаимодополняющего развития основных сфер общественной жизни.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
2. Концепции модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.: сб. пер. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Центр соц. науч.-информ. исслед.; сост. и пер. В. Г. Николаев; отв. ред.: Д. В. Ефременко, Е. Ю. Мелешкина. – М. : ИНИОН РАН, 2012. – 212 с.

3. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества: пер. с англ. / З. Бауман. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.

4. Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: сборник / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – 315 с.

ФЕНОМЕН HUMAN SECURITY: ПОНЯТИЕ, КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, ПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

А. А. Мушта

Понятию «гуманитарная безопасность» – более 30 лет. Принято считать, что впервые его использовал генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали в 1992 году. Спустя два года термин «human security» в качестве нового измерения безопасности был широко представлен в докладе ООН «Human development report 1994» (параграфы «New dimensions of human security», «Components of human security», «Global human security») [1]. Вместе с тем, несмотря на сравнительно давний бэкграунд, исследователи, изучающие феномен гуманитарной безопасности с позиций философии, политологии, социологии, теории международных отношений, его однозначного понимания пока не достигли.

Ряд авторов, исходя из неопределенности содержания гуманитарной безопасности, не считают ее самостоятельным видом безопасности. Как они полагают, гуманитарная проблематика может и должна рассматриваться совместно с социальной составляющей, поскольку в большинстве случаев гуманитарные и социальные процессы сопряжены друг с другом [2, с. 114].

Для других исследователей human security – особый вид безопасности с присущими ему атрибутами. Так, по мнению М. Масловой, гуманитарная безопасность представляет собой «способность, готовность и активную деятельность субъектов социального развития по защите духовного мира личности, ее природной и социальной среды формирования и жизнедеятельности, а также противодействия возрастающим антропологическим рискам современного мира в целях сохранения целостности бытия человека» [3].

И наконец, в рамках третьего подхода гуманитарная безопасность рассматривается как некий существенный аспект системы национальной безопасности в целом, ее специфическая составная часть, «включенная» во все основные ее виды – политическую, экономическую, социальную, демографическую, биологическую, информационную, военную, экологическую – а также в иные виды безопасности (духовную,

продовольственную, медицинскую, миграционную, криминологическую, дорожно-транспортную и др.).

Независимо от отстаиваемой точки зрения, практически авторы сходятся в том, что гуманитарная безопасность:

во-первых, не абстрактное, но вполне конкретное понятие, под которым может пониматься особое состояние общественных отношений внутри страны и на международной арене, гарантирующее защищенность системы идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность человека, семьи, народа; устойчивое функционирование и развитие прав и обязанностей, основных свобод для всех людей в социуме [4, с. 109–110];

во-вторых, своей методологической основой имеет прежде всего философские концепции о природе человека (здесь уместен знаменитый тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей»);

в-третьих, носит субъектно-объектный характер. Интересы личности, сбалансированные с интересами общества и государства, составляют объект национальной безопасности. В свою очередь человек на локальном уровне – групповом (в структуре гражданского общества) и индивидуальном (в качестве отдельного гражданина) – является субъектом обеспечения национальной безопасности.

За последние десятилетия повестка дня в области национальной и международной *human security* прошла через многие трансформации. Так, обнаружилось стремление ряда государств использовать понятие гуманитарной безопасности и цели ее обеспечения для прикрытия вмешательства во внутренние дела других стран. Массированные ракетно-бомбовые удары НАТО по территории Союзной Республики Югославии (операция НАТО «Союзническая сила» в период с 24 марта 1999 г. по 9 июня 1999 г.), представленные Североатлантическим альянсом исключительно как «гуманитарные бомбардировки», обозначили новый этап в развитии современных взглядов на практику урегулирования международно-правовых конфликтов и разделили политическое и научное сообщество на сторонников и противников концепции «гуманитарной интервенции» [5].

В наше время потребность в концепции гуманитарной безопасности сохранилась. Об этом свидетельствует хотя бы то, что ее проблематика в том или ином объеме присуща широко артикулируемым сегодня таким видам безопасности, как «ментальная», «когнитивная», «социентальная», «консциентальная» (их перечень не носит закрытого характера).

В Беларуси понятие гуманитарной безопасности на концептуальном уровне получило свое закрепление в первой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (март 1995 г.). В документе национальная безопасность определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от

внутренних и внешних угроз в основных сферах их жизнедеятельности: политической, экономической, военной, экологической, информационной и гуманитарной». Формулировались жизненно важные интересы в гуманитарной сфере, в числе которых – «сохранение и развитие исторического и культурного наследия нации». Перечислялись основные угрозообразующие факторы, назывались приоритетные направления укрепления гуманитарной безопасности [6].

Схожие подходы к пониманию концепта, интегрирующего в себе такие компоненты, как духовное и физическое развитие каждого гражданина Республики Беларусь, сохранение духовного и культурного наследия, укрепление традиционных ценностей, развитие национального достоинства, сохранение этнической, культурной, языковой самобытности граждан, содержались и во второй редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (июль 2001 г.) [7].

К сегодняшнему дню понятие гуманитарной безопасности закреплено в главе 12 «Сохранение традиционных устоев и ценностей» Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [8]. На наш взгляд, это обусловлено тем, что многие из внешних и внутренних вызовов, рисков и угроз так или иначе связаны с информационным противоборством, идентичностью, общественным и историческим сознанием, историческими фальсификациями и «войнами памяти», исторической политикой, гуманитарной безопасностью в целом. Новая редакция Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, хотя и не оперирует термином «гуманитарная безопасность», также содержит положения о сохранении национальной самобытности и суверенитета, культурных и духовных традиций, исторической правды и памяти о Великой Отечественной войне.

Литература и источники

1. Доклад о развитии человеческого потенциала за 1994 год. Новые аспекты безопасности человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994>. – Дата доступа: 15.09.2023.
2. Лебедева, М. М. Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России / М. М. Лебедева, Л. Р. Рустамова // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 5. – С. 114–128.
3. Маслова, М. В. Гуманитарная безопасность современного российского общества: содержание, риски и направления развития: автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / М. В. Маслова. – М., 2013. – 184 с.
4. Стенограмма круглого стола Фонда «Наука-XXI» «Национальная безопасность Российской Федерации в гуманитарном измерении» [Электронный ресурс] // Проблемы безопасности. Бюллетень. – 2009. – № 6. – Режим доступа: <http://nic.naukaxxi.ru/material/108/>. – Дата доступа: 10.09.2023.

5. Правомерность гуманитарной интервенции: современные международно-правовые аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=1603&ysclid=immwhmm5wb55173194. – Дата доступа: 10.09.2023.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 17.07.2001, № 390 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belzakon.net (belzakon.net). – Дата доступа: 01.11.2021.
7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12 мая 2009 года): Указ Президента Республики Беларусь, 17.07.2001, № 390 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agrocollege.by/ru/pravovye-akty-po-temam/224-ob-utverzhdanii-kontseptsii-natsionalnoj-bezopasnosti/843-ob-utverzhdanii-kontseptsii-natsionalnoj-bezopasnosti-respubliki-belarus.html>. – Дата доступа: 09.09.2023.

СОЦИЕТАЛЬНЫЕ РИСКИ ДИГИТАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Д. И. Наумов

В узком смысле термин «дигитализация» означает преобразование аналоговых величин в дискретные значения для их хранения и обработки в электронном формате, переход на цифровой способ коммуникации, записи, сохранения и передачи данных с помощью цифровых устройств. В широком смысле он характеризует цифровую трансформацию всех сфер жизнедеятельности человека посредством повсеместного использования цифровых технологий, появления и превращения интернета в универсальную коммуникационную платформу, технологической трансформации глобальной экономики под воздействием инфокоммуникационных технологий и транснационализации информационных коммуникаций. С одной стороны, дигитализация открывает новые возможности в плане повышения эффективности экономической деятельности, проведения научных исследований, интенсификации социальной коммуникации, превращения частных рыночных благ в общественные, но, с другой – генерирует для социума качественно новые вызовы и угрозы социетального характера.

В теоретико-методологическом аспекте факторы, параметры и тенденции дигитализации социальной памяти в информационном обществе могут быть рассмотрены, опираясь на методологические принципы, представленные в работе А. А. Лазаревича [1]. В работе анализируются функционально взаимосвязанные и базовые процессы для информационного общества, рассматриваемого в качестве новой стадии исторического развития человечества, – процесс производства и функционирования информации и процесс социальной коммуникации. При этом социальная коммуникация рассматривается как синкретически-

кумулятивный фактор общественной динамики, как синергия информации и личностных знаний, науки и технологии, разума и культуры. В данном случае акцент на синергии позволяет актуализировать роль социальной памяти, рассматриваемой в качестве постоянного действующего коммеморативного механизма, связывающего воедино институциональный и личностный уровни коммуникативной деятельности.

Цифровая трансформация всех сфер общества обуславливает появление дигитализированной версии социальной памяти, обладающей дополнительными характеристиками и функциями о системе общественных отношений. В определенной степени сущность и содержание данного феномена может быть раскрыта в рамках методологических установок киберкосмизма, который в версии А. В. Колесникова представляет собой рационализированный синтез идей классического философского космизма, современной синергетики, цифровой философии, а также инструментария компьютерного и математического моделирования [2]. Центральное место в философской концепции занимает идея космического человека, выступающего в качестве рационально и сциентистски ориентированного пассионария, в преобразовательной деятельности которого присутствует значимый коммеморативный аспект. Он обусловлен необходимостью постоянной ретроспективной оценки результатов преобразовательной деятельности, имеющей рационально-телеологический характер.

Однако экспансия инфокоммуникационных технологий в сферу культуры, как считает Н. И. Клушина, ведет не столько к усложнению культурогенеза, сколько к примитивизации культурного творчества и культурного потребления: «Интернет породил новый тип культуры – медиакультуру, которая потеснила культуру книжную и заменила ноосферу инфосферой. Лаконизм, обрывочность мыслей, клиповость сознания, болтовня, хайп (ажитаж) и самопрезентация – маркеры современной медиакультуры, которую можно рассматривать как антитезу культуры книжной, традиционной» [3, с. 55]. Как представляется, это обуславливает определенное снижение уровня сложности культурной памяти современного общества, в котором субъектом памятования и коммеморативных практик вместо человека становятся аморфные и неустойчивые виртуальные сообщества с множественной идентичностью.

В настоящее время практически вне поля социально-философского анализа отечественных исследователей, в отличие от мирового философского дискурса (Аманда Барнье, Йозе ван Дейк, Элисон Ландсберг, Анна Ридинг, Мэттью Форд, Эндрю Хоскинз, Андреас Хюссен и др.), остается проблематика деструктивных последствий дигитализации социальной памяти. Ведь социальная память оказалась в поле тотального и противоречивого влияния дигитализации, обусловившей тенденцию ее экстернализации и возрастающей зависимости от технических средств

хранения и передачи информации. Это нашло свое отражение в изменении не только параметров и механизмов ее функционирования, но и трансформации коммеморативных практик и современного режима темпоральности.

Как представляется, в социокультурном измерении цифровая трансформация социальной памяти ведет к следующим фундаментальным результатам имплицитно или эксплицитно деструктивного характера:

– деконструкция антропных принципов сохранения социальной памяти под воздействием расширения принципов и механизмов машинной алгоритмической обработки и сохранения информации, что не только по-новому структурирует коллективные и индивидуальные воспоминания (например, в онлайн-архивах, социальных сетях, блогах), но и резко расширяет возможности для манипуляций как с сознанием отдельного человека, так и с общественным сознанием;

– постоянная активная переработка и переконструирование воспоминаний, превратившихся в комменсальный продукт, в процессе их реактивации в медиасфере, реализуемой с целью формирования актуального в коммерческом или политическом аспектах информационного контента в новых медиа и социальных сетях, в результате чего «активизируется не только потребление памяти, но и стремительное забвение» [4, с. 7];

– ослабление когнитивно-антиципационных способностей человека вследствие постоянного роста объемов архивируемой и коммеморативизируемой информации, организованной в управляемые машинными алгоритмами базы данных, кардинально затрудняющего установление каузальных связей между событиями прошлого, настоящего и будущего;

– процессный характер мультимодальной дигитализированной социальной памяти, существующей в режиме постоянной транскультурной и транснациональной циркуляции разнородных воспоминаний (как являющихся продуктами человеческой жизнедеятельности, так и искусственно сконструированных с помощью медиа) между индивидами и цифровыми носителями, метафорически определяемой в качестве «непрерывного потока, но потока, который не постоянно и стабильно струится только в одном направлении, а представляет собой множество постоянно возникающих потоков, которые с разной силой и скоростью образуют самые разнообразные и взаимопроникающие конфигурации, движущиеся в самых разных направлениях» [5, с. 89];

– коммодификация дигитализированной социальной памяти, репрезентации образов которой становятся объектом коммерческого потребления благодаря использованию технологий искусственного интеллекта, визуализации, чат-ботов и т. д., в результате чего конструируется новая мифологизированная социокультурная реальность, в

которой элиминируется грань между прошлым и настоящим, искусственным и естественным, подлинным и виртуальным.

Таким образом, процесс дигитализации социальной памяти несет в себе существенные социетальные риски, актуализирующие постоянное возникновение напряжений в социокультурном пространстве современного общества.

Литература и источники

1. Лазаревич, А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 350 с.
2. Колесников, А. В. Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума / А. В. Колесников. – Минск : Беларуская навука, 2022. – 315 с.
3. Клушина, Н. И. О дигитализации языка / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2018. – № 6. – С. 52–56.
4. Николаи, Ф. В. Дигитализация памяти и «икономия» эпохи неолиберализма / Ф. В. Николаи, Ю. В. Вилкова // Современная научная мысль. – 2021. – № 3. – С. 6–10.
5. Сыров, В. Н. К вопросу об особенностях формирования распространения и трансляции памяти в сетевом пространстве / В. Н. Сыров // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 462. – С. 87–95.

«ЦИФРОВОЙ БАРЬЕР» КАК ПРОБЛЕМА И ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

А. И. Нафикова

Современный этап социального развития необратимо связан с активным распространением информационно-цифровых технологий, оказывающих существенное влияние на трансформацию как индивидуализированного бытия в частности, так и бытия общественного в целом.

Следует отметить неравномерность данного процесса, что в свою очередь порождает возникновение новой тенденции в современном социальном развитии – «Цифрового барьера», «Цифрового неравенства», или же «Информационного неравенства» (англ. digital divide) [1].

«Цифровой барьер» представляет собой как проблему, так и закономерную тенденцию современного социального развития, обусловленную ограничением возможностей социального, экономического, политического, а также духовного характера для определенной группы лиц, либо же отдельных сообществ, в связи с отсутствием у них доступа к современным информационно-коммуникативным технологиям.

Возникновение данной тенденции обусловлено такими как

объективными, так и субъективными факторами, как: степень направленности внимания государственного управления на процесс информатизации населения; демографические особенности; развитость и доступность информационно-коммуникативных технологий и возможностей их использования; и, наконец, личностные (врожденные) способности отдельного индивида или группы.

В качестве отдельного фактора, оказывающего значимое влияние на формирование цифрового неравенства, можно обозначить возрастные и гендерные особенности, которые довольно остро отражают так называемые «поколенческие и гендерные различия» [2].

«Цифровой барьер» можно рассматривать исходя из различных оснований:

«Цифровой барьер» основан на неравенстве доступа к информационно-коммуникативным технологиям («цифровое неравенство» как техническая категория [3]);

«Цифровой барьер» – есть закономерное следствие современного этапа социального развития, основанного на информатизации и цифровизации, как основополагающих принципах нынешней цивилизации («цифровое неравенство» как социально-историческая категория [3]);

и, наконец, «цифровой барьер» предопределен высокой стоимостью информационно-коммуникативных технологий и обуславливает неизбежное усиление социального расслоения («цифровое неравенство» как экономическая категория [3]), когда ключевым конфликтом в экономической среде становится столкновение между знанием и некомпетентностью [4].

«Цифровой барьер» следует рассматривать как новую тенденцию социального развития, разработка стратегий по преодолению которого является необходимой задачей международного цифрового сотрудничества, сориентированного на максимально эффективный и продуктивный «ответ» на «вызовы» современной цифровой эпохи.

Литература и источники

1. Кастельс, М. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель / М. Кастельс, П. Химанен. – М., 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1188757#sel=22:1,22:14>. – Дата доступа: 10.09.2023.
2. Цифровое гендерное неравенство сохраняется в Европе и Северной Америке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438382>. – Дата доступа: 10.09.2023.
3. Химичук, Е. В. Цифровое неравенство или неравенство в цифрах // Политика и Общество. – 2018. – № 1. – С. 44–49.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИФФЕРЕНЦИРОВКИ

Ю. Ф. Никитина

Европейский союз – первый и наиболее известный в широких кругах пример воплощения в действительности региональной экономической интеграции. На протяжении более сорока лет второй половины XX в. европейская модель регионализации рассматривалась в качестве образца для прочих государств, вступающих на путь экономической интеграции. В ее основе пятиступенчатый принцип, где каждая ступень – закономерный шаг вперед на пути к последующей, более глубокой интеграции. Но фактически к началу 1990-х гг. Европейский союз, еще находившийся в процессе становления, оказался единственным успешным примером экономической интеграции среди множества инициатив регионализации в соответствии с данным пятиступенчатым принципом, предпринятых другими государствами.

По отличной от европейской модели протекала интеграция в бывших колониальных странах, в последующем концептуализированная как «новый регионализм». Так, процессы регионализации в Восточной Азии были инициированы после Второй мировой войны и происходили под воздействием внешних (за исключением Японии) по отношению к данному региону стран – США, Великобритании. Интеграция была взята на вооружение местными новыми независимыми государствами с целью укрепления своей субъектности и легитимности на международной арене, интенсификации процессов деколонизации. Вопросы экономической, военно-политической безопасности, сдерживания коммунистического Китая были определяющими в создании региональных систем в Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. При этом азиатские государства, ввиду опасения утраты недавно обретенного суверенитета, новой колонизации и, как следствие, неприемлемости внешней или внутрорегиональной гегемонии какой-либо из стран, избегали создания официальных наднациональных институтов, вариантов углубленной интеграции. В экономической сфере все, как правило, ограничивалось созданием зоны свободной торговли [1, с. 48–50].

В последующем, в 1970–1980-е гг., Японией была внедрена сетевая модель регионализации, предполагающая заключение двусторонних и многосторонних соглашений, что заложило основы открытого консультативного регионализма. Возникающая в результате сеть договоров, с юридической точки зрения, не конструирует интеграционного объединения образца традиционной (европейской) модели регионализации, как некоего блока стран, обладающего субъектностью. Ярким примером подобной формы регионализации является Азиатско-

тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) [1, с. 52–54].

За последние 70 лет создание зон свободной торговли происходит периодически, что позволяет говорить о том, что этот процесс приобрел характер тенденции. Более того, наблюдается их количественный рост. Так, в период с 1948 по 1990 гг. было заключено 28 региональных торговых соглашений, в то время как с 1990 по 2020 гг. во Всемирную торговую организацию поступило 482 уведомления о заключении соглашений о создании зон свободной торговли. На сегодняшний день (2023 г.) функционируют 361 зона свободной торговли, в то время как в 1990 г. их было всего 22 [2].

Подъем стран с развивающейся экономикой, рост импорта из которых стал оказывать давление на производство и занятость высокоразвитых стран, нарушив прежний баланс выгод и издержек осуществляемой последними политики открытой торговли, привели к усилению нетарифных мер, как защитного механизма, на фоне продолжающейся либерализации, снижения ставок таможенных пошлин. Именно с этого времени, начала 2000-х гг., отмечается чрезвычайно быстрый рост количества региональных торговых соглашений (1990 г. – 22 ЗСТ, 2000 г. – 81, 2020 г. – 311, 2023 г. – 361) [2].

С момента распада СССР на постсоветском пространстве достаточно активно протекают интеграционные процессы на различных уровнях (Союзное государство России и Беларуси, Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности, экономические связи регионов Республики Беларусь с субъектами Российской Федерации и проч.). В результате развернувшейся межгосударственной экономической интеграции, опираясь на опыт Европейского союза, чья пятиступенчатая интеграционная модель была выбрана в качестве образца, в данном регионе был образован Евразийский экономический союз. Одной из целей создания данного регионального объединения была всесторонняя модернизация, формирование условий для стабильного развития и роста конкурентоспособности национальных экономик, повышение жизненного уровня населения государств-членов [3].

Деглобализация, как вынужденная временная мера периода активной фазы распространения коронавирусной инфекции Covid-19, а ныне носящей иной характер ввиду геополитической напряженности, привели к взрывному росту неопределенности в мировой экономической, политической и социальной системах. Российская Федерация и Республика Беларусь, столкнувшись с беспрецедентным санкционным давлением, разрывом производственных, логистических цепочек, культурой отмены, запретом на символы государственного суверенитета, кодификацией их территорий в качестве «серой зоны», оказались перед лицом необходимости перестройки географии международных

отношений. Интеграционные процессы на базе Союзного государства России и Беларуси, Евразийского экономического союза обретают колоссальное значение в нынешних условиях.

Вопрос успешности и качества данного интеграционного образования залегает не только в плоскости производственно-технической базы, но и ценностной плоскости, имеющей значение не только в локальном, но и общечеловеческом масштабе.

Происходящие на протяжении последних ста лет трансформации в технико-технологической сфере превратили ее в глобальную взаимосвязанную систему, глубина и масштаб влияния которой определяют будущее современной нам цивилизации, структуру человеческого бытия. Тем не менее сколь бы мощной ни была порожденная человечеством техносфера, она остается не самодостаточной, существуя на базе ресурсов гео- и биосферы. Более того, созданный нами техногенный тип цивилизационного развития отличается антагонистичностью по отношению к природному миру, что проявилось экологическим и антропологическим кризисами, несущими в себе потенциал неуправляемости и необратимости, грозя тем, что кризис приобретет системный характер.

Сложившаяся ситуация во многом является следствием ключевых мировоззренческих концептов, задающих понимание человека как деятельностного существа с активно-преобразующей позицией в отношении окружающего его мира, природы как резервуара ресурсов и поля приложения трансформационных сил, идеала инновационного перед традиционным, определивших ценностно-методологическую базу и магистральный вектор динамики научно-технической сферы, сформировавшей нынешний облик техногенной цивилизации.

Неутешительные прогнозы ввиду ресурсоемкости техносферы, отличающейся потребительским, во многом варварским отношением к естественной среде обитания человека, грозящей уничтожением как техногенного типа цивилизации, так и человечества как особой подсистемы биосферы, вплоть до того, что ставит под вопрос сохранность самой биосферы, сформировали запрос на принципиально новые технологии, качественно иной характер техносреды, которая должна стать гармонична природе. Некий всплеск интереса к идеологии экообщин, который в данном случае, наверное, является закономерным, находит поддержку среди относительно незначительной части общества, в то время как его подавляющее большинство демонстрирует неготовность и неприемлемость варианта радикального отказа от благ и комфорта, обеспечиваемых технико-технологической сферой. В связи с чем первый, но фундаментальный шаг на пути становления новой стратегии цивилизационного развития и, как следствие, разрешения нынешней кризисной ситуации сосуществования био- и техносфер видится в

формировании новой парадигмы, новой системы ценностей, жизненных смыслов [4; 5].

Литература и источники

1. Михайленко, Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс: курс лекций: учеб. пособие / Е. Б. Михайленко ; науч. ред. М. М. Лебедева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. Федерал. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 116 с.
2. Regional Trade Agreements [Electronic resource] // WTO OMC. – Mode of access: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>. – Date of access: 03.10.2023.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: ратифицирован Законом Республики Беларусь, 9 октября 2014 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176>. – Дата доступа: 14.09.2023.
4. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук, О. С. Нарайкин, Е. Б. Яцишина // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 3–11.
5. Моисеев, Н. Н. Козволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза [Электронный ресурс] / Н. Н. Моисеев // Сайт С. П. Курдюмова. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/koevoluciya-prirody-i-obshhestva/>. – Дата доступа: 06.09.2023.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Т. Е. Новицкая

Для характеристики масштабных трансформаций, происходящих в социальном, культурном, политическом измерениях общества под влиянием новых сетевых медиа, в современной науке используют концепцию медиатизации. В рамках данного теоретического подхода рассматриваются различные эффекты усиливающегося воздействия медиа на общество, включающие в себя как количественные, так и качественные изменения; анализируются социальные преобразования, фундированные спецификой медийных репрезентаций, интерпретаций и влияния. Как правило, медиа здесь рассматриваются как символическая среда, определенный срез социального пространства, в который включен современный индивид. При осмыслении публичной сферы, порождаемой новыми медиа, часто прибегают к экологической метафоре среды (медиа среда). Так происходит, например, в медиаэкологии, тесно связанной с теорией медиатизации и изучающей влияние медиатехнологий и символьных систем на социокультурные и психические процессы и рассматривающей символическое пространство, порождаемое медиа как на

среду обитания человека, исследующей способы его адаптации в новой информационной среде. Новые медиа трактуются как средовые факторы социокультурных трансформаций, а развитие медиасферы актуализирует ряд новых антропологических и социокультурных рисков.

Глубокое внедрение современных информационных технологий и социальных медиа в повседневную жизнь человека и общества переформатирует многие социальные практики, связанные с коммуникацией, мобильностью, сменой пространственной перспективы (компьютерные навигационные системы, системы геопозиционирования, беспилотный транспорт, Интернет вещей и т. п.). Происходит своего рода «доместикация» окружающего мира посредством медиатехнологий. Однако в этом смысле теория медиатизации остается на позициях изучения социокультурных практик, которые могут опосредованно влиять на окружающую среду, а медиаэкология ориентируется на формирование умений и навыков по противодействию деструктивному влиянию негативных (виртуальных) явлений медиасреды, на проектирование действенных «экологических» мер для гармонизации отношений в медиасфере.

В то же время усиливающиеся медиатизационные процессы, будучи включенными в систему современного капитализма, сопряжены с ощутимыми (материальными, а не виртуальными) экологическими последствиями. Поскольку технологии в информационно-коммуникационной сфере постоянно развиваются и повсеместно внедряются, происходит их быстрое моральное устаревание и, как следствие, возникает высокий спрос на инновации, что вызывает к жизни потребность в активном производстве аппаратного обеспечения, устройств и комплектующих. С одной стороны, это ведет к обострению проблемы утилизации электронных отходов (e-waste). С другой стороны, такое производство требует определенных ресурсов (например, природных ископаемых), добыча которых связана с рядом рисков: тяжелыми условиями труда, эксплуатацией работников, участвующих в производственном процессе, негативными социально-экологическими последствиями. Кроме того, углубляющаяся медиатизация общества ведет и к существенным энергетическим затратам (в особенности электроэнергии). Медиатизационные трансформации охватывают большинство сфер жизни общества, социальные практики широко диджитализируются, датафицируются, виртуализируются и приобретают опосредованный медиа характер, востребованным становится Интернет вещей. Решающую роль в данной связи играет увеличение их масштаба. Многие технологии (блокчейн, майнинг криптовалют, использование облачных хранилищ и др.) являются весьма энергозатратными. В целом проблемы, связанные с ростом уровня электронных отходов, увеличивающейся потребностью в ресурсах, необходимых для

производства hardware, и повышением энергетических затрат, порождают значительные политические, экономические, социальные и экологические последствия.

Таким образом, сегодня эффекты глубинной медиатизации общества проявляются не только в области социальной коммуникации, информационного обмена и различных социокультурных практик. Они находят свое выражение и в материальном экологическом измерении, вызывая к жизни необходимость в повышении экологичности производства, потребления, использования и утилизации техники, обеспечивающей функционирование современной медиасферы.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

А. И. Пирогов, Л. И. Пирогова

Современный этап общецивилизационного развития убедительно показывает, что информационная сфера оказывает всеобъемлющее воздействие на экономическую, политическую, духовную жизнь современного социума и с особой остротой ставит вопросы обеспечения информационной безопасности государств и народов как одной из важнейших составляющих их общей безопасности. Информационные и телекоммуникационные технологии, безусловно, значительно расширили возможности совершенствования производств, но одновременно привнесли в нашу жизнь негативные последствия их использования в целях воздействия на их информационные ресурсы, информационную инфраструктуру, общественное сознание населения. В то же время необходимо учитывать, что в современных условиях без их использования невозможно сформировать систему эффективного государственного и военного управления [1, с. 42].

Подход России и Беларуси к обеспечению информационной безопасности Союзного государства строится с учетом комплексного характера данной проблематики. Он подразумевает предотвращение не только технических, но и политико-идеологических угроз, напрямую затрагивающих вопросы общенациональных интересов государств-участников (вмешательство во внутренние дела посредством информационно-коммуникационных технологий, распространение деструктивного контента в целях нарушения общественной стабильности, провоцирование государственных переворотов, разжигание межэтнической, межнациональной розни, разрушение культурных и духовных традиций народов и т. д.).

В отношении информационной безопасности Союзного государства специалисты также выделяют [3]:

- информационную экспансию недружественных государств;
- распространение недостоверной или умышленно искаженной информации, наносящей вред Республике Беларусь и Российской Федерации, Союзному государству в целом;
- целенаправленное формирование (дискредитацию) в международном сообществе искаженного имиджа государств-участников СГ, их руководства, вооруженных сил, органов безопасности;
- проведение недружественными странами ограничительной политики в отношении белорусских и российских ИТ-компаний и информационных ресурсов;
- искусственное воспрепятствование деятельности национальных информационных ресурсов в иностранном сегменте сети Интернет (блокировка доступа к ресурсам и иные формы воздействия);
- функционирование Даркнета, рост теневого рынка информации и спроса на размещаемые там услуги;
- умышленное искажение (фальсификация) ангажированными организациями исторических событий и фактов, переформатирование исторической памяти, реабилитация нацизма и его пособников;
- увеличение антибелорусской и антироссийской риторики, провоцирование роста русофобских настроений;
- деструктивное информационное воздействие на личность (в первую очередь, на молодых граждан страны), общество и государственные институты, наносящее вред интересам Союзного государства;
- размывание традиционных духовных ценностей и устоев населения государств-участников СГ и др.

Принятая в феврале 2023 г. Концепция информационной безопасности Союзного государства во многом скорректировала концептуальные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в вопросах обеспечения информационной безопасности Союзного государства, подчеркнув при этом необходимость формирования единой нормативной базы Союзного государства в информационной сфере, взаимодействие органов государственной власти и спецслужб по нейтрализации информационных угроз, формированию информационного пространства, отвечающего интересам народов Беларуси и России.

Литература и источники

1. Фалев, М. И. Угрозы национальной безопасности государства в информационной сфере / М. И. Фалеев, Г. С. Черных // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – № 1 (6), Т. 4. – С. 21–34.

2. В Союзном государстве утвердили Концепцию информационной безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной международной ассоциации информационной безопасности. – Режим доступа: <https://namib.online/2023/03/ob-utverzhdanii-koncepcii-informacionnoj-bezopasnosti-sojuznogo-gosudarstva>. – Дата доступа: 14.09.2023.
3. Росс, В. Г. Влияние рынка информационно-коммуникационных технологий на информационную безопасность России [Электронный ресурс] // В. Г. Росс / Официальный сайт ОКБ САПР. – Режим доступа: <https://www.okbsapr.ru/library/publications/ross-01/3>. – Дата доступа: 14.09.2023.
4. Состояние и основные направления развития информационной безопасности Союзного государства в условиях современных угроз [Электронный ресурс] // Официальный сайт Парламентского собрания Союза Беларуси и России. – Режим доступа: <https://belrus.ru/info/sostoyanie-i-osnovnye-napravleniya-razvitiya-informacionnoj-bezopasnosti-soyuznogo-gosudarstva-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov-i-ugroz/>. – Дата доступа: 14.09.2023.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

И. М. Ратникова

Тема справедливого социального порядка была предметом философской рефлексии с самого момента ее возникновения. Еще в древности философы пытались выявить принципы эффективного функционирования общественного бытия. Трансформационные процессы современности, которые сопровождаются возникновением кризисных явлений и «горячих точек» фактически во всех измерениях социальной реальности, в значительной степени актуализируют этот запрос, что находит выражение сегодня в разработке многочисленных концепций справедливости (Р. Дворкин, Р. Нозик, Дж. Ролз, Р. Рорти и др.).

Поиск максимально оптимальных моделей социального устройства и норм совместного общежития в контексте современной цивилизационной динамики является ключевым и для критической теории. Данная активно развивающаяся сегодня исследовательская программа подвергает критическому анализу фундаментальные основания и механизмы функционирования современного общества, выявляя специфику его развития и легитимации. Оригинальные представления о социальной справедливости можно найти в концепциях таких ведущих ее представителей, как Ю. Хабермас, А. Хоннет, Н. Фрейзер и др.

В контексте современных дискуссий о справедливости серьезный научный интерес представляют воззрения одного из наиболее репрезентативных мыслителей новейшей разновидности критической теории Р. Форста. В соответствии с базовой установкой данной исследовательской программы он не только осуществляет радикальную

критику «социальных патологий» в развитии современной цивилизации, но и предлагает практико-ориентированную методологию решения возникших проблем. Данное обстоятельство, несомненно, актуализирует эвристический потенциал критической теории справедливости в контексте разработки стратегии устойчивого развития в условиях глобальных вызовов современности.

Райнер Форст убежден, что справедливость предполагает отказ от принципа господства-подчинения в качестве конституирующего социальную реальность. Справедливость, по его мнению, возможна только при условии равенства всех членов общества, основным правом которых является право на обоснование. При этом борьба за это право и притязания на справедливость рассматривается им как главные факторы возникновения социальных конфликтов и различного рода освободительных движений. В этой связи справедливость представляется им реализуемой только в контексте дискурсивной практики обоснования. Нормативная грамматика обоснования выполняет функцию «фильтра», начиная с дифференциации обоснованных суждений от необоснованных и заканчивая выявлением произвольных форм правления, не имеющих должного обоснования.

Форстовский подход к исследованию содержания и границ справедливости синтезирует в себе наиболее значимые концепты современной критической теории. Так, признание (А. Хоннет) трактуется им как базовое право каждого члена общества на уважение в качестве равноправного участника процедур эффективного социального обоснования, а паритет участия (Н. Фрейзер) как необходимое условие справедливых практик обоснования. В духе же кантианской традиции все социальные, политические, экономические и др. отношения Р. Форст постулирует как нуждающиеся во взаимном и всеобщем обосновании. Нормативными критериями корректного обоснования, соответственно, выступают принципы взаимности и всеобщности. Справедливость оказывается сущностно связанной с обязанностью всех членов общества создавать социально-политические институты на основе таких норм, которые могут «законно претендовать на всеобщую и взаимную силу и обязательность» [1, с. 307].

Таким образом, критическая теория справедливости конкретизируется сегодня как критика форм обоснования существующего социального порядка и реализуется в трех направлениях: во-первых, в выявлении социальных отношений, которые не имеют обоснования в соответствии с критериями взаимности, всеобщности и равенства; во-вторых, в обнаружении ложных, идеологически нагруженных, практик обоснования социальных отношений, заданных логикой господства-подчинения; в-третьих, в анализе неспособности или же отсутствия эффективных институтов и структур, которые могли бы вскрыть и

изменить социальные отношения, не имеющие должного обоснования.

Литература и источники

1. Forst, R. First Things First: Redistribution, Recognition and Justification / R. Forst // Axel Honneth : critical essays ; edited by Danielle Petherbridge. – Leiden, Boston : Brill, 2011. – P. 303–319.

МОЛАДЗЬ І КАШТОЎНАСЦІ ГУМАНІЗМУ Ў КАНТЭКСЦЕ ІНФАРМАЦЫЙНАГА ГРАМАДСТВА

Э. І. Рудкоўскі

Моладзь – носьбіт вялікага інтэлектуальнага патэнцыялу і творчай энергіі, новых ініцыятыў і форм жыццядзейнасці.

Маладосць – гэта час, калі чалавек будзе планы на будучыню і імкнецца іх рэалізаваць у розных сферах як грамадскага, так і асабістага быцця. Маладосць – гэта час магчымасцей, перыяд крытычнасці, перманентнага пошуку навізны. Можна смела сцвярджаць, што моладзь вызначае будучыню свету. Сучасная моладзь знаходзіцца ў якасна новай сацыяльнай і інфармацыйнай прасторы. Змяняюцца не толькі тэхналагічныя працэсы ў сферы эканомікі, але і ўвесь уклад жыцця людзей, сістэма каштоўнасных арыентацый, уключаючы тыя, якія накіраваны на рэалізацыю каштоўнасцей гуманізму. Гуманізм – з'ява шматгранная і выяўляецца ў самых розных якасцях чалавека і прынцыпах грамадскага ўладкавання. Перш за ўсё гуманнасць – гэта дзейнасць, асноўным матывам якой з'яўляецца прызнанне чалавека ў якасці вышэйшай каштоўнасці. Гуманная асоба – гэта асоба, якая нават ў складаных умовах захоўвае сваю чалавечнасць, паважлівае стаўленне да годнасці і свабоды іншых. Гуманізм як прынцып прадугледжвае свабоднае развіццё і творчую рэалізацыю патэнцыялу чалавека.

Фарміраванне каштоўнасных арыентацый, уключаючы каштоўнасці гуманізму, у інфармацыйным грамадстве мае свае асаблівасці. Сёння маладыя людзі з'яўляюцца не проста грамадзянамі канкрэтнай краіны, а членамі глабальнай супольнасці.

Існуе праблема адбору і распаўсюджвання праверанай, верыфікаванай інфармацыі.

Без належнага сацыяльнага кантролю інфармацыйныя тэхналогіі могуць аказваць разбуральны ўплыў на грамадскія працэсы і асабістае жыццё чалавека. Інфармацыйныя працэсы часта становяцца магутным сродкам маніпулявання свядомасцю маладых людзей, фарміравання кліпавага мыслення. Вось чаму нельга цалкам пагадзіцца з пазіцыяй, што «глабальныя інтэрнэт-рэсурсы не змаглі пераадолець нацыянальныя і рэгіянальныя межы, што ўстаяліся» [1, с. 9]. Можна, цалкам гэты працэс не

завяршыўся, але ён нарастае з вялікай хуткасцю і тоіць у сабе не толькі пазітыўныя наступствы, але і негатыўныя выклікі ў сферы каштоўнасных арыентацый маладога пакалення.

Моладзь так ці інакш карыстаецца сусветнай сеткай, што не можа не аказваць уплыву на працэс яе асобнага станаўлення. Да важных праблем, якія ўплываюць на працэс сацыялізацыі моладзі, можна аднесці нізкі ўзровень інфармацыйнай культуры, адсутнасць выразнай, упарадкаванай сістэмы ў распаўсюджванні грамадска значнай інфармацыі. Мы часам сутыкаемся з сітуацыяй, калі чалавек, які прафесійна валодае электроннай камунікацыяй, у той жа час праяўляе нясталасць у ацэнцы грамадска-палітычных працэсаў, мае праблемы ў міжасобных зносінах у рэальным паўсядзённым жыцці. Варта памятаць, што ў параўнанні з традыцыйнымі агентамі сацыялізацыі (сям'я, калектыў, школа), уплыў якіх насіў мэтанакіраваны, у пэўнай меры рэгуляваны характар, Інтэрнэт уносіць у гэты працэс значны элемент стыхійнасці і непрадказальнасці. Ён нясе часта нізкаякасную, дарэмную, часам дэструктыўную інфармацыю, спрыяе фармаванню інтэрнэт-залежнасці, не дае зразумелых, ясных, сацыяльна значных каштоўнасных арыентацый.

Рашэнне гэтых праблем з'яўляецца найважнейшай задачай органаў улады, арганізацый і ўстаноў, якія займаюцца паўсядзённай выхаваўчай працай.

Важную ролю ў працэсе сацыялізацыі асобы адыгрываюць, як вядома, зносіны. Але яны ў інфармацыйным грамадстве перажываюць істотныя змены. Інфармацыйныя тэхналогіі ўзнаўляюць прывязанае да камп'ютэра, гаджэту «пакаленне з апушчанай галавой». Рэальныя зносіны паміж людзьмі замяняюцца зносінамі ў віртуальным свеце. У канчатковым рахунку, гэта выліваецца ў няздольнасць вырашаць рэальныя жыццёвыя праблемы. Віртуальныя зносіны не дазваляюць перадаць усю цеплыню чалавечых пачуццяў, без якіх нельга казаць і аб гуманных адносінах у сапраўдным сэнсе гэтага слова. Дыстанцыя паміж рэальным і віртуальным гуманізмам усё ж такі існуе. Адсутнасць вопыту зносін гукаецца затым ў дарослым жыцці. Выходзячы ў рэальны свет, такія маладыя людзі адчуваюць неспакой і замяшанне. Больш за тое, знаходжанне ў віртуальным асяроддзі небяспечна магчымасцю траплення ў пастку чужых духоўных каштоўнасцей, бо спосабы маніпулявання свядомасцю надзвычай вялікія. Адным з вынікаў інтэрнэт-залежнасці з'яўляецца такі феномен, як адзінота. Імкнучыся яго пераадолець, звяртаюцца да сацыяльных сетак. Але тут круг замыкаецца. Следства пачынаюць лячыць прычынай, якая гэта следства і выклікала. У сувязі з гэтым наўрад ці можна занадта аптымістычна ацэньваць уплыў інфармацыйных тэхналогій на духоўны свет чалавека, меркаваць, што «"смарт-грамадства" будзе грамадствам бесперапынных, выведзеных на дысплей адкрыццяў у навуцы і мастацтве, грамадствам маральных людзей» [2].

Моладзь сёння інтэграваная не толькі ў глабальныя інфармацыйныя патокі, але і, як следства гэтага, у глабальнае грамадства спажывання і вытворчасці духоўных каштоўнасцей. Інтэрнэт ператварыўся ў своеасаблівае асяроддзе жыхарства моладзі, выкарыстоўваецца Захадам для нападаў на традыцыйныя каштоўнасці, каштоўнасці гуманізму, якімі кіраваўся соцыум на працягу многіх стагоддзяў. Маладым людзям даносяць, навязваюць устаноўку, што ёсць «небінарныя, трансгендэрныя, трансэксуальныя» людзі. Калі хтосьці не згодны, ён гамафоб або трансфоб. А гэта ў Еўропе прыкмета расізму. «Забараніць забараняць» – вось лозунг. Вычварэнствы і заганы ператварыліся ў норму. Тэрор меншасцей на Захадзе становіцца ўсё больш жорсткім, а т. зв. паліткарэктнасць пераважыла ўсе строгасці цензуры. Маральныя табу і забароны абвешчаюцца дыктатам «патрыярхальных каштоўнасцей». Перад намі магутная сістэма разбурэння прыроды, сутнасці чалавека. Знішчыць чалавека аказваецца лёгка – трэба забараніць яму ўсё, што стала для яго звыклым у жыцці, што складае сутнасць яго быцця. Парадаксальна, што робіцца гэта пад сцягам не проста гуманных, а звышгуманых меркаванняў, меркаванняў згоды ў грамадстве, бо нічога нельга забараняць. Лібералізм і культура адмены перамагаюць. І чым больш ускладняецца свет, тым больш выяўляецца прымітывізацыя яго ў разважаннях заходніх палітыкаў і тэрэтыкаў.

Малады чалавек у значнай меры жыве ў віртуальным свеце. Яму там, мабыць, камфортна. Але важна памятаць, што рана ці позна давядзецца вяртацца ў рэальны свет. Вось чаму павінны існаваць адаптацыйныя механізмы ўрастання маладога чалавека ў гэты свет. А гэта азначае, што моладзь можа стаць актыўным удзельнікам розных формаў жыццядзейнасці толькі пры наяўнасці пэўных аб'ектыўных умоў (узровень матэрыяльнага дабрабыту, удасканаленне палітычнай сістэмы грамадства, рост яго духоўнай культуры) і суб'ектыўных перадумоў, сфармаваных светапоглядных арыентацый. Моладзь не проста фарміруецца ў грамадстве, але і фарміруе яго, фундаментуе сучаснасць і шмат у чым вызначае вобраз будучыні.

Літаратура і крыніцы

1. Донских, С. В. Между «Галактикой Интернет» и региональными границами: опыт анализа виртуальных практик современной белорусской молодежи / С. В. Донских // Современная молодежь и общество : сб. научных статей. – Минск : РИВШ, 2021. – Вып. 9. – С. 4–10.
2. Кугай, А. И. Угрозы и надежды «цифрового поколения» в эпоху информационно-цифровой цивилизации / А. И. Кугай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2019/05/24/ugrozy_i_nadezhdy_cifrovogo_pokoleniya_v_epohu_informacionnocifrovoj_civilizacii. – Дата доступа: 01.09.2023.

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

А. Я. Сарна

В рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2020–2025 гг. в нашей стране осуществляется внедрение новых информационных систем, а также развитие функциональных возможностей действующих инфраструктурных элементов механизма «электронного правительства». Это должно в значительной степени упростить взаимодействие общества, бизнеса и государства посредством применения современных цифровых решений, исключить необходимость личного посещения государственных учреждений при выполнении различных административных процедур.

Помимо этого, в настоящее время создана «государственная система правовой информации, в рамках которой активно развивается электронная правовая коммуникация между гражданами, бизнесом и государством. Успешно функционирует автоматизированная информационная система, реализующая электронное взаимодействие между субъектами нормотворчества по формированию Национального реестра правовых актов Республики Беларусь. На ее основе ведется разработка автоматизированной информационной системы «Нормотворчество» в целях обеспечения цифровизации процессов взаимодействия государственных органов и организаций на всех стадиях нормотворческой деятельности. Благодаря таким нововведениям «восприимчивыми» к цифровым инновациям становятся традиционные отрасли экономики и сферы жизнедеятельности» [1].

В восьмой главе данной Госпрограммы представлена подпрограмма «Информационная безопасность и цифровое доверие», где обосновывается необходимость развития информационных технологий и технических решений для государственных электронных сервисов с целью непрерывного совершенствования инструментов, обеспечивающих стабильность работы и защиту данных государственных информационных систем (цифровых платформ). Здесь подчеркивается, что «укрепление доверия и безопасности при использовании таких решений – одно из важнейших условий успешного цифрового развития государства. В связи с этим в рамках данной подпрограммы будут выполнены мероприятия, направленные на практическое решение задачи по совершенствованию системы информационной безопасности, обеспечивающей правовое и безопасное использование решений, внедряемых в рамках цифрового развития Республики Беларусь, укреплению доверия, обеспечению условий для безопасного оказания и получения электронных услуг (формирование «цифрового доверия»), включая: разработку и внедрение

программных и программно-аппаратных средств защиты информационных ресурсов, информационных и телекоммуникационных систем; формирование и совершенствование технических условий для надежной идентификации и удостоверения данных в рамках оказания государственных услуг и осуществления административных процедур в электронной форме» [1].

Считается, что в результате реализации указанных проектов будет повышен уровень безопасности и технологий ее обеспечения в рамках созданной цифровой информационной экосистемы, обеспечена конкурентоспособность отечественных разработок и технологий информационной безопасности, выстроена эффективная система защиты прав и законных интересов граждан, бизнеса и государства от угроз информационной безопасности. Однако при этом не указывается необходимость разработки соответствующей нормативно-правовой базы, которая бы обеспечивала реализацию программы на всех ее этапах, начиная с самых элементарных – в вопросе о правообладании (собственности) на все электронные разработки и цифровые технологические решения, а также персональные данные пользователей данных услуг. Видимо, автоматически считается, что правообладателем выступает государство как главный заказчик всей программы в целом. Но кто конкретно будет выступать в качестве субъекта собственности и полноценного правообладателя в каждом конкретном случае, остается неясным.

В таком контексте одним из наиболее значимых становится вопрос о доступности и сохранности так называемых «открытых данных» (англ. open data) как информации о различных социальных процессах и объектах наблюдения / мониторинга, осуществляемого с помощью современных цифровых технологий и предоставляемых в открытом доступе для гражданского общества. Понятие открытых данных тесно связано с категорией «большие данные», поскольку предполагает доступ к непрерывно меняющимся данным колоссального объема из разных источников. Обработав полученные сведения, можно выявить общие тенденции или закономерности применения новых технологий в различных областях повседневной жизни современных мегаполисов, используя открытые данные для облегчения повседневной жизни людей и решения актуальных социальных проблем. Поэтому принципиально важным становится применение принципов открытости, прозрачности, подотчетности и законности в процессе сбора и использования больших массивов данных, в том числе – персональных.

Отсутствие государственных программ по обучению и информированию населения о предстоящем появлении различных технических новинок подвергает риску маргинализации тех, кто недостаточно освоил или не готов осваивать современные

информационно-коммуникационные технологии, а это приводит к цифровому неравенству. Поэтому собранная информация должна быть представлена гражданскому обществу для стимулирования инициатив местных жителей, которые смогут внести свой вклад в развитие городской среды, если вовремя узнают о планах городских и региональных властей. При этом доступ к массивам данных должен быть ограничен, хотя процесс их использования остается прозрачным для контроля со стороны независимых правозащитных организаций и гражданского общества. Также необходимы гарантии надежной защиты открытых данных от хакеров, использования в агрессивном маркетинге, вторжения в частную жизнь.

Также важнейшей проблемой в контексте процессов цифровой трансформации деятельности социальных институтов становится обеспечение прозрачности государственных решений и процедур поправки в избирательный кодекс для проведения выборов на местном и республиканском уровнях. Эта проблема отчасти может быть решена с помощью использования «блокчейн» (англ. blockchain, от block – «блок» и chain – «цепь») – технологии передачи, распределения и защиты данных при взаимодействии пользователей в рассеянной, децентрализованной и бессерверной архитектуре сети, выступающей как коммуникационная платформа с максимальным уровнем безопасности всех интеракций и гарантией их конфиденциальности. Данная технология основана на процедуре достижения согласия сторон с опорой на базы данных общего пользования и средства криптографической проверки идентичности, что позволяет не обращаться к услугам посредников, в роли которых обычно выступают, например, юристы или банковские служащие.

База данных как универсальный реестр со свойствами прозрачности и устойчивости включает в себя транзакции, которые варьируются от денежных переводов до сделок и договоров в форме т. н. «умных контрактов» (smart contracts), условия которых сформулированы однозначно в том же коде, который управляет их исполнением. Надежность «умного контракта» обеспечивается напрямую самим механизмом его выполнения, встроенным в сеть, как это и задумывал автор-разработчик данной системы криптограф Н. Сабо в середине 1990-х гг. Процесс транзакций в рамках «умного контракта» реализуется последовательно, по «цепочке» в виде системы блоков, выступающих в качестве основных информационных элементов системы, хранящих данные по всем достигнутым соглашениям. Это позволит осуществлять безопасное, верифицируемое и прозрачное перемещение любых данных – активов и долгов, соглашений и обязательств, ставок и голосов, билетов и претензий по системе блокчейн от одной стороны к другой.

Тем самым открываются новые возможности для сферы управления, обеспечения правовых гарантий и нормативной регуляции самых разных

процессов. В результате реализации данных проектов, дополняющих Госпрограмму по цифровизации, гражданам Беларуси может быть предоставлена возможность получать дистанционно юридически значимые электронные документы и иную информацию, необходимую для осуществления профессиональной деятельности и обеспечения повседневных потребностей.

Литература и источники

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.mpt.gov.by/sites/default/files/gos-programma_post-new.docx. – Дата доступа: 15.09.2023.

ФОРМЫ ДЕСТРУКТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

А. С. Селезнёв

Процесс социализации подразумевает приобщение индивида к общественным нормам, а также освоение им различных приемлемых образцов поведения. Подобные факторы оказывают непосредственное влияние на формирование личности. Кроме того, приобретаемые знания и навыки позволяют нам успешно функционировать в социуме.

Агентами социализации, прежде всего, выступают конкретные люди или общественные институты, которые помогают отдельному человеку усваивать общепринятые нормы поведения и моральные ценности. Они могут быть первичными (семья, друзья) и вторичными (знакомые, коллеги, школа, вуз, армия и т. д.). Именно в семье закладываются основы личности: получение базовых знания об элементарных правилах поведения и этикета, обучение социальным ролям, получение опыта самопознания [5, с. 387]. Помимо прочего, подобные образцы поведения обычно остаются с нами на всю жизнь.

Процессы цифровизации оказывают воздействие на индивидуальное сознание и общепринятые нормы поведения. Цифровая эпоха и компьютерные технологии значительно изменили общественную жизнь на различных уровнях. Информационные сообщения передаются посредством современных коммуникационных систем практически мгновенно. В результате межличностное общение претерпевает количественные и качественные изменения [1, с. 301]. Вдобавок, личные страницы в социальных сетях и микроблоги делают даже рядовых интернет-пользователей в определенной степени публичными людьми. Данный фактор требует понимания собственной ответственности за действия в

цифровом пространстве.

Исследователи обычно относят к представителям цифрового поколения всех людей, которые были рождены, начиная с 1980-х годов по настоящее время. Процесс социализации в данном случае предполагает использование компьютерных технологий и регулярное общение в интернете. Современные коммуникационные технологии способствуют передаче знаний и накоплению социального опыта с помощью онлайн-общения, микроблогинга, веб-ресурсов и смешанной реальности. Поэтому в индивидуальном сознании происходит конвергенция виртуального и реального миров, а также размывание психологических границ личности.

Факторы цифровой социализации постоянно пополняются новыми средствами: сначала веб-сайты и электронная почта, потом мобильные телефоны и социальные сети, а теперь виртуальная реальность. В итоге пользователи регулярно приобретают дополнительные мотивы деятельности [3, с. 56].

Следует отметить, что общение в интернете обычно сопряжено с определенными рисками. Например, широкая анонимность нередко порождает вседозволенность и грубость при сетевом общении. Некоторые пользователи намеренно провоцируют других людей и даже издеваются над ними.

Среди негативных факторов пребывания в цифровом пространстве можно выделить такие факторы, как размытая ответственность за противоправные деяния в сети, подверженность манипуляциям со стороны лидеров мнений, открытый доступ к экстремистским информационным материалам.

Феномен деструктивной социализации известен с древнейших времен. Во-первых, внутрисемейные ценности в отдельных случаях могут быть далеки от общепринятых норм поведения. К примеру, родители оказываются адептами сектантских учений, асоциальными элементами или преступниками. Во-вторых, принадлежность индивида к антисоциальной неформальной группе тоже способна привить ему негативные ценности. Цифровые технологии позволяют антиобщественным элементам и кибермошенникам размещать и транслировать информационный контент, который способствует деструктивной социализации подростков и молодежи. В результате происходит потеря собственной идентичности, формирование неадекватной самооценки, появление стремления к неоправданному риску, а также развитие склонности к магическому мышлению.

В настоящее время можно перечислить следующие основные формы деструктивной социализации в цифровой среде: 1) навязывание чуждой идентичности; 2) участие в антисоциальных сообществах; 3) вербовка в сектантские движения; 4) вовлечение в мошеннические схемы; 5) привитие экстремистских идей.

Навязывание чуждой идентичности в первую очередь предполагает использование заинтересованными лицами тематических информационных материалов для воздействия на индивидуальное сознание и вторжения в духовную сферу. Например, в последние годы они стремятся высмеять традиционные ценности, размыть понятие гендерной принадлежности, поколебать патриотизм, а также исказить историческую память.

Подростки и молодежь не склонны распознавать скрытые манипуляции, поскольку для того, чтобы развить критическое мышление, как правило, нужен жизненный и профессиональный опыт. В результате получаемые сведения сразу же воспринимаются в качестве непреложной истины.

Социальные сети предлагают интернет-пользователям участие в различных тематических сообществах. Среди множества пабликов достаточно просто найти такие, которые посвящены пропаганде вредных привычек, оправданию антиобщественных действий, поощрению вандализма и распространению радикальной идеологии.

Необходимо добавить, что антисоциальные сообщества в цифровом пространстве могут быть представлены в виде разнообразных форумов, секретных чатов в мессенджерах и закрытых клубов по интересам. Молодые люди регулярно общаются с другими участниками данных групп, просматривают размещенный контент и постепенно проникаются насаждаемыми идеями.

В современном мире вербовка в сектантские движения чаще всего осуществляется дистанционно. Данный процесс происходит в виртуальной среде. Вербовщики активно используют мультимедийные технологии, видеосервисы, социальные сети и контекстную рекламу. Они предлагают посетителям помощь и в дальнейшем переходят к индивидуальной психологической обработке. Представители тоталитарных сектантских организаций ищут новых адептов, прежде всего, среди молодежи, аддиктивных личностей и невротиков. Они проявляют наигранное внимание и обещают им решить все накопившиеся проблемы. Поэтому новичкам кажется, что присоединение к секте является правильным выбором. Индивидуальное общение позволяет вербовщикам изучить мотивацию человека и попытаться навязать ему альтернативные ценности. Далее критике подвергается даже привычный уклад жизни вплоть до распорядка недели. В конечном итоге новый адепт, как правило, вынужден подчинить собственные устремления интересам руководителей сектантской организации.

Следует уделить особое внимание вовлечению несовершеннолетних лиц, школьников и студентов в мошеннические схемы. Данные социальные категории зачастую не вполне осознают меру собственной ответственности за противоправные действия в интернете [4, с. 27]. Кроме

того, в большинстве случаев вышеупомянутые люди не работают и испытывают постоянный недостаток денежных средств. Организаторы мошеннических схем применяют методы психологического воздействия для убеждения потенциальных новичков и внушения необходимых установок. В результате подобной обработки внутреннее стремление к незаконному обогащению нередко начинает восприниматься как своеобразная борьба за справедливость.

Начинающие преступники склонны полагать, что использование мессенджеров, электронной почты и секретных чатов позволяет им сохранять полную анонимность. Вместе с тем, представители правоохранительных органов располагают целыми методиками сбора и учета соответствующих данных [2, с. 27].

Привитие экстремистских идей, прежде всего, подразумевает целенаправленную работу с массовым сознанием. Заинтересованные лица и неправительственные организации прилагают усилия для того, чтобы транслировать специфическую информацию на многотысячную аудиторию. Данный контент обычно размещается в вирусных видеороликах, контекстной рекламе, профильных сообществах в социальных сетях и тематических каналах в мессенджерах.

Манипуляторы критикуют общепринятые нормы поведения и стремятся подтолкнуть молодых людей к совершению публичных противоправных действий. Подростки и невротики часто оказываются восприимчивыми к подобным призывам. Они оправдывают такие поступки и в дальнейшем сами переходят от слов к делу. Помимо прочего, дополнительным триггером выступает отсутствие базовых юридических знаний. Необходимо отметить, что в интернете рядовой пользователь, как правило, выступает в качестве объекта для различных внешних манипуляций. Одни лица пытаются присвоить наши денежные средства, другие – навязать собственные ценности, а третьи – побудить нас к совершению правонарушений.

Таким образом, процесс социализации в цифровой среде, представленный разнообразными формами внешнего воздействия, может принимать деструктивный характер. На начальном этапе манипуляторы стремятся стать для молодых людей агентами вторичной социализации. В дальнейшем чаще всего предпринимается попытка вторжения в мотивационную сферу. Профилактика деструктивной социализации в виртуальном пространстве требует от заинтересованных лиц и представителей государственной власти регулярного проведения комплексных информационных мероприятий. Кроме того, интернет-пользователи должны прилагать собственные усилия для того, чтобы развивать критическое мышление.

Литература и источники

1. Галимов, И. Р. Становление личности в условиях цифровизации / И. Р. Галимов // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – Т. 2, № 1. – С. 299–303.
2. Евдокимов, К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / К. Н. Евдокимов. – М., 2022. – 73 с.
3. Лучинкина, И. С. Поведение личности в современной цифровой среде / И. С. Лучинкина // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 51–58.
4. Шалагин, А. Е. Предупреждение преступлений в подростково-молодежной среде: монография / А. Е. Шалагин. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 160 с.
5. Khurana, T. Gattungswesen: Zur Sozialität der menschlichen Lebensform / T. Khurana // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. – 2022. – Vol. 70, № 3. – S. 373–399.

ОБРЕТЕТ ЛИ УТОПИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРТАНИЯ?

В. Н. Семенова

Начало третьего тысячелетия связано с появлением цифровой реальности, развитием информационного общества и цифровой экономики. Одновременно XXI в. является последовательным развитием обозначившихся в XIX–XX вв. явлений и процессов, связанных с кризисом христианских духовных ценностей, с «закатом Европы» и всей западной цивилизации. Среди прочих фундаментальных оснований Запада подвергается ревизии и понятие человека: вопросы о происхождении человека, его природе и сущности, моральных характеристиках, телеологии человеческого бытия и возможной «смерти» человека (Ф. Ницше: «человек – это то, что надлежит преодолеть») являются такими же актуальными, как и две тысячи лет назад.

Радикальные ответы на эти традиционные вопросы предлагает набирающее популярность течение трансгуманизма.

Трансгуманизм сегодня наиболее откровенное идейное течение, «исповедь человекобожия», в основе которого – культ человека, религия постчеловека, титана, полубога / героя, киборга, избавившегося благодаря своей «технической» половине от «слабостей» и несовершенства человеческой природы. Главным недостатком человеческой природы объявляется человеческая телесность. Чтобы вывести человечество на новый уровень биологического и интеллектуального развития, необходимо преодолеть человеческие «слабости», к которым относятся страдания и душевные переживания, болезни и смерть. Мировоззренческие и

политические убеждения также рассматриваются как непопустительная роскошь, мешающая человеку вести себя рационально и эффективно. Основная идея трансгуманизма заключается в конвергенции различных достижений современной науки и технологии для усовершенствования биологической природы человека и его интеллектуальных способностей и в перспективе достижения бессмертия.

Современная наука не особенно продвинулась не только в области увеличения продолжительности жизни, но и в области повышения эффективности и работоспособности людей пожилого возраста, поэтому ставка трансгуманизмом была сделана на киборгизацию человека, его сращивание с «машинным телом» и искусственным интеллектом. В обозримой перспективе трансгуманисты ожидают перемещение сознания из биологического тела в лучшие виды воплощения («загрузка сознания»). Иллюстрацией к трансгуманистической утопии может служить фантастический триллер «Превосходство» (англ. Transcendence, 2014), в котором исследователь в области изучения искусственного интеллекта создает компьютер, достигающий состояния технологической сингулярности. Умирая, ученый загружает свой разум в Интернет-пространство, получая тем самым цифровое бессмертие. Существенное отличие данного фильма от других подобных ему историй о загрузке сознания, например, от «Матрицы» (1999) или «Мира Дикого Запада» (2016), заключается в счастливой концовке: сознание героя, отправленное в интернет-пространство, и его жена по-прежнему любят друг друга и счастливы.

Отметим, что идеи социального инжиниринга не новы. Практически все социальные утопии включают в себя элементы конструктивизма. Но классические либеральные (мировое правовое государство как либеральный рай) или коммунистические (бесклассовое общество и совершенный человек) социальные утопии достаточно быстро разбивались о суровую реальность окружающей действительности и несовершенной человеческой природы. Продемонстрировав в течение последних 150 лет свою несостоятельность, социальные утопии отошли на второй план, уступив место конструктивистским утопиям, которые делают акцент именно на трансформации психофизической и духовной сущности человека: «место социальных утопий занимают утопии индивидуальные и технологические» [3, с. 174].

Апогеем трансгуманизма является киборг, а утопическим проектом выступает полный отказ от тела и загрузка сознания. Все это, без сомнения, предполагает изменение природы и сущности человека. Для традиции и модерна природа и сущность человека – это данности, которые невозможно изменить. Смертная природа человека может быть преодолена, но только в результате второго пришествия Христа с божественной помощью. Для классической метафизики сущность человека

как разумного политического животного, обладающего бессмертной душой, неизменна. Но для текущей современности постмодерна представляется, что все возможно («делай, что хочешь»). С другой стороны, приходится признать, что традиционные концептуализации человека как биологического вида и как биосоциального существа все чаще становятся несостоятельными, оказываются не в состоянии объяснить происходящие трансформации в современной науке, социуме и «естественном» человеке. Невозможность найти ответы на вызовы постсовременности в традиционных мировоззрениях и «школьной» науке заставляет современного человека обращаться к направлениям нью эйджа (новой эры великого преобразования).

Эксперименты по созданию гомункулуса, искусственного человека (киборга) и переносу сознания в истории культуры и литературы известны давно и уходят в алхимические практики (гомункул Парацельса, «Фауст» И. Гете, легенды о Големе, «Франкенштейн, или современный Прометей» М. Шелли, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р.-Л. Стивенсона и др.). Другое дело, что конец подобных экспериментов обычно был по-фрейдистски неутешителен: созданный искусственный человек выходит из-под контроля и убивает своего создателя. Обращаясь к современным версиям подобных экспериментов с переносом сознания и созданием киборгов, мы видим, какую опасность представляют собой машины, вышедшие из-под человеческого контроля или поставленные на службу государству, во франшизах «Терминатор» (1984, 1991, 2003) и «Матрица» (1999, 2003). А в культовом фильме Стэнли Кубрика «Космическая одиссея 2001» (1968) все завершается так, как оно должно завершиться в антиутопии трансгуманизма: искусственный разум отключает от системы жизнеобеспечения несовершенного и ставшего ненужным человека.

Попытки трансгуманистов различных направлений «расшатать» природу человека, дестабилизировать ее и с помощью «текущей идентичности» попытаться ее в перспективе изменить с учетом применения НБИКС-технологий (своего рода, современной алхимии) вполне могут быть успешными. Пока природа человека остается неизменной, однако она уже «трансприглушена» [1, с. 61]. Сферой первоначального прорыва в этом направлении сегодня является медицина, а общим вектором становятся расширяющиеся возможности медицинской коррекции или даже модификации биологической природы человека [2, с. 7]. Медицинские технологии трансгуманизма (искусственные внутренние органы, тканевая инженерия (отбор и выращивание стволовых клеток, разработка матрикса), исследования в области геронтологии, крионика) в самом ближайшем будущем могут привести к прорыву в модификации биологической человеческой природы. Например, выход тканевой инженерии на новый уровень впоследствии может привести к

исчезновению необходимости в донорских органах [4].

Дальнейшая судьба трансгуманизма как идейного течения пока неочевидна. С одной стороны, существует тесная взаимосвязь между развитием цифрового общества и цифровой экономики и реализацией трансгуманистического взгляда на природу человека. Некоторые авторы даже ставят в зависимость успешное и эффективное развитие цифрового общества именно от реализации трансгуманистического преодоления человека [1, с. 58]. Полагаю, что это слишком сильный тезис. Взаимосвязь между цифровым обществом и постчеловеком диалектическая. Однако важно понимать, что становление цифрового общества, развитие цифровой экономики с необходимостью требуют нового человека, постчеловека. Только такой «герой нашего времени» в состоянии продвигать цифровое развитие и соответствовать ему. Поэтому от иллюзий стремительного развития цифровой экономики при одновременном консервативном сохранении традиционного типа личности, необходимо отказаться. Новый механицизм цифрового мира предполагает превращение не только мира, но и самого человека в набор четких и последовательных алгоритмов. Трансгуманизм снова возвращается к механицизму, идее человека-машины, только в современном научно-техническом ключе: искусственный интеллект – это именно гибрид человека и машины [1, с. 61], о чем еще в середине XX в. предупреждал М. Хайдеггер.

С другой стороны, нет целостной мировоззренческой платформы, системы идейных принципов и постулатов, социально-политической программы трансгуманизма, который вращается вокруг единственной идеи преодоления телесного несовершенства. Вероятнее трансгуманизм войдет составной частью в формирующуюся сегодня синтетическую лево-радикальную «идеологию натурализма», объединяющую до недавнего прошлого маргинальные и периферийные идейные течения (нью-эйдж, радикальный экологизм, квир-теории и др.). Для традиционных мировоззрений и идеологий опасность такого «союза» представляется еще более серьезной.

Литература и источники

1. Воронцова, Ю. В. Природа человека, трансгуманизм и цифровая трансформация / Ю. В. Воронцова, С. Е. Постиго // E-Managment. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 58–63.
2. Гринин, Л. Е. Приведет ли кибернетическая революция к киборгизации людей? / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин // Философия и общество. – 2016. – Вып. 3 (80). – С. 5–26.
3. Молостова, Е. С. Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму / Е. С. Молостова // Научные ведомости. – 2012. – № 9 (180), Вып. 28. – С. 168–175.
4. Чучкова, А. С. Медицинские технологии трансгуманизма / А. С. Чучкова // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы III

ДИНАМИКА СФЕРЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ю. П. Середа

Интенсификация реализации ключевых параметров социального прогресса позволяет зафиксировать стремительный скачок в развитии не только цифровой экономики как отдельного сектора, но и современных обществ в целом. Цифровая трансформация как всеобъемлющий процесс меняет рабочие институты и трудовую среду, трудовые практики и исторически сформированные модели занятости, основы корпоративной коммуникации и мониторинга трудовой эффективности. Кроме этого, само понимание труда, его роль и значение в современных обществах не остается без изменений так же, как и понимание основных смыслов, которые структурно связаны с интерпретацией понятия «работа» и «занятость». Особенно в условиях расширения технологической перспективы исследовательский вектор смещается не только в сторону новых форм трудовой занятости, эксплуатации, но и в сторону самого субъекта трудовой деятельности, его места и роли в современном разделении труда. Социальное (общественное) измерение человека сопряжено с трудовым, но уже сегодня можно сфокусировать внимание на трансформационной динамике в контексте трудовой деятельности человека и его самореализации в профессиональном измерении.

В связи с беспрецедентным развитием информационно-технологической сферы особое внимание на систему труда и трудовых отношений было направлено социальным мыслителем М. Кастельсом. Он своевременно отмечал, что непосредственным образом «процесс труда находится в сердцевине социальной структуры. Технологическая и управленческая трансформация труда и производственных отношений в возникающем сетевом предприятии и вокруг него есть главный рычаг, посредством которого информационная парадигма и процесс глобализации воздействуют на общество в целом» [1, с. 199]. Согласно Кастельсу, предпринимая попытки маркировать происходящие глобальные трансформации, следует опираться, прежде всего, на экспертные аналитические и статические данные, касающиеся показателей занятости и распределения труда. Обобщенно, можно сказать, что многие оценки преувеличены, но при этом «налицо действительно фундаментальная трансформация работы, работников и организации работы в наших обществах, но ее нельзя оценивать в традиционных категориях устарелых дебатов вокруг "конца труда" или "деквалификации труда"» [1, с. 262].

Фактически трудовой процесс в информационно-технологической перспективе структурно видоизменяется и обретает новые формы. В середине 90-х гг. Кастельс предложил зафиксировать два ключевых маркера такого изменения: индивидуализация труда и мобильность квалифицированной занятости. Эти тенденции не только сохранились сегодня, но и наблюдается их более масштабная интенсификация.

В современных реалиях необходимо различать интерпретацию общества безработного и общества посттрудового. Как было отмечено выше, понимание труда, трудовой занятости трансформируется наряду с изменениями в социальных ожиданиях как нанимателей, так и нанимаемых индивидов, поскольку это, как минимум, двусторонний процесс. Для нанимателя все более важными становятся многозадачные работники, ориентированные на дополнительное обучение и даже переквалификацию в рамках стремительно меняющихся факторов производственного и бизнес-процесса как такового. Для трудящихся субъектов также меняется базовое целеполагание трудовой занятости – это поиск наиболее интересной профессии, возможности гибкого трудового графика, высокая оплата труда, отсутствие неэтичной и токсичной коммуникации в трудовом коллективе, понимание и соблюдение личных границ.

Так, с одной стороны, более детальные исследования перспектив развития сферы труда в общемировом масштабе позволяют выявить несколько базовых проблемных направлений, среди которых особое значение имеет вопрос экспликации того, что представляют собой безработные как социальная группа с учетом новых социально-экономических трендов, как будущая глобальная автоматизация изменит рынок труда, какие могут быть потенциальные риски для индивида при условии замены его труда автоматизацией [2]. С другой стороны, на повестку дня выходит проблематизация самой переходности социума к посттрудоному измерению. Согласно современным социальным исследователям Н. Срничеку и А. Уильямсу, идея новой модели общественного развития непосредственно связана с происходящей цифровой трансформацией, которая пронизывает социальные системы, вносит коррективы в процессы их функционирования и, собственно, задает направления социальной эволюции. Если говорить обобщенно, то исследовательская позиция авторов строится на возможностях и механизмах переориентации всей социально-экономической системы и последовательной критической рефлексии исторически сложившейся модели перераспределения социальных благ. В этой связи для реализации проекта посттрудового общества в условиях цифровой реальности наиболее существенными представляются следующие пункты: 1) полная автоматизация трудовой деятельности; 2) сокращение рабочей недели; 3) обеспечение базового дохода; 4) критика трудовой этики [3, с. 184]. На

уровне функционирования социума это предполагает ряд ключевых изменений: формирование общественного процедурного консенсуса в отношении обеспечения основных жизненных потребностей; формирование прозрачной социальной структуры и расширение доступных общественных ресурсов; ускоренное развитие технологических возможностей. Исходя из позиции авторов, можно отметить, что центрирующим фактором реорганизации современных обществ может стать безусловный базовый доход как ответная реакция на прогнозируемую технологическую безработицу. Реализация на практике этого важнейшего механизма перераспределения общественных благ отражает социальную сущность трудовой занятости населения. В качестве главной движущей силы воспроизводства социума в новом формате рассматривается не рабочий класс, а прекариат как новый социальный класс общества будущего. В этом контексте речь идет о постепенном смещении рабочих с главной позиции в структуре воспроизводства социального и формировании масштабной социальной группы со своей субъектностью. В целом, сегодня можно говорить не только о прекаризации рабочего класса, но и о формировании социального тренда на кризис труда как такового. Более того, на фоне расширяющейся автоматизации не только производственной сферы, но и большинства уровней трудовой деятельности меняется и его значение в общественном воспроизводстве. В данном контексте своего рода эмансипационный потенциал феномена посттрудового общества заложен в ценностно-нормативных представлениях индивидов о значимости своего времени (не только свободного времени), своей занятости трудовой деятельностью и что есть труд в принципе, как зависит от труда реализация личностной свободы и что даст человеку переход от «принудительного» (вынужденного) труда к добровольному (несвязанному с материально-бытовыми задачами). К. Маркс в «Капитале» отмечал, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» (цит. по: [3, с. 327]). Стремительно меняющиеся социально-экономические условия являются драйверами соответствующих не только глобальных трансформаций, но и условий самореализации человека, включая профессиональную реализацию.

Таким образом, трансформации сферы трудовой деятельности несут в себе определенные вызовы для общества, поскольку в основании этого процесса лежат не только новые факторы прогрессивного, но и рискогенного характера. Кроме того, одной из особенностей динамики трудовой сферы в условиях глобальных вызовов является процесс прекаризации и связанные с ним экономические и социальные последствия.

Литература и источники

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Chessell, D. The Jobless Economy in a Post-Work Society: How Automation Will Transform the Labor Marke / D. Chessell // Psychosociological Issues in Human Resource Management. – 2018. – Vol. 6 (2). – P. 74–79.
3. Срничек, Н. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Н. Срничек, А. Уильямс ; пер. с англ. – М. : Strelka Press, 2019. – 336 с.

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. Н. Сидоренко

Ключевым понятием, характеризующим процессы мирового развития на рубеже XXI века, стала глобализация, суть которой заключается в резком расширении и усложнении взаимосвязей и взаимозависимостей как людей, так и государств, что выражается в процессах формирования планетарного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Таким образом, феномен глобализации выходит за чисто экономические рамки. В частности, одними из важных вопросов, которые поставил перед нами процесс глобализации, являются вопросы, связанные с необходимостью укрепления национальной формы самоидентификации.

Одна из главных черт глобализации – тенденция к интеграции разнообразия в единое целое, что, в свою очередь, приводит к упразднению государственных и национальных границ, и, несомненно, содержит в себе угрозу безопасности. В условиях глобализации национальное государство постепенно теряет все классические атрибуты суверенитета. Происходит ослабление культурного суверенитета: в результате экспансии определенных стандартов, в культурной сфере отдельное государство утрачивает монополистический статус – позицию единственного субъекта, который обеспечивает и удерживает собственную стандартизованную национальную культуру среди своего населения. Формирующаяся глобальная культура имеет весьма мало общего с любой из традиционных национальных культур. Кроме того, в экономической сфере с увеличением глобальной взаимозависимости государство больше не располагает ресурсами, достаточными для того, чтобы строить свою политику независимо от ситуации на мировом финансовом рынке. В результате для любого отдельного государства главной задачей становится

создание благоприятного инвестиционного климата, что, несмотря на плюсы, имеет также и минусы: сокращение экономического суверенитета национального государства.

В контексте политики идентичности, специфической характеристикой которой является реализация потребности в признании, в пике унификации имеет место усиление этнических чувств и повышение роли национального фактора в социально-политических процессах, а также усиление интереса к традиционной культуре. Большинство регионов мира охвачено процессом этнического возрождения, или, как его еще называют, этническим парадоксом современности, потому что оно идет параллельно с мировыми глобализационными процессами и вопреки им. Чем сильнее процессы глобализации проникают в национальные культуры, тем активнее народы стараются сохранить такие внутренние компоненты жизни народа, как культуру, язык, религию, т. е. в период глобальных трансформаций обостряются проблемы национальной идентичности, связанные со стремлением народов к самобытности и к самоопределению, к отстаиванию своей идентичности. Неизбежные процессы глобализации, взламывающие вековые уклады национальных культур, приводят зачастую к межнациональной, межрелигиозной напряженности, часто выливающейся в конфликты.

В сложившихся новых условиях национализм демонстрирует свою живучесть и конкурентоспособность. Это обусловлено, прежде всего, тем, что, в противовес ожиданиям наступления кардинально новой фазы развития человечества, в ходе глобализации проявляется все больше негативных последствий как экономического, так и социального характера. Предоставляя существенные преимущества и выгоды наиболее развитым странам, для подавляющего большинства населения планеты глобализация остается ощутимой лишь благодаря своим разрушительным и катастрофическим последствиям. Именно глобализация является причиной оживления этнического национализма, часто обладающего конфликтогенным потенциалом. В связи с этим современная активизация национализма выглядит как ответная реакция на установление нового мирового порядка в условиях глобализации и часто наблюдается сочетание антиглобалистской критики с националистической риторикой. Глобализация как идеология нового космополитизма как бы противопоставляет национальное государство и права человека, придав современному миру невиданную динамику, резко обострив конкуренцию между странами, зародив угрозы и вызовы мировой стабильности. Таким образом, глобализация весьма специфически интегрирует мир. Одни интеграционные усилия ведут к желаемому объединительному результату, другие обнажают непримиримые противоречия (например, национальные). Сохранение неравенства в условиях массовых коммуникаций влечет несогласие, противостояние, конфликты.

Сопротивление глобализации также многообразно – от протестов против негативных последствий глобализации до неприятия глобализации как экспансии западной культуры, подрывающей традиционные культурные ценности незападных цивилизаций, приводящие нередко к конфликтам. В этом контексте проблемы, которые предстоит решить национальным государствам, приобретают цивилизационный характер. Они не в области политики, экономики, культуры, взятых в отдельности, а в их переплетении и взаимодействии. Фундаментальным противоречием современности и одновременно главным вызовом человеческому сообществу в XXI в. выступает противостояние универсальных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности – с другой. Поэтому вопрос о том, какими должны быть общественная мораль, законодательство, образование, культура, социальные отношения в конкретной стране, например, в Беларуси, есть вопрос о том, сохранится ли наша национальная цивилизация в XXI ст.

В заключение необходимо отметить, что усиление националистических настроений – один из специфических «маркеров» глобализации, ее оборотная сторона, без осмысления которой сам феномен глобализации остается смутным и понятийно непроницаемым. Говоря о социальных последствиях повышения значимости национальной идентичности, в первую очередь обращают внимание на негативные явления, а именно – на многочисленные межнациональные конфликты, развернувшиеся сегодня во многих странах мира вне зависимости от их социально-экономического положения. Однако недостаток национальных чувств вредит ничуть не меньше, чем их избыток. Феномен этнического возрождения имеет глубокие психологические основы. В современном мире старые структуры поддержания социальной сплоченности оказались неадекватными. Различные политические и религиозные формы коллективной идентичности, еще недавно носящие универсальный характер, сегодня распадаются. В этих условиях этнические и национальные структуры оказались чуть ли не единственными, реально выполняющими столь необходимые сегодня индивидам функции: от ценностной ориентации и обеспечения хорошего социального самочувствия человека до прямой физической защиты.

С нашей точки зрения, между «глобальным» и «локальным» измерениями современной социальной структуры существует парадоксальная связь: чем богаче и крепче внутренние связи общества, чем выше степень его экономической и социальной консолидации и чем полнее реализуются его внутренние ресурсы, тем успешнее оно способно использовать преимущества интеграционных связей и адаптироваться к условиям глобального рынка. В этой связи многие исследователи говорят о необходимости «социализации» государства, т. е. делегирования части

властных полномочий местному самоуправлению и организациям гражданского общества. Указывается на необходимость тесного сотрудничества государственных органов с профсоюзами, ассоциациями предпринимателей, другими общественными организациями, что должно позволить консолидировать общество, активизировать творческие силы нации на массовом уровне, адекватно подходить к решению социальных проблем, другими словами, реализовывать гражданскую версию национализма, ориентирующуюся на сохранение национальной идентичности и национального государства.

ЭТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДАННЫХ В ОТКРЫТОЙ НАУКЕ (НА ПРИМЕРЕ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В. Н. Сокольчик

Парадигма открытой науки предполагает открытое пользование базами данных, что формирует новые требования к научным данным, их регистрации, хранению, посещению (data visitation) и использованию. Наряду с собственно техническими требованиями к данным и их хранилищам, возникает огромное количество вопросов, связанных как с методологическими требованиями к данным, так и с соблюдением этических норм их сохранения и использования.

Особенно сложным с точки зрения применения принципов открытой науки становится вопрос формирования и использования баз данных в биомедицинском научном знании. Открытое использование информации в биомедицинской сфере, а также в тех научных проектах, которые непосредственно (или опосредованно) связаны с людьми, требует конфиденциальности и защиты персональных данных, что является как этическим требованием, так и юридической нормой [1].

Обязательным условием дальнейшего использования персональных данных (информации) является добровольное информированное согласие владельца данных и ясное недвусмысленное разрешение на их хранение и последующее использование [4]. Например, при заборе во время исследования биологических образцов ткани, владелец не только дает на это письменное согласие, но так же дает разрешение на хранение образцов (где и на какое время), на их последующее использование с учетом его предварительного «полного» или «частичного» согласия [3]. Наличие согласия предполагает также обсуждение и письменную фиксацию в информированном согласии вопросов анонимности данных при их хранении и использовании, рассмотрение возможности включения данных в соответствующие базы без идентификации владельца данных (что требует использования системы шифрования данных) или их полного

удаления без возможности восстановления [2]. Когда исследуемый биологический материал (или любая информация о человеке, позволяющая его идентифицировать) используется без информирования и разрешения владельца, – это необходимо расценивать как прямое нарушение безопасности и прав человека.

Хранение анонимизированных данных (обезличенных данных) также связано с определенными этическими, юридическими и техническими проблемами. Так, персональные данные владельца информации изначально, как правило, известны исследователю, соответственно вопрос использования анонимизированных данных связан с качественным их шифрованием и сохранностью (имеются в виду ошибки и неточности в действиях систем искусственного интеллекта, собственно разработчиков этих систем, а также корректность действий исследователя по формированию информации [5]). Поэтому получение информированного согласия на хранение анонимизированных данных также обязательно.

Проблема использования данных (при условии разрешения их владельцев), биоматериала и т. д. также заключается в четком юридическом регулировании системы биобанков, репозитариев, баз данных, препятствующем безответственному хранению информации, пользованию информацией «случайными» лицами, в том числе без разрешения самого исследователя и владельцев информации.

Сложным случаем при формировании баз и банков данных в сфере биомедицины является включение в них опросников, шкал, анкет, где респондент, отвечая на необходимые для постановки диагноза, стратегии лечения, клинического исследования вопросы, оставляет информацию о семье, социальном окружении и т. д., т. е. внешнюю информацию, включающую данные других людей. Такие материалы требуют максимально внимательного отношения со стороны как исследователя, формирующего данные, так и собственно владельца базы данных. Информация о лицах, не дававших своего согласия на публикацию их персональных данных, должна быть абсолютно минимизирована и деперсонализирована. Это требует этической аккуратности и использования максимальных предосторожностей со стороны формирующего базу данных исследователя, а также предполагает имплементацию правовых механизмов для организации баз данных.

Таким образом, вопрос использования данных, информации, биологических материалов в открытом доступе имеет ряд ограничений, связанных, во-первых, с письменным разрешением на использование данных полученным от их владельца, во-вторых, с грамотными техническими решениями (адекватным программированием соответствующих систем сохранения (уничтожения) и предоставления доступа к информации) и, в-третьих, с этической подготовленностью самого исследователя, его готовностью и умением защитить права

участников исследования.

Этические требования к формированию (хранению и использованию) баз данных тесно пересекаются с методологическим требованием эффективности данных. Открытость баз данных в современной науке предполагает валидность данных, т. е. их соответствие принятым в науке критериям эффективности (качественности). Невыполнение этого обязательного требования современной методологии науки, «сводит на нет» все усилия по созданию единых (открытых) баз данных, и, кроме того, ставит под сомнение добросовестность исследователя и результаты его научного труда. Валидность предполагает максимальную унификацию и стандартизацию подходов и алгоритмов получения данных, постоянный анализ возможных источников искажений. Также валидность требует сбора критичных, важных данных, что определяется исследователями и экспертами в области решения поставленных задач.

Наряду с валидностью данных современная открытая наука выдвигает целый ряд требований к данным, совокупность которых определяется понятием научной целостности и добросовестности данных. Совокупность требований к данным определяется в мировой практике аббревиатурой ALCOA. Расшифровка аббревиатуры включает набор понятий, характеризующих эффективность данных: их соотносимость с реальным «носителем» данных, читаемость, своевременность, оригинальность, точность, полнота, постоянство (логика сохранения данных), долговечность и доступность.

При работе с базами данных наряду с требованием эффективности международное научное сообщество разработало также дополнительные этические принципы работы с базами данных: принцип честности (FAIR), предполагающий возможность поиска данных, их многократного использования и принципиальной совместимости с другими данными (базами); заботы (CARE), предполагающий осторожное обращение с любыми данными, особенно редкими, ценности коллективной пользы данных, четкое определение полномочий при организации контроля данных, определение функционала ответственности и этическое сопровождение данных; доверия (TRUST), предусматривающие прозрачность данных, ответственность создателя и владельца баз данных за их корректность и соответствие этическим и легальным нормам, ориентация на пользователя, а также устойчивость данных [6]. Соблюдение предложенных требований актуально как для биомедицинского знания, так и для создания любых баз данных, информационных хранилищ, вне зависимости от их задач и особенностей.

Все вышеперечисленные принципы и требования сбора, хранения, использования и «посещения» данных являются как методологически обязательными, так и этически императивными для применения

исследователями в любой сфере научной деятельности. В биомедицинском знании несоблюдение вышеперечисленных норм неотвратимо приводит не только к неверным результатам, но также и к нарушению прав участников исследований.

Литература и источники

1. Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 года № 99-3 «О защите персональных данных» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100099&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 10.09.2023.
2. Брызгалина, Е. В. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты / Е. В. Брызгалина, К. Ю. Аласания, Т. А. Вархотов, С. М. Гавриленко, А. Л. Рыжов, Е. М. Шкомова. – М. : Издательство Московского университета, 2018. – 232 с.
3. Голобородько, Н. В. Рекомендации по получению информированного согласия на участие в научном исследовании: учеб.-метод. пособие / Н. В. Голобородько, В. Н. Сокольчик, А. А. Александров. – Минск : БелМАПО, 2020. – 36 с.
4. Добровольное информированное согласие: сб. ст. / А. Г. Чучалин, Е. Г. Гребенщикова (науч. редакторы). – М. : Вече, 2022. – 288 с.
5. Сокольчик, В. Н. Система этических принципов, регулирующих использование искусственного интеллекта в медицине и медицинских исследованиях / В. Н. Сокольчик, А. И. Разуванов // Беларуская Думка. – 2023. – № 8. – С. 87–97.
6. Carroll, S. R. Operationalizing the CARE and FAIR Principles for Indigenous data futures / Stephanie Russo Carroll, Edit Herczog, Maui Hudson, Keith Russel, Shelley Stall // Scientific Data. – 2021. – № 108.

ПРОБЛЕМА РАДИКАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Д. В. Столяров

Феномен эоактивизма включает в себя систему разнообразных подходов и методик. Характер этих подходов и методик определяет сущность и ключевую направленность реализуемой экологической стратегии. Часто экологическая деятельность реализуется во взаимосвязи с экономической и политической. Важно осознавать, что экология в чистом виде, в отрыве от экономической и политической сфер, вряд ли возможна. В свете этого, возникают риски радикализации и коррупции в рамках экологических движений, что приводит к экотерроризму.

Понятие экотерроризма в мире не имеет единой трактовки. Выделяют две стратегии его интерпретации. В первом случае это сознательное нанесение вреда окружающей среде в ходе военных столкновений, во втором – противоправная деятельность эоактивистов-радикалов. Она характеризуется применением методов и средств,

подпадающих под определение терроризма или экстремизма [1, с. 394–395].

Впервые термин «экологический терроризм» был употреблен экоактивистом Арнольдом в США. Он раскрывал данное определение как общее количество преступных действий, которые совершаются для защиты природы, но не наносят существенного вреда людям [2, р. 30]. Государственные структуры США рассматривают экотерроризм как причинение насилия преступного характера или угрозу его применения по отношению к людям или их имуществу, связанное с эколого-политическими причинами [3].

Глобально экоактивизм подразделяется на «светло-зеленых» и «темно-зеленых». Первые более склонны к компромиссу, а их деятельность носит во многом конструктивный характер. Вторые – используют провокацию как метод протеста, а их действия часто скандальны и незаконны. Можно привести пример атак на магазины, торгующие мясо-молочной продукцией, а также на конкретных людей, носящих одежду из натуральных материалов. Такие акции объясняются экономическим интересом, не имеющим ничего общего с реальной защитой окружающей среды. Эти действия часто спонсируются конкурирующими организациями [4].

Стратегии экологических организаций могут быть направлены на практическое участие в преодолении неблагоприятных экологических ситуаций, а также представлять общественную деятельность по актуализации вопросов экологии. Первый вариант активизма носит конструктивный характер, поскольку нацелен на решение насущных проблем, связанных с мероприятиями по ликвидации неблагоприятных последствий деятельности человека. Второй вариант сопровождается рисками, связанными с популистскими настроениями в ряде экоорганизаций, а также коррумпированием таковых, выраженном в продвижении интересов производителей. Конечно, подобные ситуации не перечеркивают общей полезности данного подхода несущего, при грамотной реализации, важную просветительскую функцию. Тем не менее, при выстраивании отношений между государством и экоактивистами лучше опираться на практические критерии, связанные с преодолением конкретных проблем. В этой связи важно рассматривать экологическое в комплексе с экономическим и политическим, поскольку такой подход со стороны государственной власти позволит эффективно отделять реальное стремление активистов решить экологическую проблему от стремления, прикрываясь экологической деятельностью, реализовать свои политические амбиции и экономические устремления.

В некоторых случаях представители радикальных экологических организаций интерпретируют свою противоправную деятельность как оружие возмездия самой природы. В таких случаях, несмотря на

транслируемые радикалами положения о необходимости защиты прав всего живого, их деятельность зачастую вредит самим же объектам защиты. Например, забивания металлических шипов в стволы деревьев для повреждения бензопил, приводят и к гибели деревьев, а освобождение лабораторных животных бесполезно ввиду неприспособленности таковых к выживанию в дикой природе. Более того, всегда есть риск, что лабораторные животные могут быть носителями вирусов или заболеваний, что повышает угрозы распространения инфекций в природе [1, с. 396].

Одним из наиболее радикальных экологических течений является неолуддизм. Его последователи стремятся замедлить или остановить распространение инновационных технологий. Термин «неолуддизм» возник в 1990 году. Его сформулировал Челлис Глендиннинг в рамках своего манифеста, в котором утверждал, что электромагнитные, ядерные, химические технологии, а также технологии генной инженерии должны быть уничтожены. Примечательно, что сторонники данного движения изначально более избирательно подходили к борьбе с технократизмом и в основаниях своего учения отмечали, что не против технологий, а выступают лишь против изобретений, наносящих вред окружающей среде. По их мнению, все технологии являются политическими, посему нужно оценивать всякую инновацию именно с этой точки зрения, чтобы выяснить и оценить скрытые мотивы ее внедрения и популяризации. Со временем установки неолуддистов радикализировались. Они включали в себя требование полного отказа от всех современных технологий и цивилизации, отказа от различных форм материализма, связанных с владением собственностью и приобретением социального статуса. Все это должно сопровождаться поклонением природе и борьбой с виновными в проблемах экологии – политиками, учеными, бизнесменами [5, р. 20].

Известными радикальными экологическими организациями являются «Фронт освобождения животных» (ALF) и «Фронт освобождения Земли» (ELF). Деятельность первого связана с борьбой с использованием животных в исследовательских экспериментах, участники второй, посредством применения насильственных действий, препятствуют экономической деятельности. Их наиболее резонансными акциями были поджоги горнолыжного курорта в Вейле в 1996 г., здания бюро по управлению земельными ресурсами штата Орегон в 1997 г., жилого комплекса в Сан-Диего в 2003-м [6, с. 107].

Деструктивная деятельность экоактивистов часто наносила существенный ущерб субъектам хозяйствования, что никак не решало назревшие экологические проблемы, но существенно обостряло социальные отношения и истощало экономику. Например, активисты Фронта освобождения Земли с 1992-го по 2001 гг. нанесли ущерб экономике в размере 23 млн. долл. [7].

Существуют и более конкретные примеры негативной деятельности

экорадикалов. Так, в 1972 г. экоактивисты добились запрета на использование пестицида ДДТ. На первый взгляд, это, казалось бы, продуктивное достижение. Однако со временем стало ясно, что такой шаг привел к повышению уровня распространенности малярии в беднейших странах мира. Имеет место быть и пример, который показывает, что деструктивные и необдуманные шаги могут исходить не только сторонниками откровенно радикальных экоорганизаций, но и со стороны организаций общепризнанных и в целом положительно себя зарекомендовавших. В данном случае речь идет об антихлорной компании, инициированной организацией Гринпис в конце 80-х. Оторванные от мировых реалий и ориентировавшиеся только на сверхобеспеченные и свертехнологичные общества, участники данной организации необдуманно лоббировали антихлорную политику во всем мире, не считаясь с уровнем развития и бюджетом разных государств. Это привело к тому, что, например, власти в Перу просто перестали обрабатывать водопроводную воду хлором, что привело к трагедии, вследствие которой 1,3 млн. чел. заразились холерой, 11 тыс. из которых умерли [7].

Данные ситуации показывают, что экологическая политика должна быть гибкой, ориентированной на конкретные государства и общества, а не выдвигающей в качестве эталона некий единый подход, часто экономически нерациональный для многих обществ.

В Беларуси важно выработать взвешенную систему взаимоотношений между направлениями экоактивизма и экономической и политической сферами. Для этого необходимо осуществить оценку форм экологической активности с позиций целесообразности и нейтральности. С одной стороны, форма экоактивизма не должна коренным образом противоречить установленному порядку экономической жизни, поскольку подобный подход ведет к радикализации методов и средств. С другой стороны, она должна корректировать данные направления в соответствии с принципами гуманизма и природо-ориентированности.

Экономическая и политическая составляющая – неотъемлемые компоненты, обеспечивающие общественную стабильность и комфорт, посему в современном мире важно осуществить органичное включение экологической повестки в социальную систему. Это предполагает сбалансированное соотношение возможностей и обязанностей для каждой из сторон, а также строгое соблюдение установленных правил взаимодействия.

Литература и источники

1. Каратуева, Е. Н. Проблемы классификации экологического терроризма / Е. Н. Каратуева // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 387–407.

2. Wagner, T. Reframing ecotage as ecoterrorism: news and the discourse of fear / T. Wagner // Environ Commun / Ed. by T. Wagner. – 2008. – P. 25–39.
3. The threat of eco-terrorism: testimony by James F. Jarboe before the US house resources committee, subcommittee on forests and forest health. – Washington, DC. 2002 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.fbi.gov/congress/congress02/jarboe021202.htm>. – Date of access: 27.09.2023.
4. Hasler, O. In and Against the State: The Dynamics of Environmental Activism / O. Hasler, R. D. White, R. Walters // Critical Criminology. – 2019. – № 53. – P. 517–531.
5. Jones, S. E. Against Technology: From the Luddites to Neo-Luddism / S. E. Jones. – Abingdon, 2006. – 288 p.
6. Овчинский, В. С. Экстремистские организации в США / В. С. Овчинский, М. А. Кочубей // Журнал российского права. – 2009. – № 6. – С. 101–113.
7. Каптерев, А. Международный энвайронментализм / А. Каптерев // Промышленная политика и международные отношения: в 2 кн. / Под. общ. ред. А. И. Левенчука. – 2-е изд. – Челябинск: Социум, 2005. – Кн. 2. Международная торговля. – С. 555–653.

ДОВЕРИЕ К ИНФОРМАЦИИ КАК КОГНИТИВНАЯ МЕТАЭВРИСТИКА: СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

М. С. Фабрикант

Доверие, как правило, рассматривается как отношение, прежде всего, к другим людям – как к носителям определенных индивидуальных особенностей, как к представителям неких социальных групп или категорий либо, в случае генерализованного социального доверия, к людям в целом, а также к социальным институтам [1]. При этом вне поля рассмотрения остается доверие к информации, которое не только отчасти обусловлено доверием к ее источнику, но и является необходимым медиатором в отношении последнего, поскольку доверие к кому бы то ни было формируется на основании располагаемой релевантной информации, которая может подвергаться сомнению. В цифровую эпоху доверие к информации деперсонализируется по причине неопределенности многих источников информации, особенно в интернет-среде. Поэтому для осмысления природы доверия к информации целесообразно рассматривать доверие не как реляционный, а как социально-когнитивный феномен.

В современных социальных науках существует трактовка доверия как одной из когнитивных эвристик – готовых шаблонов для обработки информации, которые делают возможной более простые процессы принятия решений, чем последовательный сбор и тщательный анализ всей необходимой информации, порой приводя к ошибкам, имеющим серьезные непредвиденные последствия [2, с. 37]. Это суждение имеет под

собой основания постольку, поскольку доверие выполняет общую для когнитивных эвристик функцию экономии когнитивных усилий. Вместе с тем, между доверием и прототипическими когнитивными эвристиками (эвристика репрезентативности, эвристика доступности, способы когнитивного «срезания углов» – упрощенного и др.) имеется существенное различие: если эвристики представляют собой способы когнитивного «срезания углов» (cognitive shortcut) в ходе обработки информации, то доверие означает не оптимизацию решения, а снятие вопроса о том, каким образом перед обработкой информации следует провести ее предварительную проверку – убедиться в том, что эта информация надежна и, соответственно, пригодна для обработки. В случае сомнения решение этого вопроса само по себе может быть реализовано разными путями – как с использованием эвристик, так и посредством осознанного последовательного логического анализа, – однако доверие как представление о том, что информация не нуждается в дополнительной проверке достоверности означает не просто упрощение принятия решения, но исключение самой его необходимости – не метафорическое перемещение из начальной точки в точку назначения по спрямленной траектории, а представление о том, что начальная точка и точка назначения тождественны. Таким образом, доверие представляет собой метаэвристику – феномен, определяющий саму необходимость актуализации когнитивных эвристик, который обеспечивает не просто экономию, но минимизацию когнитивных усилий на первом этапе обработки информации.

Это понимание доверия имеет важные следствия для информационной безопасности в условиях цифровизации. Поскольку основная, первоначальная причина когнитивных эвристик – не особенности конкретного материала и не свойства ситуации его обработки, а общая ограниченность когнитивных ресурсов человека, можно сделать вывод, что доверие к информации тем более востребовано, чем больше информации в единицу времени получает человек и чем эта информация разнообразнее. Поэтому интернет-среда создает повышенную востребованность доверия к информации. Из этого следует, что более высокого уровня генерализованного доверия следует ожидать от более активных интернет-пользователей. Это обстоятельство объясняет, почему весьма опытные пользователи зачастую становятся жертвами кибермошенничества, несмотря на хорошую осведомленность о существовании этого феномена и его признаках. Парадоксальным образом, в силу связи между интернет-активностью и доверием именно люди, в большей степени погруженные в сферу цифровых технологий, находятся в группе повышенного риска.

Литература и источники

1. McLeod, C. Trust / C. McLeod // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/trust/>. – Date of access: 03.09.2023.
2. Sintov, N. D. Experimental support for a trust heuristic / N. D. Sintov, K. F. Hurst // Journal of risk research. – 2023. – Vol. 26 (1). – P. 37–63.

ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

С. В. Хамутовская

Традиционно при исследовании гуманитарной безопасности в центре внимания находятся человек, защита его прав и интересов, в отличие, к примеру, от безопасности национальной, которая направлена на защиту, в первую очередь, национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз, обеспечение его устойчивого развития. С учетом активно осуществляющейся как в мире в целом, так и в Республике Беларусь цифровой трансформации, в настоящее время актуально выявить и проанализировать такие информационные аспекты гуманитарной безопасности, как степень развитости цифровых навыков у населения нашей страны, требующихся для защиты личных данных, и уровень информированности белорусских граждан об основных угрозах и рисках, существующих в современном информационном пространстве.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в августе-сентябре 2022 г (выборка, необходимая для достижения цели исследования, составила 1848 человек; исследование проводилось во всех областях республики и г. Минске), более половины респондентов в течение года, предшествовавшего опросу, читали новости (73,2%), а также пользовались поисковыми сервисами (Yandex, Google и т. п.) (62,5%) в сети Интернет; немногим менее половины – скачивали, прослушивали аудио и видео (42%), управляли банковским счетом через Интернет (Интернет-банкинг) (40,9%), пользовались электронной почтой (40,3%), покупали, заказывали товары / услуги в Интернет-магазинах (40%). Примерно одна треть опрошенных размещали свои фотографии, видео в Интернете (33,5%), скачивали, обновляли программное обеспечение (29,3%); одна четвертая часть – играли в сетевые игры (24,7%), оплачивали товары / услуги электронными деньгами (23,9%); одна пятая – искали работу через Интернет (19,9%). Еще 17,4% респондентов пользовались облачными сервисами (хранилищами данных), 8,9% – создавали собственные интернет-страницы (сайты, блоги, дневники), 7,3% – писали электронные обращения в государственные органы / службы.

Ответы опрошенных на вопрос «Укажите, что Вы умеете делать для защиты своих личных данных?» распределились следующим образом:

- изменять личные пароли на компьютерах и Интернет-сервисах (47,4%);
- проверять компьютер на вирусы (35,5%);
- проводить чистку компьютера от ненужных файлов (34,4%);
- удалять «историю» своих действий в Интернете / чистить историю браузера (34,3%);
- изменять настройки доступа к своей информации в социальных сетях для различных групп пользователей (25,4%);
- делать резервные копии хранящихся на компьютере файлов (19,2%);
- распознавать ситуацию вымогательства информации в Интернете (16,3%);
- определять степень конфиденциальности и безопасности передачи личных данных при пользовании услугами через Интернет (14,4%);
- создавать несколько учетных записей одного компьютера (14%);
- пользоваться функциями родительского контроля на компьютере (11,7%);
- другое (0,8%).

При этом, чуть более одной трети опрошенных – 37% – сказали, что они ничего из вышперечисленного делать не умеют.

Распределение ответов респондентов на вопросы, связанные с выявлением уровня информированности последних о наиболее часто встречающихся угрозах и рисках, возникающих в информационном пространстве, представлено в таблице 1:

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Знаете ли Вы, что такое компьютерные вирусы, сетевая зависимость, информационная война, фейк, манипулирование сознанием и поведением с помощью информации, право на неприкосновенность частной жизни, право на защиту репутации?», август-сентябрь 2022 г., в % от опрошенных

Знаете ли Вы, что такое:				
	Да, знаю	Что-то слышал(а)	Не знаю	Затрудняюсь ответить
компьютерные вирусы	73,6	15,2	6,4	4,3
сетевая зависимость	64,9	18,6	10,0	5,7
информационная война	57,8	21,6	12,1	7,3
фейк	68,9	14,9	10,0	5,5
манипулирование сознанием и поведением с помощью информации	54,3	21,9	13,2	9,2
право на неприкосновенность частной жизни	61,9	20,1	8,7	7,8
право на защиту репутации	55,7	22,9	10,9	8,8

Кроме того, более половины опрошенных указали, что они осведомлены о том, что «коммуникация с помощью электронных средств всегда предполагает сбор и хранение информации о пользователях» (53%), «анонимность в Интернете зачастую обманчива – каждого пользователя можно определить» (54,1%), размещение человеком в Интернете некоторых сообщений может негативно влиять на его карьеру и личную жизнь (55%), недопустимо давать кому-либо сведения о своих паролях, кодах (в банке, в Интернете и т. д.) (76,7%), для защиты репутации необходимо обеспечить защиту личной информации (66%).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что отчасти населению Республики Беларусь необходимо более активно развивать, а отчасти – приобретать, цифровые навыки, применяемые для защиты своих личных данных в современном информационном пространстве (преимущественно в Интернете). В настоящее время уровень информированности белорусских граждан об основных угрозах и рисках информационного характера может быть определен как высокий в отношении компьютерных вирусов, фейков, сетевой зависимости, права на неприкосновенность частной жизни, как средний в отношении информационных войн, права на защиту репутации, манипулирования сознанием и поведением с помощью информации. В будущем с учетом быстрых темпов распространения информационно-коммуникационных технологий для более эффективного обеспечения национальных интересов нашей страны, включая интересы личности и

общества, следует продолжать исследования, в том числе междисциплинарные, информационных аспектов гуманитарной безопасности, направленных на формирование соответствующей информационной и цифровой культуры, а также гуманитарной образованности у людей.

ИСКУССТВЕННЫЙ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К НОВОМУ СОЮЗУ

В. И. Чуешов

Вопрос о роли искусственного интеллекта (ИИ) и перспективах естественного интеллекта (ЕИ) в образовании в практическом отношении стал в наши дни одним из самых острых. Свидетельством тому являются жаркие дискуссии в разных странах мира об оценках дипломов выпускников вузов и научных работ студентов, магистрантов и аспирантов, написанных, например, ChatGPT и (или) с его помощью.

Ориентированная по инерции на приоритетное развитие ЕИ, система образования в наши дни, как представляется, все еще не нашла убедительные ответы на вызовы со стороны ИИ. По этой причине характер и особенности взаимодействия ИИ и естественного интеллекта (ЕИ) в системе современного образования нередко (явно или имплицитно, не суть важно) рассматриваются как их противостояние (конфликт, диссенсус и т. п.). При этом в данном противостоянии, нередко такая его сторона, как ЕИ, рассматривается, как в перспективе обреченная на аннигиляцию. В таком контексте несистемные попытки защиты статуса и роли ЕИ в системе образования выглядят непоследовательными. Они таковы, например, в качестве следствий диссенсуса в современной системе образования относительно предпочтительности одной из трех возможных, на мой взгляд, стратегий взаимодействия ИИ и ЕИ в системе образования: архаичной стратегии (точнее, новой архаики) стратегий репрезентативной и перспективной (презентизма и перспективизма).

Практическое использование в том или ином вузе исключительно одной из перечисленных выше стратегий будет, скорее, свидетельством не консенсуса, а симулирования нового союза ЕИ и ИИ в системе образования. Симуляционная природа такого союза будет обнажаться всякий раз, когда в образовательном процессе во взаимоотношениях между ИИ и ЕИ ставку будут делать только на неоархаичное требование представлять результаты любой научной работы в рукописном виде, а также на стратегию репрезентизма как технологию распознавания заимствования чужого ЕИ в результатах авторского научного труда исключительно с помощью ИИ. Объективно, однако, только в стратегии перспективизма симуляционная компонента будет гораздо меньше по

сравнению с другими стратегиями, в силу, в частности, ее ориентированности на необходимость формирования такого союза ЕИ и ИИ в образовании, который объединял бы в себе рациональный смысл и новой архаики ЕИ, и презентизма ИИ.

Формирование такой стратегии, не говоря уже о ее реализации, задача не простая. Она к тому же непосредственно связана с особенностями еще только-только формирующейся философией ЕИ и ИИ как мировоззрением и методологией их понимания и использования в образовании.

Современная философия ЕИ и ИИ должна обобщать их опыт, а также данные о них, накапливаемые конкретными науками, а также разработанные в истории философии. Конкретно-научное понимание природы, например, ИИ, сегодня связывается и с его техническими (технологическими) особенностями, и с их динамикой. С этой точки зрения и первые ламповые компьютеры, и транзисторные, а также компьютеры на интегральных схемах в отличие от компьютеров на микропроцессорах были не более, чем намеками, образно выражаясь, на приглашение к разговору об ИИ и его роли в системе образования, даже несмотря на их практическое использование в учебном процессе. Наоборот, компьютеры на микропроцессорах являются необходимыми техническими предпосылками использования ИИ в образовании. Их использование актуализирует необходимость исследований взаимосвязи техники ИИ и его экономики, социологии и т. п., проблематизируя вопросы, например, о взаимосвязи высокой стоимости ИИ даже на основе компьютеров четвертого поколения с ограниченными возможностями бюджетирования сферы образования. Комплексное конкретно-научное изучение этих вопросов, в свою очередь, позволяет точнее эксплицировать особенности элитарного и эксклюзивного характера использования ИИ в сфере образования, а также возможности массового образования по возможности совершенствования ЕИ в системе образования. Представляется, что как элитаризация ИИ, так и новая массивификация ЕИ в системе образования отнюдь не способствуют формированию в ней нового и современного союза ИИ и ЕИ.

В современной науке активно идут процессы переосмысления не только природы, но и структуры ЕИ и ИИ. Относительно ЕИ в ней уже обоснована относительная самостоятельность калькулятивного и рационального ЕИ, связанного с решением различных задач через уменьшение неопределенности в выборе их альтернатив и эмоционального, социального ЕИ. Современные конкретно-научные результаты природы эмоционального ЕИ также убеждают в том, что его формирование является не только и не столько задачей обучения, сколько воспитания и самовоспитания, основывается на понимании образования как единства обучения и воспитания.

Однако если формирование в системе образования такой разновидности ЕИ, как эмоциональный интеллект является задачей воспитания, то может ли на ее решение в будущем претендовать и ИИ? Сегодня в мейнстриме интернета вещей несложно представить себе созданный с помощью ИИ такой, например, умный холодильник, который претендует для человека на статус большего приятеля по сравнению с некоторыми окружающими его людьми в семье и (или) на работе. Оценивая перспективные социальные, связанные с воспитанием особенности формируемого с помощью эмоционального ИИ интеллекта естественного, поучительно не забывать о социальных следствиях японского опыта государственной поддержки в 1982–1992 гг. массового использования компьютеров на микросхемах и создания суперкомпьютера у такого нового социального слоя в Японии, как хикикомори (хики (затворники)) в количестве более полумиллиона человек. С другой стороны, обращают на себя внимание и японские решения в процессе реализации попыток по производству суперкомпьютера задач по категоризации и реферированию текстов. По крайней мере, некоторые из их результатов сегодня используются в искусственном боте ChatGPT и других популярных в системе образования аналогах ИИ. Конкретно-научный анализ возможностей технологии, экономики, социологии, психологии, а также на другом полюсе истории философии ИИ и ЕИ свидетельствуют о том, что такое их будущее, которое не предполагает ни исключение ЕИ из системы образования, ни противостояние ЕИ и ИИ, возможно только на основе формирования нового и современного союза между ними. Такого союза, в котором, например, ИИ будет не столько заменой, сколько дополнением, расширением сферы ЕИ в образовании, а ИИ будет совершенствоваться в соответствии с уже известными уроками истории философии, в которой различались душа и дух, душа растительная, животная и разумная, сознание, самосознание, интуиция, рассудок и разум, рациональный и иррациональный умы, рациональное, эмоциональное, волевое, и т. п. начала ЕИ, а также совершенствуются тесты Тьюринга, Дж. Серля и др., связанные с поисками новых границ между ИИ и ЕИ.

ЛИМИНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СУБЪЕКТА КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Д. А. Шиханцова

Цифровизация общества не только одарила человека новыми коммуникативными и техническими возможностями, но также поставила перед ним такие встречные вопросы, как апробация новейших методов коммуницирования, реконструкция поведенческих установок, а также

мультиидентичность.

Для понимания последнего феномена следует дать дефиниции таких понятий, как «психосоциальная идентичность», «кризис идентичности» и собственно «мультиидентичность».

Психосоциальная идентичность сформулирована Э. Эриксоном как «устойчивый образ Я и соответствующие способы поведения личности» [1, с. 568]. Образующей характеристикой идентичности является ее целостность. Разрыв целостности идентичности вследствие пережитых травмирующих событий или же перемен в целом формирует состояние «кризиса идентичности».

В определении российской исследовательницы А. В. Голубинской термин «мультиидентичность» обозначает «многоуровневый лабиринт взаимных отражений и подражаний» [2, с. 135]. Характеристикой личности становится становление, идентичность должна мимикрировать в соответствии с актуальным контекстом.

Раскрытие термина «мультиидентичность» требует понимания таких симптомов цифровой эпохи, как искаженное восприятие времени, интенсивная глобализация средствами сети Интернет, смешанные формы коммуникации, а также лиминальный характер субъекта (человека, группы, общества). Экзистенция современного субъекта лишена четких «фреймов» – высокая мобильность стирает различия между индивидами и группами. Невозможность ясного разграничения между собой прошлым и собой настоящим, Я-реальным и Я-виртуальным создает вакуум неопределенности.

Для прояснения лиминального характера субъекта следует обратиться к определению психоаналитика Л. И. Фусу, понимающей лиминальность индивида как «стадию, переживаемую им от пограничности до обретения новой самости» [4, с. 57]. В более широком смысле мы можем понимать лиминальность как всякую ситуацию пограничности, имеющую своей целью выход из неопределенности, заключенный в создании актуальной пост-лиминальной идентичности. Ключевыми чертами лиминальности являются символизация, временность и радикальные трансформации в идентичности субъекта, в ходе которых следует его успешная адаптация в новой социальной группе.

Жизненный путь человека в контексте пред-цифровой культуры предстает нам поступательным преодолением «порогов», инструментом которого является лиминальный ритуал. Символизм ритуала позволяет обнаружить «порог» в рефлексии, обвести его видимыми чертами. Примерами лиминального ритуала могут быть вручение диплома или обретение нового гражданства. Последовательное развитие личности гарантирует ее целостность, а четкие представления об идеальной модели члена той или иной группы позволяют адаптироваться к принимающей субъекта социальной группе без риска остракизма. Успешное преодоление

лиминальности служит гарантией уверенности индивида и его целостности индивида.

В условиях же неограниченной по территории и социальным ролям коммуникации разрушается дихотомия «Свой-Чужой». «Социализированный индивид остается собой, делаясь Другим» [3, с. 29], что означает внутренне-диалогический характер новой идентичности. Неограниченная коммуникация и наблюдаемость чужих жизней создает оптимальные условия для сохранения своей пред-лиминальной идентичности. Так, мигрант или бывший заключенный не способен адаптироваться в принимающем обществе, поскольку все его социальные связи укоренены в «отпустившей» его социальной группе, а выбранное информационное поле также связывает ментальность индивида с его прошедшей идентичностью.

Здесь роль «спускового крючка» должен играть сакральный ритуал, умерщвляющий пред-лиминальную идентичность, однако развитие медиасреды формирует в субъекте стремление к демонстративности и последующее застревание в симулякрах. Недостаток очевидности содержания ритуала усиливает тенденции к застреванию в промежуточной идентичности. Стоит отметить, что в лиминальной фазе мы не способны с очевидностью выделить статусные нормальные и девиантные роли. Лиминальность сама по себе может представлять как неопределенность, так и «перевертыш» социальной жизни. Это ставит перед нами вопрос о самой возможности дихотомии нормы-девиации в цифровую эпоху.

Лиминальный ритуал требует исполнения механизмов сепарации (пред-лиминальность) и адаптации (пост-лиминальность), обеспечивающих его завершенность. Социокультурная невозможность постулировать новую идентичность в своей целостности позволяет нам выдвинуть хроническую лиминальность в качестве устойчивой черты субъекта цифровой эпохи.

Стремление человека к целостности и безопасности не позволит рассредоточить общество на малые маргинальные группы, хаотично коммуницирующие между собой. Однако несостоятельность образа пост-лиминальной субъектности «замораживает» индивида в лиминальности, что усиливает тенденции к расширению маргинальных групп.

Главными точками неопределенности человека в цифровую эпоху являются высокая мобильность, неограниченная коммуникация, требующая формирования «мультиидентичности», а также дифференциация личности на Я-реальное и Я-виртуальное.

В заключение, отметим, что цифровизация запустила необратимые трансформации в самом человеке и в глобальном обществе. Чувство понимания собственного будущего, а также чувство понимания самого себя необходимы для безопасного существования индивидов, однако в эпицентре интенсивных трансформаций неопределенность охватывает

каждую сферу существования человека. Лиминальный характер субъекта цифровой эпохи заключается не только в переживании неопределенности и разрыва восприятия нормы-девиации, но также и в попытках преодоления кризиса и адаптации к новым условиям. Темпы изменчивости современного мира превалирует над темпами изменчивости идентичности, неспособной в поставленных условиях соответствовать контексту. Выработка новых механизмов адаптации индивида (при условии инклюзивного общества) позволит вернуть человеку необходимое для адекватного развития чувство безопасности.

Литература и источники

1. Мещяриков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещяриков, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм Еврознак, 2006. – 672 с.
2. Голубинская, А. В. Релевантность сознания и виртуально-информационной среды как фактор социальной стратификации : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. В. Голубинская. – Н. Новгород, 2018. – 167 л.
3. Смирнов, И. П. Приспособление / сопротивление. Философские очерки / И. П. Смирнов. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 296 с.
4. Фусу, Л. И. Человек современный, то есть лиминальный. Социально-философский анализ лиминальности в современном социуме / Л. И. Фусу. – Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС, 2018. – 190 с.

К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Э. М. Щурок

В условиях становления цифровой экономики страны не возможно не сделать акцент на особой актуальности и значимости участия высококвалифицированных научных кадров в этом процессе. В данном контексте хотелось бы затронуть вопросы, связанные с системой подготовки научных кадров высшей квалификации как одного из стратегически важных направлений развития человеческого капитала и значимого социального института современного общества. Активно происходящие трансформационные процессы во всех сферах жизнедеятельности социальной среды ставят задачу кардинальной модернизации системы подготовки научных кадров высшей квалификации с целью выработки принципиально новых принципов кадровой политики в научной сфере с целью обеспечения интеллектуальной и гуманитарной безопасности государства.

Значимость вопросов подготовки научных кадров признается на

высоком государственном уровне, что отражено в стратегии «Наука и технологии: 2018–2040», одобренной II съездом ученых Республики Беларусь, где расширенное качественное воспроизводство кадрового потенциала науки является одним из приоритетных направлений развития белорусской науки [1].

Вместе с тем, анализ деятельности системы научно-ориентированного образования как основного источника обеспечения высококвалифицированными специалистами ведущих отраслей экономики показывает, что в последние годы в системе подготовки научных кадров сохраняются определенные проблемы.

В 2021 г. подготовка научных работников высшей квалификации в системе республиканской аспирантуры (адъюнктуры) проводилась в 122 организациях (из них 48 учреждений образования и 74 иные организации), где проходили обучение 4709 чел. Для сравнения, в 2018 г. образовательные программы аспирантуры (адъюнктуры) реализовывали 123 организации, а в 2017 г. действовало 119 таких организаций [2, с. 99].

Статистические данные позволяют говорить о том, что динамика численности аспирантов за период 2015–2021 гг. носит нестабильный характер. Анализ данных показывает, что до 2018 г. наблюдалось ежегодное увеличение численности аспирантов с 4 932 чел. в 2015 г. до 5 357 чел. в 2018 г. В последующие годы численность аспирантов стала уменьшаться и составила в 2021 г. 4709 чел., что по сравнению с показателями 2018 г. привело к сокращению численности аспирантов в 2021 г. на 12,1% (на 648 чел.) [2, с. 99].

Уменьшение численности аспирантов за рассматриваемый период происходило на фоне снижения показателей приема в аспирантуру, который составил минус 449 чел., сократившись на 27,6% по сравнению с самым высоким показателем, отмеченным в 2018 г., где число лиц, поступивших в аспирантуру, составило 1 628 чел. Стоит отметить, что несмотря на общее увеличение численности аспирантов за рассматриваемый период, сократилось число выпускников из аспирантуры. Если в 2015 г. 957 человек закончили аспирантуру, то в 2021 г. численность выпускников составила 869 человек [2, с. 99]. Одним из важных индикаторов, определяющим эффективность деятельности республиканской аспирантуры, является показатель выпуска из аспирантуры с защитой диссертации. В 2021 г. доля лиц из числа белорусских граждан, защитивших диссертацию в пределах срока обучения в аспирантуре, в общей численности выпуска составила 6,3% против 4,8% в 2015 г. Однако данное значение этого показателя эффективности деятельности республиканской аспирантуры, достигнутое в 2021 г., не может быть признано приемлемым. В абсолютных числах данный показатель в 2021 г. составил всего 55 чел. при выпуске 869 чел. [2, с. 99; 3, с. 73]. Еще одним свидетельством недостаточной

эффективности республиканской системы подготовки на уровне научно-ориентированного образования, реализующего образовательные программы аспирантуры, является негативная тенденция сокращения количества ежегодно утверждаемых Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь кандидатских диссертаций. В 2021 г. ВАК были утверждены 347 ученых степеней кандидата наук и 40 ученых степеней доктора наук. Для сравнения, в 2013–2015 гг. ежегодное количество утвержденных ВАК кандидатских диссертаций составляло в среднем 500 единиц [2, с. 104].

Исходя из данных официальной статистики, следует констатировать, что и в Российской Федерации также накопилось немало вопросов в области подготовки научных кадров высшей квалификации. За период с 2015 по 2021 гг. общая численность аспирантов сократилась на 18,0% (с 109 936 чел. в 2015 г. до 90 156 чел. в 2021 г.). С 2018 г. численность аспирантов стабильно держится на уровне 90 тысяч человек. Сокращение числа принятых в аспирантуру за рассматриваемый период на 11,5% (с 31 647 чел. в 2015 г. до 27 992 чел. в 2021 г.) привело к резкому сокращению выпускников аспирантуры. С 2015 г. по 2021 г. показатели выпуска из аспирантуры в Российской Федерации уменьшились в 1,8 раза (с 25 826 чел. до 14 326 чел.). Все эти негативные моменты сказались и на эффективности деятельности аспирантуры. Если в 2015 г. доля выпускников, защитивших диссертацию в срок обучения в аспирантуре, составляла 18,0%, то в 2021 г. данный показатель опустился до уровня 10,5%. В абсолютных значениях сокращение числа лиц, завершивших обучение с защитой диссертации, произошло почти в 3 раза: с 4 651 выпускников с защитой диссертации в 2015 г. до 1 500 защит в 2021 г. [3, с. 73]. Такое резкое падение показателей эффективности деятельности российской аспирантуры не может не повлиять на качественное воспроизводство высококвалифицированного кадрового состава различного рода научных организаций и образовательных учреждений.

В настоящее время как в Беларуси, так и в России происходит модернизация научной и образовательной систем. Если в Беларуси система подготовки на уровне высшего и научно-ориентированного образования во многом сохранила основы советской подготовки высококвалифицированных специалистов, то в России система образования в постсоветский период была существенно трансформирована, однако можно говорить о том, что реорганизация российской системы подготовки научных и научно-педагогических кадров привела в большей степени к негативным изменениям. Существующие различия в нормативно-правовом обеспечении процесса воспроизводства научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации в России и Беларуси в нынешних условиях требуют дальнейшего детального изучения для последующей выработки оптимальных путей развития и

функционирования систем подготовки научных кадров высшей квалификации как внутри каждого государства, так и в рамках единого образовательного пространства.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23–135 от 02.05.2023 г. «Сравнительный анализ эволюции институциональной основы функционирования систем подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации Беларуси и России и динамики их развития в рамках Союзного государства».

Литература и источники

1. Приоритеты и достижения белорусской науки // Портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/science/priorities-achievements>. – Дата доступа: 12.07.2023.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_57394/. – Дата доступа: 01.08.2023.
3. Беларусь и Россия. 2022 : Статистический сборник // Росстат, Белстат. – М., Росстат, 2022. – С. 73.

Раздел 2 ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ И МИРОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ, ЕВРАЗИЙСКИЙ, УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИИ

Е. М. Бабосов

Интеллектуальная культура в своей сущности, способах и формах воплощения в духовных и материальных ценностях предстает как система творческой деятельности, реализующая мыслительные, умственные, чувственно-созидательные и воспринимаемые идеи, символы, представления, образы, нормы, идеалы и правила поведения, посредством которых люди организуют и регулируют свою мыслительную, рационально и чувственно-эмоциональную насыщенную жизнь вплоть до ее беспредельных глубин и потрясающих таинств.

Этот феномен, являющийся социально-психологическим процессом, действует в обществе как относительно самостоятельная система и одновременно включен в качестве специфической подсистемы в интеграционную систему общей культуры. В предметной специфике интеллектуальная культура в своей многокачественности, многоуровневости и полисимволической насыщенности предстает как целостная, динамично развивающаяся и многоуровневая система, в которой все ее структурные компоненты взаимосвязаны, синергетически взаимоусиливают друг друга, оказывая эффективное воспитательное и культуру-воспитывающее воздействие на человека, его территориальные группы, национальные и международные общности.

В результате развития интеллектуальной культуры творчески действующими людьми, их объединениями и общностями создается интеллектуальный продукт в области образования, здравоохранения, науки, литературы, искусства, национальной безопасности, выступающий в форме научного открытия, изображения, компьютерной программы, пьесы, театральной постановки, кинофильма, симфонии, оперы, песни, предвидения ближайшей и более отдаленной перспективы будущего развития. Интеллектуальный продукт составляет стратегическое богатство

нации, которое формируется, накапливается, развивается, обогащается столетиями, создавая мощный и эффективно действующий плацдарм духовно-нравственного развития отдельной личности, социальной общности и нации в целом.

В центре развития и функционирования интеллектуальной культуры находятся творчески работающие люди, активно включенные благодаря своему знанию, образованию, воспитанию, компетентности, социальному статусу в процесс преимущественно умственной, духовно насыщенной деятельности и в своих помыслах, поступках, задачах и целях реализующие моральную и социальную ответственность перед обществом и тем самым способствующие прогрессивному развитию общества – интеллектуалы. Социальные сообщества интеллектуалов объединяются в различные формы – магистратура, аспирантура, докторантура, а также организуемые и проводимые ими научные конференции, форумы, конгрессы, симпозиумы, дебаты и т. п. В многогранной и многообразной деятельности в области интеллектуальной культуры важнейшая роль принадлежит первооткрывателям – выдающимся начинателям, которые благодаря своей креативной способности обнаруживают и активно развивают новое, неизвестное и неизведанное в образовании, здравоохранении, науке, спорте, в обеспечении национальной безопасности и других областях жизнедеятельности людей. Опираясь на достигнутые успехи в интеллектуальном постижении и истолковании окружающей реальности, такие выдающиеся интеллектуалы способны претворять в практически значимые действия различные символы, теории, проекты относительно природы общества, космоса и человека.

К обширной когорте таких первооткрывателей принадлежат многие выдающиеся интеллектуалы, назовем наиболее известных из них. В физике это был Альберт Эйнштейн – создатель специальной и общей теории относительности, квантовой теории света. В химии таким первооткрывателем предстает Дмитрий Менделеев, открывший периодический закон химических элементов, предложивший промышленный способ фракционного разделения нефти. В биологии такого рода выдающимся лидером интеллектуальной деятельности стал Чарльз Дарвин – основатель эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. В психологии и психиатрии выдающимся первооткрывателем выступал Зигмунд Фрейд – родоначальник психоанализа, создавший теорию психо-сексуального развития индивида, а также неутомимый проповедник психологизации человеческого общества и культуры. В области изобразительного искусства таким первооткрывателем стал Казимир Малевич – основоположник одного из видов абстрактного художественного творчества – супрематизма.

На исходе первой четверти XXI века интеллектуальная культура

получает принципиально новые воплощения в стремительном развитии компьютерных технологий, органично связанных с социодинамикой нейросетей, информатизацией, цифровизацией, роботизацией. Например, ученые Корейского института передовой науки и технологий создали робота-пилота, в который встроен искусственный интеллект, благодаря чему он может управлять самолетами, способен запоминать их маршруты и анализировать аварийные ситуации. В американском Хьюстоне разработан летательный аппарат, сердцевиной которого является искусственный интеллект, для использования в космосе. Он позволит астронавтам общаться с космическими кораблями и станциями в голосовом режиме, быстро проанализировать сложные данные, спрогнозировать маршруты или чрезвычайные ситуации. В итоге получается, что не являющийся живым существом данный аппарат, созданный объединенными усилиями исследовательских и инженерно-конструкторских центров Европы, США, Канады и Австралии, начинает вести себя и общаться почти как настоящий человек. Генеративный искусственный интеллект, действующий на основе больших языковых моделей, может принимать решения и выполнять действия на основе своих внутренних состояний и внешних стимулов. Он способен анализировать большие массивы входных данных и создавать внутреннюю модель мира, использовать ее для принятия решений и взаимодействовать с окружающей средой через свою физическую оболочку.

Названные и ныне существующие достижения в конструировании и использовании искусственного интеллекта нуждаются в философском осмыслении и концептуализации. И публикации такого рода уже имеются, наиболее примечательные из них – труд профессора-футуролога Еврейского университета в Иерусалиме Юваль Ной Харари «Homo Deus. Краткая история будущего», переведенный в 2018 году на русский язык и опубликованный издательством «Синдбад» в Москве. Он предрекает, что главными продуктами экономики XXI века станут не вооружение, автомобили или одежда, а тела, мозги и интеллект. Одновременно с этим крупномасштабным действием технологическая революция создает социальные сети Google и Facebook, которые будут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами, а власть, технология и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам, которые сольются в единое целое с людьми.

Воплощая в себе следующий после Homo Sapiens и качественно своеобразный этап эволюции, Homo Deus наполняет смыслом не только бессмысленный мир на нашей планете, но и за ее пределами. Ю. Харари утверждает: «подлинный голос моего истинного "я" ... является источником смысла и права во Вселенной» [1, с. 340]. Поэтому важнейшее предназначение науки и философии состоит в том, чтобы убедить человечество, что оно способно придать Вселенной смысл [1, с. 260–262].

На решение такой сверхзадачи способно только «появление сверхлюдей с их исключительными физическими, эмоциональными и интеллектуальными способностями» [1, с. 409]. Создать «более совершенную модель человека» [1, с. 412] вполне возможно «с помощью генной инженерии, нанотехнологией и нейрокомпьютерных интерфейсов» [1, с. 413]. Базирующийся на таких научно-технологических основаниях «техногуманизм стремится раздвинуть границы человеческого разума и открыть нам неизвестные переживания и незнакомые состояния сознания» [1, с. 413].

Лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин, почетный член белорусской Академии наук, чьи предки являлись выходцами из Могилевщины, был убежден, что основные теоретические положения развиваемой им концепции диссипативных структур «применимы ко многим областям исследований, включая даже экономические и социальные науки» [2, с. 173].

Поскольку все происходящее в данных сферах социально-экономической реальности связано с бифуркациями, вследствие чего будущее неопределенно, утверждал он, постольку «в наше время глобализации и коммуникационной революции поведение на индивидуальном уровне играет как никогда ключевую роль при формировании эволюции всего человеческого рода... Роль отдельных личностей сейчас более важна, чем когда-либо» [2, с. 182].

В своем послании будущим поколениям выдающийся современный ученый и мыслитель подчеркивал, что человеческие решения зависят от памяти в прошлом и от ожидания будущего. А чтобы эти ожидания сбылись, «наконец-то должен совершиться переход от культуры войны к культуре мира» [3, с. 220]. В таком долгожданном переходе «человек постоянно испытывает новые возможности, строит утопии, которые могут привести к более гармоничным отношениям человека с человеком и человека с природой... Мы приближаемся к точке бифуркации, которая связана с прогрессом в развитии информационных технологий и со всем тем, что к ним относится, как то: средства массовой информации, робототехника и искусственный интеллект... Сохранение плюрализма культур и уважения к другим культурам потребует внимания будущих поколений» [3, с. 223]. «Дело будущих поколений – писал И. Р. Пригожин, – создать новую связь, которая воплотит как человеческие ценности, так и науку, нечто такое, что покончит с пророчествами о "конце Науки", "конце Истории" или даже о наступлении эры "пост-Человечества"... Мы не нуждаемся ни в каком "пост-Человечестве". Человек, каким он является сегодня, со всеми его проблемами, радостями и печалью, в состоянии понять это и сохранить себя в следующих поколениях. Задача в том, чтобы найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного плюрализма, между насилием и политическими методами решения

проблем, между культурой войны и культурой разума. Это ложится на нас как тяжкое бремя ответственности» [3, с. 225–226].

Интеллектуальная культура представляет собой целостную, динамично развивающуюся систему, в которой все компоненты структурно взаимосвязаны и взаимозависимы, вследствие чего она образует сложно-структурированную сеть, трансформирующуюся даже при изменении одного параметра. Выдающийся советский психолог С. Л. Рубинштейн еще в конце 50-х годов XX века подчеркивал, что «превращаясь в свойства характера, интеллектуальные качества начинают определять не один лишь интеллект как таковой, а личность в целом» [4, с. 629].

Опираясь на данную теоретико-методологическую установку, В. П. Иванова отмечает, что в своем функционировании интеллектуальная культура подчиняется принципу развития, согласно которому психические явления изменяются во времени и количественно и качественно преобразуются. Первостепенная особенность данного феномена заключается в том, что основную его функцию составляет гуманизация и реализация сущностных сил человека. Рядом и во взаимодействии с ней формируется и развивается когнитивная функция, органично связанная с функцией понимания, конституирования и передачи понимания другим людям, что формирует человека понимающего. Потребность понимания человека с развитой интеллектуальной культурой превращается в мотивационную готовность поиска понимания предмета познания, что требует взаимосвязи с такими функциями, как память, мышление, а также воля и эмоции. Все это в своем развитии взаимодействует с регулятивной функцией, которая реализуется через знаковые системы (в том числе язык и цифровые технологии), сформировавшиеся в историческом процессе как средства фиксации знаний.

Все названные функциональные особенности интеллектуального развития человека синергетически взаимосвязаны с коммуникативной функцией, включающей в себя умения не только слушать, но и слышать партнера по общению. В оригинальной связи с другими функциями это приводит к формированию творчески мыслящей личности, способной к дивергентному мышлению и к методологической рефлексии, способности выходить за рамки опыта [5, с. 101–105].

Лидером в развитии и практическом применении новых технологических комплексов в Беларуси является функционирующий в Минске Парк высоких технологий (ПВТ) – один из ведущих инновационных кластеров в Центральной и Восточной Европе. Здесь наиболее крупные цифровизационные успехи достигаются в процессе мультидисциплинарности в разработках когнитивных, нано- и биоинформационных социальных технологий. Несмотря на применяемые США и другими странами Запада санкции, ПВТ продолжает успешно

работать и развиваться. За прошедшие месяцы 2023 года этот Парк уплатил больше налогов, чем за аналогичный период прошлого года. За 2022 год ПВТ уплатил 750 миллионов рублей налогов, экспорт же составил 2,5 миллиарда долларов. Он всегда работал на рынках очень требовательных: американских, европейских и др. Поэтому и на новые азиатские рынки он будет заходить динамично, потому что у него есть опыт работы в самых жестких, трудных условиях.

Активно работают в интеллектуально-культурном и инновационном ракурсе многие институты Национальной академии наук Беларуси. Академик В. Г. Гусаков подчеркивает, что в настоящее время на первый план выходят запросы интеллектуального роста, новые способы познания мира и себя в этом мире, проблематика культуры и духовность. Одновременно растет спрос на новейшие материалы и технологические средства искусственного интеллекта и роботизации – все, что призвано освободить человека от рутинной работы, дать его жизни новое творческое содержание. Это, утверждает он, не просто идеи или фундаментальные исследования, это конкретные практические разработки, которые широко используются во многих отраслях и на предприятиях. Речь идет именно о новых достижениях, обеспечивающих рост благосостояния белорусского народа, силу и процветание нашего государства. Курс на всестороннюю интеллектуализацию, взятый и поддерживаемый руководством Беларуси, дает четкий ориентир: наука – основа решения текущих задач и локомотив прогресса в стратегической перспективе. Генерация новых идей и создание на их основе инноваций является миссией Национальной академии наук Беларуси. Целевая миссия Беларуси будущего в том, чтобы на основе преимущественно интеллектуального фактора закрепить в лидерах по ключевым векторам научно-инновационного и технологического развития. Научно-инновационное пространство в Беларуси должно быть самодостаточным и независимым от внешней конъюнктуры [6, с. 5, 9, 19].

Идентификация личности с творчеством, в том числе и научным, согласно широко известному тезису Макса Вебера, есть воплощение призвания человека и его признание как творца другими людьми. В этом многогранном процессе проявляется стремление человека к свободе самовыражения, свободе самоопределения, свободе самоутверждения. Но чтобы на этом нелегком пути добиться успеха, необходимо проявлять инициативу, энтузиазм и творчество, от совокупного синергетического взаимоусиления которых существенно возрастает человекомерность всех типов самоидентификации.

Литература и источники

1. Харари, Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю. Н. Харари : пер. с англ. – М. : Синдбад, 2018. – 496 с.

2. Пригожин, И. Р. Определено ли будущее? Изменения в описании Вселенной / И. Р. Пригожин // Определено ли будущее? / И. Р. Пригожин. – 2-е изд. – М. ; Ижевск, 2005. – С. 171–184.
3. Пригожин, И. Р. Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям / И. Р. Пригожин // Определено ли будущее? / И. Р. Пригожин. – 2-е изд. – М. ; Ижевск, 2005. – С. 220–226.
4. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2020. – 713 с.
5. Иванова, В. П. Интеллектуальная культура как системное образование / В. П. Иванова // Системная психология и социология. – 2018. – № 3 (27). – С. 99–109.
6. Гусаков, В. Г. В чем состоит производительная сила науки / В. Г. Гусаков // Наука и инновации. – 2022. – № 11 (237). – С. 4–19.

НА ВОЛНАХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В. Ф. Берков

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова выделяется семь значений слова «история». Воспользуемся значением, где история трактуется как «действительность в ее развитии, движении» [1, с. 222].

Последуем за фигурирующим в философской литературе толкованием действительности как *практической деятельности, практики*. Такая интерпретация характерна для марксизма. В частности, в своих знаменитых «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс критиковал предшествующий материализм за то, что тот действительность брал только в форме объекта, в форме созерцания, а не в форме практики, не субъективно [2, с. 1–2].

Дальше эта мысль развивается Ф. Энгельсом В «Диалектике природы». Там читаем: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [3, с. 545].

Категория практики и органически связанный с ней деятельностно-практический принцип использовались и развивались в трудах ряда советских исследователей – П. В. Копнина, Г. П. Щедровицкого, В. С. Стёпина, И. С. Алексеева, В. С. Швырева, Э. Г. Юдина и др. Но работа не завершена. В силе остается программный ориентир, заключенный в следующей оценке Ф. Энгельсом «Тезисов о Фейербахе»:

это «первый документ, содержащий в себе зародыш нового мировоззрения» [4, с. 371]. Многие вопросы (например, о схемах практики в социально-гуманитарном, в том числе историческом, познании, о социокультурном влиянии на развитие исторической науки, о критериях выбора объектов социальной памяти и др.) требуют дальнейшей теоретической разработки.

В структуре простейшего акта практической деятельности, или трудового действия, допустимо различать следующие элементы:

а) ее субъект, деятель (он представляется принадлежащими ему ценностными регулятивами, идеологическими установками, психологическими качествами и пр.);

б) преследуемая субъектом цель (как идеальный образ продукта деятельности);

в) соотносимые с целью средства, операции с ними;

г) предмет, то есть непосредственный материал, готовый к обработке и преобразованиям в заданном направлении;

д) результат.

Эту пятичленную модель иногда упрощают – сообразно насущным потребностям – до трехчленной (средства – цель – результат). Тогда в числе средств оказываются сам субъект практической деятельности или ее предмет. Для крестьянина (как субъекта), обрабатывающего поле (предмет) на тракторе (средство), чтобы в конечном счете получить урожай (цель), он сам, его трактор вместе с полем – не иначе как определенные средства.

Практическая деятельность в целом – это временная последовательность ее простейших актов, где достигнутый результат неоднократно, но всегда на новой основе становится средством для достижения новой цели.

Отношение средства, цели и результата принадлежит классу причинно-следственных отношений. В познавательном процессе в качестве непосредственной причины выступает средство, а следствие приобретает форму идеально положенного в виде цели результата.

По хорошо известным словам В. И. Ленина, «практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» [5, с. 172]. В этих словах кроется объяснение того, почему наша «фигура»-пятичленка проявляет себя не только в объективном мире, но и в сфере познания.

Формой предъявления каждого акта познавательной деятельности является вопрос – языковое выражение, фиксирующее требование к устранению неопределенности в знании или понимании некоторого предмета. Всякий вопрос соотносится с отдельным элементом нашей практической модели: что представлял собой субъект познания в

социокультурном измерении? Каковы его цели? Какими средствами (достаточными, необходимыми) он вооружен? К каким результатам (новым знаниям) пришел? И т. д. Создание научного текста с необходимостью связано с решением такого рода вопросов.

При анализе феномена исторического познания естественно отметить его общие и специфические признаки. К общим, то есть к тем, которые присущи не только историческому, но и любому иному познанию – физическому, биологическому, экономическому и пр., относятся:

- а) его объективная истинность,
- б) его логическая обоснованность.

Существует ряд признаков, производных от основных. Таковыми являются: системность познавательного процесса, его сущностность, опережение практики, общезначимость, употребление специального (искусственного) языка. Мыслить научно – значит учитывать эти признаки (основные и производные) в качестве обязательных оценочных ориентиров.

Историческое познание есть разновидность научного. Касаясь его специфических признаков, то есть таких, которые принадлежат только ему, обратим внимание на его атрибутивное свойство – на обращение к прошлому, на жизнь и действие в нем при сохраненности в человеческой памяти. Образование – важнейшая сфера исторического познания.

Итак, задача данной работы – дать анализ кризиса современного исторического познания. Попытаемся решать ее с учетом того, что: а) в качестве методологического фундамента исследования избран марксистский деятельностный принцип; б) исторический процесс есть прошедшая практическая деятельность (практика); в) историческое познание есть отображение этого процесса в научных понятиях; г) в качестве эмпирического материала используется прежде всего научная и учебная литература, изданная в Республике Беларусь.

Едва ли не общепризнанным является тезис о том, что историческое самосознание нашего общества находится в кризисе. Он не случаен и предопределен жесткой, невыносимой духовной атмосферой, которая сложилась в процессе проводимых с начала «лихих 90-х» социальных преобразований на постсоветском пространстве. Нельзя обойти вниманием и потрясения, испытанные исторической наукой.

В результате произошел отказ от принципа объективности исторического знания, от поиска критериев его истинности. Под лозунгом деидеологизации провозглашено потерпевшей крушение марксистская концепция материалистического понимания исторического процесса. В противовес ей навязываются методологические установки, почерпнутые из ресурсов давно изжившего себя позитивизма и представленные в

глянцевых упаковках постмодернизма, постструктурализма, деконструктивизма и пр., которые якобы не только новы, но и более прогрессивны. Теперь, оказывается, незачем вскрывать глубинные причинно-следственные связи событий, вникать в соотношение сущности и явлений, давать им объяснения, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т. д. Достаточно простого предъявления сведений о событиях, именах, датах.

Перед нами книга: Пурышева, Н. М. «История Беларуси. Школьный курс в кратком изложении». Это учебное издание. Аннотация сообщает, что «пособие позволяет в сжатые сроки повторить школьный курс истории Беларуси и полностью соответствует содержанию и требованиям школьной программы» [6, с. 2]. Далее, во Введении, читаем: «Отличительной особенностью данного пособия является его максимальная приближенность к содержанию учебников и учебных пособий, созданных для общеобразовательных учебных заведений» [6, с. 3]. Таким образом, данная книга – претендент хотя и на краткое, но на довольно полное освещение отечественной истории, и по ней (по книге) можно компетентно судить об уровне преподавания этой дисциплины в любом среднем учебном заведении. Однако итоги «просеивания» содержания этого учебного материала через «фигуру»-пятичленку делают очевидным тот факт, что текст книги – это сообщение о результатах исследования, но не о его процессе. Следовательно, история Беларуси здесь предстает в усеченном виде.

Литература и источники

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР. Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.
2. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – 629 с.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – 828 с.
4. Энгельс, Ф. Предисловие к книге «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – 746 с.
5. Ленин, В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 29. – 783 с.
6. Пурышева, Н. М. История Беларуси. Школьный курс в кратком изложении / Н. М. Пурышева, М. И. Старовойтов. – 3-е изд., испр. – Минск : «Тетралит», 2022. – 240 с.

ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ 20 ГАДОЎ XX СТАГОДДЗЯ: МІЖ ЗАХАДАМ І УСХОДАМ

І. М. Бабкоў

Дваццатыя гады ў інтэлектуальнай гісторыі Беларусі XX стагоддзя займаюць асаблівае месца. Гэта час тварэння беларускай дзяржаўнасці, паўстання новых сацыяльных і палітычных формаў, нараджэння новых ідэяў. Імклівага развіцця беларускай культуры ў дваццатыя і ўваходжанне яе ў дзесяцігоддзе турбулентнасці, а потым амаль поўнага разгрому, заняпаду цягам трыцятых. Час надзвычайнага аптымізму і час трагічнага расчаравання.

У гэты час паўстаюць пяць важных твораў, што закладаюць аснову беларускага мыслення, тэматычна і дыскурсіўна, і надалей застаюцца пунктамі разгортвання інтэлектуальнай традыцыі ў прасторы і часе.

Гэта «Адвечным шляхам» Ігната Канчэўскага, «Гэтым пераможаш» Уладзіміра Самойлы, «Западнарусізм» Аляксандра Цвікевіча, «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі» Вацлава Ластоўскага і «Тутэйшыя» Янкі Купалы.

Гэтыя пяць твораў з'яўляюцца ў пэўным сэнсе інтэлектуальнай рэакцыяй на першую еўрапейскую вайну і пост-імперскую сітуацыю. Разам яны складаюць нябачную цэласць.

Адвечным шляхам – невялікі, але надзвычай уплывовы эсэй, што ляжыць у аснове сучаснага беларускага мыслення. У ім Ігнат Канчэўскі прапанаваў шэраг тэм і ідэй, якія сталі вызначальнымі для беларускай інтэлектуальнай гісторыі на стагоддзе наперад. Беларуская ідэнтычнасць як ідэнтычнасць цывілізацыйнага і культурнага памежжа; неабходнасць суб'ектнасці і «духа жывога», без якіх не можа быць «выразнай культуры»; нацыянальная гісторыя як дыялектыка прыгнёту і вызвалення, «свайго» і «чужога»; грамадскія і сацыяльныя формы, што непазбежна становяцца пасткай і перашкодай і мусяць змяняцца, – разам з ідэяй (утопіяй) «ліючайся формы» і імператывам «творачы зруйнуем» гэтыя тэмы склалі аснову і залаты фонд беларускай філасофскай рэфлексіі 90-х.

«Гэтым пераможаш» Уладзіміра Самойлы з аднаго боку, працягвае лінію Абдзіраловіча, і ў той жа час засяроджвае сваю ўвагу на іншых канцэптах і ідэях. Асноўная з іх – суб'ектнасць і самасвядомасць нацыі, неабходнасць філасофскага, рэфлексіўнага складніка ў новапаўсталай беларускай культуры. Парадаксальна, але узорнай, паказальнай постаццю для ілюстравання гэтай ідэі аказваецца Фіхтэ і ягоная роля ў самаўсведамленні ўласнай суб'ектнасці для культуры нямецкай. Дзье іншыя тэмы: крытыка гвалтоўных, рэвалюцыйных механізмаў трансфармацыі сацыяльна-палітычнага ладу, апалогія эвалюцыі і эвалюцыйных метадаў, і крытыка п'янства, розных формаў алкагольнай

залежнасці.

«Тутэйшыя» Янкі Купалы належаць да іншага жанру. Гэтыя драматычныя замалёўкі працягваюць традыцыю беларускага тэатра, і ў той жа час з'яўляюцца самастойным канцэптэуальным выказваннем, мастацкім даследаваннем беларускай ідэнтычнасці на руінах імперыі. На гэты падвойны статут «Тутэйшых» даследчыкі звярнулі ўвагу не адразу. Але напрыканцы стагоддзя, асабліва пасля паўставання такіх новых трэндаў у гуманістыцы, як тэорыя памежжа і посткаланіяльная тэорыя, «Тутэйшыя» Купалі раптоўна праявіліся як геніяльная ілюстрацыя іх базавых ідэяў і канцэпцый.

«Западнарусізм» Аляксандра Цвікевіча выступае адначасова і як даследаванне з гісторыі ідэй і як марксісцкая дэканструкцыя каланіяльных стэрэатыпаў і каланіяльнай палітыкі імперскай Расіі. Перад намі першае беларускае канцэптэуальнае прачытанне XIX стагоддзя, што спрабуе звязаць сацыяльную і інтэлектуальную гісторыю.

І нарэшце «Гісторыя крыўскай кнігі» Вацлава Ластоўскага – сінтэтычнае падсумаванне беларускай культурнай традыцыі ў яе тысячагадовым вымярэнні. Ластоўскі апошнія дзесяцігоддзі пачынае бачыцца як сапраўдны канструктар новай беларускай ідэнтычнасці, стваральнік гістарычнага наратыва і асноўных культурных кодаў. Гісторыя крыўскай кнігі – архіў фактаў, энцыклапедыя ідэяў, хрэстаматыя базавых тэкстаў беларускай традыцыі смела можа лічыцца асноўным тэкстам, што завяршае класічны, нашаніўскі перыяд, і ў той жа час адкрывае дарогу наперад.

Гэтыя творы розных жанраў і займаюць рознае месца ў гісторыі беларускай думкі/культуры дваццатага стагоддзя, але іх аб'ядноўвае адно: кожны з іх прапаноўвае новыя інтэлектуальныя сродкі аналіза сітуацыі. Сродкі, якія радыкальна адрозніваюцца ад ужо наяўных, вырацаваных

Можа быць менавіта гэтая навізна і прыводзіць да парадаксальнай сітуацыі: усе яны практычна адразу пасля з'яўлення патрапляюць пад забарону і вяртаюцца ў культурную свядомасць толькі напрыканцы 80-х гадоў 20 стагоддзя.

У той жа час, пасля вяртання адбываецца сапраўдны рэнесанс ідэяў і постацяў: усе пяць тэкстаў аказваюцца не проста не архаічнымі, а найдзвычай актуальнымі, не пераадоленымі.

Аказваецца, што яны патрапілі як абазначыць балявыя пункты традыцыі, праблемныя моманты ідэнтычнасці, так і прапанаваць пэўныя кірункі прадумвання, а магчыма нават і вырашэння гэтых пытанняў.

Адсюль адчуванне знаёмасці ідэй, нават банальнасці. І адсюль жа адчуванне маштабнасці прадуманага. Такое ўражанне, што нягледзячы на фізічную адсутнасць у культуры амаль да канца стагоддзя, – сама культура імкнулася запоўніць гэтыя пустыя месцы падобнымі кодамі, парафразаі.

Усё гэта сведчыць што прапанаваныя там ідэі і схематызмы тычацца не проста часовых абставінаў, але традыцый ў цэлым.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АН БССР

С. А. Жук

Концентрация с 1943 г. кадров Академии наук в Москве («Московский период эвакуации») актуализировала вопрос о возрождении научно-исследовательских учреждений. С одной стороны, перед Президиумом Академии наук стоял вопрос, о необходимости возобновления работы исследовательских подразделений Академии, которые существовали к началу Великой Отечественной войны.

Основной период восстановления институтов пришелся на конец весны – лето 1944 г. 16 июня 1944 г. Президиумом АН рассмотрен вопрос о возрождении Института истории. Академик Н. М. Никольский представил развернутую мотивированную докладную записку и штаты научного учреждения. Предложение получило поддержку со стороны К. В. Горева, О. К. Кедрова-Зихмана. Впервые в период эвакуации во время обсуждения этого вопроса актуализировалась проблема возрождения в составе Академии учреждения философского профиля: Президент Академии предложил организовать в составе Института сектор истории философии с целью «изучения истории отдельных философских течений и взглядов выдающихся людей БССР, а в дальнейшем для разработки теоретических вопросов в области марксистско-ленинской философии» [1, л. 18]. Однако согласно совместному постановлению ЦК КП(б)Б и СНК БССР «О восстановлении Института истории Академии наук БССР» штатным расписанием не предусматривалось создание этого сектора [2, л. 54]. Ведущим фактором этого стала кадровая проблема. Летом 1944 г. в структуре Академии наук не состояло ни одного кандидата или доктора философских наук, количество философов в БССР также было незначительным и они с трудом могли удовлетворить спрос возрождавшихся вузов в научно-педагогических работниках. Важным фактором, оказавшим отрицательное влияние на организацию научного учреждения, стало и отсутствие в Республике крупных философов, способных возглавить учреждение и предложить исследовательскую программу.

В сентябре 1944 г. бюро ЦК КП(б)Б разрешило Академии наук в мае следующего года провести выборы в Академию. Были открыты четыре вакансии академиков и членов-корреспондентов для философов [3, л. 12–13]. Весной следующего года комиссия предложила рекомендовать на должности действительных членов Академии М. Т. Иовчука и И. М. Ильюшина. Первый тогда работал в центральном аппарате ЦК

ВКП(б) на должности заместителя начальника управления пропаганды и агитации, второй – заместителем председателя СНК БССР. К началу 1945 г. в Академии наук окончательно сложился проект организации Института философии. С высокой долей вероятности можно говорить и о плане возвращения с государственной службы в Академию на должность директора И. М. Ильюшина. Однако этому проекту, входившему в более широкий план ускоренного возрождения Академии и курировавшемуся лично П. К. Пономаренко, не суждено было сбыться.

В 1946 г. руководством Академии наук вновь предпринимаются попытки создания учреждения философского профиля. 30 июля бюро ЦК рассматривало вопрос о создании сектора философии [4, л. 12]. Проект включал в себя штатное расписание, а также список кандидатур для занятия штатных должностей. Он был согласован на уровне отдела школ ЦК КП(б)Б (П. В. Саевич). Члены бюро единогласно поддержали необходимость организации сектора, однако разгорелась дискуссия о кадрах. Министр просвещения Е. И. Уралова протестовала против включения в состав сотрудников доцентов минских вузов, работавших более, чем на ставку [4, л. 138–139].

6 августа со второй попытки постановление «О секторе философии при Академии наук БССР» было принято. Таким образом, в августе 1946 г. ЦК КП(б)Б было принято политическое решение о необходимости создания сектора философии Академии наук БССР. Однако согласно постановлению не утверждалось штатное расписание и не назначался руководитель сектора. Практически полгода сектор представлял собой «институциональное привидение», существуя исключительно на бумаге. В отчете Академии за 1947 г. отмечалось: «...Раньше существовал так называемый сектор философии и его юридическое положение было очень неопределенным» [5, л. 98]. Автором не выявлено в фондах Центрального научного архива документальных свидетельств о работе сектора в 1946 г. за исключением прикрепления осенью 1946 г. трех аспирантов к М. Т. Иовчуку. Таким образом, в течение второго полугодия сектор философии не функционировал, не было утверждено штатное расписание и не назначено руководство.

Некоторые подвижки в работе сектора философии начинаются только в начале 1947 г. В это время в Академию возвращается бывший сотрудник Института философии и права и секретарь парткома И. Н. Лущицкий, демобилизованный со службы в Советской армии в ноябре 1946 г. и назначенный на должность главного ученого секретаря Академии. Он по совместительству курировал организацию сектора философии. Проблема отсутствия штатов начала решаться в январе 1947 г. после подачи в Совет Министров докладной записки (авторы К. В. Горев и И. Н. Лущицкий) о необходимости организации сектора философии и утверждения штатного расписания [6, л. 1–3].

21 января Совет Министров БССР принимает постановление «О восстановлении сектора философии Академии наук Белорусской ССР» [6, л. 4–5], согласно которому восстанавливался сектор философии вместо ранее существовавшего ИФиП. Высший орган исполнительной власти также поддержал инициативу Академии о штате сектора в 14 человек, правда, несколько изменив его.

Таким образом, постановление Совета министров 21 января 1947 г. в «советском порядке» реализовывало решения ЦК КПБ полугодичной давности. Штаты сектора, принятые Советом Министров БССР, были утверждены Государственной штатной комиссией при Совете Министров СССР в начале марта. Они отражают среднесрочные перспективы исследовательского учреждения, о чем свидетельствует докладная записка от 20 февраля на имя заместителя председателями Совета Министров СССР В. М. Молотова (авторы И. Н. Луцицкий и Заместитель председателя Совета Министров БССР А. Жавров), в которой отмечалось, что «только в Минске до 15 кандидатов наук и доцентов», которых предлагалось привлечь к работе в секторе [6, л. 4–5].

Создание сектора не в полной мере решало проблему отставания АН БССР от Академии наук УССР и Союзной Академии. С другой стороны, возможностей для создания исследовательского учреждения философского профиля было немного. Ситуация начинает резко меняться после назначения в начале 1947 г. на должность секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М. Т. Иовчука. Перевод заместителя начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в провинциальный и не до конца оправившийся от последствий войны Минск в определенной степени являлся понижением в советской иерархии. С другой стороны, «идеологический фронт» в БССР значительно укреплялся благодаря назначению на руководящую должность одного из видных членов команды А. А. Жданова. В специфику его служебных обязанностей органично вписывалась роль куратора философии в БССР, тем более что сам он вскоре после защиты в 1946 г. докторской диссертации по истории философии в XVIII–XIX вв. был избран членом-корреспондентом АН СССР. Таким образом, перевод в Минск М. Т. Иовчука стал *ultima ratio regum* (последним доводом королей) в организации Института философии и права.

Совет Министров БССР во исполнение январского решения 25 марта 1947 г. принял постановление «О восстановлении Института философии и права академии наук БССР» [6, л. 7]. Формулировка подчеркивала историческую преемственность институциональных форм организации философских исследований в Академии наук. Решение об организации ИФиПа было утверждено совместным постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР 23 апреля [6, л. 14].

Свою деятельность Институт философии и права начал с 1 июля

1947 г. С этого времени развернулась и работа по подбору кадров. В июле – октябре И. Н. Лушицкий и Я. П. Голенченко по очереди исполняли обязанности директора Института [7, л. 109]. В ноябре на эту должность утвержден заместитель начальника управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б кандидат философских наук И. М. Ильюшин после его избрания членом-корреспондентом [8]. Неформальным «куратором» научной работы института стал М. Т. Иовчук. Таким образом, реализовалась предложенная еще в 1945 г. модель управления философской наукой: директор – Ильюшин, а «куратор» – Иовчук.

Литература и источники

1. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 504. Л. 56.
2. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 48. Л. 58.
3. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 74. Л. 87.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 300. Л. 143.
5. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 150. Л. 116.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 12. Д. 13. Л. 41.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 505. Т. 2. Л. 403.
8. ЦНА НАНБ. – Ф. 2. Личное дело Ильюшина Ивана Макаровича. Л. 38.

ПРАБЛЕМАТЫКА СЯБРОЎСТВА Ў БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ КУЛЬТУРЫ

М. Б. Завадскі

Тэма сяброўства адносіцца да «вечных» праблем грамадства, культуры і мудрасці. Над сутнасцю і атрыбутыўнымі прыкметамі сяброўства думалі знакамітыя філосафы, мысліцелі, навукоўцы. Праблема сяброўства падымаецца ў творах сусветнай і беларускай нацыянальнай культуры. Платон бачыў у сяброўстве вышэйшую форму любові, якая не абцяжарана цялеснай цягай, і саступае у сваёй высокароднасці хіба толькі пазнанню ісціны ці дабра. Вучэнне аб сяброўстве распрацаваў Арыстоцель, які меркаваў, што сяброўства як і філасофія адносіцца да таго шэрагу з’яў, якія хаця і могуць прыносіць карысць і мець практычнае значэнне, перад усім каштоўны самі па сабе. Пісьменнікі і філосафы эпохі Асветніцтва тлумачылі сяброўства на падставе тэорыі разумнага эгаізму. У XIX–XX стст. сяброўства стала прадметам даследаванняў сацыёлагаў. Класікі сацыялогіі, прадстаўнікі мікрасацыялогіі і сацыялогіі паўсядзённасці бачылі ў сяброўстве важнейшы элемент сацыяльнага капіталу, які на глебе міжасабовага даверу цэментуе ўстойлівасць і трываласць сацыяльных адносін.

У народнай культуры беларусаў сяброўства разглядалася як

характарыстыка тых сацыяльных адносін, якія з'яўляюцца маральна каштоўнымі. Стасункі паміж людзьмі, што заснаваны не на карысці, выгадзе, абмене, а на ўзаемнай прыязнасці, выручцы, агульных інтарэсах, перакананнях, жыццёвых акалічнасцях, шчырасці, мусіць цаніць і берагчы кожны чалавек, бо сяброўства бывае рэдка, яно выбіральна, і часам ацэньваецца вышэй за сваяцтва: «Сябар – божы сваяк» [7, с. 149], «Найшоў сябра – беражы, а няма – шукай», «Сябрамі не кідаюцца», «Нас не поле насеяна» [6, с. 180], «Часам ат свайго памогі не чакай, хіба ў сябра папытай» [7, с. 149], «Праўдзівая прыязнасць ніколі не памрэ» [8, с. 381].

Сяброў нібыта яднае нябачная для вока сіла, якая нягледзячы на беды, магчымае непаразуменне, канфлікты, прыцягвае людзей адно да аднаго: «Жывуць у такой дружбе, што вада не размые і свіння не разрые» [9, с. 366], «Іх і вадою не разальеш» [5, с. 61], «Іх і цапом не развядзеш» [5, с. 61], «Яны ў адзін дух гавораць», «Як у адной кашулі хрышчаныя» [3, с. 319].

Народная мудрасць разглядае сяброўства як характарыстыку духоўнага стану чалавека, якая не вымераецца катэгорыямі дастатка, эканамічнай, альбо інструментальнай мэтазгоднасці ці рацыянальнасці: «Больш значыць сто другоў як сто рублёў» [1, с. 82], «Не май сто коп, а май сто сяброў» [6, с. 183], «Прыяцеля за грошы не купіш» [1, с. 249].

У той жа час пэўныя эканамічная адносіны могуць быць праверкай і выпрабаваннем для сяброўства: «Калі хочаш ворага нажыць, дык грошы пазыч» [6, с. 182]. Яшчэ адным іспытам з'яўляюцца абавязкі па асноўнай працоўнай дзейнасці, у дачыненні да сям'і і г. д. Тут народны розум раіць: «Дружба дружбаю, а служба службаю» [6, с. 182]. Сябры мусяць жыць у згодзе, дапамагаць адзін аднаму, не сварыцца: «Дзе сварацца, там нішчымнае варыцца» [6, с. 182], «Лепш пяць разоў умарыцца, як адзін раз пасварыцца» [6, с. 182].

Сяброўства прадугледжвае роўнасць і падабенства людзей, якія становяцца сябрамі. Гэта тычыцца сацыяльнага становішча, узроста, матэрыяльнага дабрабыта, жыццёвых сітуацый: «Багаты з бедным – не сябры» [6, с. 182], «На нашы ногі завысокі іх парогі» [6, с. 179], «Роўны з роўнага цешыцца», «Роўны роўнага шукае» [1, с. 263], «Арлу з саваю не па дарозе», Аб'ядноўваюць людзей агульныя як заганы, недахопы так і дасягненні, набыткі. «Конь з канём, вол з валом, свіння з вуглом» [6, с. 181], «Ні адны чорт лапці стаптаў, пакуль роўных сабраў» [6, с. 181].

Але галоўнае, што збліжае сяброў, гэта душэўная блізкасць, роднасць светаўспрымання, характараў, жыццёвага лёсу. «Вас сем, а адна душа», «Калі сябар не паможа, та й ніхто, нябожа» [7, с. 149], «Удвух добра і жабраваць пайсці». Непазбежны і ўплыў сяброў адзін на аднаго, таму сяброў трэба выбіраць пільна: «З кім спазнаешся, такім станешся» [4, с. 190].

Сяброўскія стасункі патрабуюць часу і мусяць саспець. Чым даўжэй

цягнецца сяброўства, тым больш значным яно ўспрымаецца ў народнай свядомасці. «Старую рэч на новую змяняй ці хоць за плот кідай, старога сябра – на новага не мяняй», «Стары друг лепей за новых двух» [9, с. 365].

Сапраўднае сяброўства мусіць прайсці праверку не толькі часам, але і жыццёвымі абставінамі. Беларускі народ перакананы, што толькі ва ўмовах складанай жыццёвай сітуацыі, у часы стрэсу, няшчасця і нядолі чалавек праяўляе свае непадробныя якасці. Тое самае тычыцца і сяброўства: «Той не можа быць другам, хто абыдзе ў бядзе кругам», «Прыяцеля пазнаеш у няшчасці» [1, с. 249], «Хто ў бядзе і ў вялікім няшчасці не быў, той і праўдзівых прыяцеляў не знае» [1, с. 249].

Сяброўства каштоўнае яшчэ і тым, што надае яе носьбіту пэўныя здольнасці і магчымасці пераадолюваць тое, што аднаму было б не пад сілу. Напрыклад, павялічвае мужнасць і дазваляе адолець пачуццё страху. «Сябар за сябра трымацца – ...нічога не баяцца» [2, с. 129].

Адметная сутнасная рыса сяброўства складаецца ў тым, што чалавек, які сябруе ці здольны на сяброўства, не замыкаецца ў цісках эгаізму альбо ўласнай самасці, можа ўступіць у глыбокі персанальны камунікатыўны кантакт з іншым чалавекам, ведае, што значыць самаахвяраванне, калі другі чалавек можа успрымацца больш значным, чым ты сам: «Сябра мець – сябе не шкадаваць» [2, с. 129].

Такім чынам, выяўленыя перадумовы, крытэрыі, сутнасныя характарыстыкі сяброўства як маральнай катэгорыі ў народнай мудрасці беларусаў даваляюць сцярджаць пра іх сугучнасць сэнсам і накірункам думкі сусветнай культуры.

Літаратура і крыніцы

1. Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 / Michał Federowski. – Warszawa : T-wo Nauk. Warszawskie, 1935. – Т. 4 : Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Świecian i Oszmiany. – XVIII, 490 s.
2. Янкоўскі, Ф. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1962. – 556 с.
3. Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1972. – 320 с.
4. Народная проза Акцябршчыны / Уклад., уступ. арт. А. М. Боганевай. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 192 с.
5. Выслоўі / Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ, артыкул і камент. М. Я. Грынבלата ; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.
6. Варлыга, А. Прыказкі і асаблівыя выказы з Лагойшчыны ў Меншчыне / Адам Варлыга // Запісы Беларускага інстытута навукі й мастацтва. – Мюнхен : Buchdruckerei «Logos», 1963. – С. 177–233.

7. Сержпутувский, А. К. Очерки Белоруссии. I. Сябрына. II. Бонда (Из жизни Полесских белоруссов южной части Слуцкого у. Минской г.) / А. К. Сержпутувский // Живая старина. – 1907. – Т. XVI, Вып. III. – С. 149–152.
8. Прыказкі і прымаўкі / Пад рэд. А. С. Фядосіка : у 2 кн. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 560 с.
9. Pietkiewicz, Cz. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego: materiały etnograficzne / Czesław Pietkiewicz. – Warszawa : Towarzystwo naukowe Warszawski, 1938. – xv, 459 s.

ФІЛАСОФІЯ ЯК ІНСТРУМЕНТ АБГРУНТАВАННЯ РЭЛІГІЙНЫХ ПРАЎД У ТВОРЧАСЦІ В. БУЧЫНСКАГА

Г. І. Клімовіч

Асноўная тэма дадзенага спавешчання – гэта асэнсаванне ўзаемадзеяння праўд рэлігіі і філасофіі ў творчай спадчыне аднаго з найбольш аўтарытэтных прадстаўнікоў неасхаластычнай традыцыі на тэрыторыі Беларусі, якая развівалася ў межах Полацкай езуіцкай акадэміі – В. Бучынскага.

Першая палова XIX стагоддзя была на подступах да канца класічнай філасофскай традыцыі. Безумоўна, у гэты час магутныя метафізічныя сістэмы яшчэ працягвалі існаванне, але знаходзіліся ў стане крызісу, перажываючы перыяд «паўраспаду». Дадзеная з'ява паслужыла штуршком да пошуку новых магчымасцей і сэнсаў, у тым ліку і ў праблемным полі рэлігійнай філасофіі. Гэты феномен прысутнічаў таксама ў айчыннай філасофскай і сацыяльна-палітычнай думцы: мысляры займаліся напружаным пошукам ідэй, якія маглі б стварыць адзіную каштоўнасную аснову. Адным з такіх вырыянтаў была спроба сінтэзу рэлігіі і філасофіі, базісам якой было імкненне аб'яднаць праўды філасофіі і рэлігіі. Шэраг такіх ідэй быў вылучаны ў часопісах *Atheneum*, *Miesięcznik Półocki*, таксама падобныя праграмныя ўстаноўкі можна знайсці ў трохтомнай працы М. Якубовіча «Філасофія хрысціянскага жыцця ў параўнанні з пантэістычнай філасофіяй нашага часу». Прадстаўляе навуковы інтарэс у гэтым аспекце і работа выпускніка Полацкай езуіцкай акадэміі, а таксама яе прафесара, філосафа неасхаластычнай накіраванасці – Вінцэнтэя Бучынскага «Пачаткі рэлігійнай дактрыны, у якой філасофскія прынцыпы прыменены да рэлігійных ісцін» (*Institutiones doctrinae religionis, in philosophica ad veritates religionis applicantur conscriptae*). Дадзеная работа яшчэ не станавілася прадметам навуковага даследавання гісторыкаў філасофіі, адначасова яна ўтрымлівае шэраг арыгінальных ідэй, якія падкрэсліваюць самабытнасць філасофіі В. Бучынскага і патрабуюць далейшай увагі з боку даследчыкаў.

Відавочна, што адна з асноўных праблем, якая сваеасаблівым

маркерам праходзіць праз усе творчыя пошукі В. Бучынскага – гэта праблема, што сыходзіць каранямі яшчэ ў сярэднявечную схаластыку, а менавіта: узаемаадносіны праўд рэлігіі і філасофіі, ці, як варыянт, веры і Адкрыцця. Здавалася б, яшчэ ў эпоху росквіту схаластыкі былі асэнсаваны асноўныя магчымыя варыянты гэтага саюза, але канец XVIII – пачатак XIX стагоддзяў, якія адзначыліся шматлікімі падзеямі, што назаўжды змянілі інтэлектуальны ландшафт Еўропы, сталі новым выклікам для тэолагаў і рэлігійных філосафаў. Рэзкая крытыка схаластычнага стылю мыслення, скасаванне ордэна езуітаў, вольнадумства і атэістычная Французская рэвалюцыя прымусілі аўтараў, якія належалі да рэлігійна-філасофскага кірунку, абараняцца і шукаць новыя шляхі ажыўлення афіцыйнай філасофскай дактрыны каталіцкай царквы. Гэтае пытанне таксама стала адным з цэнтральных для творчай спадчыны В. Бучынскага.

Асабліваць падыходу дадзенага аўтара ў адносінах да філасофіі заключаецца ў сцвярджэнні яе практычнай накіраванасці. На думку полацкага акадэміка, філасофія не можа існаваць сама па сабе і дзеля самой сябе, яна павінна прыносіць карысць грамадству, а таксама рабіць чалавека шчаслівым. У супрацьлеглым выпадку яна павінна разглядацца як «філаманія», следствам якой з'яўляецца заняпад як асобы, так потым і грамадства. Карысць філасофіі для грамадства, на думку В. Бучынскага, заключалася ў фарміраванні грамадзяніна сваёй дзяржавы, адной з характэрных рыс якога была рэлігійнасць. Такім чынам, практычная каштоўнасць філасофіі для В. Бучынскага ў першую чаргу звязана з дапамогай ў фарміраванні грамадзянскай самасвядомасці з дапамогай рэлігійнага светапогляду.

Узаемадзеянне рэлігіі і філасофіі, на думку В. Бучынскага, магчыма, калі мэтай філасофіі будзе, як і ўсялякага мастацтва і вучэбнай дысцыпліны – садзейнічаць лепшаму засваенню рэлігійных праўд [1, с. 1]. Такое прызначэнне філасофіі можа быць растлумачана тым, што ўся сістэма адукацыі ордэна езуітаў мела рэлігійны характар, адпаведна, філасофія не магла вывучацца як аўтаномная дысцыпліна.

Згодна схаластычнай традыцыі існуюць праўды рэлігіі і праўды філасофіі. Праўдамі рэлігіі з'яўляюцца тыя, што могуць быць спазнаны з дапамогай веры, філасофскія праўды адкрываюцца з дапамогай натуральнага розуму. І менавіта натуральны розум становіцца першым краевугольным каменем даследавання В. Бучынскага. Натуральны розум або натуральнае святло розуму – тэрмін, уведзены ў філасофію Тамашам Аквінскім. Ён ужываўся анельскім доктарам для апісання здольнасці актыўнага інтэлекту рабіць выявы розума пазнавальнымі праз устанаўленне агульнага для іх зместу. Сам В. Бучынскі выкарыстоўвае больш сучасны яму тэрмін – *lumen rationis* (святло розуму), што, відаць, адпавядае тэрміну *lumen naturale rationis*, які з'яўляецца натуральнай здольнасцю розуму [2, с. 90]. Ужыванне дадзенага паняцця азначае, што

нешта можа быць спазнана натуральным шляхам, гэта значыць, па-за Адкрыццём.

Класічным варыянтам праўды, якая можа быць спазнана як праз Аб'яўленне, так і натуральным шляхам, з'яўляецца існаванне Бога. Па В. Бучынскаму, натуральнае святло розуму здольнае працаваць у гэтым кірунку, дазваляючы спазнаць Бога. На думку полацкага філосафа, непасрэдна са святлом розуму звязаны і доказ быцця Бога Тамаша Аквінскага з прычыннасці, якая атаясамліваецца ў В. Бучынскага з магчымасцю назіраць у свеце як прычынна-выніковыя сувязі.

Таксама В. Бучынскі праз прызму паняцця святла розуму разглядае і доказы Тамаша Аквінскага ад мэтазгоднасці і ад прычыннасці [1, с. 8]. Але яго філасофію нельга разглядаць толькі як прытрымліванне тамістычнай сістэмы поглядаў. Па-першае, В. Бучынскі спрабуе прымяніць доказ існавання Бога Тамаша Аквінскага ў кантэксце гістарычнай сітуацыі XIX стагоддзя, а, па-другое, ён не спыняецца толькі на тых, што існуюць, а прапануе свой. Арыгінальнасць дадзенага доказу заключаецца ў самой яго падставе – ён пабудаваны на выкарыстанні паняцця натуральнага права [1, с. 223].

У гэты перыяд існавала дастаткова вялікая колькасць трактовак паходжання натуральнага права. Для В. Бучынскага яно выступае як вынік злучэння вышэйшай волі Абсалюту і чалавечага розуму. Аб гэтым ён піша ў сваёй працы «Пачаткі філасофіі» [3, с. 41]. Паколькі, як мы бачым, натуральнае права немагчымае без садзейнічання чалавечага права, то, згодна пункту гледжання аўтара, яно цалкам можа быць выкарыстана ў якасці яшчэ аднаго шляху зразумення існавання Абсалюту інтэлектуальным шляхам: «Больш таго, Бог, творца прыроды, напісаў у сэрцах нашых закон Свой, як кажа апостал, і явіў яго святлом самога розуму... Такім чынам, усё, што загадваецца ці забараняецца натуральным законам, адносіцца і да абавязкаў хрысціяніна» [3, с. 223].

Такім чынам, статус філасофіі асэнсоўваецца В. Бучынскім не толькі ў класічным схаластычным кірунку, у аснове якога ляжыць ідэя аб наяўнасці рацыянальных шляхоў існавання Бога (доказы існавання Бога), распрацаваных яшчэ Тамашам Аквінскім. В. Бучынскі спрабуе «асучасніць» гэтыя доказы, дзеля гэтага ён звяртаецца да папулярнага ў гэты перыяд напрамку натуральнага права і разглядае звышнатуральнае паходжанне права як яшчэ адзін доказ існавання Абсалюта. Такім чынам, ён як бы замыкае доказы існавання Бога ва ўсёй іх паўнаце – на працягу існавання схаластычнай традыцыі былі метафізічнымі, гнесеалагічнымі, а цяпер да іх дадаўся кірунак, які з'яўляецца элементам як этыкі, так і практычнай філасофіі, роўна як і філасофіі права.

Відавочна, што рэфлексія В. Бучынскага палягала ў рэчышчы неасхаластычнай традыцыі. Разам са зваротам да класічных тэм аўтэнтчнай традыцыі, дзе ён прытрымліваецца ў большай ступені

комплекса ідэй Тамаша Аквінскага, звязаных з канцэптам натуральнага святла розуму, назіраецца арыгінальная трактоўка натуральнага права як аднаго з мыгчымых доказаў існавання Бога. Гэта, у сваю чаргу, азначае адыход ад традыцыйных для схаластыкі шляхоў і пошук новых варыянтаў абгрунтавання рэлігійных праўд, які быў звязаны са зваротам да тагачасных дасягненняў як ў галіне навуковых адкрыццяў, так і творчых азэрэнняў гуманітарыстыкі.

Літаратура і крыніцы

1. Buczyński, V. Institutiones doctrinae religionis, in philosophica ad veritates religionis applicantur conscriptae / V. Buczyński. – Viennae, 1842. – 300 p.
2. Климович, А. И. Концепция правопонимания и ее этическое обоснование в творчестве В. Бучиньского / А. И. Климович // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2022. – № 2. – С. 87–93.
3. Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 203 p.

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИДЕОЛОГИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Н. И. Кулак

В последние годы в научных работах по философии, политологии, культурологии, социологии, экономике все чаще идет обсуждение понятия «идеология» и тех методологических трудностей, с которыми сталкивается исследователь при анализе этого сложного концепта. Подобная активная попытка дать этому понятию современную оценку демонстрирует недостаточность предложенных ранее интерпретаций и призывает к новому истолкованию в рамках социального контекста нашего времени. Постараемся проследить значение понятия «идеология», включая философские размышления Г. В. Плеханова.

Новейший философский словарь дает следующее определение: «идеология – понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов, философских концепций... Согласно Марксу, "не в идеологии и пустынных гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы мы могли жить, не зная смятения"» [1, с. 405]. У британского философа Терри Иглтона мы можем встретить не менее интересное утверждение: «идеология – это текст, который соткан из паутины различных концепций и прослеживается сквозь множество разных историй» [2, с. 113]. Что касается Г. В. Плеханова, то в своей знаковой работе «Основные вопросы марксизма» он дает весьма размытую характеристику понятию «идеология», представляя ее как отражение

психики.

Стоит отметить, что в творчестве Г. В. Плеханова идеологические категории занимают не ключевое место и выступают в качестве своеобразной «системы идей» или компонентом социального смыслополагания, что объясняет преемственность в развитии каждой идеологической формы. «Идеологии каждого данного времени всегда стоят в теснейшей – положительной или отрицательной – связи с идеологиями предшествующего времени» [3, с. 666]. Категория «преемственности» одна из господствующих в творчестве русского марксиста, с ее помощью он определяет, в том числе, и методологическое значение идей И. Канта, неокантианцев, Г. Гегеля и др. для формирования теории материалистического понимания истории.

Понятие «идеология» за довольно длительный период своего существования (в употребление ввел французский философ и экономист Дестют де Траси в 1801 г. в работе «Элементы идеологии») включило немало смыслов, но далеко не все они сохранили свою актуальность и имеют научную ценность. Однако эти подходы содержат комбинации идей и предложений, способных формировать символические формы и влиять на все уровни социума. «На уровне индивидов она (идеология – *Н. К.*) предстает в виде более или менее осознанных убеждений, а также интерпретативных кодов, которые усваиваются в процессе социализации и чаще всего не подвергаются рефлексии» [4, с. 7]. Борьба за смыслы, принципы, концепции, доктрины в современном мире требует сочетания различных дискурсов, усиления использования наличных производственных возможностей, соединения специфических аспектов из ранее противоположных философских систем. Ввиду этого, обращение к марксизму и творческому наследию Г. В. Плеханова представляет наивысшую актуальность и ценность.

В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханов задается актуальным и в наши дни вопросом: «Как надо понимать взгляды Маркса на идеологию высшего порядка: на науку, на философию, на искусство и т. д.?» [3, с. 648]. Ответ прост: общество должно достигнуть высокой степени благосостояния, чтобы научное сообщество могло посвящать свои интеллектуальные штудии подобным занятиям. Поэтому сейчас требуется теоретическая рамка, взаимодействие широкого круга акторов для продвижения и расширения в академической среде методологических подходов в отношении идеологии.

Литература и источники

1. Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – Мн. : Книжный дом. 2003. – 1280 с.
2. Eagleton, T. Ideology: an introduction / Terry Eagleton. – London ; New York, 1991. – 242 p.

3. Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. – М., 1956 – Т. 1. – С. 507–701.

4. Малинова, О. Ю. О методологических трудностях работы с понятием «идеология» / О. Ю. Малинова // Вопросы философии. – 2023. – № 2. – С. 5–9.

**РАЗМЫШЛЕНИЕ ПО КНИГЕ В. И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» (1909)
О ФЕНОМЕНАЛИЗМЕ Р. АВЕНАРИУСА**

И. Д. Кулаков

В философских дискуссиях прозвучало напоминание: при наличии различных модификаций и разновидностей идеалистического содержания философских систем необходимо выявление их специфики с целью недопущения «негативного стереотипа» [4, с. 77–78]. На материале указанной в заглавии работы *В. И. Ленина* обращено внимание на одну из форм феноменализма: махизм–эмпириокритицизм в условиях состояния, движения науки и философии, начиная с конца двадцатых годов XIX (О. Конт) до начала XX в. Обратиться в День философа в этом 2023 г. к его «оппозиционному» вызову, содержащему попытку возвысится над материализмом и идеализмом, есть дополнительный смысл: в связи со 180-летием со дня рождения одного из его основателей – *Рихарда Авенариуса* (1843–1896), наряду с *Эрнстом Махом* (1838–1916). В целевом аспекте автор хотел бы обратить внимание, прежде всего, историков философии на феноменализм как явление в философии за недостатком внимания, которого он заслуживает, обладая значительной синтезирующей мощью: например (в порядке вопроса) в отношении позитивизма (с поверхностным значением термина «позитивизм»), определяемого иногда как феноменализм [1, с. 313]. Без серьезных обобщений, вопросов, контекста социальных, научных проблем, противоречий, идейной борьбы в ту или иную эпоху история философии превратится в описательную науку.

Это была эпоха: относительной международной стабильности в Европе, за отдельными исключениями, например касательно безопасности России, с социальной борьбой в мирных и немирных формах (Англия, Франция, Германия); становления, развертывания науки (механика; физика; химия с делением на органическую и неорганическую; геология, биология, возникающие социальные науки), в сочетании с борьбой в ней различных школ, позиций (прежде всего физике, химии); возросшего внимания к психологии, – что неизбежно отражалось в мировосприятии, мировидении, мировоззрении.

Не оставались в стороне и философы. Среди них был *Рихард Авенариус* (Германия). Увлекался в юности, по словам Р. Вилли,

«теоретико-познавательным идеализмом» (см. [3, с. 43]). Опираясь на одну из философских традиций (*Д. Беркли, Д. Юм, И. Кант, И. Г. Фихте*), выступил со своим индивидуалистическим мировоззренческим проектом по имени «Эмпириокритицизм» (гр. *empeiria* – опыт и *kritiké* – искусство разбирать, судить) по преодолению материализма и идеализма учением о «принципиальной координации». Труды: заглавный «Философия как мышление о мире по принципу наименьшей траты сил» (1876); «Человеческое понятие о мире» и «Замечания» (Их цитирование – в ленинском переводе).

В центре мировоззренческой системы *Р. Авенариуса* стоит «опыт». При всей критике за неясность в его понимании (*В. М. Вунд* и др. [3, с. 152]), он исходит, на наш взгляд, из субъективного содержания, жизненного опыта, включая познание, осуществляемого человеком, индивидуумом, обозначаемым «Я», придавая философский смысл в форме неразрывной связи «Я и среда», где среда не существует без Я, и наоборот: Я не существует без среды, по принципу «наивного реализма» донаучного содержания: «Вещь» воспринимается вместе с сознанием «вещи» (см. цит. у Ленина [3, с. 64]). Тем самым как бы закладывается «основание» преодоления материализма и идеализма. Я, субъект действует в качестве «центрального члена», а среда – противочлен, множественно расчлененный на «противочлены». Ее нельзя отождествлять с некой «материей». Тогда можно говорить о «принципиальной координации», или в «очищенном» от нее виде «полном опыте» со средой. «Я» – центральный член координации (см. цит. [3, с. 63]). «Как в принципиальной координации, т. е. в "полном опыте", – публикует он, – немислим (*underband*) противочлен без центрального члена, так и материя в метафизическом абсолютном понятии есть полная бессмыслица (*Unding*)» (см. [3, с. 147]), в чем состоит и суть критики опыта не в авенариусовском смысле.

Логика движения мысли о «неразрывности» Я и среды, в общем-то, проста. Я живу в определенной среде и не могу выйти за ее пределы. Все что я могу в своем опыте связи с ней – непосредственно ощущать и потому не могу выйти за пределы своих ощущений. Следовательно, не могу утверждать, какова среда сама по себе. В этом единстве она фрагментирована на «противочлены» и сосуществуют со мной. Или, как выражается *Авенариус*, действует отношение «принципиальной координации», сутью которой он считал «наивный реализм» (см. цит. [3, с. 64]).

И тут у эмпириокритика возникает «гениальная» мысль. Если это так, то можно превзойти не только скептицизм, но и идеализм, и материализм: посредством той же «неразрывности связи со средой», т. е. – «опыта» с ней. Но на опыт, возражает *В. И. Ленин*, ссылаются «все имманенты» (*В. Шуппе, И. Ремке, А. Леклер, Р. Шуберт-Зольдерн*),

вырабатывавшие тогда, по определению *А. В. Вундта*, «модификацию берклианства», также отстаивают «неразрывную» связь субъекта и объекта [3, с. 66, с. 69]. А далее (В. И. Лениным) сопоставляется суть высказываний Авенариуса с высказыванием *И. Г. Фихте* [3, с. 65, 152–153], у которого «не Я неотделимо от Я».

Но Авенариус идет дальше. Если Я соприкасается со средой, то в точке соприкосновения совпадают, неразрывно связаны «материальное» (внешняя среда) и идеальное (ощущение, мысль – внутреннее). Тогда, добавим от себя, придется признать и имманентов соавторами преодоления материализма и идеализма? Возмущался же *В. Шунне*, что его причислили к субъективным идеалистам, солидаризируясь с ним и восхищенно к нему обращаясь именно за то, что посредством «наивного реализма» «нашел» выход из субъективного идеализма (см. [3, с. 69, с. 230]).

Однако, в логике философа есть слабые места. А когда не было человека, кто осуществлял «принципиальную координацию»? Отвечает своеобразным образом: тогда был «потенциальный центральный член», осуществлявший эту координацию. Что тут можно сказать? Невольно вспоминаются слова главного белорусского раввина рабби *Мордехая*, произнесенные в недавней с ним беседе: «В философии могут написать все что угодно». К этому добавим: действительно великие мыслители, такие как Демокрит, Аристотель, *Ф. Бекон*, *Б. Спиноза*, *К. Маркс*, *Ф. Энгельс*, *В. И. Ленин*, как известно, были учителями человечества, своими идеями освещали путь к разумному освоению действительности. Это не значит, что они предусмотрели и предвидели все, оставляя, однако, нам завет не отрываться от науки. Если говорить по существу вопроса, то потенциальное как возможность, хотя и реальная, таковой не может ее реально осуществлять. В целом здесь видится применение казуистического приема. В этом же духе высказывался специалист по идеализму английский философ *Н. К. Смит*, добавляя: включение мысли в неразрывную связь со средой, реальностью в «опыт», перечеркивает его критику идеализма, ведет к старому аргументу субъективного идеализма (см. цит. [3, с. 67–68]).

Таким образом, опыт возвышения над материализмом и идеализмом эмпириокритицизмом нельзя признать удачным. В конечном счете, неотделимость объекта от субъекта ведет к идеализму. Однако если мы хотим научно выйти на «Идеализм», то для начала надо сформулировать, чего мы хотим в форме вопроса-задачи. Думается, вполне правомерна в абстрактной форме такая постановка: преодоление дуализма материализма и идеализма.

Автором в этом направлении уже проделана определенная работа [2].

Литература и источники

1. Кастеловский, В. Феноменализм / В. Кастеловский // Философская энциклопедия; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970. – Т. 5. – С. 313.
2. Кулаков, И. Д. Как возможна новая вера / И. Д. Кулаков // Философия социального действия и перспективы демократии: междунар. науч.-практ. конф.: тез. докл. Круглого стола, Минск, 6–7 апр. 1994 г. / Ред. кол.: И. Ф. Габрусь, А. И. Зеленков [и др.]; Мин. обр. РБ. – Минск: БИ, 1994. – С. 79–81.
3. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит., 1976. – Т. 18. – С. 7–525.
4. Румянцева, Т. Г. История философии: проблемы и поиски / Т. Г. Румянцева // Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания: материалы Шестой междунар. науч. конф., Минск, 17–18 ноября 2022 г.; в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2022. – Т. 1. – С. 75–79.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЛАРУСИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ «XIX ДОЛГОГО СТОЛЕТИЯ»

А. А. Легчилин

Для того, чтобы оценить философско-мировоззренческие и противоречивые социально-политические события Беларуси в XIX столетии, мы предлагаем новый подход к проблеме циркуляции знания между культурами. В процессе переноса из одной культурной ситуации в другую любой объект попадает в иной контекст и приобретает новое значение. Поэтому главная цель состоит не столько в том, чтобы пытаться сравнивать культурные пространства, сколько находить имбрикации (наслоения), выявлять следы «культурной трансплантации», «сети культурных взаимодействий» [1]. В контексте данной методологии по-новому представляется возможным осмыслить интеллектуальное пространство Беларуси «Долгого XIX столетия». В соответствии с данной парадигмой речь идет о необходимости выявить те точки, где две или более культуры действительно соприкасаются и обретают новые смыслы.

Культурный обмен идеями – это не только процесс циркуляции предметов и идей как они есть и попытка выявления их национальных идентичностей, но и их неустанная реинтерпретация, переосмысление, переозначивание под влиянием других «культурных зон». Необходимо переосмыслить отношения центра и периферии, принимающей и отдающей сторон. Это особенно важно для понимания процесса взаимовлияния, поскольку обмен – это всегда двусторонний и творческий процесс. Мы исходим из аксиомы, что перевод, ретрансляция также

легитимен, как и оригинал. Так, например, если мы подчеркиваем и ставим вопрос о том, как Европа, Россия влияли на Беларусь, мы уже задаем жесткую интерпретационную рамку, что в итоге верно, но одновременно и односторонне. В данном случае просматривается только одна импликация, но не взаимодействие данных культур, в котором каждая приобретает.

Да, материальная и духовная культура Беларуси неизбежно изменялась под влиянием «центра», но и культура нашего региона, пусть локально, но находила отражение, реакцию в интерконтексте. Конкретный пример – «полоцкая неосхоластика» начала XIX в., которая сыграла заметную роль в последующем развитии европейского неотомизма. Другой пример из нашей интеллектуальной истории данного периода: после разделов Речи Посполитой и последующих за ними социально-политических событий, по-новому взглянули на суть либеральных и консервативных идей в Европе и России, в целом в общественном развитии.

Таким образом, главная идея данной методологии – равноправность и взаимовлияние идей в культуре в процессе их взаимодействия (в том числе и противоположных). Если воспользоваться данной методологией применительно к «Долгому XIX столетию» в интеллектуальном пространстве Беларуси, то мы получим несколько отличные от сложившихся классических представлений о прошлом нашего культурного региона.

Прежде всего, обозначим наиболее важные социокультурные исторические сюжеты «Долгого XIX столетия», которые оказали на него влияние и изменили его.

Первый тезис состоит в том, что изменилось само культурное пространство Беларуси в XIX в. После разделов Речи Посполитой образовалась новая «культурная зона» под общим территориальным названием «Северо-Западный край», вошедшая в состав Российской империи в качестве шести губерний (Минская, Гродненская, Могилевская, Витебская, Виленская, Ковенская), т. е. вся территория нынешней Беларуси. Произошла так называемая метисация (смешение) разных (чужеродных) культур и имбрикация (наслоение двух и более культур). Все это повлекло за собой аккультурацию – процесс взаимовлияния культур, при котором оригинальные культурные модели вынуждены были измениться, но по-прежнему все-таки были идентичными.

Следующий важный сюжет импликации, который оказал влияние на интеллектуальное пространство в данной культурной зоне – это семантическая (языковая) специфика. В определенный период параллельно сосуществовали несколько различных языков: латинский, польский, русский, еврейский (идиш, иврит), белорусский, арабский. Подтверждением уникальной национальной специфики могут быть арабографические рукописи, книги, написанные на белорусском языке

арабским письмом в период начиная с XVI – XVII вв. по XX столетие.

Следующий важный контекст, который необходимо также учитывать – это значимые европейские социально-политические события «Долгого XIX столетия»: Великая французская революция; Польское восстание 1794 г.; Июльская революция 1830 г., давшая толчок Бельгийской революции 1830 г., Польское восстание 1830–31 гг., а также революционные выступления в Германии и Италии, нанесшие ощутимый удар по системе Священного союза; Европейские революции 1848–49 гг. («Весна народов»); Отечественная война 1812 г.; Польское восстание 1863–64 гг.; Первая мировая война; Первая русская революция.

В религиозном сознании, которое определяло XIX столетие, также произошли радикальные изменения. Здесь достаточно толерантно проявляли себя самые различные вероисповедания: католицизм, православие, протестантизм, иудаизм, ислам. Относительно нашего региона отметим событие, связанное с орденом иезуитов, одного из представителей консервативного направления в Европе. Так, после роспуска общества Иисуса (ордена иезуитов) в Европе и первого раздела Речи Посполитой они оказались на территории Российской империи под покровительством Екатерины II, в частности, в Полоцке. И как мы выше отметили, их деятельность в стенах данной Академии сыграла важную роль в истории европейской неосхоластики. Следует также отметить и роль воссоединения униатской церкви Северо-Западного края с православием. 30 марта 1839 г. греко-униатская духовная коллегия была переименована в Белорусско-Литовскую. Данный акт о присоединении униатской церкви к Российской и последующие события в религиозном сознании нашли свое отражение в интеллектуальных оценках данного процесса.

Следует также учитывать и региональные социально-политические события в границах территории Беларуси – это, прежде всего, польские восстания 1794, 1830, 1863 гг., которые оказали влияние на интеллектуальный процесс.

Нельзя не учитывать и роль идей, которые воздействовали на мир и меняли его. Прежде всего это либерально-демократические, которым противостояли консервативные в различных формах, этнонациональные (западнорусизм, национализм), религиозные (католицизм, протестантизм, православие, иудаизм, ислам, буддизм). Данные идеи формировали метафизический ландшафт XIX в. как конфликт разных нарративов, каждый из которых претендовал на обоснование соответствующих социально-политических идеологем: коммунизм (социализм), национализм, колониализм, либерализм, консерватизм.

Немаловажную роль сыграли и так называемые, субъекты и объекты культурного трансфера. Это соответствующие книги, библиотеки, переводы, интерпретации, газеты, журналы, конкретные национальные

персоналии, сообщества и экспаты. Все это также детерминировало социокультурные смыслы данного региона, а соответствующий обмен между культурами формировал специфическую форму аккультурации.

Еще одна важная особенность также нередко наблюдается в стремлении свести интеллектуальные взаимоотношения в Беларуси сугубо к двусторонним отношениям: Россия – Беларусь. В действительности же чаще всего мы имеем дело с гораздо более сложными конфигурациями. Так, в культурном пространстве Беларуси XIX в. русская культура постоянно находилась в состоянии конкуренции с польской и западноевропейской культурой, что проявлялось в творчестве белорусских мыслителей. Таким образом, заимствование идей в данном культурном регионе часто происходило при русском, польском и в целом западноевропейском посредничестве. Например, если обратиться к национальным библиотекам данного века в нашем регионе, то мы там найдем произведения, написанные на разных европейских языках (польском, русском, немецком, латинском, иврите (идиш), реже английском), которые, будучи востребованными, читались и изучались. Кроме того, культура нашего региона была зачастую посредником между Востоком и Западом, в частности между Россией и Европой.

Не следует упускать из виду и принципиальный подход к самой идее прошлого. Речь идет о «презентизме» и «антикваризме», исходя из которых ведется исследование. Как правило, доминирует осмысление прошлого с позиций настоящего, т. е. господствует точка зрения презентизма. Но это часто граничит с субъективизмом, так как за скобками оказывается подлинный процесс, в котором, в силу тех же субъективных предпочтений, остаются в тени важные и актуальные для своего времени идеи и проблемы, которые тогда обсуждались. Именно эти, на первый взгляд, «микроскопические» детали, открывают подлинный смысл реального бытия того времени, тем самым воссоздавая более объективную картину прошлого.

Как подтверждение всех отмеченных выше событий и идей, следует указать на то, что, например, в первой половине XIX в. в нашем регионе было два центра интеллектуальной мысли: Виленский университет (1803–1832) и Полоцкая иезуитская академия (1812–1820), где учились и работали в том числе и белорусские соотечественники. В Вильно и Полоцке трудились известные ученые из различных государств Европы, представители различных национальностей (русских, поляков, немцев, итальянцев, французов др.). На высоком уровне преподавалась философия и смежные с ней социально-политические дисциплины. Виленскими и полоцкими учеными был подготовлен и опубликован ряд значительных трудов, преимущественно – в силу сложившихся исторических традиций – на латинском, польском и русском языках. В Полоцке и Вильно выходили два различных по своей идейной направленности периодических научных

журнала «Miesięcznik Połocki» («Полоцкий ежемесячник») и «Dziennik Wileński» («Виленский дневник»), на страницах которых затрагивались и оценивались различные актуальные мировоззренческие аспекты действительности.

Объективной же особенностью второй половины XIX столетия является отсутствие высших учебных заведений (после закрытия Полоцкой иезуитской академии в 1820 г. и Виленского университета в 1832 г.), в связи с чем основной упор делается на тексты публицистического, общественно-политического и художественного характера. Именно в этот период происходит процесс формирования национального самосознания и интеллектуальной традиции нашего края.

Таким образом, данный интеллектуальный период для нашего культурного региона – это период смешения подверженных взаимному влиянию различных культурных элементов и, соответственно, разных, противоречивых оценок и смыслов действительности. Данная методология показывает духовную историю Беларуси XIX столетия такой, какой она была на самом деле: политически, этнически, религиозно и культурно разнообразной. Согласно ей, сегодняшние стереотипы не переносятся на давнее прошлое, – напротив, прошлое делается ступенькой к настоящему, выявляя дискуссионные точки зрения по проблемам идентичности, языка, нации, государства, власти.

Наше культурное пространство можно квалифицировать, как, с одной стороны, гетерогенное, но, в то же время, и как связанное воедино сетью идейных взаимодействий и взаимовлияний. Это следует из феномена культуры, не знающей границ, поскольку это специфически живой процесс, постоянно развивающийся.

В соответствии с предложенной методологией интеллектуальное пространство Беларуси «Долгого XIX столетия» поможет понять его место в Европе в целом, т. е. представить национальную «эпоху, схваченную в мысли».

Литература и источники

1. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 816 с.

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВА ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕГРЕССИВНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Г. А. Личевский

В настоящее время, на фоне кризиса глобализационного проекта и закономерной актуализации вопросов национальной идентичности, непреходящую значимость выявляет собой анализ исторических

предпосылок к эрозии аксиологических координат социального субъекта. Так, прослеживая вектор эволюции социально-философских идей на примере деструктивных тенденций европейского общества первой и второй половины XX века (революций 1918–1920 гг., становлении глобального капитализма), закономерным представляется заключить, что общая для европейских стран тенденция к соисканию компромисса между насущными характеристиками капиталистического производства и специфическими формами гражданской кооперации ознаменовала окончательный переход к обществу нового, постиндустриального типа, в то время как капиталистическая интеграция предстала повсеместной.

В свою очередь, пример СНГ, которому характерна скорее ситуация культурного шока, сопряженная с дискредитацией социалистического прошлого на фоне легитимации госкапитализма в 90-е гг. XX века, демонстрирует принципиальное отличие в аспекте становления нового типа рациональности – регрессивной социальности. Рациональность подобного рода характеризуется повсеместной маргинализацией социального субъекта и его коммуникативных практик, чему сопутствует отход от постулатов традиционной морали [3].

Обнаруживаясь в полной мере созвучной реалиям позднего СССР, указанная тенденция выступает основополагающей характеристикой массивированного общества, в котором идеологические презумпции носят сугубо формальный, искусственно насаждаемый характер. Как результат, опыт советского прошлого, отраженный в узурпации властных полномочий партийным аппаратом и соразмерной социальной нивелировке, ознаменовал мировоззренческий кризис и дискредитацию технологий социального проектирования на территории многих постсоветских стран, где гражданское общество сформировалось сравнительно недавно.

Характерной в этой связи предстает разработка концептуальной программы за авторством А. Дугина, получившей именование Четвертой политической теории – концепции, которая проливает свет на самобытность Евразийского духовного пространства. Обосновывая точку зрения, согласно которой определяющие идеологии европейского общества XX века (национал-социализм, либерализм, коммунизм) подтвердили свой незавершенный и зачастую противоречивый характер, мыслитель констатирует, что приоритетной в настоящее время выступает задача в создании единого культурно-идеологического пространства между Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Украиной [1]. Определяющей вехой в перспективе Евразийской интеграции выступает дистанцирование от скомпрометировавших себя идеологов Западного толка вкупе с окончательным переходом к конкретной этнической (в данном случае, славянской) идеократии.

Однако, вследствие крайней культурной гетерогенности

вышеуказанных стран, обусловленной преобладанием плюральных идеологических интересов как следствия распада СССР, весьма проблематичным в теории и фатальным на практике обнаруживается примирение между собой их многообразных политических интересов. В частности, как показывают события последнего десятилетия, перманентный по своему характеру конфликт между неолиберальными ценностями и, в противовес, идеалами национальной, региональной и культурной самобытности, инспирировал возникновение исторически новых субъектов международного коммуникативного пространства, что позволяет говорить, во-первых, об окончательном отходе от унифицирующего паттерна глобализации, а во-вторых, о росте национального самосознания как эпифеномена современной цивилизации.

На основании вышесказанного, целесообразным представляется заявить, что с окончательным переходом к обществу глобального капитализма, декларативно притязающем на типизацию ойкумены, крайне значимый статус обрела проблематика сохранения национальной идентичности как своеобразный ответ на турбулентность международных отношений и последовательный отход от би- и монополярной картины мира [2]. В этой связи свою неоспоримую адекватность доказывает концепция Четвертой Политической теории, коррелирующей с перспективой позитивного разрешения кризиса постсоветских стран и, шире, всего Евразийского континента. Как итог – плюрализация этнических и национальных запросов в контексте современных социально-политических интеракций обнаруживает потенциал для противодействия капиталистической гегемонии.

Литература и источники

1. Дугин, А. Г. Четвертый Путь. Введение в Четвертую политическую теорию / А. Г. Дугин. – Изд. 2-е. – М. : Академический проект, 2015. – 683 с.
2. Неклесса, А. И. Фундаментальный изъян современной российской политической мысли – ее краткосрочность / А. И. Неклесса // Советская Россия и русская политическая традиция : материалы круглого стола, Москва, 15 июня 2006 г. / Медиациентр газеты Известия ; редкол. : М. Е. Фролов (гл. ред.) [и др.]. – М., 2006. – С. 6–20.
3. Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории / В. Н. Фурс. – Минск : ЕГУ, 2002. – 163 с.

КРОС-КУЛЬТУРНАЯ ФІЛАСОФІЯ Ў ЭПОХУ КРЫЗІСУ ПАРАДЫГМЫ ГЛАБАЛІЗАЦЫІ

А. І. Лойка

Нягледзячы на крызіс парадыгмы глабалізацыі, тэма крос-

культурнай камунікацыі захоўвае актуальнасць [1]. Гэта абумоўлена тым, што адбываецца трансфармацыя міжнароднага падзелу працы і лагістыкі. Вытворцы асвойваюць новыя практыкі зносін і дзелавых адносін ва ўмовах узмацнення геапалітычных супярэчнасцей. У такім становішчы апынуліся ўсе дзяржавы. Паколькі шматпалярнасць захоўвае свой статус, то паміж эканамічнымі рэгіянальнымі структурамі і нацыянальнымі эканомікамі выбудоўваюцца новыя адносіны. У гэтых адносінах расце эканамічная роля дзяржаў Азіі і Афрыкі.

Пад крос-культурнымі камунікацыямі будзем разумець зносіны і ўзаемадзеянне прадстаўнікоў розных культур. Як правіла, крос-культурныя камунікацыі разглядаюцца ў тэматыцы бізнесу. Навука была сфарміравана запытам транснацыянальных карпарацый, у якіх крос-культурныя камунікацыі з'яўляюцца асновай бізнесу.

Крос-культурны падыход да дзелавых камунікацый дастасуем да любых зносін. Практычнай мэтай навуковых даследаванняў з'яўляецца вучыць дзелавых людзей з розных культур эфектыўным зносінам адзін з адным [2].

Важнай вобласцю прымянення крос-культурных даследаванняў з'яўляецца прыстасаванне да новай культуры падчас эміграцыі або іншых аб'ектыўных фактараў, калі ствараюцца спецыяльныя праграмы па зніжэнні стрэсу ад такой перамены звыклых умоў жыцця.

Пераадоленне этнацэнтрызму ў даследаваннях было абумоўлена неабходнасцю адмовы ад традыцыйных пазітывісцкіх метадалагічных падстаў і панавалага на працягу многіх дзесяцігоддзяў, асабліва ў рамках біхевіярысцкай традыцыі, імкнення да адкрыцця ўніверсальных законаў паводзін.

Дзве культуры могуць валодаць адрознымі вызначэннямі інтэлекту. У некаторых культурах інтэлект вызначаецца як «ўдумлівасць, дакладнасць, беспамылковасць», у той час у іншых культурах – як «паслухмянасць старэйшым». Інструкцыі могуць разумець не адной і той жа выявай. Гэта асабліва прыкметна ў дачыненні да культур, якія маюць невялікі досвед рашэння задач, які прад'яўляецца тыпу.

Узровень матывацыі можа быць розным. У многіх культурах любое тэсціраванне выклікае насцярожанасць. Напрыклад, у многіх культурах не прынята раскрывацца перад незнаёмцам. Значэнне тэставай сітуацыі можа быць не адным і тым жа. Мова інструктавання можа істотна ўплываць на вынікі.

Праблема заключаецца не ў канстатацыі адрозненняў, а ў механізмах і інструментах іх пераадолення. У ліку магчымых яе рашэнняў звычайна называецца прыцягненне да даследавання канкуруючых гіпотэз. Выкарыстоўваецца індэкс акультурацыі. Ён дазваляе ўлічваць рэальныя культурныя адрозненні. Індэкс акультурацыі асабліва неабходны ў ацэнках эмігрантаў, якія праходзяць працэс адаптацыі да новай культуры. Дапамога

мога аказаць прыцягненне метадаў матэматычнай статыстыкі, у прыватнасці, фактарнага аналізу.

Перш чым выяўляць адрозненні паміж культурамі, неабходна вызначыць максімальна магчымую колькасць падабенстваў паміж імі. Наяўнасць гэтых падабенстваў з'яўляецца вызначанай гарантыяй адэкватнай адзнакі. Неабходна распрацоўка даследчых метадаў у стаўленні да ўсіх параўноўваных культур з улікам іх своеасаблівасці. Для адпрацоўкі даследчых працэдур карысна прыцягненне фокусных груп і спецыялістаў, якія прадстаўляюць дадзеную культуру. Культурныя адрозненні павінны дэманстравацца пры дапамозе прыцягнення некалькіх метадаў.

Пры аналізе атрыманых вынікаў не варта забываць і пра ўласную суб'ектыўнасць у іх інтэрпрэтацыі і зніжэнні ўплыву праекцый, а гэтак жа этнацэнтрычных і андрацэнтрычных прадумзятасцяў. Трэба імкнуцца да пераадолення ўласнай суб'ектыўнасці, але нельга забываць і аб тым, што выбар саміх праблем, тэорый і метадаў гэтак жа знаходзіцца ў палоне гэтых прадумзятасці.

Мультикультуралізм з'яўляецца прызнаннем разнастайнасці і раўнацэннасці культур. Гэтае паняцце выкарыстоўваюць, прызнаючы шматкультурны характар якога-небудзь грамадства. Адначасова, гэта і палітычная дактрына, і канкрэтная палітыка дзеянняў, якая вынікае з яе, якая прадугледжвае канкрэтныя палітычныя інструменты для абароны разнастайнасці і абароны інтарэсаў канкрэтных груп грамадства. Мэтазгодна падтрымліваць разнастайнасць грамадства, бо гэта каштоўнасць сама па сабе. У эканамічным аспекце мультикультуралізм, нават калі яго поспех пацвярджаецца адсутнасцю беспарадкаў у грамадстве, дарагая практыка, для зместу якой неабходны значныя фінансавыя інвестыцыі. Яны носяць змушаны характар, калі ў дзяржаве дэфіцыт працоўнай сілы, дэпапуляцыя. З такімі цяжкасцямі сутыкаліся Аўстралія, Канада, Новая Зеландыя і ЗША. Спіс эканомік з дэфіцытам працоўнай сілы папоўнілі Еўрапейскі Звяз і Расея. Мультикультурнымі сталі транснацыянальныя карпарацыі, якія размяшчаюць вытворчасці на тэрыторыі розных дзяржаў.

Мультикультуралізм і звязаныя з ім палітычныя інструменты часцей за ўсё гістарычна ставяцца да этнічнай, а таксама рэлігійнай разнастайнасці. У апошнія гады яго імкнуліся пашырыць і асобныя тэарэтыкі, гаворачы аб мадэлі грамадства з роўнымі магчымасцямі не толькі ў адносінах да правоў, але і прадстаўніцтва, што прадугледжвае асаблівую абарону груп, якія працяглы час дыскрымінаваліся па іншых прыкметах.

Дактрына мультикультуралізму прадугледжвае раўнацэнны ўклад розных груп у стварэнне эканамічнага сукупнага прадукта, або добрасумленнае імкненне зрабіць гэта. Калі ў якой-небудзь частцы грамадства існуе меркаванне, што «мы іх трымаем», то гэта аснова для

канфлікту. Такім меркаваннем лёгка маніпуляваць.

Літаратура і крыніцы

1. Лойко, А. И. Язык, культура, когнитивистика, конвергенция и методология социального действия / А. И. Лойко // Язык, религия, социум: актуальные вопросы : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 22–23 мая 2018 г. / Под ред. И. А. Юрасова, О. А. Павловой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – С. 274–277.
2. Лойко, А. И. Технологические платформы в системе корпоративных связей / А. И. Лойко // Корпоративные стратегические коммуникации: новые тренды в профессиональной деятельности : материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 февр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И. В. Сидорская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 203–206.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА БЕЛАРУСИ КОНКРЕТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Л. Е. Лойко

Отечественная философия права формировалась в контексте средневековой схоластики, идей Возрождения и Реформации [1]. Ее создавали уроженцы Беларуси, получившие образование на юридических и теологических факультетах университетов Германии, Италии, Польши. Значительным было влияние немецкой правовой культуры, которая распространилась через Польшу в Великое Княжество Литовское.

П. Мстиславец на средства купцов Мамоничей открыл в Вильно знаменитую типографию, в которой был издан Статут ВКЛ 1588 года. Это была третья редакция знаменитого и популярного в Европе свода законов. Его теоретические предпосылки основаны на идее естественной природы человека. При этом гуманисты не отрицали ее божественной сущности. Человек рассматривался как представитель божественно-природного мира. Гармоничное сочетание этих сущностей – практическая задача человека и общества.

Ярким политическим деятелем ВКЛ был идеолог умеренной Реформации, религиозный полемист и мыслитель эпохи Возрождения А. Волян [2, с. 48–50]. Его социально-политическая философия основана на юридическом мировоззрении и ключевых идеях того времени: концепции естественного права, разграничении сфер общества и государства, идеале правителя – мудреца-философа, ученого. Фундаментальной для А. Волана является идея общественного согласия. Она обязывает социально неравные группы людей мирно сосуществовать. Сотрудничество является условием нормального функционирования общества.

В контексте концепции естественного происхождения общества,

государства и права А. Волян рассматривал задачи реформирования органов государственной власти, судопроизводства и законодательства ВКЛ. Он акцентировал необходимость совершенствования морали, полагая, что в истории решающую роль играет субъективная деятельность людей, а не божественное провидение.

Являясь приверженцем платоновского учения о союзе политики и философии, А. Волян в трактате «О государе и его личных добродетелях» создал идеал мудрого, справедливого правителя, опирающегося на научное знание. Как и античные мыслители, добродетелями государя он считал мудрость, умеренность, справедливость, мужество, благочестие.

В учении А. Волана о соотношении свободы, закона и власти мораль и право взаимосвязаны. Право обеспечивает человеку земное счастье – неприкосновенность жизни и собственности, возможность пользоваться благами, мир и общественное согласие. Оно имеет как природное, так и божественное происхождение, но рассматривается мыслителем как выражение разумной, коллективной воли народов.

А. Волян считал свободу наивысшей ценностью, которой должен быть вознагражден человек за подвиги перед Отечеством. В достижении свободы ключевую роль он отводил закону как гаранту правопорядка, выполнения гражданами своих обязанностей и основному регулятору деятельности человека. Юридические законы должны основываться на законах моральных. Государственные институты и закон должны обеспечивать сохранение целостности общества и соблюдение коренных интересов личности.

Свобода – фундаментальное понятие социально-политической философии канцлера Великого княжества Литовского, главного редактора Статута 1588 года Л. Сапеги [2, с. 50–52]. Сущность свободы составляют неотчуждаемые права человека: собственности, личной безопасности, свободы религиозного и политического выбора. Они должны быть закреплены в законодательстве и поддерживаться государственной властью. Общество, где правит своеволие и беззаконие, не может считаться гуманным. Подобно А. Волану, канцлер выступал сторонником конституционной монархии.

Концепция правового общества и государства Л. Сапеги охватывала все сословия ВКЛ. Защищая идею правового всесословного равенства белорусско-литовского общества, он являлся сторонником сословного, а не общественного права. Однако обязательным условием общественного согласия должна быть жизнь в соответствии с законом.

Статут 1588 года использовался в законодательной практике на территории Беларуси до 1831 года. Он был интегрирован в законодательную систему Российской империи. Сама возможность подобной интеграции свидетельствовала о том, что Статут ВКЛ 1588 года отражал специфику евразийского региона как особого социокультурного

пространства с характерными для него философско-методологическими приоритетами. Среди них – доминанты естественного права, гражданского общества, личности и государства как регулятора общественных и индивидуальных отношений.

Литература и источники

1. Лойко, Л. Е. Евфросиния Полоцкая в духовной традиции отечественной правовой культуры / Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой: историческая и современная : материалы Международной научной конференции, Минск, 12 мая 2016 г. – Минск : БНТУ, 2016. – С. 131–135.
2. Козел, А. А. История философской мысли в Беларуси (XII–XX вв.) / А. А. Козел. – Минск : Академия МВД РБ, 1998. – 143 с.

Ж. ДЕЛЕЗ И С. МАЙМОН: ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Н. М. Лукьянович

Обращение к релевантности работ С. Маймона для «философии различия» Ж. Делеза позволяет нам обнаружить, что последняя принимает и реконфигурирует ряд собственных пересмотров С. Маймоном кантовской трансцендентальной структуры, а именно, общее происхождение понятий и интуиций; четкое / запутанное различие в отношении чувственности; Идеи как дифференциалы; принцип определяемости и бесконечное понимание. Значение этих пяти понятий особо подчеркивается в четвертой главе книги Ж. Делеза «Различие и повторение».

Цель данного доклада является выявление точек пересечения философских идей белорусского и французского мыслителей в контексте анализа проблемы отношения дифференциала и идеи. Полагаем, что раскрытие параллели философской мысли С. Маймона и Ж. Делеза, их заочный диалог позволит не только более полно раскрыть суть их идей, но и расширить проблемное поле белорусской философской мысли, обозначить ее значимость в контексте мировой философии.

В четвертой главе «Различия и повторение», озаглавленной «Мыслительный синтез различия», Ж. Делез принимает точку зрения С. Маймона о том, что неудача И. Канта проистекает из того, что немецкий философ полагался на фундаментальное разделение между интуицией и понятием: «Подобная двойственность отсылала нас к внешнему критерию конструктивности и отказу от всякого генетического требования. Такое различие остается внешним и, в этом смысле нечистым, эмпирическим, зависшим на внешней стороне конструкции, "между" определяемой интуицией и определяющим понятием. Гений Маймона состоит в том, что он показал, насколько точка зрения обусловленности недостаточна для

трансцендентальной философии: оба термина различия должны быть осмысленны одинаково – то есть определимость сама должна быть мыслима как преодолевающаяся в пользу принципа взаимоопределения» [1, с. 215]. Именно оценка С. Маймона оказалась значима в дальнейшей интерпретации Ж. Делезом сущности различия.

Ключевой аспект здесь заключается в том, что «оба термина различия должны быть осмыслены». Решение С. Маймона состояло в том, чтобы интеллектуализировать чувственное: утверждать, что понятия и интуиции различаются только по степени и что последние являются лишь запутанной версией первых, полученной из дифференциалов в процессе внутренней обусловленности или имманентного генезиса. Ж. Делез также принимает понятие дифференциала, но с некоторыми модификациями, касающимися его природы и функции, что позволяет ему утверждать, что он «преодолеывает двойственность концепта и интуиции, интериоризируя и то, и другое» [1, с. 216].

Ж. Делез начинает с расширения ассоциации, введенной С. Маймоном между дифференциалом и кантовской идеей. Отметим, что для И. Канта идеи способности разума имели три ключевые характеристики: их спекулятивная и проблематичная природа, их отношение к чистой мысли и «безусловным условиям» и их синтезирующая функция. Именно эти самые аспекты Идеи берет Ж. Делез, выявляя их следствия и трансформируя Идеи в процессе развития. Поясним это более подробно.

Во-первых, Ж. Делез утверждает, что, хотя Идеи касаются проблем, – это не предполагает недостаточности или абсолютной неопределенности с их стороны. То, что они не поддаются определению в опыте, не означает, что они не поддаются определению как таковые. В самом деле, сказать, что «проблема (как идеал) – это ни-что, далеко не сказать, что это просто "ничто". Таким образом, проблематичное – как нечто "неизвестное" (или недоступное в опыте) – не обозначает отсутствие или негативность, а скорее отмечает "X", который не является частью опыта или еще не интегрирован в него как репрезентация» [2, с. 116]. Это, однако, делает его не менее реальным или полноценным, чем любой актуальный «данный» объект восприятия. В самом деле, проблема- (матика) имеет положительную и плодотворную или переполняющую природу, которую Ж. Делез описывает в «терминах ?-бытия или [не]бытия» [2, с. 116], чтобы отличить ее от традиционного представления о небытии как ограничении (где различия сводятся к отсутствию).

Во-вторых, Делез указывает, что если «мышление» посредством рассудка производит объекты, то и разум как способность чистого мышления должен действовать так же: то есть Идея также должна иметь какой-то объект. В самом деле, мы не должны смешивать утверждение, что идея (как проблема) не имеет соответствующего эмпирического объекта, с

утверждением, что она, следовательно, вообще не имеет объекта, ибо проблема есть объект идеи. «Ему действительно соответствует своего рода объект: не данный в опыте, но, тем не менее, объект, каким-то образом представляемый или определяемый в мысли» [1, с. 246].

В этом контексте значимыми оказываются следующие вопросы: из чего состоит этот проблемный объект; какова его природа? Исходя из этих вопросов, Ж. Делез связывает Идею с бергсоновским понятием качественного, нечислового, виртуального множества, состоящего только из чистых сосуществующих и взаимопроникающих различий или вибраций – различий в своем роде, которые трансформируются в природе (становятся «другими») после измерения или актуализации. Такая множественность не имеет своей собственной идентичности (то есть, хотя мы можем говорить о ней в терминах непрерывности, предполагающей взаимопроникновение ее «частей», мы все же не можем говорить о ее элементах как о составляющих единство или любом из его элементов как имеющих тождества сами по себе). Она скорее тематическая, чем определяющая, так как Идея как «множественность не допускает какой-либо зависимости от тождественного субъекта или объекта. События и особенности Идеи не допускают положения сущности как "того, что есть вещь"» [1, с. 236].

Именно дифференциальные, т. е. не тождественные, элементы этой имманентной, виртуальной области, которую синтезирует Идея, делают из Идеи саму множественность, состоящую из дифференциальных элементов, дифференциальных отношений между этими элементами и различных сингулярностей, соответствующих этим отношениям. Идея сжимает элементы множественности, или, возможно, точнее, она связывает или ставит в резонанс такие различия (или дифференциалы), связывая их друг с другом, не навязывая им никакого единства, тождества или смысла, как коллективно, так и индивидуально. В этом смысле Идея как позитивная, синтезирующая множественность функционирует как структура. Но какова эта структура по отношению к Идеи как проблеме? Это дифференциальная структура определенности, которая характеризует чистое мышление в отношении реальных условий опыта и «имеет своим объектом дифференциальное отношение» [1, с. 217]. Идея как таковая представляет собой идеальную и генетическую структуру, реальную и в то же время неэмпирическую, которая представляет собой «систему множественной нелокализуемой связи между дифференцированными элементами, воплощающаяся в реальных связях и актуальных сроках» [1, с. 227]. Она обеспечивает совокупность условий, определяющих опыт и, таким образом, потенциальное производство и взаимосвязь всех эмпирических объектов. В отличие от своего кантовского предшественника, Идея как виртуальная множественность полностью конститутивна, онтологична и имманентна.

Таким образом, в своем описании детерминации, Ж. Делез не только отталкивается от мысли С. Маймона, и связывает маймоновский дифференциал со своим пересмотренным описанием кантовской идеи. Идея как дифференциальная (или детерминированная) включает в себе или синтезирует все до сих пор обсуждавшиеся элементы – Идею как проблему, виртуальную множественность и идеальную структуру – тем самым проясняя их взаимоотношения.

Литература и источники

1. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
2. Deleuze's Philosophical Lineage / Ed. : G. Jones, J. Roffe. – Edinburg : Edinburgh University Press, 2009. – 426 p.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО «Я» В «КАРТЕЗИАНСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ» Э. ГУССЕРЛЯ

Д. В. Малахов

Сосредотачивая смысл жизненного мира в себе и трансцендируя его затем в мир социума, человек, согласно феноменологической философии, обретает ранг субъекта его доисполнения – своеобразной феноменологической синергии собственного ритма историчности жизненных событий и ситуаций и ритма их межчеловеческого, интересубъективного измерения, посредством которого «событие показывает себя, становится явленно-явным» [1, с. 137]. По мнению польского феноменолога Ю. Тишнера, феноменология интересубъективности Э. Гуссерля базируется на специфическом акте понимания другого человека, условием которого (акта) выступает «"перенесение" себя вглубь личности другого человека» [2, с. 62]. Действительно, согласно утверждению Э. Гуссерля в § 48 «Картезианских размышлений», идеальность смысла, имеющая своим истоком другого человека, оказывается в состоянии предоставлять трансцендентное основание моего собственного опыта имманентности [3, с. 208–209].

Но действительно ли этот опыт другого человека есть опыт *сущностно* не связанного со мной другого сознания в *исходной* онтологической соподчиненности и согласованности? Если это не так, то зачем делать усилие для погружения в смысл, конституированный другим сознанием, воспринимаемым мной как чуждое, от меня самого отстраненное? В этом вопросе, на наш взгляд, заключена глубинная суть не только теории интересубъективности Э. Гуссерля, но *телеологическое* существо всего замысла феноменологии как *универсальной науки*,

ориентированной на ценностное ядро *разумной* человеческой личности, которую «можно ...охарактеризовать и как систематическое *развертывание универсального априори*, которое сущностным образом врожденно трансцендентальной субъективности, а, следовательно, и интерсубъективности, или как развертывание универсального *логоса всякого мыслимого бытия*» [3, с. 289–290]. В рамках данной науки «фундированная в ней интерсубъективная феноменология, как всеобщая дисциплина ... рассматривает прежде всего универсальные вопросы» [3, с. 289], что, безусловно, позволяет вести речь о генезисе, или наращивании, смыслов личностного бытия в первую очередь.

Действительно, трансцендентальное Я, вышедшее посредством феноменологической редукции из-под власти самоданности обыденного восприятия и познания мира и другого человека, пребывает в той универсальной сфере интенционального смыслополагания, в которую я вовлечен уже сущностным образом как мыслящий среди мыслящих, как трансцендентальное Я мира трансцендентальных *Мы*. Иными словами, истоком горизонтов разворачивания моих собственных конститутивных смыслов, полагается сфера универсальных смыслов, *уже* включенных в универсальный конститутивный порядок формирования – сферу интенциональности как универсального *a priori* мира трансцендентальных *Мы*.

Исходя из учения об интенциональности как универсальном *a priori*, можно заключить, что феноменология интерсубъективности Э. Гуссерля представляет собой актуализацию данного *a priori* в сфере сущностной (разумной, эйдетической) человеческой коммуникации. В процессе данной коммуникации интенциональность как универсальное *a priori* актуализируется также как *a priori* телеологическое, выступающее основанием целевых форм коммуникации как обоснования и обеспечения возрастания собственной сущности, уровня сложности рефлексии, конститутивных перспектив жизни интенционального сознания, а, в конечном счете, наращивания смыслов, полагаемых сообществом трансцендентальных *Мы* и одушевляемых в мире людей.

В этой связи, небезынтересно будет подчеркнуть, что понятие «телоса», значение которого резко возрастает в поздних работах Э. Гуссерля, справедливо соотносится А. А. Рубенисом с интенциональностью как универсальным *a priori*, в свою очередь понимаемым в качестве универсальной телеологии «не только в смысле связи акта сознания и предмета, но и в смысле тотальности, которая направляет познание к постоянному возрастанию и бесконечному усилению», где «"тотальность" ...и есть универсальная телеология, делающая возможным единство сознательной и познавательной жизни» [4, с. 104].

Таким образом, посредством телоса как универсального

интенционального априори в двухплановое единство сознания привносится связывающая оба плана действенная телеологическая структура *возрастания* смысла. Онтологизация данной структуры, т. е. выход за пределы имманентно данному сознанию интенциональной предметности, с необходимостью предполагает привнесение в нее *интерсубъективного измерения*. В этой связи, конститутивные потоки различных сознаний, судя по всему, образуют «зону» *избыточной* для конститутивного опыта трансцендентального Я *потенциальности* смыслов. Эта сложная конструкция интерсубъективного интенционального единства подразумевает, что ноэма *созерцающая*, включающаяся в иной конститутивный опыт, должна, в конечном счете, трансформироваться в *собственную конститутивную* ноэму.

В интерсубъективном плане это означает совместное для трансцендентальных *Мы* расширение конститутивных горизонтов, телеологически обосновывающих возрастание, совершенствование каждой собственной, уникальной трансцендентальной субъективности, трансцендентального сообщества «монад» и одушевляемого ими мира как жизненного мира людей. Итоговый вывод Э. Гуссерля о гармонии монад, понимаемой им в онтологическом ключе интерпретации интенциональности как универсального телеологического *a priori* может быть представлен следующим фрагментом из § 49 «Картезианских размышлений»: «Трансцендентальная интерсубъективность обладает благодаря учреждению этого сообщества некой интерсубъективной собственной сферой, в которой она интерсубъективно конституирует объективный мир и, таким образом, как трансцендентальное "*Мы*" становится субъективностью для этого мира, а также для мира людей, в форме которого она объективно осуществила сама себя. ...Поэтому конституция объективного мира существенным образом заключает в себе гармонию монад – именно эту гармоническую конституцию, по отдельности совершающуюся в отдельных монадах, и в соответствии с этим заключает в себе также гармонически протекающий в отдельных монадах генезис» [3, с. 210–212]. Важно отметить, что связывая разработку методов трансцендентальной феноменологии с «постижением сущностной основы духа в его интенциональности» [5, с. 125], Э. Гуссерль подчеркивает телеологический, конкретный и межличностный характер связи, возникающей в *феноменологическом* сообществе людей: «Дух здесь не в природе или возле нее, но сама она возвращается в сферу духа. Я – это уже не изолированная вещь наряду с другими подобными вещами в заранее готовом мире; личности уже не "вне" друг друга и не "возле", но пронизаны друг-для-друга и друг-в-друге-бытием» [5, с. 125].

Таким образом, существом учения об интерсубъективности представляется постулат о трансцендентальной, конститутивной гармонии сосуществования различных сознаний, актуализирующих

феноменологическую установку и распространяющих эту конститутивную гармонию в объективный, реальный мир, получающий вследствие этого *явные* интенциональные измерения. Универсальная эйдетика трансцендентальных *Мы* как мира мыслящих людей распространяется в мир действительный, одушевляя его как несущего в себе интенциональную *онтологию*. Следует отдавать себе отчет в том, что это, вероятно, самый радикальный шаг Э. Гуссерля к трансценденции – радикальнее, нежели позднее учение о «жизненном мире», которое понимается исследователями скорее в качестве тотализации значимости естественной установки сознания, нежели как шаг к признанию за миром как таковым качества *быть миром интенциональным*, миром, в котором интенциональное *a priori* объективировано, узнано и поддерживаемо сообществом трансцендентальных *Мы*. Фактически, это *реализация* замысла об интенциональности как универсальном априори и универсальном телеологическом принципе в масштабе мира людей.

Литература и источники

1. Бибихин, В. В. *Пора (Время-Бытие)* / В. В. Бибихин. – СПб. : Владимир Даль, 2015. – 367 с.
2. Тишнер, Ю. *Избранное: в 2-х тт.* / Ю. Тишнер; пер с польск. Е. С. Твердисловой. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – Т. 1. Мышление в категориях ценности. – 432 с.
3. Гуссерль, Э. *Картезианские размышления* / Э. Гуссерль; пер. с нем. Д. В. Складнева; вступ. ст. Я. А. Слинина. – СПб. : Наука, 2006. – 315 с.
4. Рубенис, А. А. *Телеологизм гуссерлевской концепции сознания* / А. А. Рубенис // *Проблема сознания в современной западной философии: критика некоторых концепций* : сб. ст. ; под ред. В. А. Подороги, А. В. Зыковой, И. С. Вдовиной. – М. : Наука, 1989. – С. 99–109.
5. Гуссерль, Э. *Кризис европейского человечества и философия* / Э. Гуссерль : избр. тр. ; пер. с нем. ; сост., прим. О. А. Сердюкова // *Философия как строгая наука* / Э. Гуссерль. – Новочеркасск, 1994.

«СТАККАТО ЖИЗНИ» (К 75-ЛЕТИЮ ФИЛОСОФА СЕМЕНОВА НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧА)

М. Я. Мацевич

Николай Сергеевич Семенов родился 26 ноября 1948 г. в г. Дзержинске Минской области в семье военнослужащего. Его отец, Сергей Онисифорович Семенов на следующий день после школьного выпускного вечера 22 июня 1941 г. уехал с родного Урала в Москву и поступил на краткосрочные курсы младших лейтенантов, а затем ушел на фронт. Мать, Татьяна Степановна (в девичестве Бондаревич), родилась в

д. Станьково Дзержинского района Минской области и в годы Великой Отечественной войны воевала в партизанском отряде на территории БССР.

Философское отделение Белорусского государственного университета Семенову пришлось окончить достаточно поздно. Работал и учился заочно. Однако все свободное время посвящалось философии. В 1983 г. он поступил в аспирантуру по специальности «история философии» и в 1987 г. успешно защитил диссертацию на степень кандидата философских наук по сложной и глубинной философской проблематике «Учение об идее и ее логическом содержании у Канта и Гегеля».

За годы своей научной и преподавательской деятельности Николай Сергеевич работал в Институте философии Национальной академии наук БССР; в первой половине 1990-х гг. читал на философском отделении Белорусского государственного университета курсы «Античная философия», «Немецкая классическая философия», «Философия Древнего Востока» по кафедре истории философии. Благодаря этим лекционным курсам ряд студентов посвятили свою дальнейшую жизнь историко-философским исследованиям. Например, автор этой публикации защищала кандидатскую диссертацию по неокантианству. Преподавал Николай Сергеевич и в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники, Белорусской государственной академии искусств (курсы «Эстетика», «Философия творчества»).

С 2000-х гг. по сей день Н. С. Семенов сотрудничает с кафедрой религиоведения Института теологии имени свв. Кирилла и Мефодия. Для студентов-теологов, а также магистрантов кроме традиционных философских курсов преподает спецкурсы «Философские стратегии жизни», «Философская и богословская антропология», «Религиоведение». Результатом изложения религиозных дисциплин стала вышедшая в 2008 г. книга философских очерков «Философская и богословская антропология» (Минск, 2008, 348 с.). Многие годы Николай Сергеевич являлся модератором круглых столов и руководителем секций на ежегодных Кирилло-Мефодиевских чтениях.

Ряд оригинальных, увлекательнейших статей Семенова можно найти в сборниках, изданных в БГУ в конце 90-х – начале 200-х гг.: «Кьеркегор и современность», «Мартин Хайдеггер и философия 20 века», «От Я к Другому: проблемы социальной онтологии в постклассической философии», «Понимание и существование».

В 2004 г. вышла и тут же разошлась книга Н. С. Семенова «Философские традиции Востока». Ее первая часть была посвящена проблеме сублимации и конституированию диалога между Востоком и Западом, а также прояснению сути предметного определения, наполнения термина «философия» в восточной и западной традициях. Будучи по форме учебным пособием, книга представляет собой профессиональное и

глубинное изложение древних философских учений Индии, Китая, Японии, средневекового мусульманского Востока. И сегодня она пользуется большой популярностью среди профессионалов, являясь библиографической редкостью.

Николай Сергеевич Семенов – активный голос среди современных философов, признающих, что человеческий разум может познавать истину. Он отказывается последовать совету Л. Витгенштейна «убрать лестницу, по которой можно прийти к знанию», считая, что каждая из ступеней лестницы заслуживает подробного изучения, потому что ни одна ступень не включена полностью в уровни, за ней следующие. Философия характеризуется движением, являющимся как продвижением, так и отступлением. Философский прогресс не происходит как прогресс в эмпирических науках, линейными скачками. Поскольку он рассматривает прошлое не как нечто совершенно устоявшееся, а как нечто, включенное в настоящее и будущее, с еще не обнаруженными вызовами; занятие философией представляет собой интенсивный образ жизни. Каждый человек и каждая идея, с которыми встречался Семенов, усиливали в нем ощущение жизни.

Николай Сергеевич вносит важный вклад в ряд современных дискуссий в области философии и теологии, открывая возможности для диалога между этими дисциплинами. Он вступает в диалог с классическими и современными позициями и часто формулирует важные и оригинальные идеи, выходящие за рамки общепринятых альтернатив. В этом кратком очерке я попыталась дать анализ важнейших черт философии Семенова и показать единство его мысли. Вопрос «Кто такой человек?» приобретает все большее значение. Все ли люди личности? Что значит говорить о личной идентичности и о достоинстве человека? Николай Сергеевич дает ответ на эти вопросы: каждый человек, утверждает он, есть личность и, следовательно, имеет свою природу по отношению к свободе. Чтобы понять человека, объясняет Семенов, мы должны думать об отношении между природой и свободой и избегать редукативных описаний этого отношения, преобладающих в важных направлениях современной мысли. Он развивает сложную критику современности, включающую анализ модных модернизмов, постмодернизмов и показывающую, что они также подвержены диалектическому развитию, увековечивая проблемные недостатки многих черт современного мышления. Если мы не хотим упразднить себя как личность, рассуждает Семенов, нам нужно найти способ понять себя, уклоняющийся от диалектики современности. Таким образом, Николай Сергеевич напоминает своим читателям, студентам о «самоочевидном» знании: прозрениях, которые мы когда-то уже знали, но склонны забывать.

В текстах Семенова есть привлекательная ясность: он никогда не ссылался на право неизвестности, непонятности, на которое претендуют

многие (особенно современные) мыслители. Он видит «падение» современной европейской мысли как ее разрыв с отношением, отличающим европейскую философию на протяжении двух тысяч лет. А именно, что полнота бытия должна пониматься как великое действие, должное быть принятым, как что-то знакомое и в то же время уникальное, но не для того, чтобы его можно было использовать ради его полезности. Пытаясь осуществить настоящий пересмотр, изменить ход мысли, когда господство над природой превратилось в опасность ее гибели, он не просто стремился вернуться к теологии, с которой античная философия достигла блестящего завершения. Скорее с помощью категорий И. Канта, Г.-В.-Ф. Гегеля, пытался вырваться из тюрьмы современного нигилизма и релятивизма. Семенову свойственно лелеять познание философии не как удивление (Аристотель), а позволять ей доказывать свою ценность в практической жизни. Он извлек моральные и политические последствия из своего понимания истины.

Отличие философии от точных наук состоит не только в том, что в первой все спорно. Философию отличает то, что она не пользуется познавательными результатами точных наук, так как имеет свой собственный независимый доступ к действительности и описывает ее в тех аспектах (в терминах сущности и целостности), с которыми точные науки дел не имеют. Таким образом, философия есть вид самостоятельного знания, имеющего свой объект познания. Помимо этого основного объекта интереса философии (реальность), ее интересуют взгляды философов. Знание взглядов отдельных философов и всего дискурса, осуществляемое с самого начала философии, есть, по Семенову, важный элемент познания действительности. Важнейшим объектом «бесед», ведущихся в истории философии, является «целостность». В этой истории мы можем говорить о трех великих попытках мыслить о целом (парадигмах): метафизической попытке (классическая мысль), критической попытке (трансцендентальная философия) и лингвистической попытке (философия языка). Их «целостность» была соответственно бытием, сознанием и языком. Смена парадигмы философствования связана с открытием нового горизонта мышления, трактуемого как общее. Только при выполнении этих условий данная теория или парадигма может претендовать на то, чтобы называться философией. Весь дискурс требует знания всей истории философии и многообразия взглядов и парадигм, составляющих эту историю. И даже если философия не может окончательно решить свои проблемы, это не значит, что она должна превращаться в дискурс (разговор) об исторических или формальных вопросах. Семенов не отказывается и не постулирует отказа от цели философии, включая в себя исследование «целостного» в объективном аспекте.

ЧТО ТАКОЕ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ?

Н. В. Медведев

Постановка вопроса «Что такое сравнительная философия?» предполагает поиски истинного ответа на него, иначе сам вопрос можно считать бессмысленным. Однако решение задачи идентификации предмета сравнительной философии сопряжено с некоторыми трудностями. В первом приближении сравнительную философию можно определить как дисциплину, призванную обеспечить диалог и взаимопонимание разных философских традиций. При этом акцентируется возможность сопоставления не только философских систем Востока и Запада, демонстрирующих разные типы мышления, но и других философий, основанных на самобытных культурно-исторических и религиозных традициях, – например, русской, африканской или латиноамериканской. В представленном докладе рассматривается проблема самоопределения сравнительной философии, обсуждаются ее основные принципы в межкультурной перспективе.

Следует отметить, что термин «сравнительная философия» сегодня употребляется в двух значениях. Во-первых, под «сравнительной философией» подразумевается сравнение *философий*, т. е. сопоставление идей, текстов, учений, концептов различных направлений и школ. Деятельность, направленная на сравнение неоднородных философий, обычно выдается за образец сравнительной философии. В подобном формате осуществляется большая часть компаративных исследований. Во-вторых, понятие «сравнительная философия» может означать философское размышление о сущности самого компаративного метода. В этом случае главное внимание уделяется разработке метода сравнения посредством философского анализа и технологии его применения. При таком способе употребления берется в расчет прежде всего «философия *сравнения*», особое внимание уделяется не столько сравниваемому материалу (философским теориям, текстам), сколько тому, как это осуществить на практике. И тогда более значимым оказывается вопрос о совершенствовании метода сравнительного анализа на основе философской рефлексии. Может показаться, что природа сравнения как метода достаточно очевидна и не требует особого внимания; тем не менее разнообразие фактически применяемых подходов в философской деятельности показывает, что вопрос о специфике компаративистской методологии далеко не исчерпан и не снят с текущей повестки дня при осмыслении инокультурных традиций.

Оба обозначенных выше способа употребления термина «сравнительная философия» выявляют наличие у этой дисциплины двух главных измерений – это «сравнение *философий*» и «философия

сравнения». Философы-компаративисты в своих работах, как правило, стремятся сочетать обе установки, т. е. рассматривают сходства и различия философских традиций и при этом опираются на критически усовершенствованный метод сравнения. И все же в современной научной литературе наблюдается недостаток текстов, посвященных философскому анализу понятия и метода сравнения.

Трудность самоопределения сравнительной философии обусловлена также семантической размытостью термина «философская традиция». Слово «традиция» означает передачу полученной специфической и значимой теоретической идеи или практики от одного поколения к другому. В свою очередь специалисты в области компаративной философии, пытаясь преодолеть границы между философскими традициями, не совершают нечто беспрецедентное и невозможное, как может показаться поначалу. Скорее они отталкиваются от представления, что границы между философскими традициями не являются непроницаемыми; разумеется, их сложнее преодолевать, если между ними увеличивается культурно-историческая дистанция. Именно поэтому некоторые специалисты полагают, что сравнительный анализ возможен лишь при условии исторической сопоставимости способов философствования [1]. Например, исторически соизмеримы философия досократиков и Лао-Цзы, а не философия Фомы Аквинского и Мэн Цзы. Философы-компаративисты хорошо понимают природу собственных методологических затруднений, но все же хотят сделать предметом своих исследований те традиции, которые разделены значительной культурно-исторической дистанцией. Тем самым они отталкиваются от идеи соизмеримости разных культур.

При разработке межкультурных оснований сравнительного анализа важно учитывать историческую изменчивость представлений о предмете философии. Исследователю, практикующему сравнительный подход, полезно применять гадамеровский герменевтический принцип «слияния горизонтов», который исключает проявление какой-либо формы этноцентризма, предполагает восхождение к более высокой степени универсальности, связан с преодолением границы не только своей культурной специфичности, но и специфичности Другого. Путем объединения разных перспектив достигается предельно широкое видение, которым должен обладать исследователь, пытающийся понять чужую философскую культуру. Философ-компаративист, сталкиваясь с малоизученной философской системой, всегда должен думать о том, в чем именно она схожа с его собственной философской традицией, служащей ему прочной концептуальной основой. После первоначального установления общего в разных философских традициях, исследователь переходит затем к выявлению различий между ними. Посредством обнаружения сходств и различий в логике, метафизике, теории познания,

аксиологии различных философий осуществляется постижение смысла изучаемых понятий и теорий. При этом неизбежно расширяется или изменяется представление о содержании понятия «философия», которое адаптировано к разным способам мышления. Через изучение и понимание разных философских традиций исследователь достигает более полного представления о природе философии.

Итак, компаративная философия призвана обогатить нашу духовную жизнь новыми смыслами. Стихийно возникшая в конце XIX – начале XX в. критическая интенция западных и восточных авторов в виде стремления к лучшему самопониманию через сравнение с другими народами, постепенно приобрела ясные концептуальные очертания в виде создания проекта сравнительной философии (П. Массон-Урсел, П. Дойссен, Ч. - А. Мур, С. Радхакришнан).

Трудность идентификации сравнительной философии также связана с ее ассоциацией с межкультурной философией, которая институционально утвердилась в конце прошлого века. Тем не менее, ряд авторов оспаривают отождествление этих двух дисциплин по причине несовпадения их методологических установок, хотя и признают, что межкультурная философия требует такого уровня знания философских традиций, которое часто встречается в сравнительной философии. Подчеркивается, что «современная сравнительная философия... тяготеет к историко-культурному подходу, межкультурная же – к философии переннис» («извечная философия») [2, с. 19]. Думаю, что данные области философского знания, несмотря на различие их методологических подходов, руководствуются общей целью, а именно – стремятся стимулировать философов из разных культур или традиций к активному диалогу, основанному не только на взаимном уважении, но и признании неполноты собственных философских воззрений и даже возможности их переосмысления и изменения посредством знакомства с философскими текстами и идеями других народов. В результате сравнительная философия и межкультурная философия дополняют друг друга, содействуют межкультурному общению и взаимопониманию.

Однако не нужно думать, будто сопоставление разных философских культур неизбежно приведет к формированию философской однородности, так называемой «трансверсальной философии». Напротив, проект сравнительной философии предполагает, что философская однородность не может быть для нас желаемой целью, скорее, разнообразие типов мысли – это и есть живительный источник самопознания и критического мышления, прильнуть к которому возможно только через разработку межкультурных оснований сравнительного анализа и поддержание принципа «единства в многообразии».

Литература и источники

1. Elberfeld, R. Überlegungen zur Grundlegung «komparativer Philosophie» / R. Elberfeld // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. – 1999. – Jg. 24, № 2. – S. 125–154.
2. Лысенко, В. Г. Сравнительная философия или межкультурная философия в перспективе постколониальных исследований / В. Г. Лысенко // Философские науки. – 2017. – № 5. – С. 7–27.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА А. И. ВВЕДЕНСКОГО И Н. О. ЛОССКОГО

В. С. Попова

Александр Иванович Введенский и Николай Онуфриевич Лосский – учитель и его талантливый ученик, философски были не согласны практически ни в чем, активно и детально спорили. Но их объединяла преданность философии, приверженность делу развития профессиональной философии в России и философского образования, убежденность в необходимости укрепления научного статуса и междисциплинарных связей философии. Революционные события 1917 года разорвали кажущуюся на первый взгляд разнородной сферу философского многоголосья.

Можно констатировать, что в период эмиграции Лосский мало обращается ко взглядам учителя, даже в связи с теми или иными трактовками кантианства-неокантианства и даже в первые годы после отъезда из России. Так, например, в 1927 году Лосский публикует «Свободу воли». На страницах работы он нигде не упоминает позиции Введенского по исследуемой теме (которая была известным для ученика образом рассмотрена кантианцем в статье «Спор о свободе воли перед судом критической философии» в 1901 г.), хотя с Кантом и кантианцами интуитивист местами соглашается. В работе «Типы мировоззрений» (1931) Лосский упоминает учителя [2, с. 86–87], но вскользь, в половину страницы, указывая на некое «остроумное замечание одного русского философа». В «Чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции» взгляды Введенского также не сильно заметны, хотя здесь Лосский все же характеризует работу Введенского «О пределах и признаках одушевления» как «замечательное исследование» [3, с. 193] и признает, что на формирование его концепции в молодости немаловажное влияние оказали лекции профессора Введенского. Конечно, концепция А. И. Введенского вошла в очерк «Истории русской философии», но и здесь почтение к наставнику не выразилась в виде пристального внимания к его учению и его исключительной роли. Означает ли это, что принципиальные философские расхождения полностью стерли какие бы то ни было

идейные связи ученика с учителем, который остался в безвозвратном прошлом, в России, утраченной Лосским навсегда?

Содержательные расхождения мировоззрений учителя и ученика были существенны. Но есть метауровень их идейного взаимодействия – связи стилистические. Эпистемологический стиль можно определить как систему социокультурно и индивидуально-психологически обусловленных логико-методологических и риторических приемов, а также понятий и проблем, имеющих общность и преемственность в познавательном опыте, различающихся по мировоззрению ученых (см. подробнее, например [5]). Стиль философского мышления – это выражение эпистемологического стиля в конкретизированном применительно к философской составляющей интеллектуального творчества отдельного мыслителя виде. Общность практикуемых Введенским и Лосским стилей философского мышления выражается в ключевых методологических пресуппозициях, общем тематическом и понятийном поле философствования. Вероятнее всего, некоторые черты стиля философствования передаются в виде «неявного знания» от учителя к ученику. Но эта преемственность логико-методологического опыта университетских философов Санкт-Петербурга все же может быть выявлена по целому ряду параметров.

Самым главным общим стилистическим устремлением Введенского и Лосского, пожалуй, можно считать представление о логике в системе знания и о ее методологической роли, т. е. общность «образов логики». Если вынести за скобки трактовки различных частных логических вопросов, можно обнаружить, что логика у рассматриваемых философов предстает как система знания, ориентированная на развитие гуманитарного познания, совершенствование способа построения этого знания с выходом на эмпирический субъект. Можно сказать, что философов объединяла общая логическая культура. Рефлексивная форма логической культуры личности как совокупность качеств мыслеречевой деятельности, которые формируются под влиянием внешних идеалов научно-познавательных практик, имеет несомненную культурно-историческую обусловленность. Процессы формирования и реализация логической культуры просматриваются в оптике интеллектуальной истории, истории преподавания логики, истории ее присутствия в культурном поле той или иной эпохи. И в данном случае интеллектуальный опыт Введенского и Лосского формировался и применялся именно в таком общем контексте. Оба философа были носителями профессионально-методологической формы логической культуры (см. подробнее об этом [4]), для которой характерно иметь научные разработки в области логики и логического, обнаруживать нетривиальное применение логических теорий и конструировать интеллектуальные практики на базе оригинальных логико-методологических разработок. Все это было свойственно как Введенскому,

так и Лосскому, хотя значение логических вопросов в их концепциях было различным.

В докладе предполагается на примере преемственности стилистических особенностей философского мышления Введенского и Лосского показать, что одним из факторов, скреплявшим, объединявшим, имплицитно сохранявшим русскую интеллектуальную традицию университетской философии, стало именно логико-методологическое идейное поле. В данном случае важно, что единство логико-методологической культуры проявляется в интеллектуальном опыте двух русских философов первой половины XX века, принадлежавших по своим взглядам различным гносеологическим традициям – кантианской (А. И. Введенский), интуитивистской (Н. О. Лосский). Осмысление логико-методологического опыта этих философов указывает на эффективность сформировавшегося тогда образа логики и логико-методологического стиля мышления. Этот опыт может быть востребован и сегодня, потому что постановка многих философских проблем, которые решались тогда и теми логико-методологическими средствами, снова выходит на первый план (например, проблема свобода воли, проблема чужого Я, проблема гуманитарной трактовки пространства и времени и т. д.).

Также опыт взаимодействия учитель-ученик в отечественной истории философии дает нам пример механизма привития того, что сегодня мы называем критическим мышлением.

Выявленная преемственность логико-методологического опыта русских философов вписывается в определение школы, которое дал А. И. Введенский в лекциях по древней философии, когда писал, что под школой он понимает совокупность лиц, развивающих однородные теории, причем схожесть их взглядов обуславливается не случайным совпадением, а единством происхождения. Можно добавить, что «происхождение» подразумевает общий социокультурный контекст, «сферу разговора», в которой взаимодействовали мыслители.

Литература и источники

1. Лосский, Н. О. Свобода воли / Н. О. Лосский. – Париж, 1927.
2. Лосский, Н. О. Типы мировоззрений. Введение в метафизику / Н. О. Лосский. – Париж : Современные записки, 1931.
3. Лосский, Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1995.
4. Попова, В. С. Феномен логической культуры в России: прошлое и современность / В. С. Попова, А. Г. Пушкарский, Л. С. Сироткина // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 55–68.

5. Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX–XX веков: от личности к традиции. Коллективная монография / Под ред. Б. И. Пужинина и Т. Г. Щедриной. – М. : РОССПЭН, 2013.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ И. КАНТА

Т. Г. Румянцева

В преддверии 2024 г., когда весь мир будет отмечать 300-летие со дня рождения И. Канта, следует еще раз отметить, что фундаментальные кантовские идеи до сегодняшнего дня сохраняют свою непреходящую значимость, представляя образец нетленного и драгоценного духовного наследия, в том числе и для нашей страны. Учитывая, что отношение к кантовской мысли никогда не являлось сугубо внутренним делом философии, а было, по словам Н. В. Мотрошиловой, «скорее, довольно точным барометром, фиксирующим не только состояние культуры, назревающие в ней изменения, но и характер более общих социально-исторических процессов» [1, с. 43–44], важно зафиксировать эвристический потенциал кантовского наследия, его востребованность в белорусской интеллектуальной культуре и то, как оно отвечало непосредственным запросам нашего общества в том или ином историческом контексте его развития.

Эпохой особого интереса к идеям И. Канта в нашей стране не случайно стало десятилетие с середины 1980-х гг. – в эпоху перестройки, когда не просто возникла настоятельная потребность в новом «прочтении» классической философии, но и появился запрос со стороны самого общества в ответ на выдвинутую тогда партией задачу по ускорению социально-экономического развития страны. А это предполагало значительное повышение активности масс, активизацию деятельностного подхода к определению субъекта как практического преобразователя социальной действительности, необходимость понимания механизмов творчески-активной человеческой деятельности. Определенный интерес в обществе вызвали также вопросы, связанные с выявлением сущности и роли идей в познании и практике, что также было обусловлено необходимостью повышения их значимости в социально-исторической деятельности масс. В этом контексте именно И. Кант, обосновывавший в своих трудах конструктивный характер этой деятельности, становится объектом пристального внимания со стороны исследователей-философов, особенно нового поколения.

Другим фактором, обусловившим интерес к философии И. Канта в это десятилетие, следует отметить изменение социального статуса науки и применяемых в ней исследовательских процедур, а, значит, и

актуализацию вопроса о роли субъективного фактора в производстве научного знания. Таким образом, одним из основных векторов исследований белорусских авторов в это время и становится проблема анализа активности субъекта познания, в том числе и в философии И. Канта. Предпринимаются также попытки всестороннего анализа теоретических истоков, путей и особенностей формирования идеи активности субъекта познания на материале немецкого Просвещения и немецкой философии второй половины XVIII века в целом. Большой интерес вызывает также исследование кантовской философии в контексте обоснования условий возможности рационального мышления, смены идеалов научной рациональности, а также развития идей трансцендентализма и анализа мало изученного понятийного аппарата данной философской традиции. Уделяется внимание обоснованию статуса этой философии в качестве самостоятельной традиции в западноевропейской философии [2].

В 2000–2010-е гг. одним из важнейших векторов работы по осмыслению наследия И. Канта становится учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, особенно применительно к решению задач по подготовке высокопрофессиональных кадров на факультете философии и социальных наук БГУ. Учитывая бурное развитие историко-философской науки как в России, так и за рубежом, белорусские исследователи ставят перед собой задачу обобщения новейших знаний в области современного кантоведения, выдвигающегося на самые передовые рубежи мировой философии. В свете этих достижений публикуются новые научные работы и учебные пособия нового типа, широко освещающие суть и значение учения И. Канта и его ближайших последователей, раскрывается содержание основополагающих понятий кантовской философии, подробно анализируются главные труды немецкого мыслителя, освещается история их создания [3].

В эти же годы защищен ряд интересных кандидатских диссертаций, опубликованы статьи и монографии по философии И. Канта, которые выдвигают на первый план его идеи, относящиеся к проблематике философии истории и философии права, моральной философии и учения о ценностях. Важное внимание уделяется также рецепции его идей в Беларуси. Интерес к этим злободневным вопросам лишний раз демонстрирует то, как, казалось бы, классические вечные идеи могут заключать в себе долгосрочный проективный смысл [4].

И, наконец, в 2020-е интерес к наследию И. Канта по-прежнему не угасает. Свидетельством этому является изданная в 2021 г. сотрудниками кафедры философии культуры БГУ «Антология философской мысли Беларуси», в которой располагаются оригинальные тексты белорусских авторов, представляющие собой рецепцию и анализ, кстати говоря, порой даже критический, философии И. Канта. Из пяти глав, в которых

представлен трансфер философских идей И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Ницше и классиков марксизма в Беларуси, примерно половину книги занимает характеристика процессов рецепции, интерпретации и значения идей И. Канта. Эта «Антология» уже нашла свое практическое применение в процессе преподавания курсов «Философия в Беларуси» и «Немецкий идеализм второй половины XVIII – первой трети XIX вв.» [5].

Примером востребованности наследия И. Канта является и то, что оно стало объектом научно-исследовательских работ, утвержденных в рамках ГПНИ, в частности, работы на тему «Кантовский мирный проект как философско-мировоззренческое обоснование безопасности современного мира» (науч. рук. проф. Т. Г. Румянцева). Ее исполнители поставили перед собой цель обосновать философско-мировоззренческий статус и значение кантовского учения для обеспечения безопасности современного мира путем выявления места политических идей И. Канта не только в классических, но и в новейших концепциях обеспечения международной безопасности (космополитизм, этатизм, постмодернизм, неолиберализм, неоконсерватизм). В рамках проекта ставится также задача выявить и определить доминирующие векторы практической реализации идей И. Канта в социально-политических реалиях XX–XXI вв. Актуальность и новизна данной проблемы определена возрастающей ролью и значением вопросов, связанных с обеспечением международной, национальной и гуманитарной безопасности Республики Беларусь в современном глобальном мире. В то же самое время нельзя не отметить растущую актуальность и злободневность кантовских политических идей, их дальновидность и востребованность в самых острых дискуссиях о возможных сценариях безопасного будущего. Многие идеи И. Канта действительно фундировали философско-мировоззренческие и методологические основания, а также содержание и сущность ряда как классических, так и новейших концепций и подходов к обеспечению международной безопасности. Таким образом, его наследие сохраняет свой эвристический потенциал и в реалиях XXI в.

Литература и источники

1. Мотрошилова, Н. В. Предисловие / Н. В. Мотрошилова // Сочинения : в 4 т. / И. Кант. – М., 1993. – Т. 1 : Трактаты и статьи (1784–1796). – С. 42–73.
2. Грудницкий, Г. Д. Проблема активности субъекта познания в немецкой философии второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. Д. Грудницкий ; Белорусский государственный университет. – Минск, 1986. – 186 с. ; Казарян, Э. Л. Проблема активности чистых форм чувственного созерцания в гносеологии И. Канта: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Э. Л. Казарян ; Белорусский государственный университет. – Минск, 1990. – 16 с. ; Семенов, Н. С. Учение об идее и ее логическом содержании у Канта и

Гегеля: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. С. Семенов ; Белорусский государственный университет. – Минск, 1987. – 17 с.

3. Румянцева, Т. Г. Немецкая трансцендентальная философия (середина VIII – первая треть XIX в.) / Т. Г. Румянцева. – Минск : Белорусский государственный университет, 2008. – 171 с. ; Румянцева, Т. Г. Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля : учеб. пособие / Т. Г. Румянцева. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 271 с.

4. Шуман, А. Н. Трансцендентальная философия: сравнительный анализ основных моделей : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. Н. Шуман ; Белорусский государственный университет. – Минск, 2003. – 21 с. ; Познякова, О. Л. Философия истории И. Канта: антропологические и социально-политические аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. Л. Познякова ; Белорусский государственный университет. – Минск, 2014. – 26 с. ; Бархатков, А. И. Развитие трансцендентальной философии И. Канта в творчестве С. Маймона : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. И. Бархатков ; Белорусский государственный университет. – Минск, 2015. – 21 с. ; Ровбо, М. В. Парадокс кантовского трансцендентального субъекта в немецкой философии конца XVIII века / М. В. Ровбо // Кантовский сборник. – 2020. – Т. 39, № 2. – С. 7–25.

5. Анталогія філасофскай думкі Беларусі: у 3 т. / Склад. А. А. Лягчылін [і інш.] ; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка. – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2021. – Т. 2, ч. 1. – 223 с.

ГАЗЕТА «МІНСКІ ЛІСТОК»: АД ЛІТАРАТУРНАЙ І ФІЛАСОФСКАЙ КРЫТЫКІ ДА ФАРМАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ

Я. П. Сакоўскі

З пачатку 1880-х гадоў на тэрыторыях Беларусі актыўна разгортваюцца розныя публічныя дыскусіі. Гэта супадае з рэзкім павелічэннем колькасці этнаграфічных даследаванняў беларускіх зямель. Звычайна іх вынікі друкаваліся асобным накладам, ці ў спецыялізаваных часопісах. Абмеркаванне вынікаў этнаграфічных прац з большага праходзіла ў дзяржаўных перыядычных выданнях. Адным з такіх, але не дзяржаўным, выданнем была газета «Мінскі лісток».

«Мінскі лісток» – газета літаратурнага і грамадска-палітычнага напрамку, якая выдавалася з 1886 па 1902 год у Менску І. П. Фацінскім. На пачатку дзейнасці газеты формула кожнага з асобнікаў была даволі проста: «беларускія мясцовыя эканамічныя і бытавыя навіны – агульнаарускія літаратурныя, палітычныя, сацыяльна-філасофскія навіны і праблемы». З гэтага шэрагу была дастатковая колькасць выключэнняў, дзе кантэнту «пра беларускасць» давалі як мінімум літаратурныя рубрыкі. З цягам часу рэдакцыя працягнула дадзеную тэндэнцыю і пашырыла яе ў палітычнае і сацыяльна-філасофскае поле. У выніку, у канцы XIX – пачатку XX стагоддзя гаворка вялася ўжо не пра тое, каб проста

надрукаваць матэрыял беларускамоўных аўтараў, але вялася дыскусія пра беларускае пытанне ўвогуле. Тым не менш, своеасаблівы баланс рускага і беларускага падтрымліваўся з безумоўнай перавагай першага.

Дадзены прагрэс стаў адной з прычын, чаму рэдакцыя газеты была пад наглядом сілавых органаў Паўночна-заходняга краю. Іншая прычына – умераная апазіцыйнасць рэдакцыі да царскай улады. Федарава Т. М. піша аб гэтым наступным чынам: «Крытыка "Мінскім лісткам" шэрагу газет і часопісаў рэакцыйнага напрамку была стрыманай галоўным чынам па цэнзурных меркаваннях. Часам яна закранала толькі асобныя выступы гэтых органаў друку, не дакранаючыся ідэйнай накіраванасці выдання ў цэлым. Але і ў гэтым, абмежаваным маштабе крытычнае стаўленне газеты да таго духу, які панавав у легальнай прэсе 80-х 90-х гадоў, мела вялікае значэнне. Яно садзейнічала выпрацоўцы ў чытачоў грамадскай самасвядомасці, умення правільна арыентавацца ў грамадска-палітычным і літаратурным жыцці краіны [1, с. 101]».

Крытыка розных перыядычных выданняў з'яўлялася не адзінай формай апазіцыйнасці газеты. Літаратурная крытыка таксама была адным з галоўных дзейсных інструментаў данясення ідэй рэдакцыі. Перш за ўсё гэта выявілася ў апісанні «духу часу» у якім ствараліся літаратурныя сачыненні:

«Сучаснае грамадства перажывае адну з самых цяжкіх эпох сваёй духоўнага жыцця, у яго развіцці адбываецца тое, што называюць крызісам, у яго розумах здзяйсняецца відавочная падрыхтоўка да нейкай вялікай ломцы перакананняў. Усё падвяргаецца крытыцы, калі не заўсёды строгай па сваёй грунтоўнасці, то безумоўна суровай і страшнай па яе лагічным вынікам» [1]. Дадзенае разуменне абумовіла непрыманне традыцыйных кансерватыўных і элітарных пасажаў у літаратуры. Крытыкі газеты адстойвалі прынцыпы рэалізму і народнасці, якія панавалі тады ў іх прафесійным асяроддзі. Многія творы якія адпавядалі гэтаму атрымлівалі хвалебныя водгукі. Сярод іх шэраг твораў А. П. Чэхава, А. М. Астроўскага. Але непараўнальна большую ролю літаратурная частка «Мінскага лістка» адыграла ў станаўленні беларускай літаратуры. Варта адзначыць, што творы беларускіх аўтараў часцей за ўсё атрымлівалі станоўчую адзнаку ад крытыкаў. У прыватнасці, газета першай апублікавала сатырычную паэму К. В. Вераніцына «Тарас на Парнасе». Пабачыла свет таксама паэма В. Дуніна-Марцінкевіча «Гапон». Пазней тут друкаваліся Я. Лучына, Я. Купала, Я. Колас. Яскрава відаць, што з боку рэдакцыі такім амаль адкрытым чынам падтрымліваць беларускае адраджэнне было ідэалагічна мэтазгодным.

Асобна варта звярнуць увагу на мноства філасофскай публіцыстыкі ў выданнях «Мінскага лістка». На старонках газеты найбольш прыкметна прасочваецца барацьба з дэкадансам. Як на яскравы сімвал апошняга публіцысты звярнулі ўвагу на Ф. Ніцшэ. Ён быў жорстка раскрытыкаваны:

«не праз гвалт – да звышчалавека, не праз каханне – да дасканаласці прывядзе нас праўдзівы шлях. Варта імкнуцца да таго, каб шляхам ліквідацыі няпраўды з нашага жыцця і выхавання ў нас добрых і любоўных адносін да ўсіх людзей узнавіць нарэшце "нармальнага чалавека", існаванне якога магчыма толькі пры нармальных умовах» [1]. Таксама рэдакцыя газеты агітавала за больш актыўны падыход да навакольнай рэчаіснасці. Як падобныя да дэкадансу крытыкаваліся рускі сімвалізм, маралізм Л. М. Талстога, недарэчны (на думку крытыкаў) містыцызм. Парадаксальна, але займаючыся крытыкай дэкадансу многія з рэдакцыі ўвабралі ў сабе песімізм да чалавечага быцця.

Да філасофіі рэдакцыя «Мінскага лістка» адносілася эклектычна. Шанавалася больш не дактрына як такая, а сам працэс філасафавання, які павінен абапірацца на логіку і здаровы сэнс (у іх асабістым яго значэнні). Жыццё падавалася як барацьба дзвюх супрацьлегласцяў – духоўнага і матэрыяльнага, што знайшло выраз на старонках пэўных асобнікаў. Адпаведна, дынаміка жыцця ўяўлялася публіцыстам, гэтак жа, як працэс барацьбы «тэорыі і практыкі, ідэалаў і рэчаіснасці, якія вечна варагуюць і абганяюць адзін аднаго: то ідэал занадта апярэдзіць рэчаіснасць, то рэчаіснасць выкрывае ўсю безгрунтоўнасць ідэалу... Не задавальняючыся ні той ні другі сістэмай, думка чалавечая прарываецца то ў адзін, то ў другі бок, блукаючы, сутыкаючыся з безданню супярэчнасцяў, губляючыся і ўсё ж такі не ведаючы, дзе шлях да пазнання сэнсу быцця» [1]. Нічога новага такія думкі ў філасофію, безумоўна, не прыўносілі, але яскрава адлюстроўваюць нявызначанасць і ў той жа час інклюзіўнасць і эклектычнасць поглядаў рэдакцыі газеты. Але пераводзячы ўвагу на больш практычны грамадска-палітычны ўзровень, можна пабачыць выразны пасыл. Сфармуляваць яго можна так: «Мы за абмежаваную мадэрнізацыю, частковае ўвасабленне ліберальна-дэмакратычных і сацыялістычных каштоўнасцяў, але на ўмовах прызнання народнай самабытнасці і, больш за тое, яго суб'ектнасці».

Трэба адзначыць, што адзнака дзейнасці «Мінскага лістка» пасля закрыцця газеты не была аднароднай. Большасць савецкіх даследчыкаў прызнавала ў газеце наяўнасць «ліберальна-буржуазных» і рэакцыйных элементаў у іх негатыўным кантэксце [1 с. 111–113]. Літаратуравед М. Г. Ларчанка выказваўся больш памяркоўна: «Газета "Мінскі лісток" стаяла на агульнадэмакратычных пазіцыях, прапагандавала эстэтычныя ідэі класічнай рускай літаратуры, мастацкія прынцыпы крытычнага рэалізму і народнасці. Яна практычна ажыццяўляла ідэю яднання беларускай дэмакратычнай культуры і літаратуры з рускай, украінскай і польскай перадавой літаратурай. Усім гэтым, газета несумненна садзейнічала сцвярджэнню і развіццю рэалістычнага напрамку ў беларускай літаратуры 80-х і пачатку 90-х гадоў XIX стагоддзя» [2, с. 574].

На падставе дадзеных фактаў можна зрабіць выснову аб тым, што

«Мінскі лісток» з’яўляўся важнай часткай беларускай інтэлектуальнай прасторы, адыгрываючы ролю перш за ўсё пляцоўкі для дэманстрацыі творчасці беларускіх пісьменнікаў, паэтаў і даследаванняў вучоных у галіне сацыяльных навук. Па самых цяжкіх пытаннях разгортваліся дыскусіі. А наяўнасць дыскусіі – галоўная прычына актуалізацыі нацыянальнай ідэі і нараджэння беларускага нацыянальнага праекту. Напрыклад, у розных нумарах былі прадстаўлены як аматары наяўнасці (і тым больш самастойнасці беларускага народу) беларускай ідэнтычнасці (М. А. Янчук), так і аматары заходнерусікай ідэнтычнасці беларусаў (Я. Ф. Карскі). Тым не менш, газета ніколі не пастулявала абавязковую палітычную незалежнасць беларускай нацыі. Разам з гэтым, наяўнасць нацыі прызнавалася з усімі астатнімі яе атрыбутамі, што набліжала рэдакцыю выдавецтва да народнікаў. Верагодна, апошняга слова па дадзенаму пытання газета на сваіх старонках так і не сказала, аднак яна ў пэўным сэнсе стала прататыпам для з’яўлення знакавых для беларускага мыслення выданняў «Наша ніва» і «Наша доля». У той жа час варта адзначыць, што хоць беларуская нацыянальная ідэя і не фармавалася цалкам на старонках «Мінскага лістка», але дадзенае перыядычнае выданне можна разглядаць як стваральніка ўмоў для развіцця і фармалізацыі беларускай нацыянальнай ідэі.

Літаратура і крыніцы

1. Федорова, Т. М. Общественно-политическая жизнь в Белоруссии и «Минский листок» (1886–1902 гг.) / Т. Н. Федорова. – Минск : Наука и техника, 1966. – 130 с.
2. Ларченко, М. Г. Становление и развитие реализма в белорусской литературе XIX века / М. Г. Ларченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/36511>. – Дата доступа: 12.09.2022.

ЦЫЦЭРОН І РАННЯЯ ГІСТОРЫЯ КАНЦЭПТА «ІНФАРМАЦЫЯ»

С. І. Санько

У наш час слова *інфармацыя* стала адным з найбольш ужывальных слоў у самых розных мовах усяго свету. Яно відавочна паходзіць ад лацінскага *īnfōrmātio* ‘вытлумачэнне’, ‘уяўленне, паняцце’, ‘паведамленне, асвета’ і ўтворана ад дзеяслова *īnfōrmo* з даволі шырокім спектрам значэнняў: ‘надаю форму, фармую, ствараю, раблю’, ‘утвараю, ляплю’, ‘уладкоўваю, арганізуюваю’, ‘навучаю, выхоўваю’, ‘будую, складаю’, ‘мыслю, уяўляю, умройваю’. Аднак гісторыя гэтага слова досыць кур’эзная. Самі рымляне да пэўнага часу не ведалі гэтага слова. У іх гутаркавай і пісьмовай мовах найчасцей ужывалася, здавалася б, аднакарэннае, слова *īnfōrmis* ‘бясформенны, бязладны’ і яго вытворныя,

якое адпавядала грэчаскаму *ἄμορφος*.

Як жа здарылася, што амаль падобныя па гучанні словы набылі настолькі розныя сэнсы?

Аналіз антычных лацінамоўных тэкстаў паказвае, што ўпершыню дзеяслоў *informo* і яго формы пачынае выкарыстоўваць Марк Тулій Цыцэрон, прынамсі з 81 г. да н. э., у прыватнасці, у прамове ў абарону Публія Квінкцыя ў сэнсе 'высветліць, растлумачыць': *informata causa est* «справа растлумачана». Далей ён ужывае дзеяслоў ў сэнсе «навучаць» толькі з сярэдзіны 60-х гадоў да н. э. у выступах на судах, напрыклад, у прамове ў абарону Публія Карнэлія Сулы: *informat ... filium* «навучае... сына» (Cic. *Sul.* 52), а таксама ў абарону паэта Аўла Ліцынія Архія: *puerilis ad humanitatem informari solet* «звычайна навяртаюць юнае пакаленне да асветы» (Cic. *Pro Arch.* III).

Потым амаль на 20 гадоў слова знікае з твораў Ціцэрона і зноў з'яўляецца ў 46 г. да н. э. у трактаце «Прамоўца» («*Orator*»), дзе ён кажа: *Referamus igitur nos ad eum quem volumus incohandum et ea quidem eloquentia informandum quam in nullo cognovit Antonius* «Таму звернемся да таго (аратара), якога мы хацім апісаць і ахарактарызаць яго тым красамоўствам, якога Антоній ні ў кім не распазнаў» (Cic. *Orat.* 9.33), і там жа: *atque ego in summo oratore fingendo talem informabo qualis fortasse nemo fuit* «І, апісваючы дасканалата аратара, я выяўлю такога, якім, магчыма, ніхто і не быў» (Cic. *Orat.* 2.7).

У значэнні 'мысліць, уяўляць, умройваць' Цыцэрон ужывае дзеяслоў у трактаце 45 г. да н. э. «Аб прыродзе багоў» («*De Natura Deorum*»): *ita ignotorum, ut eos ne conjectura quidem informare possimus* «настолькі невядомых (багоў), што мы фактычна не здольныя іх уявіць нават прыблізна» (Cic. *N. D.* 1.15.39), а таксама ў сачыненні «Аб граніцах дабра і зла» («*De finibus bonorum et malorum*», 45 г. да н. э.): *quodque dicitis informari non posse virtutem si quidquam nisi quod honestum sit numeretur, idem dicetur ab illis quos modo nominavi* «Усе вы кажыце, што цноту немагчыма ўявіць, калі нешта апроч таго, што ўважаецца за каштоўнасць, будзе такім і лічыцца, гэта ж скажуць і тыя, каго я толькі што назваў» (Cic. *Fin.* 4.16.45). І ў тым жа годзе ў значэнні 'фарміраваць' у трактаце «Вучэнне акадэмікаў» («*Academica*»): *Omniū deinde inanium visorum una depulsio est, sive illa cogitatione informantur, sive in quiete sive per vinum sive per insaniam* «Значыць ёсць толькі адзін шлях разagnaць усе пустыя ўмроенні, якія або фарміруюцца думкамі, або ў дрымотным стане, або пад уздзеяннем віна, або ў непрытомнасці» (Cic. *Ac.* 2.16.51).

У трактаце «Аб граніцах дабра і зла» Цыцэрон выкарыстоўвае і дзеепрыметнік *informatum*: *Et summam quidem haec erant de corpore animoque dicenda, quibus quasi informatum est quid hominis natura postulet* «У выніку аб целе і душы можна пэўна сказаць, што ў іх нібы сфарміравана тое, што патрабуе прырода чалавека» (Cic. *Fin.* 5.13.37),

таксама ў творы «Аб прыродзе багоў»: *quod ita sit informatum anticipatumque mentibus nostris ut homini, cum de deo cogitet, forma occurrat humana* «такім чынам у нашых душах прадвызначылася і склалася ўяўленне, так што чалавек, калі думае пра бога, то перад ім паўстае чалавечая форма» (Cic. *N. D.* 1.27.76). У трактаце 44 г. да н. э. «Аб абавязках» («*De officiis*»), ён характарызуе разважнага чалавека наступным чынам: *animus bene informatus a natura* «душа, добра сфармаваная прыродай» (Cic. *De officiis* 1.13).

Слова *īnfōrmātio* ўтворана субстантывацый дзеепрыметніка *īnfōrmātum* і ўпершыню з'яўляецца ў трактаце «Аб аратары» («*De oratore*», 55 г. да н. э.) (Cic. *De orat.* 2.358) у значэнні 'ідэя' і тройчы ў трактаце «Аб прыродзе багоў» у сэнсе 'ўяўленне', 'ідэя' (Cic. *N. D.* 1.16.43; 1.17.45; 1.36.99–100). Урэшце, у прапедэйтчным трактаце «Аб падзеле аратарскага майстэрства» («*De Partitione Oratoria*»), найбольш імаверна, 46 г. да н. э., напісаным Цыцэронам для сына, ён ужывае слова *informatio* ў сэнсе 'вытлумачэнне (значэння)' (Cic. *Part. Or.* 29.102).

Такім чынам, найбольш актыўна слова *informatio* выкарыстоўвалася філосафам у сярэдзіне 40-х гг. да н. э. Верагодна, што яно было вынайдзена самім Цыцэронам, які быў аўтарытэтным рэфарматарам лацінскай мовы. Па словах Э. Р. Дыка (Andrew R. Dyck), рэдактара аднаго з апошніх выданняў трактата «Аб прыродзе багоў»: «На працягу аднаго або двух пакаленняў другога і пачатку першага стагоддзяў да н. э. лацінская мова трансфармавалася з мовы сялян і салдатаў у зручны носьбіт вельмі далікатнага і вытанчанага зместу. Унёсак Цыцэрона ў гэты працэс быў істотны і не можа быць пераацэнены» [1, р. 13]. Сярод прыкладаў унёску Цыцэрона ў пашырэнне і ашыяетніванне (элінізаванне) слоўніка лацінскай мовы Э. Р. Дык прыводзіць і слова *informatio*.

Імаверна, узрушыць Цыцэрона магло існаванне ў старагрэчаскай мове прыметніка *ἔμμορφος* 'увасоблены ў форму, вобраз; чаму нададзена форма'. Яно ўпершыню сустракаецца ў «Метафізіцы» або «Аб першых прынцыпах» Тэафраста (IV–III ст. да н. э.), кім, відаць, і было ўведзена ў старагрэчаскі філасофскі лексікон. Тэафраст ужывае яго, абмяркоўваючы пытанне, ці надзеленыя першыя прынцыпы (*ἀρχαί*) формай (Thphr. *Met.* 14 (7 а 6–7 а 10)). У наступныя стагоддзі яго ўжывалі многія філосафы, у тым ліку Плутарх, Плацін і інш.

Цыцэрон быў добра знаёмы з творамі Тэафраста, аб чым сведчаць даследаванні апошняга часу і тое, што многае пра філасофію Тэафраста мы ведаем менавіта з твораў Цыцэрона, а таму ён мог выкарыстаць тэафрастава *ἔμμορφος* для сваёй словатворчасці, бо не мог не заўважыць, што фармальна аднаму і таму ж лацінскаму прэфіксу *īn* – у старагрэчаскай мове адпавядалі два розных прэфіксы: *ἀ* – са значэннем адсутнасці, адмаўлення (*ἀ privativum*) = 'не-, без-' і *ἐν* – 'у, на'.

Іншыя лацінамоўныя аўтары не адразу прынялі інавацыю Цыцэрона,

але яго аўтарытэт у Рыме I ст. да н. э. быў вельмі высокі, і многія наступныя аўтары паступова прымалі яго інавацыі. Найперш гэта датычыла дзеяслова *īnfōrmo* і яго граматычных форм. Так, Вяргілій у больш позняй VIII-й кнізе «Энеіды» двойчы ўжывае вытворныя ад *īnfōrmo* (Virg. Aen. VIII.426–428; VIII.447).

Пазней інавацыю Цыцэрона падтрымаў Пліні Малодшы і іншыя аўтары. Аднак найбольш актыўна ўжываўся менавіта дзеяслоў *īnfōrmo* і яго вытворныя.

Падобна, што найбольш паслядоўна і дзеяслоў, і звязанае з ім слова *informatio* пачаў выкарыстоўваць Аўрэлій Аўгустын (IV–V ст. н. э.). Так, у вялікім сачыненні «Аб Тройцы» («De trinitate») ён разважае аб *фарміраванні* пачуцця, якое называецца зрокам (*informatio sensus quae uisio dicitur*) (Aug. De trin. 11.2.3.61). У іншых месцах Аўгустын кажа пра *кшталтаванне* (*фарміраванне*) думкі (*informatione cogitationis*) (Aug. De trin. 14.8.11.58–59) (*cogitationis informationem*) (Aug. De trin. 15.21.40.10–11).

Яго паслядоўнік Касіядор (канец V–VI ст.) у «Глумачэнні псалмаў» («Expositio psalmodum») кажа ўжо ў больш агульным сэнсе аб *фарміраванні* шляху (*viam informationis*), па якім хадзіў сам Хрыстос, знаменуючы свае крокі святымі справамі, і сляды на якім ён пакінуў апосталам (Cas. Exp. ps. 17.37.556). У ім жа сустракаем блізкае да сучаснага разуменне інфармацыі: *Quod schema dicitur caracterismos, id est informatio uel descriptio, quae siue rem absentem siue personam spiritalibus oculis subministrat.* – «Схемай называюць характарыстыкі, г. зн. *інфармацыю* і апісанне, якія падаюць духоўным вачам або адсутную рэч, або чалавека» (Cas. Exp. ps. 20.4.71–74).

Аднак пройдзе яшчэ амаль паўтары тысячы гадоў, пакуль ІНФАРМАЦЫЯ стане адным з ключавых канцэптаў нашага часу.

Літаратура і крыніцы

1. Cicero. De Natura deorum. Liber I / Marcus Tullius Cicero ; Ed. by Andrew R. Dyck. – New York : Cambridge University Press, 2003. – x, 236 p.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Н. О. ЛОССКОГО

Н. Г. Севостьянова

Интеллектуальная история Беларуси включает в себя и философское наследие мыслителей-эмигрантов, чье личностное и профессиональное становление произошло на белорусской земле, а труды получили мировую известность в условиях зарубежья и последующее признание на Родине.

В ряду таких мыслителей – Николай Онуприевич Лосский (1870,

близ Витебска – 1965, Париж), выдающийся представитель русской самобытной философии: моралист, историк философии и методолог науки, логик и психолог, чья интеллектуальная эволюция от позитивизма к христианскому мировоззрению типична для ученых революционной эпохи отечественной культуры начала XX века. Популяризируя традиционную моральную философию Н. О. Лосского, отметим ее высокий мировоззренческий потенциал и в современных условиях социокультурных трансформаций.

Философ родился в деревне Креславка Витебской губернии (ныне местечко Краслава в Латвии). Учился в классической гимназии в городе Витебске, продолжил образование в Европе и в Санкт-Петербургском университете, где затем работал профессором вплоть до высылки из России в 1922 году. Вдали от Родины Н. О. Лосский всегда сохранял духовную связь с Отечеством.

Преподавал в университетах Праги (1922–1942), Брно, Братиславы (Словакия, 1942–1945). В 1947 г. переехал к сыну в США, где был профессором Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (1950–1953 г.). Сын Н. О. Лосского, В. Н. Лосский (1903–1958), известен как крупнейший православный мыслитель, работы которого сыграли ключевую роль в деле богословского образования и церковного возрождения на Западе и в России. Последние годы долгой жизни Н. О. Лосского прошли в Париже. В эмиграции им опубликованы труды «Логика» (1924), «Свобода воли» (1925), «Условия абсолютного добра» (1931), «Бог и мировое зло» (1941), «История русской философии» (1951), «Характер русского народа» (1957) и многие другие.

Моральная философия Н. О. Лосского провозглашает императив ответственности личности за субъективную и объективную стороны своей жизни на духовном пути к абсолютным ценностям добра, красоты, истины, веры. Ученый полагает, что «субстанциальный деятель» как личность моральная преодолевает отрицательные ценности психоматериального царства с помощью онтологических ценностей совести, любви и свободы совершенствования. Допускает возможность естественной и окончательной победы добра над злом в силу эволюционного исчезновения «материальной сферы мира». Призывает людей к изживанию двух причин зла (эгоизма и неспособности любить) и называет три условия абсолютного добра (аксиологию, свободу воли и взаимосвязь всех существ).

«Наука о нравственном добре и зле», «христианская теонормативная этика любви» [1, с. 67] Н. О. Лосского имеет подосновой различные формы персонализма. Ключевыми ее установками выступают основоположение о нераздельности учения о бытии и теории ценностей и идея личности как действительного субстанциального деятеля. «Выработанное в ней в связи с метафизическим персонализмом учение о том, что все страдания суть

следствия нарушения гармонии» [1, с. 235], должно быть признано исходным. Данная установка развивается в русле апофатического богословия, в котором различаются проявления действий (энергий). Бога в мире от самого Бога. В этом смысле добро, истина, красота не входят в систему мира: он лишь ищет их, стремится приблизиться к ним, но никогда ни добро, ни истина, ни красота не вмещаются в мир и поэтому непостижимы.

Философ различает два слоя бытия: Царствие Божие, которому принадлежат действительные субстанциальные деятели, избравшие жизнь в Боге, и психоматериальное царство потенциальных субстанциальных деятелей как личностей, эгоистически самоутверждающихся. Каждый субстанциальный деятель то ли принадлежит совершенному бытию, то ли может и должен подниматься на все более высокие ступени жизненного мира. «Чем более ценно какое-либо бытие, тем более оно хрупко, тем более оно зависит от бытия, низшего по своей ценности. Закон обратного отношения между рангом ценности и силой ее имеет место только в нашем психоматериальном царстве бытия» [1, с.135], члены которого несогласованны и враждебны. Действительная личность, напротив, исповедует абсолютные ценности, которые «не могут быть доказаны путем вывода из каких-либо начал; они могут быть только непосредственно усмотрены и опознаны», что не влечет за собой с необходимостью их осуществление.

Мораль абсолютных ценностей открывается в полноте бытия как Добро, Красота, Любовь, Истина. «Необходимо сочетанные друг с другом», эти самоценности выражаются друг через друга. И в принципе, вся жизнь движется любовью к ценностям: о добром нравственном поведении можно говорить лишь в том случае, если имеется «бескорыстная любовь к объективным ценностям». Ее разрушают злоупотребления свободой, и прежде всего эгоизм и недостаток любви.

«Эгоизм есть зло основное... Оно состоит в нарушении деятелем ранга ценностей, в себялюбии, тогда как правильное соотношение ценностей требует больше любви к Богу, чем к себе, и любви ко всем существам такой же, как к себе» [1, с. 61–62]. Наличие множества кодексов морали Н. О. Лосский объясняет тем, что несовершенные существа в своих параллельных дорогах к абсолютным ценностям руководствуются не целостным идеалом, а группой ценностей, узость сознания которых ведет к разнообразию этических концепций.

Положительными онтологическими ценностями являются совесть, любовь и ответственность. «Совесть есть первичное, изначальное свойство человека, она пробуждается в человеке благодаря свойствам, присущим ему как субстанциальному деятелю» [1, с. 70]. Но духовное преображение совести вызывает глубокое чувство вины, при котором «муки раскаяния прожигают душу глубже, чем угрызения совести»; они завершаются

глубоким изменением характера человека. «Любовь есть онтологическая связь любимого бытия с любящим существом, сопутствуемая особыми эмоционально-волевыми переживаниями. Предельное расширение личности осуществляется в Царстве Божиим, члены которого питают совершенную любовь к Богу» [1, с. 180]. Однако «в нашем психоматериальном царстве любовь никогда не бывает вполне совершенной», а личностное преображение означает ответственный путь к Царствию Божию.

«Всякое лицо, будучи существом свободным, несет абсолютную нравственную ответственность за субъективную и объективную сторону поступков» [1, с. 125–126]. Ответственность человека не только за мотивы своего поведения, но и за объективное содержание поступка и его последствия возможна лишь в том случае, если существует свобода воли и свобода действия. «Как бы много ни было обстоятельств (незнание, глупость, болезнь), уменьшающих ответственность деятеля за объективное несовершенство его поведения, все же эта ответственность никогда не может быть вполне снята с него» [1, с. 132].

Отвечая на традиционно русский вопрос о допустимости борьбы со злом, мыслитель полагает, что совесть должна упрекать человека не за то, что он прибегнул к физическому пресечению зла, а за собственное несовершенство, которое пришлось преодолевать грубыми средствами. Зло, по логике философа, вообще могло бы оставаться не осуществленной возможностью, если бы никто не злоупотреблял своей свободой. Тем не менее конечная победа добра обеспечена строением мира, материальная сфера которого исчезает и исчезнет. Рассматривая санкции нравственного закона за нарушение онтологических ценностей, Н. О. Лосский отмечает имманентное наказание в форме неудовлетворенности жизнью, а также муки раскаяния и кары Божии. Все виды производного зла (болезнь, смерть, природные катастрофы) являются естественным наказанием за нравственное зло себялюбия. Философ выражает уверенность в том, что этика может установить единство цели поведения всех существ и единую систему ценностей в мире, предназначенном к добру.

Литература и источники

1. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики / Н. О. Лосский. – М. : Политиздат, 1991. – 368 с.

ГЕОГРАФИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ПО СТРАНИЦАМ «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА

Е. А. Тюгашев

География – не менее почтенная наука, чем история. Поэтому если

существует история философии, то почему бы не быть географии философии? Такая мысль возникает при знакомстве с публикациями, развивающими идеи в области географии искусства, географии литературы, географии науки, географии религии.

Предпосылки формирования географии философии как дисциплинарной области метафилософии содержатся прежде всего в истории философии, которая справедливо оценивается как «целый материк философствования» [1]. История философии сейчас «распочковывается» и из нее уже выделились социология философии, психология философии, этика философии и другие метафилософские дисциплины. Страноведческий подход, традиционно реализуемый историками философии, в определенной степени раскрывает географическую специфику философской мысли. В условиях глобализации становится все более очевидным то, что «прежние философские системы были отражением регионального бытия» [2, с. 119]. Не случайно осознается наличие традиций континентальной и островной философии, философии отдельных макрорегионов, провинций и городов. Это создает почву для применения географического подхода в философской компаративистике.

Возможности формирования географии философии имеются и в географической науке – в таких ее отраслях, как география человека (гуманитарная география), география культуры (культуральная география) и когнитивная география. Естественно предполагать, что в первых географических трудах, отличавшихся комплексностью, должны присутствовать сведения о философии.

«География» Страбона написана в жанре путеводителя. Рассказывая о странах и городах ойкумены античного мира, Страбон упоминает и философов. В круг его научных интересов вошли «предания о большем числе славных деяний, о государственных формах, искусствах и прочем, что содействует жизненной мудрости» [4, с. 122].

Характеризуя город, Страбон среди достопамятных людей – уроженцев города или некогда проживавших в нем – упоминает философов, приводит сведения об обстоятельствах их жизни и деятельности. Например, он писал: «Достопамятными людьми родом из Милета были Фалес – один из Семи Мудрецов, первый среди греков занявшийся естествознанием и математикой, его ученик Анаксимандр и ученик последнего Анаксимен...» [4, с. 595].

Города дифференцируются по условиям философской жизни. Халкида и Эретрия являлись «приятным и покойным местопребыванием для философов» [4, с. 423]. Об этом свидетельствовали, по мнению Страбона, пребывание Аристотеля в конце его жизни в Халкиде и наличие школы эретрийских философов. В Тарсе занимались философией с таким рвением, «что превзошли Афины, Александрию и любое другое место, какое ни назовешь, где существуют школы и обучение философии»

[4, с. 628]. Как следствие, Рим был полон учеными тарсийцами (как и александрийцами) [4, с. 630].

В Вавилонии для местных философов (халдеев) были выделены особые поселения [4, с. 686]. Гелиополь первоначально был кварталом жрецов, занимавшихся философией и астрономией. Позднее в нем существовали большие дома, в которых жили эти жрецы [4, с. 473].

Наиболее подробно Страбон описывал философов Индии. Ссылаясь на Мегасфена, Страбон указывал, что философы были высшей кастой [4, с. 654]. Философы делились на обитателей гор и жителей равнин (каждая группа со своим учением) [4, с. 711–712]. Кроме того, по данным Мегасфена, философы подразделялись на брахманов, проживавших в парке перед городом [4, с. 661], и гарманов, живших в лесах [4, с. 662]. Отдельно выделяли прамнов – особый род философов, склонных к спорам и опровержениям [4, с. 667]. Одни из них назывались «горными», другие – «нагими» и «городскими». Все они различались образом философской жизни.

Краткий обзор сведений о философах, содержащихся в «Географии» Страбона, показывает, что география философии есть органичная область географического знания, не сводимого только к физической или экономической географии. Выделение специфического предмета географии философии может усматриваться в описании территориальной организации философского сообщества, а также в анализе ландшафтной детерминации философской жизни.

Литература и источники

1. Визгин, В. П. История философии как препятствие для философии / В. П. Визгин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphras.ru/page15363752.htm>. – Дата доступа: 24.06.2023.
2. Кочергин, А. Н. Философ или философвед? / А. Н. Кочергин // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 3 (19). – С. 107–124.
3. Нейсбит, Р. География мысли / Р. Нейсбит. – М. : Астрель, 2012. – 285 с.
4. Страбон. География / Страбон. – М. : Наука, 1964. – 943 с.

«ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС» И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ

А. В. Филиппович

На рубеже XV – XVI вв. в европейской культуре резко вырос интерес к ряду античных течений, которые получили новую интерпретацию в контексте эпохи Возрождения. Среди них – александрийский герметизм, неоплатонизм, неопифагорейство и еврейская каббала, которые были

дополнены алхимией, магией, астрологией и другими «окультурными науками». Новое прочтение и переводы древних текстов, многие из которых ранее были недоступны, стали началом развития течений современного западного эотеризма, существующих и по сей день. Современный эотеризм включает в себя ренессансное возрождение герметизма и так называемой «окультурной философии» в широком неоплатоническом контексте, а также более поздние течения – алхимию, парацельсизм, розенкрейцерство, христианскую каббалу, христианскую теософию, иллюминатские течения и различные оккультные направления XIX и XX вв., вплоть до движения Нью-эйдж [1, р. 338].

Однако и для философии эти мировоззренческие перемены не прошли бесследно. С конца XV и вплоть до начала XVII в. философские течения развивались под сильнейшим влиянием эотеризма, тематика которого заняла ведущее место в произведениях М. Фичино, Дж. Пико делла Мирандолы, Парацельса, Д. Бруно, Т. Кампанеллы и многих других мыслителей этой эпохи.

Период XV – начала XVII вв. можно назвать «эотерическим ренессансом», который надолго определил развитие философской мысли. Впоследствии, однако, многие открытия этого необычной и оригинальной эпохи были преданы забвению. Эотерическая проблематика была исключена из истории философии под влиянием рационалистических и позитивистских установок, которые, в конечном счете, привели к широкому распространению неполноценного образа философии.

Значение эотерического ренессанса состоит в том, что он способствовал формированию новых представлений о важнейших философских проблемах – природы, человека, познания и общества. В первую очередь, эотеризм эпохи Возрождения вдохновлялся «открытием природы» и интересом к пониманию тайн природного мира [1, р. 388], сыграв тем самым важную роль в формировании философии Нового времени и современной науки. Магия, с которой начался эотерический ренессанс, получила новую трактовку как неотъемлемая часть наук о природе. «Естественная магия», философски систематизированная и очищенная от популярных элементов средневекового колдовства, уже к концу XV в. стала восприниматься как важнейший способ познания природы. Начало этому магическому направлению в философии эпохи Возрождения положил М. Фичино, который сыграл основную роль в начале эотерического ренессанса благодаря своему интересу к герметизму и неоплатонизму. Новое понимание магии как составной части философии развили в своих произведениях Дж. Пико делла Мирандола, И. Рейхлин, И. Тритемий, Агриппа Неттесгеймский, Парацельс, Д. Бруно и Т. Кампанелла. По мере развития эотеризма магия была дополнена алхимией и христианизированной каббалой, которые также сыграли свою роль в формировании новых представлений о природе и способах ее

познания. Начиная с парацельсизма, каббала стала пониматься почти как синоним магии или алхимии, основа «мистицизма природы» [2, р. 733]. Натурфилософская тенденция была продолжена в еще одном направлении ренессансного эзотеризма – христианской теософии. Ее создатель, Якоб Беме, и его многочисленные последователи распространили на Бога динамическую картину мира ренессансного эзотеризма, в которой природа и человек понимались как находящиеся в состоянии изменения и развития. Тем самым теософия, рассматривавшая весь мир как процесс, наполненный борьбой противоположностей, заложила предпосылки диалектического мировоззрения немецкой классической философии.

На основе идей эзотеризма возникло совершенно новое понимание человека. Дж. Пико делла Мирандола, развивая идею человека как «великого чуда» из герметического трактата «Асклепий», создал новаторскую антропологию, построенную на принципах эзотеризма. В философской антропологии мыслителя человеку доступен весь диапазон состояний – от низших, неразумных, до высших, божественных. В космологии Дж. Пико делла Мирандола существует три уровня – ангельский, небесный и земной, но человек от них независим и образует четвертую реальность [3, р. 67]. В эзотерической антропологии Ренессанса человек возвышается над природой и сближается с Богом как творец, обладающий неограниченными возможностями в преобразовании природы, общества и самого себя. Кроме того, в магии, алхимии и каббале предполагается трансформация человека, позволяющая раскрыть его высшие возможности.

Познание в ренессансном эзотеризме предстает как синтез интуиции, воображения и опыта, который выходит за пределы рациональных представлений и поэтому способен проникать в скрытые сферы многослойного живого космоса. Такая картина мира, в которой каждый предмет является символом иного уровня реальности, была выработана именно течениями эзотеризма и требовала особой концепции познания. В понимании Парацельса магия, «великая тайная мудрость», обладает силой переживать и постигать вещи, недоступные человеческому разуму – «великой общественной глупости» [4, р. 137]. Подобная трактовка познания не только способствовала обнаружению новых способов постижения природы и человека, но и предвосхищала гораздо более поздние идеи философского иррационализма XIX – XX вв. Познание в эзотеризме, в противовес аристотелевской логике, опирается на принципы аналогического мышления, которое всегда занимало принципиально важное место в философии, а сегодня востребовано в современной физике. Эзотерические концепции «древней теологии» и «вечной философии», рассматривавшие знание как передачу древней мудрости через последовательность выдающихся мыслителей, способствовали формированию представлений об истории философии как о процессе, в

котором разнообразные идеи и течения связаны с единой традицией. Наконец, эзотерический идеал пансофии выражает фундаментальную философскую идею универсального знания, которая особенно актуальна в современную эпоху дробления знания на отдельные дисциплины.

Идеи трансформации природы и человека, предложенные учениями ренессансного эзотеризма, способствовали возникновению новых социально-философских концепций. М. Элиаде обратил внимание на связь современных политических идеологий, выдвигавших глобальные проекты социально-политических преобразований, с алхимическими идеями трансформации природы и человека. Парацельс не случайно был не только знатоком магии и алхимии, но и автором социальной утопии, а Д. Бруно видел в магическом воображении практический способ преобразования общества. Т. Кампанелла, помимо создания утопического идеала «Города солнца», рассматривал магию как способ трансформации католицизма, объединения всех религий и народов [5, p. 236].

Таким образом, эзотерический ренессанс конца XV – начала XVII в. оказал огромное влияние на развитие философии, открыв новые перспективы в понимании важнейших философских проблем. А. Февр, который сформулировал основные принципы научного исследования эзотеризма, был убежден, что эзотерические традиции с их глубиной традиционной мудрости и герменевтики обладают особой ценностью, поскольку имеют пока еще не реализованный потенциал для обновления гуманитарных наук и предлагают способы мышления, выходящие за рамки столь характерных для современности закрытых систем, абстрактных понятий и дегуманизирующих идеологий [6, p. 446].

Литература и источники

1. Hanegraaf, W. J. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought* / W. J. Hanegraaf. – Leiden ; New York : Brill, 1996. – 580 p.
2. Brach, J.-P. *Magic IV: Renaissance – 17th Century* / J.-P. Brach // *Dictionary of Gnosis and Western Esotericism* / W. J. Hanegraaff, Antoine Faivre, R. van den Broek, J.-P. Brach. – Leiden : Brill, 2006. – P. 731–738.
3. Kristeller, P. *Eight Philosophers of the Italian Renaissance* / P. Kristeller. – London : Chatto & Windus, 1965. – 194 p.
4. *Paracelsus: Selected Writings* / Ed: J. Jacobi. – Princeton : Princeton University Press, 1995. – 368 p.
5. Walker, D. *Spiritual and Demonic Magic: From Ficino to Campanella* / D. Walker. – University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 2000. – 255 p.
6. McCalla, A. *Antoine Faivre and the Study of Esotericism* / A. McCalla // *Religion*. – 2001. – № 31. – P. 435–450.

Раздел 3 ФИЛОСОФСКОЕ И ЭТИКО- ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КУЛЬТУРА: СТАН І ПРАЦЭСЫ

М. В. Анцыповіч

Гістарычная свядомасць фарміруецца не толькі на аснове навуковых ведаў, але і ступенню іх запатрабаванасці, а таксама характарам іх карэляцыі з духоўным воблікам пэўнай нацыянальна-дзяржаўнай супольнасці, якая выступае ў якасці субстанцыі. А для гэтага неабходна балансаванне трох яе тыпаў. Адзін абгрунтоўвае адмысловае духоўнае развіццё, другі – зберажэнне традыцый, трэці – ушанаванне агульналюдскіх каштоўнасцей. Усведамленне сваёй мінуўшчыны выступае ў якасці абгрунтавання суверэннасці і годнасці культуры, што забяспечвае нацыянальна-дзяржаўную адметнасць і адзінства, а таксама фарміраванне асобы як носбіта культурнай самабытнасці нацыянальна-дзяржаўнага ўтварэння. Паняцці «культура», «цывілізацыя» і «глабалізацыя» як межавыя катэгорыі не зусім дакладна адпавядаюць строгім крытэрыям навуковасці, бо ў сваёй усеахопнасці гэтыя тэрміны пашыраюць межы свайго выкарыстання і таму толькі прыблізна ахопліваюць сутнасць вельмі складаных з'яў і працэсаў, якімі характарызуецца сучаснае грамадства. У штодзённых уяўленнях тэрмін «культура» звязваецца, як правіла, з гарадскім ладам жыцця ці нечым узнёслым, у той самы час навуковае разуменне культуры суадносіцца з тым, што характарызуе лад жыцця, унутраны свет чалавека і адрознівае яго ад жывёліны. Таму паняцце культуры ўключае ў сябе і духоўны свет чалавека, і ягоную свядомасць, і разнастайную працу, і самую шырокую вытворчую дзейнасць, а таксама вынікі творчасці, характар і ўмовы побыту, цырыманіялаў і звычак, менталітэт і светапогляд у цэлым. Глабалізацыя – вынік шматвяковых колькасных і якасных трансфармацый як у грамадскім развіцці, так і ў сістэме «грамадства – прырода». Чалавецтва ўяўляе сабой дынамічную сістэму, якая характарызуецца культурным кантэкстам, а з укараненнем аселага ладу жыцця – і цывілізацыйным развіццём. Глабальны

эвалюцыянізм, як тэрмін сам па сабе, абмежаваны сферамі яго выкарыстання – этымалагічна ён звязаны з глобусам, г. зн. з планетай Зямля, што і дапускае выкарыстанне яго датычна толькі да гэтай, узятай у яе адзінстве і цэласнасці, сістэмы.

Стварыўшы лічбавую прастору сваёй жыццядзейнасці, чалавек зрабіўся носьбітам яе неад’емных уласцівасцей: тэхналагічнай моцы з яе апэратыўнасцю атрымання і перадачы інфармацыі, спрашчэннем форм сацыяльнага і асабістага жыцця, праграмаванасцю чалавечых паводзін і г. д. Паглыбленне гэтых праблем звязана з развіццём масавай культуры, заснаванай на тэхнічных сродках яе вытворчасці і транслявання. Гэты тып сучаснай культуры відазмяніў і чалавека, ператварыўшы яго ў «масавага», які арыентаваны не столькі на іншых людзей, колькі на тэхнічныя сродкі і ўдасканалванне свайго жыцця. Раскрыццё рызык лічбавізацыі – задача, перад усім, гуманітарных ведаў з іх назапашаным стагоддзямі гуманістычным патэнцыялам, што толькі і здольны супрацьпаставіць павярхоўнаму, прагматычнаму веданню глыбінныя сэнсы культуры і ўсяго чалавечага існавання. Міжкультурнае ўзаемадзеянне з’яўляецца важнай часткай сацыяльных інтэракцый, якія адбываюцца, як правіла, паміж носьбітамі розных культурных патэрнаў. Вядома і тое, што міжкультурнае ўзаемадзеянне можа ўтрымліваць дыферанцыраваныя формы з-за глабальных культурных адрозненняў. І, ў першую чаргу, «традыцыйныя» культуры могуць быць дэтэрмінаваны, напрыклад, сусветнымі рэлігіямі (хрысціянства, іслам, будызм) ці мець адносіны да старажытных шаманскіх ці анімістычных уяўленняў і вераванняў. Таму культурная традыцыя з’яўляецца крыніцай нарматыўных рэгулятываў, якія канстытуіруюць прымальныя стратэгіі развіцця сацыяльнай сістэмы ва ўмовах нестабільнасці і ўзнікаючых выклікаў знешняга асяроддзя. Як сцвярджаецца ў даследаванні навукоўцаў Інстытута філасофіі НАН Беларусі, «свой канструктыўны патэнцыял культурная традыцыя рэалізуе ў двух узаемадапаўняльных функцыях: нарматыўна-стабілізуючай, якая забяспечвае патрымку пераемнасці сацыякультурнага развіцця і інтэграцыю інавацыйных кампанентаў творчай дзейнасці, а таксама інавацыйна-эўрыстычнай, дзякуючы якой адбываецца ўзбагачэнне сацыякультурнага вопыту і становіцца магчымым устойлівае развіццё сацыяльнай сістэмы» [1, с. 87]. Большасць традыцый, якія працягваюць зберагаць сваю сацыяльную значнасць і дамінуюць у большасці этнічных культур, характарызуюцца іх здольнасцю суадносіцца з феноменам сакральнасці. Так, на еўрапейскую культуру зрабіла рашаючы ўплыў хрысціянская карціна свету, заснаваная на прынцыпах тэацэнтрызму, монатэізму, сімвалізму, правідэнцыялізму, эсхаталогіі. У ёй сфарміраваліся ідэі роўнасці ўсіх людзей перад Богам, грахоўнасці і адкуплення грахоў, траякасці Бога, ахвяры Хрыстовай. Становішча чалавека ў хрысціянскай карціне такое ж дваістае, як і сам свет. Чалавек – істота фізічная і

духоўная, здольная і да добра, і да ліха, раб Божы і вянец тварэння.

У сучасных умовах поруч з уніфікацыяй адбываецца ўзрастанне ступені неаднароднасці культурнай прасторы. Менавіта гэта і з'яўляецца прычынай узнікнення антысістэм як сацыякультурнай агульнасці людзей, маючых негатыўны, супярэчлівы светапогляд, які складаецца з фрагментаў несумяшчальных культурных традыцый. Узнікаюць такія агульнасці ў межах інтэнсіўных міжкультурных кантактаў, але зараджаюцца яны ў прасторы контркультуры. Наяўнасць у грамадстве глыбокай контркультурнай нішы сведчыць аб тым, што пануючая культура ўжо (ці яшчэ) не адпавядае духоўным патрэбам грамадства. Далёка не кожная контркультурная плынь з'яўляецца антысістэмнай, але ўсе антысістэмы зараджаюцца ў контркультуры і ніколі не здольныя трансфармавацца ў дамінуючую культуру, бо для таго, каб заслужыць у грамадстве прызнанне, антысістэмнай арганізацыі давалося б трансфармавацца і перайсці ад супрацьпастаўлення сябе пануючай культуры да супрацоўніцтва з ёю. Узнікаючыя антысістэмы трымаюцца на трох супадаючых фактарах: крызісны стан грамадства, адчуванне ў ім паслабленасці асабістых і сацыяльных кантактаў, а таксама наяўнасць ідэй і інстытутаў, якія не належаць да пануючай у дадзеным грамадстве культуры. У працэсе ўзнікнення антысістэмы адна частка грамадства павінна расчаравацца ў каштоўнасцях дамінуючай культуры, а іншая, запазычыўшы з чужых культур ідэй і інстытуты, стварыць ілюзію новага і адмысловага развязвання ўзнікаючых праблем.

Тыпалогія грамадстваў, якая прадугледжвае серыю паслядоўных пераходаў ад традыцыйнага да індустрыяльнага і далей да постіндустрыяльнага, па змаўчанні прадугледжвае пэўную плату за кожны пераход да новага тыпу. У літаратуры падрабязна апісаны пераход ад традыцыйнага грамадства да індустрыяльнага (разбурэнне грамады, індывідуалізацыя, пераасэнсаванне сацыяльнага, трансфармацыя сям'і). Ёсць плата і за ўваходжанне ў клуб постіндустрыяльных грамадстваў: перманентны кантроль, наднагляднасць індывідаў і крызіс суб'ектнасці, глабалізацыя і складанасці лакалізацыі. Як адзначае А. Данілаў, «працэсы мадэрнізацыі і ёсць перанос духоўных матрыц, перш за ўсё заходніх грамадстваў, праз запазычванне тэхналогій і сістэм адукацыі на традыцыяналісцкую глебу. У выніку атрымліваецца нейкі гібрыдны спляў развіцця. Адказам на новыя рызыкі павінна выступаць адэкватнае развіццё нацыянальнай культуры, якая натуральным чынам знаходзіцца ў дыялогу з сусветнай культурай, фарміраваннем новых жыццёвых сэнсаў і каштоўнасцей» [2, с. 50]. У структуры духоўнага суверэнітэту вылучаюцца тры часавыя вымярэнні: а) гістарычная памяць (мінулае), б) светапоглядна-каштоўнасныя ўстаноўкі (сучаснае), в) духоўныя арыенціры і мэты (будучае). Зарукай духоўнай бяспекі соцыуму з'яўляецца ўмацаванне сацыяльных інстытутаў. Для гэтага неабходна арыентавацца на

максімальнае і першаступеннае ўмацаванне інстытутаў, блізкіх да асобы (у першую чаргу, сям’і), не забываючы пра першаснасць духоўнай асновы, у сваю чаргу яе вызначаючай (г. зн., нацыянальнай культуры). Таму культура не ўяўляецца без рацыянальнага ідэалу, які мабілізуе грамадства на дасягненне пэўнай мэты ў будучым.

Літаратура і крыніцы

1. Национальная культура в контексте социокультурных трансформаций / М. И. Веренич (и др.); науч. ред. В. А. Максимович. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 456 с.
2. Данилов, А. Н. Диалог культур в глобализирующемся мире / А. Н. Данилов / Социологический альманах. – 2022. – Вып. 13. – С. 46–53.

ПРЫМЯНЕННЕ ПРЫНЦЫПУ ЗАЛАТОГА СЯЧЭННЯ Ў ПАЭЗІІ: АДНАЙМЕННАЯ НОВАЯ ЦВЁРДАЯ ФОРМА ВЕРША

Т. П. Барысюк

Цікавасць да залатой прапорцыі ў нас узнікла ў 2012 годзе пасля выхаду кнігі «Сакральная геаметрыя» С. М. Неапалітанскага і С. А. Матвеева. Гэтыя аўтары адносяць залатое сячэнне (тут і далей – скарачэнне – ЗС) да «сакральнай геаметрыі», якая з’яўляецца сферай духоўна-містычнай дзейнасці і эстэтыкі [1, с. 3]. Апошняе, відаць, суадносіцца з катэгорыямі «прыгожае» і «гарманічнае». С. М. Неапалітанскі і С. А. Матвееў называюць ЗС ключом да таямніцаў Сусвету і чалавека [1].

С. Л. Мінскевіч, з якім мы працавалі ў аддзеле ўзаемасувязей літаратур Інстытута літаратуразнаўства НАН Беларусі, у машынапісе за 10.11.2015 год навуковай працы «Еўрапейскі санет у беларускіх перакладах» казаў пра набліжанасць санета да прапорцыі залатога сячэння. У выдадзенай пазней калектыўнай манаграфіі гэты фрагмент захаваўся нязменным: «Насамрэч форма санета толькі набліжана да залатой прапорцыі, дзе меншая частка суадносіцца з большай, як большая з цэлым. У форме санета прапорцыя выглядае наступным чынам 6:8 (*тэрцэты* (малая частка) і *катрэны* (вялікая частка)) – 8:14 (*катрэны* (малая частка) і *ўвесь санет* (вялікая частка), а ў "залатым сячэнні" прапорцыя выглядае, як паказвае шэраг Фібаначы: 5:8–8:13.

Такім чынам:

Санет 6: 8–8: 14

Залатая прапорцыя 5: 8–8: 13.

Бачна, што санет нібыта на адзін крок пасунуты па лікавай восі» [2, с. 419].

Раней за С. Л. Мінскевіча пра набліжанасць змястоўна-фармальных

прыкмет санета паводле строфікі, з «асаблівай ураўнаважанасцю большай і меншай частак», а таксама паводле адначасова сіметрычнага і асіметрычнага спосаба рыфмоўкі радкоў да ЗС згадвала ў кнізе «Мова. Паэзія. Гармонія» мовазнавец, д. ф. н. Клара Эрнаўна Штайн [3, с. 35, с. 39]. Вершы ў форме ЗС ніхто акрамя нас (аўтара даклада) не пісаў. Паколькі іх назбіралася ўжо каля пятнаццаці, мы вырашылі, што пад іх трэба падвесці тэарэтычную базу, каб форма набыла навуковае абгрунтаванне і прадоўжылася яе практычнае «абжыванне» ўжо іншымі паэтамі. Прааналізуем чатыры першыя творы гэтай формы. І хоць паказаная ў працы С. Л. Мінкевіча прапорцыя залатога сячэння не адзіная, а адна з многіх іншых (напрыклад, можна было ўзяць тры лічбы з шэрагу Фібаначы ў дачыненні да колькасці вершаваных радкоў не “5, 8, 13”, а “3, 5, 8”, “8, 13, 21”, “13, 21, 34” і інш.), мы ўзялі менавіта яе за аснову для распрацоўкі аднайменнай цвёрдай формы верша. Такім чынам, атрымлівалася, што самым яе відавочным адрозненнем ад іншых з’яўляецца 13-радковая страфа з пяці – і васьмірадкоўем у ёй (або васьмі – і пяцірадкоўем, калі форма «перавернутая»). Бралася пяцірадкоўе *абааб* і васьмірадкоўе *взггдеде* («Настаўніца з вялікай літары», «Цвіў язмін»), для «перавернутага» формы – *абавзгг дедее* («Горад Мінск – гэта тэкст», «Што такое Лондан?»). Як было заўважана ў вышэйзгаданых працах К. Э. Штайн і С. Л. Мінкевіча, форма ЗС падобна да санета, а паколькі і мы, як і паэт Серж Мінкевіч, пішам санеты, то палічылі, што не будзе заганай, калі некаторыя прыкметы санета будуць у форме ЗС прысутнічаць. Напрыклад, схема рыфмоўкі васьмірадкоўя ЗС будзе нагадваць два «склееныя» графічна катрэны санета, самастойныя часціны мовы ў тэксце па магчымасці не будуць паўтарацца, а заканчваць ЗС будзе ключавое слова / словазлучэнне / радок, істотны для канцэпцыі ўсяго твора (ЗС-1 – «Мінск – як тэкст з людзей, пейзажаў...», ЗС-2 – «...Ваш светлы Розум, Душа і Асоба» (прысвечаны І. С. Скарапанавай; апошняе слова «Асоба» сімвалізуе яе ўзвышэнне над эстэтыкай постмадэрнізму, прадметам яе даследавання), ЗС-3 – «...ахінула самотным зняволеннем» (акцэнт на псіхалагічны момант страты маці, прысвечаны яе памяці), ЗС-4 – «...тут жыве спадар Арнольд МакМілін». Гэтыя чатыры ЗС атрымаліся як формы-характарыстыкі заяўленых з’яў ці адрасатаў, як вершы-формулы. Працытуем гэтыя творы:

Горад Мінск – гэта тэкст (ЗС-1, чатырохстопны харэй)

(залатое сячэнне перавернутае)

Лабірынты вуліц, паркаў,

людзі – быццам сімулякры.

Варажбіткі – феі – паркі

хочуць мне пачысціць чакры.

Люстраных адбіткаў безліч –

быццам сход братоў ці клонаў.

Зноў вампір падорыць немач –
з’есць энергіі цыклоны.

З сноў дзівосных, фантастычных
ажываюць персанажы.
Карнавальны фэст, містычны:
танцы, маскі, жэсты страшаць.
Мінск – як тэкст з людзей, пейзажаў...
26.03.2015

Настаўніца з вялікай літары (ЗС-2, трохстопны дактыль)
(залатое сячэнне)

Постмадэрнізму планету адкрылі
Вы ў беларускай здзіўленай навуцы.
Працай грунтоўнай Расію скарылі.
Гэты напрамак расправіў Вам крылы
да новых мэтаў даследчых імкнуцца.

Вашай увазе – гульня з сімулякрані,
у віртуальных рэальнасцей цуд.
На нелінейных шляхах – сны абстрактныя,
бітвы цытатаў – як суд чытачу.
У хаатычным сусвеце, між ісцін,
дзе жанраў межы парвала свабода,
для традыцыйнай эстэтыкі выйцем –
Ваш светлы Розум, Душа і Асоба!
02.04.2015

Цвіў язмін (ЗС-3, трохскладовы анапест)
Памяці мамы
(залатое сячэнне)

Помню: ты, маладая і жвавая,
нас на лецішчы клікала есці.
І язмину галоўкі бялявыя,
набрынялыя пахкаю аурай,
нас натхнялі чароўнасцю весняй.

І здавалася, будуць заўсёды
маладосць твая і неўміручасць.
Ты, нібы незгінальнасці ода,
ратавала ўсіх блізкіх спадручна.
А калі ты хваробе скарылася,
мы цябе зберагчы не адолелі.

Нас язміну журба белакрылая
ахінула самотным зняволеннем.
26.04.2016

Што такое Лондан? (ЗС-4, пяцістопны харэй)
(залатое сячэнне перавернутае)
Што такое Лондан? Гэта Таўэр,
Біг Бэн на Вэстмінстэрскім абацтве.
Тэмза і сабор Святога Паўла.
Веліч Бэкінгемскага палацу.
Гэта каралева-дзеці-ўнукі.
Універсітэт, музей брытанскі.
Дэндзі, «Бітлз», хіпі, бугі-вугі.
Смог над Сіці, плошчай Трафальгарскай.

Блумсбэры, цуд-паркі, квет-сады.
Тут архітэктуры стройнасць ліній
і парад культурнай пекнаты.
І сярод брытанцаў – one in (a) million –
тут жыве спадар Арнольд МакМілін.
21.06.2016

Такім чынам, цвёрдая форма верша «ЗС» – гэта 13-радковая страфа з пяці – і васьмірадкоўя са схемай рыфмоўкі радкоў *абааб вгвгдеде* ці васьмі – і пяцірадкоўя для «перавернутаі» формы са схемай рыфмоўкі радкоў *абабвгвг дедее*. Гэта форма падобна да санета, але больш гарманічная паводле матэматычнай прапорцыі. Схема рыфмоўкі васьмірадкоўя ЗС нагадвае два «склеенія» графічна катрэны санета, самастойныя часціны мовы ў тэксце, як правіла, не паўтараюцца, а заканчваецца ЗС ключавым словам / словазлучэннем / радком, істотным для канцэпцыі ўсяго твора. Гэта вершы-характарыстыкі заяўленых з'яў ці адрасатаў, вершы-формулы. Ідэйны змест павінен быць глыбокі і адлюстроўваць тэмы, экзістэнцыйна-светапоглядна значныя для паэта: ідэальнай форме павінен адпавядаць ідэальны змест. Паколькі ёсць пэўныя адрасаты (дыялог тут як сродак пазнання свету і чалавека), можна сказаць, што гэта яшчэ і вершы-прысвячэнні. Магчымасці жанрава-тэматычнага раскрыцця ЗС найшырокія – праз грамадзянскую, філасофскую, пейзажную і інтымную лірыку. Рыфмы ў творах ЗС пераважаюць жаночыя. ЗС могуць быць напісаны амаль любым метрам сілаба-танічнай сістэмы вершаскладання. Так што змястоўныя і выяўленчыя патэнцыйныя магчымасці гэтай цвёрдай формы верша вялікія. У беларускай, рускай і замежнай літаратурах такіх форм мы не сустракалі. Так што можна казаць аб нашым наватарстве ў тэорыі стварэння і практыцы напісання залатога сячэння як цвёрдай формы верша.

Літаратура і крыніцы

1. Неаполитанский, С. М. Сакральная геометрия: ключ к тайнам Вселенной и человека / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. – 2-е изд. – М. : Амрита-Русь, 2012. – 618 с.
2. Мінскевіч, С. Л. Еўрапейскі санет у беларускіх перакладах / С. Л. Мінскевіч // Паэтыка літаратурных сувязей / У. В. Гніламедаў [і інш.]; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – С. 415–520.
3. Штайн, К. Э. Язык. Поэзия. Гармония / К. Э. Штайн. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1989. – 206 с.

УПЛЫЎ ФІЛАСОФІ НОВАГА ЧАСУ НА РЭЛІГІЙНУЮ САМАІДЭНТЫФІКАЦЫЮ АСОБЫ (НА МАТЭРЫЯЛЕ АПОВЕСЦІ «СПОВЕДЗЬ» А. ПЛУГА)

Н. Л. Бахановіч

У даўнія перыяды развіцця грамадства ў сувязі з іх тэацэнтрычнасцю рэлігійная ідэнтычнасць была адной з галоўных: у межах канфесіі чалавек усведамляў прыналежнасць да сям'і, народа, краіны. У XIX ст. рэлігійная карціна свету змяшчаецца свецкай і навуковай, а ў стаўленні асобы да інстытута рэлігіі і Бога адбываюцца змены. Іх прадвызначае філасофская думка Новага часу пра непатрэбнасць духавенства: мастацтва слова Беларусі апісвае змаганне з засіллем падобных ідэй (І. Ходзька, Я. Баршчэўскі і інш.). У асяроддзі беларускага сялянства аўтарытэт рэлігіі гістарычна падарваны яшчэ і ўнутранай палітыкай дзяржаў, у якія ўваходзіў народ: вопытам узмацнення еднасці Рэчы Паспалітай шляхам увядзення агульнай рэлігіі – уніяцтва, а таксама захадамі рускай улады ў бок «абрусення» каланізаванага насельніцтва. Уздзеянне гэтых абставінаў на рэлігійны бок жыцця чалавека можна прасачыць у творчасці Адама Плуга (1823–1903 гг.).

А. Плуг вядомы ў літаратуры як аўтар чатырох беларускамоўных празаічных твораў і легенды (з іх захавалася толькі апавяданне «Кручаная баба»), а таксама польскамоўных мастацкіх тэкстаў. Не так даўно – з перакладам на беларускую мову – у айчыны дыкурс была ўведзена аповесць «Сповідзь. Урывак з жыцця майго прыяцеля» (1849). Далучанасць да нацыянальнай культуры і літаратуры падобных твораў сёння ўжо не выклікае сумненняў: на беларускамоўныя элементы ў спадчыне А. Плуга, у тым ліку і ў згаданай аповесці, указваюць А. Мальдзіс, а таксама М. Хмяльніцкі, на думку якога, яна «па насычанасці беларускамоўнай лексікай можа быць нават аднесена да білінгвістычных твораў» [2, с. 4].

«Сповідзь» уяўляе сабой аповед у аповедзе: адпаведна

распаўсюджанаму літаратурнаму прыёму, у рукі аўтара-апавядальніка трапляе дзённік пана Канстанціна, дзе ў форме самастойнага, завершанага сюжэта прадстаўлена гісторыя з жыцця самотніка. Праз яе навуковае асэнсаванне мы можам судакрануцца з ментальнай прасторай папярэднікаў – духоўнымі каштоўнасцямі і прасачыць дэтэрмінаваную філасофскімі і адукацыйнымі тэндэнцыямі таго часу рэлігійную самаідэнтыфікацыю асобы. Галоўны герой пан Канстанцін спачатку паказваецца не вельмі набожным, таму што знаходзіцца пад уплывам філасофіі, якая распаўсюджвае ідэі пра непатрэбнасць інстытута рэлігіі, дыктуе сумненні ў існаванні Усявышняга. Аднак з разгортваннем падзейнай канвы твора светапогляд аўтара дзённіка падвяргаецца істотным зменам.

Першы трансфармацыйны момант адбываецца падчас знаёмства і размовы на тэму рэлігіі з дачкой пана Карабеля, калі дзяўчына выказвае ўражальную непакіснасць сваёй веры ў Бога. Духоўная сіла гераіні аказвае ўздзеянне на Канстанціна: *«Збянтэжаны, я не смеў нават бараніцца ад страшнага напроку ці падазрэння наконт маёй веры. Я, які столькі разоў... навошта тут успамінаць?! Я прачытаў столькі філосафаў, старажытных і сучасных, а не насмеліўся нават падумаць змагацца з нейкім падлеткам... Чыя ж гэта была сіла? Мусіць, не гэтай шаснацігадовай дзяўчынкі, з якой пазнаёміўся некалькі гадзін таму і якая за колькі хвілін перад тым, як злы дух, грэшныя думкі абуджала ў маім сэрцы»* [1, с. 526]. Паводле А. Плуга, шчырая вера валодае такой вялікай сілай, што здольна не толькі пазбавіць ад пажадлівых думак, але і абудзіць у асобе лепшыя духоўныя пачаткі. На гэтым фоне філасофскія павевы Новага часу выглядаюць модай, не здольнай перамагчы вывераную часам рэлігію.

У змене стаўлення пана Канстанціна да веры вялікую ролю таксама адыгрывае назіранне за духоўным жыццём літвінаў падчас гасцявання ў доме пана суддзі – бацькі свайго сябра Адася. Калі герой пад'язджае да дворыка Няменкі, яго ўражвае тое, як іх сустракаюць і шляхта, і сялянства: *«А далей, за дамамі, над елкамі і соснамі выбягаў востры шчыт вежачкі з мясянжовым залатым крыжыкам, накрыты белай бляхай. Адтуль, як бы знарок, каб нас прывітаць, данёсся лагодны галасок званочка, склікаючы на імішу. І суддзя, і Бартак паскідалі шапкі. Суддзя ўзяў сваю пад паху, Бартак прысеў на сваю, і абодва маліліся: суддзя на лаціне, Бартак па-свойму. І я таксама, узрушаны да глыбіні душы, схіліў галаву і шчыра маліўся»* [1, с. 536]. Агульная набожная атмасфера на беларуска-літоўскіх тэрыторыях «змякчае» сэрца Канстанціна ў яго скептычным стаўленні да веры ў Бога. У дзённіку герой прызнаецца: *«Калі ж у маім жыцці малітвы Богу і былі шчырымі, то, напэўна, менавіта тыя, што прамаўляў у гэтым ціхім касцёліку, дзе ўсе маліліся ў духу і ў праўдзе і дзе нішто не магло адарваць маю думку ад Бога»* [1, с. 564].

Пра рэлігійнасць гаспадара дома сведчаць апісанні пачатку дня: прачнуўшыся, адразу каля ложка суддзя звяртаецца да абраза Божай Маці Вастрабрамскай. Прамаўляючы пацеры, ён апранаецца, бярэ ружанец і кніжку для набажэнстваў ды ідзе ў сад маліцца на цвёрдых камянях перад парогам капліцы – і ў гэты час «анёлы абкружалі старога». Далей ён рушыць у поле і, блукаючы сярод збожжа, таксама перабірае ружанец і, быццам дзіця, радуецца прыгажосці наваколля. Такая адметнасць рэлігійнага светаўспрымання нашага народа, як пантэізм, што напоўніцу праявіць сябе ў літаратуры пачатку ХХ ст. – у перыяд нацыянальнага Адраджэння, у творах Я. Коласа, З. Бядулі, М. Багдановіча і інш., прысутнічае ужо ў польскамоўнай прозе Беларусі ХІХ ст. На старонках аповесці А. Плуга штотым заяўляе пра сябе эстэтыка зліцця чалавека з прыродай, а праз яе – са Стваральнікам: *«Ад сярэдзіны ракі рассялілася гладзенькая паверхня, бы вялікая крышталевая шыбіна, аздобленая ля берага гірляндамі ружаў і каліны, праз якую далёка-далёка відаць блакітнае неба з месяцам і з некалькімі зорачкамі, а таксама некалькі невялікіх аблачын, белых, як галубы, і нават відаць – смейцеся сабе – анёлаў і самога Бога!»* [1, с. 537–538]. Атмасфера ў доме суддзі станоўча ўздзейнічае на ўнутраны свет і духоўныя памкненні гасця, праяўляе яго лепшыя чалавечыя рысы.

Вызначальнымі ў вяртанні героя ў лона хрысціянскай веры становяцца наступствы той непераадольнай жарсці, якая ўспыхвае паміж ім і жонкай сябра. Ёю аказваецца былая каханая пана Канстанціна Аліна: некалі ім не давялося ажаніцца з-за сааслоўнай розніцы, дакладней немагчымасці героя пацвердзіць свой ганаровы статус шляхціца – тыповай з’явы ў тагачасным жыцці з-за так званых «разбораў» шляхты. А. Плуг натуралістычна апісвае моц пачуццяў Канстанціна, які нават таемна жадае пазбыцца сябра падчас палявання. Жарсць і бессэнсоўная спроба ўтаймаваць яе верай, страх Боскай кары і, урэшце, расплата (каханая памірае) складаюць аснову сюжэта і адначасова ўяўляюць прыступкі рэлігійнай самаідэнтыфікацыі героя.

Аўтар развівае ўласцівы ўсім рэлігіям аспект прычынна-выніковай сувязі віны і пакарання, ці кармічнай расплаты, папулярны ў літаратуры рамантыкаў. У творы ён ілюструецца шэрагам момантаў, кожных з якіх паказвае дамінаванне ва ўнутраным жыцці і падсвядомасці пана Канстанціна хрысціянскіх асноў. У парушэнні біблейскіх заветаў герой бачыць прычыны няшчасцяў, напрыклад, таго, што маленькі сын Аліны параніў галаву. Вестку пра смерць маці аўтар дзённіка таксама інтэрпрэтуе праз ідэю родавай віны – «перабралі меру грахоўнасці». Ён спавядаецца: *«Дарэмна філасофія атручанай добрай паловы маіх думак і сэрца прагла патлумачыць усе здарэнні натуральным ходам рэчаў. Узрушаная і хворая душа ў гэтым выразна адчувала пакаральную руку Бога»* [1, с. 580].

У аповесці «Сповідзь» А. Плуга герой па меры разгортвання дзеяння

ажыццяўляе рэлігійную самаідэнтыфікацыю: спачатку з'яўляецца прыхільнікам папулярных ідэй філасофіі Новага часу з уласцівым ёй скептычным стаўленнем да Бога, а затым вяртаецца да веры, у межах якой быў народжаны і выхаваны. Паводле аўтарскай думкі, увабраныя з дзяцінства духоўныя заветы захоўваюцца ў прасторы архетыповага, каб актуалізавацца ў свядомасці чалавека пад уплывам шэрагу жыццёвых абставінаў.

Літаратура і крыніцы

1. Плуг, А. Сповідзь. Урывак з жыцця майго прыяцеля / А. Плуг // Літаратура другой паловы XIX стагоддзя ; у 2 ч. – Ч. 2 / Уклад. Л. Г. Кісялёвай; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск : Маст. літ., 2013. – Т. 5. – С. 504–585.
2. Хмяльніцкі, М. Беларускія рэаліі ў творчасці Адама Плуга / М. Хмяльніцкі // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – Мінск : Універсітэцкае. – 1997. – № 3. – С. 3–7.

АГРЕГАЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ КОЭВОЛЮЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

П. М. Бурак

Выбор обозначенной темы обусловлен актуальной потребностью современного общества в формировании и реализации интеллектуального потенциала культуры регулируемой коэволюции во все более масштабном и углубляющемся взаимодействии общества и природы, которое транслируется в глобальный экологический кризис. Нерегулируемая коэволюция общества и природы (таковой в настоящее время она в основном является) превращается в вызов безопасности общества поскольку она сама по себе, как явление их стихийного соразвития, становления всевозможных способов и форм взаимодействия, взаимозависимости и взаимообусловленности, не сводится и не «предусматривает» только лишь гармоничного соотношения интересов социума и законов биосферы (природы). Объективно происходящая стихийная коэволюция живой и неживой природы, общества и биосферы, человека и природы на всех структурных уровнях биологической и социальной организации, включая и личность человека, его поведение, аккумулирует всевозможные процессы и соотношения организации и дезорганизации, негэнтропии и энтропии, упорядочения и разупорядочения, интеграции и дифференциации, упрощения и усложнения и т. д. Такого рода противоречия, являющиеся диалектическими, обуславливают поле проявлений, основу, направленность и результаты многомерных онтологических функций

стихийной коэволюции, которые в различных особенностях раскрываются в многочисленных современных научных и философских исследованиях. Соответственно, стержневой методологической идеей конструктивной гипотезы является генерирование обобщения состоящего в утверждении о том, что коэволюция, обретающая свою многомерную онтологическую сущность связующего «полотна» в панораме процессов глобальной эволюции, воспроизводит в качественно изменяемом состоянии те объективные условия, факторы, тенденции бытия природы в широком значении, в которых она укоренена как их атрибутивное свойство. Это означает, что на всех уровнях живой природы, социума в целом и личности человека формируются и проявляются в качественно своеобразных особенностях одинаковые онтологические функции коэволюции в их взаимосвязи. К таким функциям относятся: системоорганизующая и системоэлиминирующая роль; внутрисистемная и межсистемная связь и генерирование условий взаимозависимого воспроизводства систем; сохранение способности их относительно автономного развития при взаимосвязи разнонаправленных тенденций изменений; генерирование множественных вариантов системной организации в живой природе и обществе; объективная консолидация взаимозависимостей различной степени и направленности в формировании и сохранении целостности биологических и социальных систем как незавершенных, способных к самоизменениям; сообразная открытость такого рода систем, их структурно – функциональная избыточность во взаимозависимом овладении ресурсами друг друга для самосохранения и интегрирования в более общие, устойчивые, потенциально более разнообразные и «креативные» структуры; иерархическая организация коэволюционных сопряжений на различных уровнях биологических и социальных систем, совпадающих и отличающихся по своей направленности; формирование регулирующих структур в совокупном действии различных направлений стихийных процессов коэволюции. Формируя разнонаправленные тенденции сопряженных изменений в системной организации биологической и социальной жизни вместе с их взаимозависимостью коэволюция порождает и структуры их взаимного регулирования. Они многообразны. Например, на биологическом уровне – это генетический код, а в обществе – социокультурный код. В обществе наблюдается необходимость и практика регулирования сопряженных процессов накопления и реализации в человеческой деятельности избыточной созидательной и разрушительной энергии в различных формах активности. Если реализация избыточной энергии позитивной направленности не находит приемлемого канала сотворческого применения по вкладам в будущее, которое нужнее всего молодым поколениям, то причины такой ситуации могут становиться своеобразным триггером, обуславливающим стихийное возникновение в направлении устойчивого роста

противоположной тенденции разупорядочения и элиминации социальных условий не способствующих или препятствующих массовому выходу созидательной энергии. Позитивная и негативная социальная практика, соответствующие способы поведения людей и формы социальных отношений не являются абсолютными противоположностями, могущими полностью устранить друг друга или самое себя. Они есть сформированные стихийной социальной коэволюцией взаимозависимые части единой целостной системы общества, отражающие его способность к саморазвитию, поскольку являются фактором его открытости для реализации способности человека регулировать соотношение созидательных и разрушительных способов организации деятельности и взаимоотношений, обеспечивая устойчивое доминирование первых над вторыми на основе общих и объединяющих параметров креативности гуманистических традиций культуры и построения современного общества. Человек не в состоянии отменить объективные функции стихийной коэволюции поскольку он сам ее продукт и воспроизводит их в своей деятельности в качестве фактора собственного биосоциального существования. Для того чтобы сохранить свой биологический вид в сопряжении с сохранением биосферы как целостной организации жизни на нашей планете человек должен познать в первую очередь релевантные объективные функции (некоторые из них обозначены в тексте выше) коэволюции в природе (биосфере) и обществе и научиться рационально регулировать ее тенденции для достижения их взаимозависимой безопасности. Это предполагает формирование коэволюционного стиля мышления и коэволюционного подхода, их доминирование в структуре современного мировоззрения. При этом следует учитывать то обстоятельство, что коэволюция это явление статистическое, включающее определенное множество способов взаимообусловленного существования живых систем с различной степенью взаимозависимости воспроизводящих более сложную, общую целостность как имеющую внутренний потенциал саморазвития, открытую к изменениям.

Известный эколог Ю. Одум обозначил существование в живой природе девяти способов развертывания взаимодействия популяций различных видов организмов в формировании экосистем [1, с. 273].

А. Гелен фактически отмечает использование в человеческом сообществе множества способов регулирования поведения его членов с учетом общей действительности и необходимости воздействия на взаимоотношенное поведение людей. Это «... бесчисленное множество способов влиять, принуждать, вразумлять, подавлять и освобождать, дрессировать, убеждать и воспитывать...» друг друга [2, с. 162].

Л. Н. Толстой обозначил необходимость изучения и решения вопроса об атрибутивной неоднозначности целостности человеческой природы в следующем высказывании: «... Одно из важнейших заблуждений

при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текучее (изменяющееся – П. Б.) вещество ...» [3, с. 185]. Задачей образования является познание сущности коэволюционной природы человека. Задача воспитания заключается в развитии способности регулировать соотношение позитивных и негативных проявлений его натуры и обеспечивать доминирование созидательного вектора на основе гуманистических традиций общества как основы достижения мировоззренческой (гуманитарной) безопасности общества.

Литература и источники

1. Одум, Ю. Основы экологии / Ю. Одум. – М. : МИР, 1975. – 41 с.
2. Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии: Переводы ; сост. послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 152–201.
3. Толстой, Л. Н. Дневники и записные книжки 1895–1899 / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений: в 90 т. – Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958. – Т. 53. – 563 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПСИХИАТРИИ ПОСТМОДЕРНА

А. В. Вишняков, А. Е. Михайлов

В историческом развитии психиатрии прослеживается несколько периодов, начиная с описательного (около 4 тыс. лет назад) и заканчивая научным. Ее современное состояние в ряде публикаций характеризуется как вступление в эпоху постмодерна [1, с. 98]. Специфика данного периода проявляется в нарастающей проблематизации диагностики психических расстройств вследствие релятивизации ценностных критериев и ориентиров в различных сферах жизни общества, о чем также свидетельствует противостояние психиатрии и антипсихиатрии [2, с. 82]. При этом релятивизации любого (в том числе научного) положения в постмодернистском дискурсе способствует возрастающее применение технико-информационных систем и конструирование умножающихся виртуальных реальностей. Значимые сферы общественной жизни частично или полностью переносятся в разнообразные виртуальные локации. В каждой из таких локаций нормы и стиль мышления, мотивация и тип поведения человека (пользователя) могут кардинально отличаться. Происходит своеобразное «усиление» феноменологической множественности бытия. В этом контексте термин немецкого психиатра и философа К. Ясперса «разорванность бытия» соотносится с разорванностью сознания человека постмодернистской эпохи – Номо

Virtualis [3, с. 38].

В таких условиях, с одной стороны, затрудняется развитие психиатрии в научном русле уже существующих концептов. С другой стороны, для исследователей такая ситуация становится вызовом и катализатором совершенствования научного аппарата психиатрии. В психиатрии актуализируется необходимость дальнейшей разработки теоретико-методологических основ демаркации положительных и отрицательных аспектов влияния виртуализации сознания в эпоху постмодерна.

В настоящее время оппозицией психиатрии выступает антипсихиатрическое движение, реализующее свои инициативы преимущественно через Интернет (напр., через сообщества людей с определенными диагнозами, акции в социальных сетях, виртуальное искусство, и т. д.). Но таким инициативам затруднительно дать однозначно отрицательную оценку, поскольку акции людей «с особенностями психического здоровья» могут служить гуманистическим целям, быть направленными на снижение уровня стигматизации и расширение возможностей пациентов с психическими заболеваниями в стадии компенсации [2, с. 85]. Предлагаемый антипсихиатрией отказ от диагнозов содержит в себе конструктивное начало. Последнее наука понимает как смещение фокуса внимания на эффективное лечение и социальную реабилитацию психиатрических пациентов в противовес выделению диагностических категорий, отнесение пациента к которым не влияет на тактику терапии [4, с. 12]. Опасность возникает в том случае, если с формальным отказом от диагноза пропагандируется и отказ от выполнения врачебных назначений. «Размытие границ» и трансформация ценностей, характерные для постмодернизма в целом, здесь могут быть использованы для декларирования антинаучной позиции. Кроме того, существует риск негативного влияния пациентов друг на друга в ходе общения в тематических чатах, вплоть до возникновения индуцированных психотических расстройств или обострения состояний в стадии ремиссии.

Конструирование виртуальных реальностей сопровождается многократным увеличением объемов разнородной информации, воспринимаемой человеком. В первую очередь, речь идет об аудиовизуальном контенте, который в виртуальном пространстве практически не цензурируется. В системе «стресс-диатез» такой контент может стать провоцирующим фактором, то есть условием возникновения психических расстройств у предрасположенных к ним людей. Виртуализация также влияет на патоморфоз психопатологии: признаки того или иного заболевания могут трансформироваться при изменении социокультурной ситуации [5, с. 3]. Поскольку информация в Интернете распространяется мгновенно, специалисты должны вести диагностическую работу более оперативно.

К положительным аспектам виртуализации применительно к психиатрии можно отнести использование телемедицинских технологий, а также виртуальной реальности в лечебной и психопрофилактической работе. Телемедицина дает возможность получать психиатрическую помощь вне зависимости от места нахождения. Тем не менее, в ходе телемедицинской консультации могут быть пропущены симптомы, которые при реальном контакте были бы более очевидны [6, с. 117]. Что касается виртуальной или «дополненной» реальности, эффективность ее применения подтверждается исследованиями, проведенными среди пациентов с тревожно-депрессивными расстройствами [7, с. 1], а также инволюционно обусловленным снижением когнитивных функций [8, с. 614]. Такие методики совершенствуются и, возможно, в ближайшем будущем будут интегрироваться в клиническую практику.

К позитивным факторам следует отнести улучшение условий для диалога психиатров с пациентами, а также психотерапевтами и психологами, зачастую имеющими свое мнение по ряду междисциплинарных вопросов; объединение психиатрических пациентов в группы взаимопомощи; интеграцию современных технологий в лечебно-диагностический процесс. Однако аудиовизуальная агрессия и отсутствие адекватного регулирования взаимодействия пользователей в виртуальных пространствах требуют готовности психиатров к работе за пределами лечебно-профилактических учреждений.

Литература и источники

1. Barbagallo, I. Psychiatric semiology in postmodernity / I. Barbagallo // Vertex. – 2022. – Vol. 158. – P. 98–103.
2. Менделевич, В. Д. Проблема диагностики психических и поведенческих расстройств в эпоху постмодернизма / В. Д. Менделевич // Экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8, № 3. – С. 82–90.
3. Межевникова, О. П. Человек в эпоху виртуализации общества / О. П. Межевникова, Т. В. Ухина // Сервис в России и за рубежом. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 35–43.
4. Смулевич, А. Б. Шизофрения или группа эндогенных заболеваний? История и современность / А. Б. Смулевич // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2015. – Т. 115 (8). – С. 4–12.
5. Тиганов, А. С. К вопросу о патоморфозе при шизофрении / А. С. Тиганов // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2015. – Т. 115. – С. 3–5.
6. Герасименко, В. А. Телемедицина на службе психиатрии: биоэтические аспекты / В. А. Герасименко, С. И. Дегтярев // Scientist. – 2023. – Т. 23 (1). – С. 115–118.
7. Effect of a Virtual Reality-Based Restorative Environment on the Emotional and Cognitive Recovery of Individuals with Mild-to-Moderate Anxiety and Depression

/ H. Li [et al.] // International journal of environmental research and public health. – 2021. – Vol. 18 (17). – P. 1–30.

8. Andringa, G. The Potential of Immersive Virtual Reality for Cognitive Training in Elderly / G. Andringa, A. C. M. Bauer // Gerontology. – 2020. – Vol. 66 (6). – P. 614–623.

РОЛЬ МАССЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

В. А. Голубев

Роль массы в социальных процессах широко описывалась как представителями марксизма и неомарксизма, так и многими иными исследователями. В зависимости от социокультурной среды, эпохи и политических и экономических особенностей, роль массы в обществе оценивалась по-разному. Однако в XX в., с появлением общества потребления, ее роль несколько трансформировалась, и взгляд на феномен массы также изменился.

Общество потребления – особый вид общества и социальных отношений, основой которого является первостепенное стремление каждым из его индивидов потреблять производимые в промышленных масштабах товары и услуги. Впервые о таком типе общества заговорили еще в начале XX в., когда после промышленной революции появилась возможность производить в больших количествах ранее недоступные блага. Тогда же Х. Ортега-и-Гассет выдвинул идею о наступлении так называемого «массового общества»: «...масса решила выйти на авансцену, занять места, ранее доступные немногим» [1, с. 20].

В тот период впервые появляются товары и услуги, которые создаются специально для потребления массами людей. То есть можно говорить о том, что первоначально кажущийся угрожающим открывшийся широкий доступ к производимым товарам и услугам открылся с иной стороны. Действительно, почему бы, если массы требуют удовлетворения своих не только первичных, но и второстепенных потребностей, не сделать это? Можно сказать, что впервые была сделана попытка представить массы людей не как некий живой организм, а как источник материальных благ. Производство в огромных масштабах товаров и услуг для массового использования уже в 1930-е гг. принесло производителям колоссальную прибыль. Параллельно с этим возникает проблема, которая ранее не ощущалась так остро, а именно – проблема потребностей человека. Производимых благ оказалось столько, что предложение стало перекрывать спрос. Это поставило перед производителями новую задачу: необходимо было стимулировать широкие массы людей потреблять нужный товар. То есть «если ранее капитал оказывал заботу только производству, а потребление и так было, то сейчас относительно

потребления появились проблемы, следовательно, необходимо производить как товары, так и спрос, то есть производить потребителей» [2, с. 147]. В данном случае мы можем говорить, что в указанный период сформировалась и в полной мере стала функционировать индустрия формирования потребностей. Здесь крайне важный момент заключается в том, что впервые на профессиональном уровне и в широких масштабах начинают формироваться *искусственные* потребности человека. В первую очередь, это потребности в определенном виде товаре. Одним из инструментов формирования искусственных потребностей стала реклама.

Еще одним феноменом, который следует отметить, стало «сращивание» политических (управленческих) элит и крупного капитала в лице производителей.

Можно утверждать, что масса становится потребителем не только производимых благ и услуг, но и выступает как объект новых видов манипуляций. Уже к середине XX в. четко обозначилась роль массы в новом обществе, т. е. обществе потребления: масса – источник материального богатства и прибыли для производителей. Однако встал вопрос необходимости не только потреблять. Произошедшие социальные изменения и возникающие социальные кризисы повлияли на сознание масс и в политической, и в экономической сферах. Снижение уровня жизни, падение доходов и безработица – обычное явление в капиталистическом обществе во время кризиса. В такие моменты масса может представлять угрозу для существования политических элит и тесно связанных с ними крупного капитала и производителей.

В таких случаях информационная индустрия начинает активно формировать так называемый «образ врага», с которым связывают все тяготы и лишения, которые приходится переживать рядовому человеку. Например, «власть имущие искусственно создают движения за права женщин, сексуальных меньшинств, животных, и так далее и тому подобное. Их бесполезная борьба и бутафорские победы всячески рекламируются и широко освещаются в СМИ, которые как раз элитой и финансируются, а потому и полностью контролируются» [3, с. 48]. Начинают производиться потоки информации, транслируемые емкими фразами и подкрепляемые соответствующими фотографиями и видео. Ввиду отсутствия критического мышления в массовом сознании, массам задается нужный вектор движения и мышления. Основная цель – отвлечение людей от реальных проблем и поиска ответов на эти вопросы и формирование проблем искусственных, которые помогут сохранить существующее общество в том виде, который необходим правящим элитам и производителям. Поэтому «те, кто больше всего потребляют информацию, и оказываются, в конечном итоге, наиболее оболваненными. Задача манипулятора как раз и заключается в том, чтобы человек принимал максимальное количество специально подготовленной

информации» [3, с. 46].

В настоящее время общество потребления вступило в наиболее активную свою фазу. Не в последнюю очередь это связано с развитием технологий, позволяющих более эффективно воздействовать на массы, осуществляя подмену ценностей в ходе формирования искусственных потребностей и создания ложных образов. На сегодняшний день роль массы практически не изменилась. Огромные средства тратятся на приобретение людьми товаров и услуг, выпадающих из сферы естественных потребностей и необходимостей. Трансформация ценностей способствует искусственному «разъединению» людей и созданию ложных образов в массовом сознании.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что масса в обществе потребления играет значительную роль, в первую очередь, для политических элит и производителей материальных благ. Во-первых, масса – идеальный потребитель производимого товара, потребности которой можно искусственно сформировать. Во-вторых, масса поддается внушению, а значит, в период кризиса она становится легким объектом для манипуляции с целью сохранения элитами прежнего порядка и устройства. И в-третьих, ввиду описанного выше, масса может использоваться как орудие для устранения инакомыслия, которое может поставить под угрозу как интересы производителей, так и интересы правящих элит.

Литература и источники

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : ООО «АСТ», 2002. – 509 с.
2. Ильин, А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры) / А. Н. Ильин. – Омск : «Амфора», 2010. – 376 с.
3. Безладный, Д. В. Психология в рекламе: искусство манипуляции массовым сознанием / Д. В. Безладный. – М. : ООО «Ваш полиграфический партнер», 2011. – 236 с.

СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Е. В. Давлятова

В современном обществе происходит интенсивная трансформация нравственных ценностей и их социокультурное переосмысление. Новые условия проживания в глобализированном мире требуют детального анализа новых ценностных ориентиров и установок. Стирание географических границ приводит к быстрому распространению

европейско-американской культуры в различных регионах мира, где существует свой национальный культурный код и которая может изменить его до неузнаваемости, меняя социальные связи, разрушая привычные барьеры во всех сферах общественной жизни. При длительном систематическом и целенаправленном информационно-психологическом воздействии можно изменить, деформировать, трансформировать и даже сломать культурный код и традиционные ценности любой цивилизации.

Принято считать, что традиционные ценности – это устойчивые элементы культурного наследия, имеющие истоки в прошлом, передающиеся из поколения в поколение как социальный опыт и сохраняющиеся в этносе, нации и цивилизации в течение длительного времени. Установившиеся и оберегаемые идеи, обычаи, обряды позволяют этносу, нации сохранить индивидуальное своеобразие, социальную память, национальные особенности, менталитет и неповторимость.

В настоящее время в белорусском обществе сохраняются и оберегаются традиционные ценности, главными из которых являются семейные традиции, миролюбие, свобода, справедливость, коллективизм, толерантность, служение обществу.

Традиционные духовно-нравственные ценности нашли свое отражение в ряде концептуальных документов стратегического планирования страны начиная с 90-х годов XX века. Рассмотрим законодательную базу последних лет, в которых разработана и представлена данная тематика. В частности, в «Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг.», «Государственной программе "Культура Беларуси" на 2021–2023 годы», программах и концепциях «О стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года», «О концепции информационной безопасности Республики Беларусь».

О важности защиты и укрепления традиционных ценностей отмечено в «Государственной программе "Культура Беларуси" на 2021–2023 годы», состоящей из пяти подпрограмм [1]. Первая подпрограмма «Культурное наследие» направлена на «обеспечение государственной поддержки деятельности в области сохранения исторического, культурного и духовного развития народов Беларуси, воплощенных в культурных ценностях» [1].

Вопросам воспитания молодежи на основе традиционных ценностей уделяется особое внимание в документе «О стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года». В качестве основных приоритетов стратегии развития названы гражданское и патриотическое воспитание молодежи, сохранение семейных ценностей и поддержка молодой семьи [2].

В документе «О концепции информационной безопасности Республики Беларусь» в 12 главе говорится: «Для повышения

устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям необходимо сосредоточить усилия на сохранении сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей народа, выступающих в качестве одного из основных элементов обеспечения его единства и одним из условий неуклонного развития государства. Информационная политика Республики Беларусь нацеливается на продвижение таких жизненных приоритетов, как гуманизм, миролюбие, добрососедство, справедливость, взаимопомощь, крепкие семейные отношения, здоровый образ жизни, созидательный труд, принятые в белорусском обществе нормы морали и нравственности, позитивное правосознание» [3].

Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. стала логическим продолжением разработанных ранее концепций 2006 г. и 2015 г., где тема традиционных ценностей белорусского общества также нашла свое отражение. Во второй главе последнего документа подчеркнуто, что «содержание воспитательной работы по формированию гражданственности и патриотизма личности ориентировано на усвоение общечеловеческих гуманистических ценностей, культурных и духовных традиций белорусского народа и идеологии белорусского государства, формирование готовности к исполнению гражданского долга» [4]. Четвертая глава Концепции посвящена духовно-нравственному воспитанию, целью которого является формирование нравственной культуры личности, приобщение обучающихся к гуманистическим общечеловеческим и национальным ценностям. В документе отмечено, что «содержание духовно-нравственного воспитания включает в себя формирование у обучающихся представлений о нравственных основах общества, развитие нравственных чувств (совестливости, сочувствия и сопереживания, любви, доверия и расположения к людям; долга и др.), воспитание высоких моральных качеств (доброты, милосердия, честности, справедливости, скромности и деликатности, трудолюбия и др.), формирование норм поведения (вежливости, тактичности, человеческого достоинства, уважения к старшим, соблюдение правил этикета и др.)» [4].

Таким образом, государство заинтересовано в укреплении, сохранении и приумножении традиционных ценностей белорусского общества. Для достижения значимых результатов в этой области необходима системная и последовательная деятельность всех институтов гражданского общества, направленная на формирование соответствующей воспитательной, образовательной и культурной политики в стране.

Литература и источники

1. Постановление Совета министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 53 «О государственной программе "Культура Беларуси" на 2021–2025 годы». Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100053>. – Дата доступа: 12.08.2023.
2. Постановление Совета министров Республики Беларусь 19 июня 2021 г. № 349 «О стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года». Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100349>. – Дата доступа: 15.08.2023.
3. Постановление Совета безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001>. – Дата доступа: 15.08.2023.
4. Постановление Министерства образования Республики Беларусь 15 июля 2015 г. № 82 «О концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи». Национальный образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vospitanie.adu.by/organizatsiya-vospitaniya/normativnye-pravovye-dokumenty.html>. – Дата доступа: 27.08.2023.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

С. Г. Доронина

Проблема поколений интересовала философов и ученых давно, однако масштабные исследования, посвященные данной тематике, начались только в XX веке. В отечественном социально-гуманитарном дискурсе рассматривается преимущественно эвристическая полезность теории поколений таких авторов, как К. Мангейм, Х. Ортега-и-Гассет, В. Штраус и Н. Хоу, анализ которых позволяет выявить ряд альтернатив в осмыслении этого исследовательского объекта применительно к современным реалиям.

Работа К. Мангейма «Проблема поколений» до сих пор считается базовым теоретическим исследованием феномена поколений. Основным понятием концепции К. Мангейма является «мировоззрение», под которым ученый понимает общий «стиль жизни» поколения, предопределяющий способ исторического и социального действия [1, р. 24]. Поколение маркируется через определенное социальное пространство (*Generations lagerung*), не сводимое к сугубо биологическим факторам существования, характерные особенности поведения, чувствования и мышления [2, с. 18–20, с. 26, с. 40]. Трансформация этих характеристик обуславливает

социокультурную динамику и смену поколений («феномен свежего контакта»), которая может происходить как в конфликтной форме, так и в качестве последовательной преемственности и постепенных изменений традиций. В ситуации отсутствия базовых противоречий между поколениями новые принципы человеческого существования не формируются. В этом случае, следуя логике К. Мангейма, можно говорить не о поколении, а о «когорте биологических субъектов», лишенных активной позиции и не участвующих в социально-культурной деятельности, исторической и социальной судьбе, в результате чего «новый центр конфигурации» не может сформироваться [2, с. 45]. В этом контексте особое значение приобретает вводимый мыслителем термин «агентность», в большинстве случаев указывающий на наличие активной социально-преобразующей силы лишь у лидирующего инициативного меньшинства.

Артикуляция схожих тем и проблем прослеживается в работе испанского философа Х. Ортега-и-Гассета «Современная тема» [3]. По аналогии с К. Мангеймом мыслитель утверждает, что каждое поколение имеет особое призвание, историческую миссию, связанную с приданием окружающей и социальной средам формы, соответствующей образцу их «собственной спонтанности» [3, р. 19–20]. Философ выделяет линейные циклы жизни длиной в пятнадцать лет (от 30 до 45 лет), в рамках которых деятельность поколений связана с политическим участием, межпоколенческими отношениями, «глубинной общностью судьбы». Х. Ортега-и-Гассет выделяет пять поколений (детство, юность, вступление в жизнь, господство в ней и старость), из которых только два – вступление в жизнь и господство – можно назвать историческими поколениями [4, с. 276–280].

Для осмысления подхода этого мыслителя целесообразно провести анализ концепта «вихенсианс» (*vigencias*), вводимого им с целью объяснения механизма объединения отдельных индивидов в целое поколение. Корни этого термина можно обнаружить в теории музыки, в объяснениях того, как отдельные составляющие произведения звуки объединяются в единую структуру мелодии. Законы, обычаи, верования, естественным образом возникающие в сообществах людей и конституирующие идентичность, являются элементами и структурными единицами исторического пространственно-временного континуума. Исторический мир – это и есть поколение, «стиль жизни», «пульсация исторической энергии», формирующие личность и социальную структуру. Значительные исторические изменения инициируются в том случае, если происходит пересмотр прежних традиций и формируется новая система *vigencias*.

В линии рассуждения К. Мангейма и Х. Ортега-и-Гассета основным источником порождения нового знания являются интеллектуалы, особенно

во времена социокультурного и идеологического кризисов. Конфигурация современного понятия *intelligentzia* также отсылает к схожим коннотациям, однако попытка выявить общий дух и сознание поколения в эпоху глобализации приводит к дополнительным вопросам. Все чаще звучат предположения о существовании отличного от прежних веков глобального поколения [5] и проблемах выявления критериев его определения. «Флюидизация» идентичностей в постмодернистской культуре существенно затрудняет выявление прежде возможных характерных черт поколений и актуализирует поиск альтернативных методов, позволяющих учитывать всевозрастающую сложность социокультурных изменений.

Одну из попыток, учитывающую эти особенности, представляет концепция Штрауса-Хоу, авторы которой редуцировали поколения к группам людей, которые имеют одинаковые системы ценностей и временные исторические периоды жизни, общие социокультурные условия. Анализ этой теории позволил установить следующие ключевые критерии, по которым определяются поколения [6, р. 60–74]: одинаковый временной интервал биологической фазы жизни; повышенный интерес к социальной рефлексии и самоопределению; определенные архетипы поведения, мышления и восприятия [7, р. 72–90]. Ученые выделили пять основных типов поколений, сменяющих друг друга каждые двадцать лет на протяжении XX – начала XXI вв.: величайшее и молчаливое, бэби-бумеры, X и Y.

Несмотря на критические замечания и вопросы, возникающие при анализе работ данных авторов, их концепция получила достаточно широкое признание далеко за рамками западноевропейского научного дискурса, поскольку считается, что она функционирует независимо от социокультурных условий ее апробации. Однако анализ исследований отечественных авторов [8], экстраполирующих идеи и методы концепции Штрауса–Хоу на российское пространство исследований, позволяет сделать вывод о невозможности прямых заимствований. Эта теория поколений учитывает типологические характеристики поколений американского общества, причем оставляя без внимания индивидуальные и др. особенности и различия, социокультурную и историческую специфику развития других стран. Модель Штрауса–Хоу оказалась очень популярной в бизнесе, маркетинговых и экономических исследованиях, в то время как, с точки зрения философского осмысления, она нуждается в большой доработке.

Подводя итоги, можно выделить несколько структурных смысловых слоев категории «поколение». Чаще всего она используется в качестве концептуальной модели идентификации больших социальных групп с целью стратификации общества. Кроме того, речь идет о поколении как избранном меньшинстве, элите интеллектуалов, творящей историю и поддерживающей социокультурное воспроизводство. В имплицитной

форме она фиксирует точки смены исторического и социокультурного порядков, выявляет механизм их перехода, проявленный в межпоколенческих отношениях (преемственность или разрыв), которые, с точки зрения философского анализа, являются слабо проработанными темами исследования. Термин «поколение» можно рассматривать также в качестве некоторой нормативной матрицы воображаемого общего социокультурного опыта людей, формирующей типовые паттерны их поведения, восприятия, мышления и т. д.

Методология построения «портрета» поколения основана на определении основных критериев дифференциации различных возрастных групп, находящихся в одних и тех же исторических и социокультурных условиях, с целью идентификации и проецирования их типологических особенностей на остальных людей, принадлежащих к определенному пространственно-временному континууму. Такая упрощенная схема объединения множества людей в целостную единицу указывает на ограничения применения теории поколений в объяснении современных способов идентификации, что актуализирует дополнительный поиск философских и др. оснований исследования этого феномена.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г22УЗБ-047.

Литература и источники

1. Kettler, D. Mannheim and the legacy of Max Weber: retrieving a research programme / D. Kettler, C. Loader, V. Meja. – Aldershot : Ashgate, 2008. – 228 p.
2. Мангейм, К. Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 7–47.
3. Gasset, Ortega Y. The Modern Theme / Ortega Y. Gasse. – Forgotten Books, 2016. – 176 p.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. ; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Издательство «Весь Мир», 1997. – 704 с.
5. Edmunds, J. Global Generations: Social Change in the Twentieth Century / J. Edmunds, S. T. Bryan // The British Journal of Sociology. – 2005. – Vol. 56, iss. 4. – P. 559–577.
6. Strauss, W. The Fourth Turning: An American Prophecy / W. Strauss, N. Howe. – New York : Broadway Books, 1997. – 382 p.
7. Strauss, W. The Fourth Turning: An American Prophecy / W. Strauss, N. Howe. – New York : Broadway Books, 1997. – 382 p.
8. Шамис, Е. Теория поколений. Стратегия Беби-Бумеров / Е. Шамис, Е. Никонов. – М. : Синергия, 2023. – 268 с.

АЛЬТЕРНАТИВА МЕТАНАРРАЦИИ: НЕГАТИВНАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

А. И. Екадумов

Постмодернизм не порывает с модерном, возвращаясь на интеллектуальные позиции архаики, но, в духе модернистской критики предрассудков, делает подобное возвращение невозможным, проблематизируя всякую универсальность представлений, будь то модернистский метанарратив или религиозно-мифологические нарративы традиционного общества. Постмодернистская философия не претендует на мировоззренческий универсализм метанаррации, но в снятом виде воспроизводит такую характерную черту модернистского мышления, как темпорализация картин мира. Постмодернистское наследование модернизму обнаруживается при обращении к аналитике современного мировосприятия, представленной в работах К. Манхейма и Н. Лумана.

Н. Луман указывает на сопряженную с утратой безальтернативных репрезентаций общества в обществе модернистскую темпорализацию мышления, при которой настоящее осознается в соотношении с будущим и прошлым [1]. Исторический перспективизм, так или иначе, присутствует в модернистском мышлении. Либо он проявляется в апологии настоящего, охарактеризованной К. Манхеймом как идеология, либо в апологии лучшего будущего, т. е. утопии [2]. Хотя модернистский социальный проективизм подпадает под подозрение как лишенный легитимных, на фоне онтологически равноценных альтернатив, оснований, постмодернизм наследует сущностный признак модернистского, посттрадиционного мировоззрения – критическую установку относительно репрезентаций текущего состояния дел, связанную с наличием альтернативных репрезентаций и необходимостью их селекции как более или менее предпочтительных. Доминирование некоторой системы представлений и социальных институтов над альтернативами, не менее легитимными в контексте постмодернистской деконструкции, чем наличная, утрачивает самоочевидный характер. Дезавуируя прогрессистский утопизм Просвещения критикой метанарратива, увязывавшего справедливость социально-политических проектов с истинностью их мировоззренческих оснований, философский постмодернизм вовсе не возрождает наивную легитимацию идеологии, безальтернативность репрезентации общества в обществе. Напротив, любая версия апологетического сознания заведомо дискредитируется, с той, относительно модернизма, разницей, что и утопия как апология желанного будущего теперь оказывается очередным нарративом, предпочтительным не более прочих. Если модернизм критикует идеологию как апологетическую репрезентацию настоящего, но конструирует ее позитивную альтернативу, утопию, то постмодернизм

оставляет за собой право на критику идеологии без предложения позитивной утопической альтернативы, претендующей на всеобщность.

Развивая модернистскую подозрительность к предрассудкам, проецируя ее на сам модернизм, философский постмодернизм обнаруживает преимущество модернизму не в утопическом проективизме, но в критической интеллектуальной ориентации.

Модернистское сознание компенсирует критический негативизм в отношении идеологии позитивностью утопии. Постмодернистское сознание приемлет негативизм в отношении идеологии, но, вместо позитивной альтернативы, отстаивает такой же негативизм относительно претендующих на универсальность утопий. Если модернистская устремленность в лучшее будущее основывается на критике предрассудков и организации процедур выявления объективной истины, обслуживающих техническую эффективность, то постмодернистская критика предрассудков проблематизирует саму эту устремленность и онтологическую гарантированность процедур [3], сосредоточенность на некотором желательном и универсальном образце, соотношенном с установленной истиной о человеческой природе и организации мироздания. Модернизм, отрицая актуальное общественное бытие и соотносимые с ним предрассудки, конструирует утопии как альтернативы текущему положению дел и комплексу общепринятых заблуждений. Постмодернизм осуществляет критику как самих утопий, так и критику критики предрассудков: не конкретных картин идеального мироустройства, основанного на постигнутой истине, но самой претензии на общезначимую истинность представлений, гарантирующую достижение общественного идеала. Недоверие к универсальности утопического идеала сочетается с принципиальной подозрительностью к status quo и претензиям на его универсальность и легитимность.

Подвергая общепринятое критике и не утверждая позитивный образец в качестве общезначимой альтернативы, постмодернизм, тем не менее, производит специфическое центрирование на идее универсального и предпочтительного, не имеющей позитивного выражения, но соотносимой с негативизмом относительно такого образа-образца. Мишенью критической постмодернистской деконструкции становится онтологически данное и познаваемое Всеобщее. Невозможность отсылки к трансцендентальному означаемому дискредитирует любые утверждения о должном и желательном от имени сущего.

Парадоксальность постмодернистской критики Всеобщего выражается в латентном утверждении Всеобщего от противного: не апелляциями к умопостигаемому, наличному первопринципу бытия и мышления, но посредством проблематизации его репрезентируемости. Нигилистическая критика настаивает на отсутствии каких бы то ни было внешних критическому сознанию гарантий Всеобщего, и тем самым

утверждает Всеобщее в его отсутствии. Подобно апофатическому богословию, постмодернистская деконструкция универсального имплицитно утверждает универсальность посредством теоретической критики, отрицающей онтологические гарантии универсалистского нарратива. Необходимым условием принятия постмодернистского взгляда на вещи является принципиальное сомнение в умопостигаемом универсальном. Утверждение Всеобщего метафизикой присутствия сменяется констатацией отсутствия конечных умопостигаемых принципов бытия-мышления. И тем самым обнаруживается специфическое, негативное основание для возможной общности представлений у носителей несовпадающих культурных кодов – представлений не о предельных очевидностях бытия (Бог, субъект, автор), но об их неявленности мышлению, неизбежно ограниченному конкретным дискурсом.

Негативная всеобщность постмодернизма, радикальный отказ от каких бы то ни было общеобязательных утверждений об онтологических гарантиях мировоззрения, имеет последствия в сферах, далеких от философствования. Универсальность критической установки оказывается условием возможной консолидации представителей разнообразных культур, существенно отличающихся представлениями о мироустройстве и благе.

Как этическая консолидация возможна не на основании разделяемых предписаний блага, но на признании запретов зла [4], так и сосуществование соотносимых с различными культурами картин бытия возможно благодаря разделяемому ими воздержанию от дискредитированных ходов мышления, от провозглашения индивидуально значимых представлений общеобязательными. Сама эта способность к скепсису, рациональной критике и воздержанию от окончательных оценочных суждений ограничивает и организует производство подобных суждений, выстраивая ориентиры поведения в отношении иных этико-мировоззренческих позиций и моральных поступков. Критикуя модернистский метанарратив, утверждавший главенство европоцентрического культурного образца как универсального, постмодернизм сформировал духовные предпосылки для селекции культур на основании негативной универсальности скепсиса и критической подозрительности, тем самым не отменяя, но радикализируя просветительскую критику предрассудков.

Гиперкритицизм постмодернизма продолжил разрушение самоочевидных картин мира и стратегий мышления, начатое модернистской мыслью, выступив ее логичным продолжением. Критикуя модерн, постмодернизм демонстрирует преемственную связь с модернистским проектом переучреждения мировоззренческих оснований господства от имени истины. Не предлагая апологий будущего или

настоящего, постмодернистская мысль, посредством универсально реализуемой критической установки относительно любых нарративов, производит дискурс, способствующий селекции институтов и представлений в пользу приемлющих скептицизм и плюральность интеллектуальных позиций.

Литература и источники

1. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М., 1994. – С. 7–276.
2. Луман, Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Н. Луман // Социо-Логос. – 1991. – Вып. 1. – С. 194–218.
3. Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – М.: Ин-т эксперимент. Социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Лефевр, В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2003. – 426 с.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЕТЕРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Е. И. Жук, И. М. Наливайко

Под гетерологическим подходом здесь понимается методологический подход, возникший на основе гетерологии (от греч. *heteros* – другой, *logos* – учение, речь и т. д.), которая определяется как направление, изучающее проблему Другого, различия и множественности, или – более широко – как учение о Другом. Специфика гетерологического подхода к какому-либо феномену заключается не в том, чтобы провести компаративный анализ или выстроить иерархию всех составляющих его целое компонентов, но в том, чтобы акцентировать принципиальность различия как формообразующего принципа отношений в рамках данного феномена. Гетерологический подход противостоит парадигме классической философии, в которой субъект предстает как абстрактный индивид и редуцируется до его сознания, деятельности и т. д. Соответственно, Другой в рамках гетерологического подхода понимается как принципиально инаковый по отношению к Я, т. е. внеположное и наделенное уникальностью и тем не менее необходимое формообразующее основание идентичности Я. Гетерология как методологическое основание встраивается в различные стратегии современного философского и гуманитарного знания, «захваченного» темой Другого (см. [1]). Как нам представляется, позитивный, гуманистический потенциал гетерологии как особого методологического подхода ярче всего раскрывается в рамках его адаптации феноменологического-герменевтической стратегией современной философии при ее обращении к проблемам коммуникации и понимания.

Разумеется, практика ведения дискуссии базируется на определенном видении коммуникации и представлении о фигуре Другого. В ситуации диалога, как и в иных человеческих интеракциях, Другой представляет собой неэлиминируемого спутника (в данном случае, собеседника). Я, а это значит, что успех диалогического взаимодействия зависит от определенных условий и усилий, направленных от Я к Другому. В практике образования успех диалогического взаимодействия в аудитории становится целью и заботой преподавателя, реализующего такую форму занятий как семинар-дискуссия.

Если работа со студентами специальности «Философия» предполагает и, во многом, начинается с таких курсов, как «Пропедевтика», «Логика», «Античная философия» с изучением сократических диалогов Платона, «Методика преподавания философии» и т. д., то на семинарских занятиях со студентами и магистрантами других специальностей преподаватель зачастую вынужден «прививать» участникам семинара навыки диалогического общения и ведения научной дискуссии непосредственно в процессе определяемой планом темы. Учебные планы нефилософских специальностей, к сожалению, не содержат никакой пропедевтики, подготавливающей студентов к восприятию философского дискурса и ведения философского диалога. Тем не менее, предполагается, что именно философские дисциплины способны обучить студентов навыкам критического мышления, ведения дискуссии, аналитической работы. И, как показывает практика, изначальное обращение преподавателя к некоему мета-уровню, когда обсуждаются вопросы из цикла «Зачем нужна философия?» или «Как возможно философствовать?» – непосредственно касающиеся таких коммуникативных методик, как сократический диалог – имеет непреходящую востребованность у студентов не-философских специальностей.

Подробнее обратиться к этому мета-уровню преподавателю бывает проще в ситуации, которая сама по себе предполагает очевидную необходимость введения студентов в контекст изучения гуманитарных дисциплин в белорусской высшей школе: например, в ситуации работы с иностранными студентами на иностранном языке (см. [2]). В частности, преподавание у англоязычных китайских магистрантов, несомненно, несет в себе вызовы языкового и культурного барьеров, однако, сам факт того, что китайские обучающиеся зачастую прямо говорят о том, что формат работы, характерный для европейских университетов (в частности, семинар-дискуссия), им не вполне знаком и не привычен, предполагает, что преподаватель прилагает дополнительные усилия к научению студентов навыку ведения продуктивной дискуссии – особенно, если сама преподаваемая дисциплина связана с изучением различных аспектов коммуникации. Однако и белорусские обучающиеся, в том числе,

студенты гуманитарных специальностей, довольно часто «упускают из вида» принципы ведения дискуссии в научном сообществе, которые должны, на наш взгляд, основываться не только на навыке построения убедительных суждений, но на определенном ценностно-нагруженном отношении к Другому и к смыслу как к содержанию беседы.

Феноменоло-герменевтическая стратегия философствования характеризуется гетерологическим видением Другого как принципиально инакового и, тем не менее, предполагает позитивную альтернативу дискурсу радикального индивидуализма. Именно представители данной стратегии предлагают продуктивные наработки в отношении феномена диалогического общения, демонстрируя, как мы полагаем, что как раз гетерологическое видение Другого предполагает выражение подлинной заинтересованности друг в друге, в Другом как собеседнике, постоянное усилие понимания, означающее, по сути, неустанное внимание к слову Другого, вне зависимости от того, идет ли речь о мудреце или ребенке. Позитивное отношение к инаковому слову Другого неразрывно связано с диалогическим усилием понимания – с изначальной уверенностью в том, что разговор «о сути дела» (см. [3]) приносит обоюдную пользу собеседникам, поскольку только «творческое понимание» (М. М. Бахтин) способствует не только приращению смысла, но и правильному самоощущению человека, участвующего в дискуссии, в результате которой нужно не только услышать, но, прежде всего, быть услышанным. «Объектность образа человека не является чистой вещностью: Его можно любить, жалеть и т. п., но главное – его можно (и нужно) понимать» [4, с. 291] – для данной стратегии основополагающим является представление об услышанности и понимании как о базовой потребности всякого человеческого существа.

Необходимость обнаружения оснований и формирования навыков ведения диалога вырастает из ситуаций коммуникации в аудитории, знакомых каждому преподавателю, проводящему занятия в формате семинара-дискуссии. В качестве основополагающих гетерологических маркеров, характеризующих феноменоло-герменевтическое представление о диалоге и могущих способствовать формированию навыка ведения продуктивной дискуссии, можно обозначить:

1. Представление об интенциональности, трансформирующееся в понятие «поступания», которое исходит из уникального места-в-бытии и характеризуется принципиальной ответственностью Я и Другого;

2. Убеждение, что в диалогическом общении договаривание происходит именно «о сути дела», поскольку мышление есть всегда мышление о чем-то и потому «встать» на позицию инакового Другого принципиально невозможно. Собеседник, таким образом, занимает определенную позицию, за которую выбирает нести ответственность и на которую ждет ответа. Это предполагает обесценивание отвлеченных

суждений, поскольку только внимание не к собственному монологическому дискурсу, но к предмету разговора, к «сути дела» демонстрирует искреннюю заинтересованность в Другом и обуславливает возможность творческого понимания;

3. Необходимость не только усилия слушания и навыка артикуляции собственной позиции, но умения задать нужный вопрос – поскольку понимание характеризуется вопрос-ответной структурой, будучи актуализацией необходимой взаимонаправленности Я и Другого. Этот аспект предполагает и осторожное введение «авторитетного слова» – будь то преподаватель или докладчик, – которое необходимо лишь в тот момент, когда все пути вопрос-ответного продвижения дискуссии студентами уже исчерпаны;

4. Наконец, нацеленность на достижение согласия: представители данной стратегии проникательно акцентируют тот факт, что без данного основания творческое понимание в диалоге невозможно, поскольку банальная интерпретация дискуссии как спора, столкновения монологов, непродуктивна. Согласие же рождается не из безразличия к предмету, но из искренней готовности понять точку зрения Другого, если она адекватно аргументирована, т. е. если происходит «договаривание о сути дела».

Достаточно явным маркером понимания в контексте семинар-дискуссии является просьба реконструировать точку зрения Другого. И на практике очевидно, что дискуссия стремится выйти за временные рамки занятия именно в том случае, когда происходит живая работа мысли, т. е. осуществляется творческое понимание в противовес бездумному воспроизведению сторонних точек зрения: в дисциплинах гуманитарного цикла это не только возможно, но принципиально необходимо, поскольку способствует гуманистическому воспитанию личности.

Литература и источники

1. Подорога, В. А. Словарь аналитической антропологии / В. А. Подорога // Логос. – 1999. – № 2. – С. 26–88.
2. Жук, Е. И. Методические особенности работы с англоязычными магистрантами / Е. И. Жук, И. М. Наливайко // Новые тренды в подготовке специалистов социально-гуманитарного профиля: сборник материалов XIX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, посвященной памяти профессора И. Л. Зеленковой, Минск, 31 марта 2022 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук; редкол.: Н. В. Курилович (отв. ред.), О. Г. Шаврова, Д. В. Воронович. – Минск: БГУ, 2022. – С. 61–63.
3. Жук, Е. И. Феноменолого-герменевтическая стратегия исследования языка в философии XX века / Е. И. Жук // Философско-культурологические исследования: сб. ст. / Под ред. А. А. Легчилина. – Минск, 2016. – Вып. 2. – С. 134–150.

4. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 281–307.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О. Ю. Зайцева

Гуманитарная безопасность в аспекте образования – это защищенность целей, ценностей, идеалов, традиций, определяющих пространство формирования и становления личности, ее культурной самоидентификации. Государственная программа РФ «Развитие образования до 2025 года» [1] для решения стратегической задачи обеспечение суверенитета и самодостаточности национальной системы образования на всех его уровнях конкретизирует направления его модернизации.

Проблема исследования заключается в определении ключевых направлений модернизации системы дошкольного образования и их социально-философский анализ в контексте оценки потенциала обеспечения гуманитарной безопасности.

Актуальность обозначенной проблемы обуславливается целым рядом обстоятельств:

– потребностью социально-философской рефлексии диалектики глобализации и регионализации развития российской системы дошкольного образования;

– значимостью анализа механизмов и последствий смещения социального борьбы в гуманитарную плоскость образования, влияние деструктивных процессов на модальность социального идентификационного пространства развития и формирования на ранних этапах онтогенеза;

– необходимостью осознания кризиса патерналистской модели образования. По мнению В. В. Коврова, «система образования вынуждена сама создавать себе партнера в виде гражданских институтов, призванных формировать внешний заказ на качественное образование. В практической плоскости это означает, что сегодня предельно актуальной является задача, связанная с проблемами экспертизы, анализа и консалтинга в области участия гражданских институтов в оценке качества и развитии образовательной деятельности» [2, с. 391].

По справедливому замечанию Н. И. Фокина [3, с. 45], тенденции модернизации образования приводят к появлению новых принципов его

организации, обновляется и дополняется система ценностей и социальных норм. Современную стратегию опережающего образования на уровне дошкольного образования иллюстрирует серия актуальных нормативно-правовых документов, регламентирующих целевые, ценностные и парадигмальные установки модернизации в условиях осознания важности защиты гуманитарной составляющей отечественного образования и противодействия агрессивным угрозам на гуманитарную сферу, к которым можно отнести и утверждение федеральной образовательной программы дошкольного образования [5], обновление содержательной части федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования.

Усиление значения социокультурного типа образования не только «культурно транслирующего, но и культурно производящего» [4, с. 226], создающего условия для становления социокультурной российской идентичности на ранних этапах онтогенеза, мы обнаруживаем в новой цели дошкольного образования «разностороннее развитие ребенка в период дошкольного детства с учетом возрастных и индивидуальных особенностей на основе духовно-нравственных ценностей русского народа, исторических и национально-культурных традиций» [5, с. 5]. При таком подходе в центре социокультурного типа образования оказывается личность воспитанника с ее познавательной инициативой и стремлением к самостоятельности, а сам процесс образовательной деятельности выступает как проектирование культуросообразного пространства детской реализации. Подобные гуманитарные составляющие определяют актуальную траекторию развития и модернизации дошкольного образования.

Следует отметить личностно-ориентированный характер воспитательных практик в контексте целостного образовательного процесса в современном дошкольном учреждении, их аксиологический характер, основанный на учете фактора культуры при проектировании событийной воспитательной среды. В содержании воспитания востребованными оказались исследовательские и творческие проекты, открывающие возможности для самореализации личностного потенциала, развития духовно-нравственных ценностных ориентаций, эмоционального интеллекта, включение детей дошкольного возраста в преобразовательную деятельность – волонтерские практики, социальные акции. В федеральной рабочей программе воспитания нашли место и идеи подготовки воспитанников к жизни в полиэтничном, мультикультурном мире.

Анализируя представленные направления модернизации системы дошкольного образования, можно выделить несколько важных контекстов, определяющих стратегию государства в обеспечении гуманитарной безопасности: модернизация модели образования в сторону усиления роли гражданских институтов в определении целеполагания и ее содержания,

независимой экспертизы качества дошкольного образования, на наш взгляд, в большей степени приведет к повышению гуманитарной безопасности. Гуманизация дошкольного образования рассматривается во взаимосвязи с культуросообразной образовательной средой обучения и воспитания. Это обуславливает особую важность реализации принципа профессионально-этической взаимответственности. Данный принцип характеризует особый уровень готовности участников педагогического процесса противостоять информационным, социокультурным вызовам извне, не поддаваться обстоятельствам, а самим выработать стратегию превращения педагогических задач в личностные смыслы воспитанников.

Литература и источники

1. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1642 (ред. от 01.09.2023 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/cf742885e783e08d9387d7364e34f26f87ec138f/. – Дата доступа: 20.07.2023.
2. Ковров, В. В. Гуманитарная экспертиза психологической безопасности образовательной среды как условие обеспечения качества образования / В. В. Ковров // Психология образования в XXI веке: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 14–16 сентября 2011 г. / Ред. Т. Ю. Андрущенко, А. Г. Крицкий, О. П. Меркулова. – Волгоград : Перемена, 2011. – С. 391–394.
3. Фокин, Н. И. Основные тенденции развития образования как фактора национальной безопасности / Н. И. Фокин // Образование. Наука. Инновации. – Южное измерение. – 2014. – № 5 (37). – С. 45–50.
4. Мороз, Е. Ф. Система образования России – стратегический фактор эффективного обеспечения национальной безопасности: социально-философский аспект : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Е. Ф. Мороз ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2017. – 329 с.
5. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 25.11.2022 г. № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212280044>. – Дата доступа: 20.07.2023.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Н. Е. Захарова

Доступ к информационно-телекоммуникационным технологиям считается сегодня решающим условием обучения, развития интеллекта человека и его природных способностей. Использование электронно-цифровых устройств, сетевых коммуникаций, мультимедийных средств,

мобильной связи и т. п. в методах обучения и проверки знаний, все более заметно влияют на формирование когнитивного пространства, содержание образования и его цели.

В работах по созданию искусственного интеллекта (ИИ) выделяются два направления: повышение сложности и самостоятельности самого ИИ и конвергенция возможностей ИИ и собственно интеллектуальных возможностей человека для развития его способностей на основе общих принципов логики распознавания образов и смыслов в информации. При этом отождествление отдельной личности и экземпляра ИИ приводит к представлению о сознании человека как пространстве личного сознания. Но сознание человека следует рассматривать во всей полноте его происхождения. Эта полнота включает в себя разбегающиеся круги общения каждого индивида и процесс восприятия им множества мыслей от самого рождения. Тогда обнаруживается, что элементарная единица смысла вовсе не принадлежность отдельного экземпляра ума, она охватывает множество поколений и имеет свою, довольно непростую форму существования в обществе.

В шахматной партии, состоявшейся 20 лет назад между компьютером Deep Blue и чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым, машина одержала победу. В четырех из пяти партий в невероятно сложной игре «Го» победу одержала машина, что показывает значительное развитие машинного интеллекта со времен А. Тьюринга.

По поводу технологической сингулярности следует подчеркнуть, что пока не удалось создать саморазвивающийся искусственный разум. Более того, развитие естественного разума и искусственного интеллекта по ряду принципиальных тенденций как раз расходятся. Причем искусственный интеллект идет по менее эффективной траектории, хотя и компенсируемой частично тем, что в компьютерных науках называют «bruteforce» («грубая сила») – ростом числа процессоров, скоростью работы и т. д. При этом, что крайне редко замечается, происходит стремительное падение «удельной разумности» систем искусственного интеллекта – разумности на один элемент, на единицу скорости обработки информации и т. д.

В компьютерных технологиях уже несколько десятилетий работает закон Мура (точнее, семейство законов Мура), описывающих эмпирические наблюдения за прогрессом в этой области: каждые 18–24 месяца удваиваются количество транзисторов на кристалле, объемы памяти, стремительно растут тактовые частоты процессоров и т. д. За последние 20 лет соответствующие показатели выросли не менее, чем в 1000 раз. Но за этот же период качество, например, машинного перевода возросло не более чем в 30 раз. Отсюда следует, что эффективность решений искусственных интеллектуальных систем растет намного медленнее технических показателей [5, с. 3]. Это означает, что «удельная разумность» технических систем (разумность на выбранную техническую

единицу) в целом падает, несмотря на рост мощности в абсолютном выражении.

В развитии же естественного интеллекта (например, при интеллектуальном развитии ребенка) имеет место противоположная тенденция. Число нейронов не растет, растет же число нейронных связей, но это имеет анатомически заданные пределы роста, скорость проведения нервного импульса по нерву существенно не изменяется. При этом растет интеллект, разумность субъекта и, соответственно, возрастает удельная разумность – разумность на нейрон, на единицу скорости проведения и т. д.

В своей работе «Проблема сознания» Л. Выготский писал, что ребенок в играх и обучении оперирует значениями, неотрывными от реального действия, и обучения есть практическое освоение действительности [6]. Вот почему социализация, наличие знака и речи позволяют представить в наличной ситуации моменты будущего действия. Если ИИ развивается скорее по схеме Ж. Пиаже – развитие из чистого общения сознаний, где логика есть критерий интеллекта и опережает смысл, то человеческое мышление по Выготскому есть все пространство истории и культуры, с имплицитным смыслом в будущем, отсюда закономерности и особенности общения, взаимодействия (учебного, образного, формального, неформального и пр.) объектов.

Можно предположить, что развитие технологий будет идти не в направлении копируемости развивающегося человеческого сознания, а в противоположном – в направлении нарастания невозможностей копирования все усложняющегося разума (хотя тиражируемость элементарных устройств может увеличиваться экспоненциально). Сами принципы построения ИИ и человеческого мышления по природе своей диаметрально противоположны. Отрицание этого факта сродни признанию «проволочной» нейробиологии.

Вместе с тем с середины 80-х гг. появились исследования, в которых отмечалось «клиповое» мышление, отождествление ребенком себя с компьютером и описывались первые признаки десоциализации и снижения эмоциональности, способности к общению и вербальной коммуникации. Именно тогда были обнародованы первые факты компьютерной преступности. В целом педагогами отмечалось снижение культурного уровня и потеря концептуальности, особенно при написании сочинений.

Уже первые электронные калькуляторы дали основание говорить о феномене инертности, иммобилизации в связи с развитием компьютерных технологий. Использование калькуляторов привело к устранению навыков устного счета, что оказало влияние на снижение электрической активности участков мозга, как и замена самостоятельного производства знаний на облегченный доступ к адаптированной информации [1, с. 17].

Если в 70-х гг. беспокойство по поводу влияния компьютеров на

когнитивный стиль связывалось с увлечением вычислениями и склонностью к формальному моделированию, то в начале века нынешнего возникает угроза развитию аналитических способностей в целом [7, с. 77–79].

Широкое распространение постоянно развивающихся информационно-коммуникационных технологий ставит под вопрос не только перспективы абстрактного мышления, но и перспективы памяти. «Срастание» человека с компьютером ведет к экстернализации памяти, а само знание все больше отождествляется со способностью найти информацию в Интернете. Неслучайно интернет-поисковики называют «убийцами» памяти человека – той, что хранится на биологическом носителе. Несколько лет назад исследования изменений памяти человека, связанных с использованием Интернета под руководством Б. Спэрроу (Колумбийский университет, США) показали, что человек воспринимает компьютер как свою память: если испытуемым говорили, что данные будут сохранены на носителе, они запоминали меньше информации, чем те, кому говорили, что данные будут стерты [8, р. 74].

Наибольшее внимание исследователей привлекает рост способностей «поколения Z» к визуальному мышлению и феномен селективно-визуальное внимания [9, с. 162]. Оказывается, что постоянное нахождение в визуальной среде с ранних лет формирует навык симультанного (нелинейного) восприятия, то есть не последовательного обращения внимания к деталям, а моментального «схватывания» всего образа целиком. Рано формируемая визуальная грамотность позволяет молодому поколению с легкостью дешифровать смыслы графической информации, символических выражений даже при отсутствии текстового сопровождения. Для сравнения, предыдущие поколения традиционно ориентируются на текст как на первичный источник информации, а визуальные данные воспринимают как сопровождение [10, р. 18]. Способность сконцентрировать внимание на визуальном объекте независимо от уровня «загрязнения» перцептивной среды также сильно отличает когнитологию поколений.

В то же время информационные технологии не являются единственным «культуропорождающим» и «когнитивным» фактором. Смещение внимания субъекта с духовной, интеллектуальной сферы на материальную, телесно-вещную, когда культ знания трансформируется в культ удовольствия и естественности, творчество подменяется потреблением, а жизнь – игрой [2, с. 52], характерно для мышления, поведения и образовательных технологий человека эпохи четвертой технологической революции.

Литература и источники

1. Алексеева, И. Ю. Интеллект и технологии / И. Ю. Алексеева, Е. А. Никитина. – М. : Проспект, 2016. – 96 с.
2. Айзенк, Г. Дж. Коэффициент интеллекта / Г. Дж. Айзенк. – Киев : Гранд, 1994. – 112 с.
3. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М. : Изд-во Иностранной литературы, 1958. – 200 с.
4. Минский, М. Перцептроны / М. Минский, С. Пейперт. – М. : Мир, 1971. – 261 с.
5. Виндж, В. Технологическая сингулярность / В. Виндж // Компьютерра. – 2004. – 6 сентября. – С. 3.
6. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М. : Изд-во Смысл ; Эксмо, 2005. – 1136 с.
7. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
8. Sparrow, B. Google Effects of Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D. Wegner // Science. – 2011. – Vol. 333, No 6043. – P. 70–76.
9. Голубинская, А. В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения Z / А. В. Голубинская // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 161–167.
10. Minihan, M. Transmedia Storytelling for the Digital Generation: A Guide for Self-Publication with the Adobe Digital Publishing Suite / M. Minihan // East Tennessee State University. – 2012. – April 14. – 52 p.

ЭСТЕТИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

Т. В. Карнажицкая

Эстетизация является комплексной системой отражения реальности в человеческом сознании и формализации переживания мира. Находясь между практическим и теоретическим вариантами мирозерцания, эстетизация отличается от них характером ценностных векторов и технологиями формирования жизненных приоритетов. Поэтому эстетизация предполагает особое конструирование реальности в сфере воображаемого, когда реальное становится фактором реализации жизненной стратегии.

Отношение человека к миру строится посредством комплекса процессов, среди которых доминируют такие, как познание, освоение, приспособление, преобразование, потребление. Эстетизируя средствами проектного восприятия мира через художественное восприятие, человек на воспринимаемую реальность проектирует культурный или художественный смысл. Таким образом, эстетизация оказывается

необходимым условием рождения человеком особого гуманитарного резерва отношений между искусственными и естественными элементами окружающего его мира. Особенностью эстетизации оказывается высокая подвижность смыслов и творческий характер. Поэтому эстетизация не только окультуривает для человека окружающий его мир, но способствует расширению диапазона коммуникационных контактов между людьми.

Эстетизация гуманистически окрашивает естественный мир для человека, делает его более привлекательным и менее враждебным. Поэтому исторически развитие разных форм художественной деятельности существенно влияло на снижение негативных реакций человека на вызовы природы, формируя своеобразный культурно-гуманитарный «буфер», который нейтрализует многие негативные проявления естественного мира. Таким образом, эстетизированная реальность, преобразованная сознанием человека, создает особый внеприродный мир, наполненный культурными смыслами и обладающей новой жизненной значимостью для человека. Воспринимаемая реальность становится наполненной смыслами, которые могут реализовываться не только в художественно-эстетической деятельности, но и практической или теоретической. Это упорядочивает культурное существование человека и формирует предпосылки для осознанной жизненной стратегии.

Жизненная стратегия является способом сознательного планирования будущего в рамках ориентирования личности в пространстве жизненных событий. Она формирует определенный тип культурной и социальной активности, устремленность к особому рода благополучия, успеха и самореализации. Существование факта жизненного выбора определяется способностью человека эстетически реагировать на происходящие события.

Разделение отношения человека к миру на практическое, теоретическое и эстетическое предельно условно, так как все эти варианты присутствуют друг в друге и проявляются в разных модификациях в зависимости от ситуации, в которой может оказываться человек, или от тех целей, которые он перед собой ставит. Именно эстетизация придает теоретическому и практическому отношению дополнительную краску чувственности. В теоретическом отношении возникает такое свойство, как интерес, позиция увлеченности, азарта, устремленности к результату и радости достигнутого, открытого, созданного. В практическом отношении рождается радость труда, поиск социального признания результатов, восхищение созданным продуктом и т. д. Само по себе эстетическое отношения оказывается ресурсом вдохновения, желания, установки на достижение результата в теоретическом и практическом отношении.

В свою очередь и практическое, и теоретическое отношение становятся базой для фактической реализации эстетических впечатлений и переживаний как особой ценности для расширения жизненного

пространства.

Интересным оказывается рассмотрение эстетизации в разных исторических и национальных культурах. Это можно встретить в теориях Ф. Ницше по поводу проявлений аполлонистического и дионисийского как разных форм эстетизации и реализации жизненной стратегии [1]. Синтез этих сил наделяет искусство божественной природой, возносящей творческое начало художника до высших вершин жизни.

Вхождение художественного начала в процессы эстетизации привносит в ее характеристики моменты нравственности, гражданственности, идеологического начала. На этом уровне особенно сложными оказываются культурные коды. Кодирование и декодирование предполагает использование систем национального начала культуры. Эстетизация может иметь и религиозное наполнение, в котором нравственное начало обретает смыслы почитания и поклонения высшим началам мира.

Таким образом, эстетизация не только делает мир для человека более красивым и гармоничным, но и придает смысл его жизни, многообразию деятельности. При этом эстетизация обеспечивает высокие гуманитарные смыслы творческому порыву, реализуемому средствами культуротворчества.

Литература и источники

1. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше – М. : ЭКСМО ; Харьков : Фолио, 2003. – 864 с.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИНТЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: НА ПУТИ К ПОСТАКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Н. К. Кисель

На всем протяжении своего развития философия науки демонстрировала тесное сопряжение как с эпистемологическими исследованиями, так и с разверткой знаниевых практик в самой науке. Начавшееся в последние десятилетия XX века формирование неклассической эпистемологии не привело к значимой дискредитации традиционного философско-методологического дискурса, призванного считаться с бинарной оппозицией «субъект – объект познания», к чему побуждала специфика исследовательских усилий в науке.

В свою очередь события «внутренней» и «внешней» истории науки XX века во многом инициировали существенный сдвиг философско-методологического дискурса в анализе состояния и перспектив развития научного знания. Результат этого процесса по аналогии с

трансформациями, переживаемыми наукой как таковой, можно охарактеризовать как феномен «постакадемической философии науки» [1, с. 958–960].

Предпосылки становления и развития «постакадемической науки» были зафиксированы еще в 70-е годы прошлого века, в частности, в связи с обсуждением проблемы финализации науки. Так, в транскрипции исследователей Штарнбергской группы были отмечены новые моменты во взаимодействия науки и социальной практики. Выяснилось, что исследовательские усилия научного сообщества все в большей степени смещаются от решения проблем фундаментальной науки, теряющей стимулы к собственному внутреннему развитию, к экспликации и анализу задач прикладного характера, кастомизации имеющихся фундаментальных теоретических схем. Развернувшиеся разноплановые события в жизни научного сообщества, заявленная необходимость согласования теоретической стороны исследования с внешними целями, переход к теориям среднего уровня по аналогии с социальными исследованиями, трансдисциплинарность и конвергенция знаниевых практик, переоценка функций науки и т. д. – все это привело к смене установок философско-методологического дискурса.

Постакадемическая наука в своем становлении и развитии побуждает ученых к поискам адекватного методологического инструментария, актуализирует перестройку стиля мышления исследователей. Складывающаяся в этих условиях постакадемическая философия науки сегодня демонстрирует ряд особенностей концептуального, методологического и институционального характера.

Во-первых, на смену таким относительно автономным сферам философского дискурса, как философия науки и философия техники, приходят Science and Technology Studies (STS), т. е. исследования науки и технологий. Один из ведущих трендов современных философско-методологических изысканий – стремительная конвергенция с социальной философией, социологией науки и науковедением как междисциплинарной стратегией в изучении науки.

Во-вторых, исследовательский интерес смещается в направлении рассмотрения взаимодействия науки и общества в разных проекциях – экономической, инновационно-технологической, ценностной. Обращение к эволюции науки и выяснение соответствующих механизмов, характерное для постпозитивистской философии науки, вытесняется анализом процессов социального управления наукой, реализующих определенные социальные цели. Исходной точкой исследования становится научная лаборатория. Возникает новая исследовательская площадка, т. е. научный коллектив как коммуникативная целостность, реализующаяся в особых исторических и социокультурных условиях.

В-третьих, ведущая методологическая установка обновляющегося

дискурса обнаруживает существенное влияние радикального конструктивизма с его отказом от признания онтологических оснований научного поиска. Благодаря этому метод «переделывает и повторно связывает компоненты... пересоздает реальности, порождая новые версии мира» [2, с. 293].

Одним из самых репрезентативных трендов постакадемической философии науки является акторно-сетевая теория научного познания (АКТ). Развиваясь, прежде всего, в рамках социальной эпистемологии, АКТ позволяет методологическому сознанию снять вопрос об истине, столь значимый не только для эпистемологии, но и традиционной философии науки.

В целом постакадемическая философия науки репрезентирует предмет своей критической рефлексии как процесс гетерогенной инженерии, рождающий синтагматические комплексы социальных, технических, концептуальных и текстуальных по своей природе составляющих. Тем самым осуществляется отход от основополагающих установок предшествующего этапа развертки философского методологического сознания: противопоставлений общества и природы, природных и технических комплексов, объекта и субъекта познания, истины и заблуждения, структур и процессов и т. д. На смену разделению на социальные и природные феномены приходит обращение к технологии, позволяющей описывать взаимное наложение человеческого и не-человеческого, социального и несоциального и тем самым уходить от субъект-объектной дихотомии, свойственной традиционной философии науки.

Постакадемическая философия науки аккумулирует в себе способы создания оригинальных концептуальных и теоретических моделей, интериоризирует представления о релевантных исследовательских практиках, демонстрирует новые транскрипции философско-методологической рефлексии, обращенные к развивающейся науке.

Вопрос о соотношении рождающегося на наших глазах оригинального философско-методологического дискурса, с одной стороны, с традиционной философией науки, а с другой – с дисциплинарными стратегиями в исследовании науки как таковой, пребывает в стадии проблематизации и требует дальнейших исследований.

Литература и источники

1. Кисель, Н. К. Феномен постакадемической философии науки: к постановке проблемы / Н. К. Кисель // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Симпозиумы. Сб. научн. статей / РФО, ИФ РАН, МГУ. – М. : 2020. – 1136 с.
2. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло. – М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2015. – 352 с.

РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Е. В. Корень

Высшее университетское образование ориентировано на подготовку квалифицированных специалистов, востребованных обществом. При этом духовное развитие личности, стремящейся к самореализации в избранной сфере, обязательно должно быть адекватным профессиональному росту. В современных условиях требования к духовно-нравственным качествам специалистов во многих сферах (в образовании, медицине, информационных технологиях и т. п.) возрастают. Выпускникам высшей школы необходимо овладеть не только профессиональными компетенциями, навыками научно-исследовательской, инновационной деятельности, но и достичь духовной зрелости. В этом плане важно формирование социально-личностных компетенций студентов, их нравственной культуры [1].

Формирование духовного статуса специалиста, его общекультурное развитие обеспечивают, в первую очередь, гуманитарные дисциплины. Прежде всего, нужно подчеркнуть значение этических и эстетических знаний для духовно-нравственного становления личности. Поэтому тенденция к сокращению подобных гуманитарных дисциплин (что находит отражение в «Концепции оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования»), ограниченность количества курсов, зависимость их от выбора УВО и студентов, руководствующихся практической целесообразностью (часто узко понимаемой), вызывают тревогу [2; 3; 4]. Отдельные курсы «Этика» и «Эстетика» уходят из системы высшего образования. В новой «Концепции» социально-гуманитарного образования эти дисциплины не упоминаются [2]. Они отсутствуют даже в списке рекомендуемых дисциплин из компонента учреждения образования [2, с. 9–11]. Едва ли этика и эстетика как курсы по выбору студентов имеются в виду, когда речь идет о вариативной части дисциплин.

Как отголосок предыдущих «Концепций» СГД, в учебных планах какое-то время сохраняется еще объединенный курс «Этика и эстетика». Этот курс стал своеобразным итогом оптимизации гуманитарного цикла образования, т. е. компромиссным вариантом по сравнению с полным изъятием из учебных планов учреждений высшего образования этих столь важных дисциплин. Новые типовые программы по этике и эстетике отсутствуют. Рабочая программа курса «Этика и эстетика» (утвержденная и действующая на сегодняшний день в ГГУ им. Ф. Скорины) составлена на основе имеющихся типовых программ по отдельным дисциплинам

«Этика» и «Эстетика» [5; 6]. Она предполагает изучение студентами основ этической (моральной) и эстетической культуры, обретение предметных и операционных этических и эстетических знаний и умений, формирование навыков применять междисциплинарный подход в учебной, научной, трудовой деятельности.

В настоящее время «Этика и эстетика» является дисциплиной по выбору и изучается очень малым количеством студентов отдельных факультетов. А между тем этот курс концентрирует в себе понятия о наиболее значимых общечеловеческих ценностях, имеет колоссальный воспитательный потенциал, способствует становлению осознанной жизненной и гражданской позиции молодых людей, конструктивному решению ими смысложизненных вопросов. Сами по себе этические и эстетические знания необходимы для повседневной жизни и коммуникации человека в обществе. Знания о моральных и эстетических принципах, нормах, ценностях во многом определяют формирование социально-личностных и профессиональных компетенций будущих специалистов в условиях информационного социума [1; 3]. Ведь моральные правила, принятые в обществе (понимаемые как моральные добродетели), работают и в любой конкретной профессиональной сфере, поскольку моральная компетентность выражает и соответствие статусу и долгу специалиста – педагога, врача, юриста и т. п. Нравственное чувство и эстетический вкус существенно влияют на поведение человека как в реальном обществе, так и в информационной среде (в социальных сетях и т. п.). Эстетический компонент образования важен в условиях возрастания роли мультимедийных технологий, инфографики, дизайна и т. п. достижений в различных сферах. В целом, этическая и эстетическая компетентность обуславливает духовную культуру, практическую деятельность, интеллигентность человека.

Курс «Этики и эстетики» фактически включает два пласта знаний, очень важных с точки зрения духовного становления человека. Иерархию системы высших духовных ценностей возглавляют категории истины, добра и красоты. Специфика учебного курса «Этика и эстетика» заключается во взаимосвязанном раскрытии глубокого морального и духовно-антропологического смысла понятий «Добро», «Благо», «Прекрасное», «Возвышенное» и антиподов этих понятий – «Зло», «Безобразное», «Низменное». В отдельности дисциплины «Этика» и «Эстетика» имеют свою специфику и более конкретные задачи.

Этика исследует моральные ценности, механизмы моральной регуляции человеческой деятельности, критерии нравственного развития общества и личности, анализирует нормативные представления о моральном долге, критериях добра и зла, о соотношении чести и достоинства, свободы и ответственности, о проблемах нравственного выбора, морального конфликта, моральной оценки, о семейных ценностях,

смысле жизни, счастье и многое другое. Злободневность этических знаний определяется необходимостью развития моральной культуры студентов, выработки таких нравственных черт, как человечность, честность, порядочность, патриотизм, гражданственность. Усвоение моральных норм и принципов имеет заведомо практическое значение для будущих специалистов, поскольку формирует у них способности к ответственному, нравственно-свободному и достойному поведению [6].

Эстетика как философская дисциплина направлена на осмысление эмоционально-чувственных аспектов человеческого бытия, принципов его гармонии и целостности, раскрытие сущности и критериев прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического (в жизни и в искусстве), катарсиса как духовного очищения и совершенствования человека, выработки иммунитета против духовного зла. На эстетических основаниях строится вся художественная культура общества в исторической ретроспективе. Актуальность эстетических знаний обусловлена их ролью в воспитании чувств человека, в развитии эстетического вкуса, образного творческого мышления, стремления к деятельности по «законам красоты», способности применять эстетический анализ в практике повседневности и в профессиональной сфере. В условиях информационного социума (с его возможностями доступа к интеллектуальным и художественным достижениям всех времен и народов, с неоднозначным влиянием на сознание и деятельность человека феноменов социальных сетей, виртуальной реальности, фактов подмены ценностей жизни и искусства, кибервойн и т. п.) эстетическая компетентность, развитость эстетического вкуса, чувств гармонии и меры определяют самостоятельность и цельность личности, обеспечивают ее самосохранение [4].

В качестве заключительного вывода следует подчеркнуть необходимость сохранения этико-эстетического компонента высшего образования, включения этики и эстетики в типовые учебные планы учреждений высшего образования. Ведь высшее образование предполагает формирование целостного, гармоничного, соответствующего понятию о *должном, образа человека*, и специалиста определенной сферы. Этические и эстетические знания во многом обуславливают становление духовной и гражданской культуры человека. Изучение «Этики и эстетики», по крайней мере, как дисциплины по выбору, должно способствовать развитию духовной культуры студентов, их морального сознания, эстетического вкуса, самостоятельного и творческого мышления, умения соотносить духовные и материальные ценности, соизмерять практические цели и потребности с нравственными аспектами их достижения, осознанно делать нравственный выбор при разрешении сложных жизненных ситуаций, аргументируя свою позицию, реализовывать свой творческий потенциал, конструктивно участвуя в общественной и профессиональной

деятельности. Это важно для всех специалистов, а особенно для тех, которые будут в перспективе решать задачи в сфере образования, СМИ, медицины, управления, будут активно влиять на судьбы других людей, страны, мира и принимать ответственность за свою деятельность.

Литература и источники

1. Семенова, И. А. Общепрофессиональные компетенции в модели выпускника вуза – бакалавра педагогики [Электронный ресурс] / И. А. Семенова. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2016/04/02/obshcheprofessionalnye-kompetentsii-v-modeli-vypusknika>. – Дата доступа: 18.12.2018.
2. Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gsmu.by/upload/file/metod_otdel/koncers_opt_soderj.pdf. – Дата доступа: 02.01.2019.
3. Куиш, А. Л. Модель блока социально-гуманитарных дисциплин [Электронный ресурс] / А. Л. Куиш. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/120316/1/Sociologia_085-090.pdf. – Дата доступа: 02.01.2019.
4. Качалов, И. Л. Почему возникает сомнение в успешной реализации на практике «Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования» [Электронный ресурс] / И. Л. Качалов. – Режим доступа: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/33538/1/Kachalov_Pochemu.PDF. – Дата доступа: 02.01.2019.
5. Этика. Типовая учебная программа по учебной дисциплине для специальности 1–21 02 01 Философия / Составитель, отв. ред. Е. В. Беляева. – Минск : БГУ, 2014. – 14 с.
6. Эстетика. Типовая учебная программа по учебной дисциплине для специальности 1–21 02 01 Философия / Составитель, отв. ред. И. М. Наливайко. – Минск : БГУ, 2016. – 13 с.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ И ГНОСТИЧЕСКОЙ ОПТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Я. А. Коховец

«Конец реальности», «смерть субъекта», «расщепленное Я» и «конец истории», являясь базовыми принципами философии постмодерна, расфокусируют центр множественности нашего мира, превращая его из целостной картины в совокупность зачастую слабо связанных друг с другом мазков. Фиксируясь на критике без утверждения новых метанарративов, отсутствии авторитетов, постмодернизм шизофренизирует общество, утверждая «несводимость и постоянство плюральности человеческих миров» [1, с. 4].

В процессе поиска собственной самобытности современный человек

превращается в искателя впечатлений, пытающегося создать свою уникальность через примерку множества воображаемых идентичностей. Приобретение «нетривиального» опыта становится инструментом одновременно построения и защиты своей субъективной уникальности, и значимости, что приводит к подмене между формой и содержанием человеческой деятельности, а также аксиологических ориентиров. Ситуация нарушения гармонии и целостности человеческого бытия в эпоху постсовременности дает толчок к историко-философскому анализу концепций, формулирующих позитивный подход к решению нынешнего антропологического кризиса.

Проблематика первичности и соотношения сущности и существования человека сопровождает его на протяжении всей истории философствования. Начиная с С. Кьеркегора, философия экзистенциализма артикулировала точку зрения на существование как на «темницу сущности», ведь существование предшествует сущности, а человеческая природа (материальная) является универсальным базисом «человеческого существа» [2, с. 26–28].

Постулируя вселенское одиночество каждой отдельной личности, при необходимости принятия колоссальной степени ответственности не только за себя, но и за «всех в своем лице», экзистенциализм ставит во главу угла опыт личного, неповторимого переживания жизни, одинокого перед лицом Рока. Однако жизнь в условиях «головокружения свободы» должна предполагать примат деятельностной «свободы для» как возможности позитивной самореализации личности в мире, а принцип ответственности не привести к девальвации нравственности.

Подобную же ситуацию соотношения человеческой сущности и существования мы можем найти в другой исторический период, сопровождавшийся глобализацией в Римской империи I–III веков, а, в частности, у гностиков.

Одним из первых исследователей, отметивших некоторое сходство между гностицизмом и экзистенциализмом, был немецкий философ-экзистенциалист Г. Йонас (1903–1993), который в эпилоге к своей книге «Гностическая религия» написал: «Я утверждаю, что эти две системы имеют нечто общее, и что это "нечто" таково, что его исследование, при анализе их сходства и отличия, может привести в результате к лучшему взаимному пониманию обеих» [3, с. 319].

При этом, гностицизм следует рассматривать не только как некое религиозное учение, а скорее как гносеологическую и герменевтическую матрицу с набором повторяющихся паттернов. В частности, основными моментами пересечения экзистенциализма и гностической антропологии являются: антропологический дуализм существование / сущность (плоть / дух); примат личного опыта перед книжным; осознание своей сущности как залог спасения, а также Божественная природа духовного в

человеке.

Гностическая антропологическая диалектика предполагает, что человек не вполне является законченным существом, а скорее проектом, нуждающимся в развитии, что подкрепляется учением о трех стадиях проявления человеческой природы: телесной, душевной и духовной. Тело и душа человека являются продуктом либо материального мира, либо противодействующих Божественному сил, что делает их подчиненными логике и правилам мира (изменение во времени, смертность и т. д.), дух же представляет собой частицу Божественного, подлинную сущность личности. Можно сказать, что тот, кто не достиг духовной стадии, не является личностью в полной мере. Гностицизм бунтует против несправедливости этого мира в его социально-этическом устройстве, он осуждает то «бегство от свободы», которое совершает человек, отказываясь от развития духа и подчиняясь вещиности.

Также идея о трех «стадиях» нашла свое отражение в философии Кьеркегора, в его экзистенциальной диалектике, где сменяют друг друга эстетическая, этическая, религиозная стадии. Подобную же концепцию становления человека «Человеком» мы встречаем и у философов-экзистенциалистов. Ж.-П. Сартр писал: «Экзистенциализм обходится без каких-либо суждений подобного рода: экзистенциалист никогда не будет воспринимать человека завершенным, поскольку человек есть то, что еще необходимо определить» [2, с. 55].

Особого анализа заслуживает терминологический аппарат гностицизма и экзистенциализма. В частности, такие термины, как одиночество, заброшенность, страх и ответственность занимают ключевое место в обоих случаях, зачастую имея схожие смыслы и контексты. В качестве примера можно рассмотреть концепцию Кьеркегора о всеобщем переживании человеком отчаяния как осознания неполноты бытия в этом мире без Бога [4, с. 43–44]; и состояние неполноценного «отравленного» бытия главного персонажа в гностической «песни о жемчужине», найденной в гностических, апокрифических деяниях апостола Фомы [5].

Изучение антропологической проблематики гностицизма и рассмотрение ее через оптику экзистенциальной диалектики находит свою значимость в социально-культурном аспекте, имея прикладное значение для современного общества, которое все в большей степени тяготеет к обществу-спектаклю и представляет собой текучую социальную реальность, в первую очередь, предлагает осуществление проекта экзистенциальной диалектики как ответа на зов бытия и вызов собственному существованию. Решение проблемы смысла существования и ответа на вопрос о своем месте в мире и значимой роли необходимо и в рамках духовно-нравственного и патриотического воспитания: вопрос стоит таким образом, что потерявший себя человек теряет и ценность своего социального бытия.

Итак, преодоление антропологического кризиса и коммерциализации смыслов в обществе постмодерна возможно посредством обращения к опыту ответственного осознания себя как целостности человеческой сущности и существования, созидание окружающего мира через самосозидание, намеченное философами-экзистенциалистами.

Возможно, нам стоит последовать примеру основателя дивизионизма Ж. Сера [6, с. 298, с. 447], сделать пару шагов назад от полотна, наполненного разнообразными мазками современных либерально-буржуазных стереотипов и постмодернистской иронией, и, сфокусировавшись, увидеть на нем человека.

Литература и источники

1. Постмодернизм и культура: сборник / Акад. наук СССР, Ин-т философии ; отв. ред. Е. Н. Шапинская. – М. : ИФАН, 1991. – 137 с.
2. Sartre, J.-P. Existentialism and humanism / J.-P. Sartre, P. Mairet. – London : Eyre Methuen LTD, 1973. – 70 p.
3. Йонас, Г. Гностицизм: гностическая религия / Г. Йонас ; пер. К. А. Щукина ; сост. Ю. А. Сандулов. – СПб. : Лань, 1998. – 382 с.
4. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти: изложение христианской психологии ради наставления и пробуждения / С. Кьеркегор ; пер. с дат., вступ. ст. и примеч. Н. Исаевой, С. Исаева. – 2-е изд. – М. : Акад. проект, 2014. – 157 с.
5. Песнь о Жемчужине (Песнь апостола Иуды Фомы, воспетая им в земле индийской) [Электронный ресурс] // Русская апокрифическая студия. – Режим доступа: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/gimn.shtml>. – Дата доступа: 15.08.2023.
6. Чернецова, Е. М. Мировое искусство: энцикл. слов. / Е. М. Чернецова. – М. : Вече, 2005. – 574 с.

КРИЗИС ЗАПАДНОГО ПРОЕКТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов

В начале 2020-х гг. уже не только для научной сферы, но и для журналистики стал очевидным кризис западного проекта глобализации. Сначала пандемия коронавируса выявила эгоизм стран Запада по отношению к остальному населению Земли, когда даже средства гигиенической защиты от опасного вируса, предназначенные для стран третьего мира, захватывались на аэродромах и перевозились в США, Великобританию и другие страны. Внезапный разрыв экономических связей, вызванный пандемией, также обнажил для многих стран всю противоречивость и гибельность глобального капиталистического разделения труда. В свою очередь, жесткие экономические санкции против

России, проводимая ею специальная военная операция окончательно выявила кризис процесса глобализации.

Как известно, само понятие глобализации стало широко распространяться в научных исследованиях и публицистике с конца 1980-х годов, когда окончательно проявились черты кризиса мировой социалистической системы. После распада СССР в 1991 году многим аналитикам показалось, что мир возвратился к тому гомогенному состоянию, которое было до 1917 года. Понятие глобализации прочно ассоциировалось с распространением капиталистической экономики, буржуазных социально-политических отношений и массовой культуры на весь мир. При этом альянс западных стран во главе с США играл доминирующую роль в мировых международных делах. Апологеты капиталистического рынка и буржуазной демократии увидели в этой глобализации конец истории, т. е. конец социальных и межгосударственных конфликтов. Однако для наиболее проницательных западных философов и социологов глобализация по-капиталистически открывала совсем другую перспективу. Так, Ж. Деррида отмечает: «Вместо того, чтобы в восторге перед концом истории воспевать пришествие идеала либеральной демократии и капиталистического рынка; вместо того, чтобы торжествовать по поводу "конца идеологий" и конца великих освободительных дискурсов, не будем пренебрегать этими подавляющими данными, составленными из бесчисленных индивидуальных страданий: никакой прогресс не позволяет игнорировать того, что – в абсолютных цифрах – никогда на Земле такое большое количество мужчин, женщин и детей не находилось в рабском положении, не голодало и не истреблялось» [1, с. 126].

По сути дела, глобализация по западному образцу означала наступление транснационального капитала на трудящихся как ведущих западных стран, так и стран третьего мира, которые в прошлом были колониями или полуколониями. Пользуясь отсутствием альтернативы своему экономическому и социально-политическому господству, страны Запада переносили свое индустриальное производство в страны третьего мира с крайне дешевой рабочей силой. Тем самым подрывались профсоюзные организации рабочих, в целом ослаблялось рабочее движение в ведущих странах Запада, а также увеличивалась норма прибыли транснациональных корпораций в странах третьего мира.

Однако после экономического кризиса 2008 года, серьезно подорвавшего экономику стран Запада, эти страны обнаружили, что у них появились мощные конкуренты, которые бросают вызов их экономической и политической гегемонии (Бразилия, Индия, Китай, Россия и ряд других стран). Впрочем, еще в начале 2000-х годов У. Робинсон и Р. Бербах отмечали, что «крупный экономический кризис или катастрофа могут задержать или даже обратить вспять идущий ныне процесс глобализации.

Транснациональный капитал установил сегодня беспрецедентную структурную власть над трудящимися классами в мировом масштабе, однако это – исторически преходящий момент, а не устойчивая характеристика системы. Капитализм всегда представлял собой насильственную и неустойчивую систему, раздираемую противоречиями. Самоуверенность, источаемая сегодня транснациональной буржуазией – включая ее тезис о "конце истории" и т. п. – скрывает непрочность фундамента, на котором основывается вся система» (цит. по: [2, с. 125]).

Расширение блока НАТО на восток, агрессия НАТО против Югославии, вторжение стран НАТО во главе с США в Афганистан, вторжение США в Ирак, а НАТО – в Ливию, показывают, что империалистический Запад будет до конца бороться за свои преимущества и привилегии. Об этом убедительно свидетельствуют и события на Украине в 2014 году и последующее обострение российско-украинского конфликта.

Внутренние конфликты народов бывшего СССР, по сути дела, используются современным Западом для выхода из кризиса проекта глобализации. Западные страны во главе с США, которые получили выгоды и привилегии из этого проекта глобализации, как бы показывают всем остальным народам и странам, что любые попытки отстаивать свои интересы, расходящиеся с интересами Запада, будут беспощадно подавляться.

Нейтралитет, а иногда даже прямая поддержка России со стороны незападных стран и прежде всего тех, кто может себе позволить не слушать советы посланцев США и Западной Европы, свидетельствуют о том, что эти страны, которые долгое время были колониями и полуколониями Запада, прекрасно понимают истинную сущность российско-украинского конфликта. Они не хотят возвращения доминирования Запада в социально-политической жизни современного мирового сообщества под идеологией «глобализации», «прав человека» и «демократии». Эти страны не хотят далее платить дань США и Западной Европе в виде эмиссии доллара и евро, они не хотят продавать стратегическое сырье, которое добывается в их странах, за бесценок и покупать по завышенным ценам продукты промышленного производства, производимые в странах Запада.

Таким образом, российско-украинский конфликт выявил раскол современного мирового сообщества на тех, кому выгодны условия доминирования Запада в международном социально-экономическом развитии («золотой миллиард») и тех (большинство населения земного шара), кто отвергает это доминирование, поскольку оно препятствует их собственному развитию. Тем не менее, возвращение к 1990-м годам, когда Запад во главе с США определял не только социально-экономическую и политическую жизнь международного сообщества, но и господствовал в

духовной жизни, вряд ли возможно. В любом случае нас ожидает регионализация экономической жизни, жесткое социально-политическое соперничество между регионами, иногда приводящее к войнам, и грубая идеологическая обработка сознания населения, в котором будут сочетаться идеи социального эгоизма, национальной (националистической) исключительности и псевдодемократической пропаганды.

Литература и источники

1. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида ; пер. с франц. Б. Скуратова ; под общ. ред. Д. Новикова. – М. : Logos-altera, изд-во «Ессе homo», 2006. – 256 с.
2. Лапшов, Б. А. О статье: Бербах Р., Робинсон У. И. Спор конца столетия: является ли глобализация эпохальным сдвигом? / Б. А. Лапшов // Глобализация: контуры XXI века ; реф. сб. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – Ч. 1. – С. 112–126.

ДИСКУРС: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ

Е. В. Кузнецова

Начиная с 60-х годов XX века в ряде гуманитарных наук – философии, культурологии, социологии – получило распространение такое понятие, как «дискурс». Вызвано это было развитием средств массовой информации и внедрением новых коммуникативных технологий. В начале XXI века в связи с интенсификацией информационного взаимодействия и изменением содержания культурно-коммуникативных практик данный термин вновь стал предметом исследования многих ученых.

Концепт дискурса в разные годы анализировался представителями современного гуманитарного знания с самых различных точек зрения. В частности, лингвисты изначально использовали его как синоним текста и речи (Э. Бьюиссанс). Структуралисты обосновывали дискурс как инструмент конструирования языковой реальности (К. Леви-Стросс). Французская школа дискурс-анализа в лице, в первую очередь, М. Пешо, П. Серио стала развивать идею дискурса в рамках синтеза языка и идеологии. Известный французский мыслитель Ж. Бодрийяр как представитель семиотического подхода интерпретировал дискурс как «властную силу», которой наделены знаки, в том числе вещи как знаковые системы – «симулякры». Как социальные знаки понимал дискурсы и постструктуралист Р. Барт. Немецкий социолог Ю. Хабермас под углом социально-коммуникативного подхода разрабатывал идею дискурса в качестве диалога. В современной лингвокультурологии (В. И. Маслова, С. М. Толстая, В. Н. Телия, В. В. Красных) понятие дискурса рассматривается как единство текста и контекста лингвистических и

социокультурных компонентов.

Несмотря на всю внешнюю гетерогенность трактовок понятия «дискурс», тем не менее, мы можем выделить следующие моменты в его понимании, которые объединяют всех исследователей: у дискурса нет жестко структурированных границ, дискурс является фактором символического обмена внутри той или иной коммуникативной сферы, дискурс предполагает диалог между всеми участниками этого символического обмена. Мы для себя принимаем определение дискурса как реализацию диалога между равноправными коммуникантами.

Этнокультурная специфика построения дискурса определяется особенностями речевой деятельности и языкового сознания коммуниканта [1, с. 402]. Дискурс как совпадение высказываний коммуникантов реализуется тогда, когда происходит полное совпадение вербальных единиц как на монокультурном уровне общения, так и на межкультурном уровне. Этнопсихолингвистическая детерминированность дискурса проявляется в экстралингвистических условиях коммуникации, в паралингвистических компонентах коммуникативного акта (мимика, жесты, улыбка), в способах написания и использования языковых средств, являющихся «эквивалентными» в различных языках.

Незнание коммуникантами этнокультурных особенностей друг друга зачастую ведет к так называемым культурным неудачам. Современные лингвокультурологи часто обращаются к анализу причин такого рода неудач. Например, Д. Б. Гудков приводит свой вариант классификации причин коммуникативных ошибок [2, с. 120]. Первая причина – это незнание коммуникантами (или недостаточное, неполное знание) языка собеседника, когда инофон не понимает значение конкретного знака (вербального или невербального) или неверно его интерпретирует. Например, значение фразеологизма «когда рак на горе свистнет» («после дождика в четверг») может быть не понято носителями английского языка, поскольку в английском языке значение данного фразеологизма зашифровано в других устойчивых выражениях: «when pigs fly»; «when Hell freezes over» («когда свиньи полетят», «когда ад замерзнет»). Вторая причина коммуникативных неудач проявляется в невладении инофоном – особенностями иноязычной культуры своего собеседника. Так, европейцы прямо и открыто смотрят в глаза другому коммуниканту, таким образом проявляя искренность, а японцы не осмеливаются делать этого по отношению к старшему по возрасту или должности, поскольку это означает дерзость и неуважение. Третья причина обусловлена прагматическим фактором (невыполнение практических целей коммуникации). В качестве иллюстрации можно привести срыв в проведении какого-либо совместного мероприятия немцев и итальянцев из-за значительного опоздания представителей страны средиземноморской культуры (согласно теории межкультурной коммуникации Э. Холла,

итальянцы принадлежат к так называемой полихромной культуре, где время нелинейно, нециклично, а немцы – к монохромной культуре, где пунктуальность очень важна) [3, с. 30].

Ряд других исследователей (И. А. Стернин, М. А. Стернина, Н. С. Руденко, Т. В. Ларина) выделяют следующие факторы, способствующие возникновению коммуникативных барьеров: социально-перцептивные факторы и факторы, относящиеся исключительно к кросс-культурной коммуникации. К первым относится неумение определять мотивы и намерения людей в конкретной ситуации общения, наличие у коммуниканта заранее заданных установок, убеждений, оценок, наличие сформированных этнокультурных стереотипов [4, с. 98]. Во вторую группу факторов входят незнание особенностей национального характера партнера по коммуникации и доминантных особенностей вербального и невербального поведения, свойственных его типу культуры [4, с. 99].

Н. С. Руденко особое внимание обращает на такой феномен, как «ошибки атрибуции» [5, с. 38]. В межкультурной коммуникации «ошибки атрибуции», как правило, ассоциируются с неверным истолкованием мотивов поведения коммуникативных партнеров, их личных качеств, специфики взаимодействия, отношения партнеров к ситуации общения.

На основании рассмотренных выше взглядов на особенности этнокультурной коммуникации и причины коммуникативных неудач мы считаем возможным представить свой вариант классификации ошибок в кросс-культурной коммуникации.

К первой группе мы отнесем так называемые ошибки вербального или лингвистического характера, вызванные незнанием языка и проявляющиеся на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях. Здесь мы имеем дело и с неправильным переводом лексических единиц, неточным произнесением слов, особенно это касается омофонов, ошибками в ударениях и т. д.

Во вторую группу мы включаем коммуникативные или паравербальные ошибки, когда неверно трактуется, например, слишком небольшое расстояние между собеседниками или чрезмерное проявление эмоций. Таким образом, речь здесь идет об этническом вербальном этикете, проявляющемся, например, в запрете на обсуждение тем личного или религиозного характера в странах Ближнего Востока, а также в запрете на использование определенной лексики, в частности, эвфемизмов [6, с. 222].

Третью группу составляют этнокультурные ошибки. Здесь находятся и ошибки, вызванные незнанием этнокультурных стереотипов, и ошибки, обусловленные отсутствием фоновых, так называемых энциклопедических знаний, а также ошибки, детерминированные незнанием каких-либо значимых культурных феноменов или артефактов (образцов литературы, живописи, музыки, обычаев, традиций и т. д.).

Данная классификация, как и все другие подобного рода классификации, носит условный характер. Все ошибки и неудачи, которые допускаются при межкультурных контактах, зачастую можно отнести, например, одновременно к первой группе и к третьей. В частности, перевод фразеологизма требует и знаний языка, и фоновых знаний. В противном случае неверная интерпретация устойчивого выражения в лучшем случае может привести к недоумению при межкультурном взаимодействии, в худшем – к разрыву коммуникативных отношений с собеседником. Вступление в кросс-культурную коммуникацию всегда означает, что мы не только используем вербальную составляющую, но и овладеваем когнитивной базой и культурным пространством своего собеседника, принадлежащего к другому лингвокультурному сообществу.

Литература и источники

1. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1976. – 160 с.
2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2009. – 288 с.
3. Hall, E. T. *West of the thirties: discoveries among the Navajo and Hopi* / E. T. Hall. – N. Y. Doubleday, 1994. – 187 p.
4. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. – М. : Наука, 1996. – С. 97–112.
5. Руденко, Н. С. Ошибки атрибуции в межкультурной коммуникации и пути их преодоления / Н. С. Руденко // *Педагогическое образование в России*. – 2015. – № 11. – С. 37–42.
6. Гуриева, С. Д. Этнический вербальный этикет в межкультурной коммуникации / С. Д. Гуриева // *Кросс-культурная психология: актуальные проблемы. Сборник научных статей*. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 217–229.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Н. А. Лазаревич

Экологизация жизни и сознания человека, отражается в развитии различных направлений гуманитарно-экологического подхода – непосредственно экологии как биологической дисциплины, изучающей взаимосвязи человека и природных объектов, а также с точки зрения *экологической эстетики*, исследующей глобальную проблему взаимосвязей человека и природы в контексте культуры. Экологическая эстетика отражает эстетические аспекты окружающей среды, в которой человек выступает как органическая, неразрывная ее часть [1]. Возникшая на пересечении экологии как специальной научной дисциплины и

эстетики, она обретает свой статус как эстетика окружающей среды. Экологическая эстетика (от греч. *oikos* – дом, жилище, местопребывание) - область эстетической науки, занимающаяся изучением взаимосвязей человека с окружающей природой, биосферой, а также с созданной им средой обитания (второй природой) [2].

Интерес к миру природы и развитие новой отрасли знания – экологической эстетики – наблюдаются со второй половины XX века. Данная дисциплина и проблемы, которые она поднимает, проявились и привлекли к себе внимание в 1970–1980-х гг., в период углубившегося экологического кризиса: загрязнения в результате роста промышленных зон, грабительского использования природных ресурсов. Одновременно с угрозой существованию человека и жизни на земле, появляется еще одна, касающаяся различных аспектов угроз культуре. Впервые обратил на это внимание и произвел разделение на два вида экологии академик Дмитрий Лихачев: экологию биологическую и экологию культуры. Подобное разделение исследователь объяснял тем, что человек нуждается в природной среде как биологическое существо, а в культурной среде – как существо духовное, нравственное. По мнению Д. Лихачева, природа – это дом, в котором появился и прошел свое становление человек разумный, он до сих пор сталкивается с объектами этой первой природы, но живет современный человек в мире, который он сам создал (второй природе), и культура – это тот дом, который создан им самим. «Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой» (см. : [3]).

Понятие «экология», относимое до недавних пор только к природе, переносится сегодня на отношение к культуре. В него входит все, что отражает богатство культуры: все духовные ценности и материально воплощенные идеи, включая прежде всего язык, литературу, произведения художественной культуры, архитектурные памятники и многое другое. Экологическая эстетика связана со многими творческими проблемами в архитектуре, дизайне, изобразительном искусстве и литературе, затрагивает проблемы историко-культурного наследия и его включения в современное сознание, национального и интернационального, имеет непосредственное отношение к формированию эстетического идеала, эстетических вкусов, норм и предпочтений в первую очередь молодого поколения.

Если люди что-либо разрушают, они лишаются части своего культурного «дома». Разрушение исторически значимых объектов происходило и продолжается в мире и в настоящее время. Чаще всего это происходит во время войн, когда разрушаются архитектурные памятники, вывозится множество культурных ценностей с завоеванных территорий.

Распространение так называемой массовой культуры - также процесс, который является характеристикой нашего времени. Он охватывает все сферы творчества: образование, литературу, живопись, музыку, киноискусство, театральное искусство. Такие изменения языка, как включение в языковой оборот иностранных заимствований, жаргонизация, нарушение норм постановки ударения, обеднение лексики и фразеологии, являются примерами нарушения экологии культуры молодежи и взрослого населения. Встает вопрос о том, что заслуживает внимания не только проблема «человек–природа», но равно и проблема «человек–культура».

Если функционирование культуры обеспечивается сочетанием двух векторов: традиции и инновационной динамики, то задачи экологии культуры должны определяться прежде всего интересами сохранения накопленного человечеством опыта, чтобы пространство культуры не вытеснялось, не подвергалось агрессивному воздействию со стороны социума, который часто воспринимает проблемы культуры и ее ценностей как помеху в решении экономических, технологических, производственных задач [4, с. 64–69]. Экология в целом и экология культуры в частности являются, безусловно, нравственной проблемой. Плохо относиться к природе – безнравственно, но также безнравственно не беречь свою культуру.

Современный этап развития экологической этики выходит далеко за рамки традиционного рассмотрения темы природы в искусстве и связан, прежде всего, с попытками построения модели эстетики природы. При этом выделяются три круга вопросов: *онтологический, критический и прикладной*.

Онтологическая проблематика включает в себя теоретическое изучение окружающей среды как эстетического объекта, соотношения экологической эстетики и философии искусства, специфики прекрасного, эстетического в природе и искусстве. В центре *критического* экологического рассмотрения оказываются категории эстетического идеала, эстетической ценности, гармонии, связанные с эмпирическим описанием, интерпретацией и оценкой эстетических феноменов в окружающей среде. В этой связи представляется важным определить подобные приоритеты в среде молодежи, когда носителем знания, актуального в условиях сетевого пространства, являются, прежде всего, младшие поколения.

Прикладная (практическая) эстетика природы рассматривает эстетическое, экологическое, правовое воспитание личности как комплексную проблему. На первый план здесь выдвигаются категория эстетического вкуса, вопросы взаимосвязей эстетики и этики, эстетики и научно-технического прогресса.

Говоря о современной экологической эстетике, в целом для нее характерен этический подъем, направленный на поиск транскультурных

ценностей в природе, технике, искусстве, общественной жизни. Часто он происходит на базе постмодернизма. В рамках эстетики постмодернизма органично сосуществуют алгоритмическая и экологическая ветви. Целью первой стало не только осмысление художественной практики постмодернизма, связанной с развитием компьютерной графики, музыки, поэзии, видеоклипами, но и выработка новых теоретических подходов, сочетающих философские и математические принципы исследования культуры. Алгоритм как одно из центральных понятий кибернетики применяется в данном контексте в качестве единообразного приема, позволяющего решать эстетические проблемы в общем виде.

Современный этап развития экологической эстетики связан прежде всего с попытками построения концептуальной философской модели эстетики природы. Конечной целью ее является выработка оправданных в экологическом, социальном, культурологическом и эстетическом отношениях норм поведения, рекомендаций и предпочтений, касающихся природы и человека как органичной его части. Задачи экологической эстетики формулируются и реализуются в процессе комплексного художественного проектирования среды с учетом экологических факторов – сохранения баланса между живым миром, природой и историко-культурными общечеловеческими и национальными ценностями.

Литература и источники

1. Экологическая эстетика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esthetiks.ru/ekologicheskaya-estetika.html>. – Дата доступа: 02.09.2023.
2. Гусева, А. Ю. Экологическая эстетика как превращенная форма эстетики природы / А. Ю. Гусева // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 3.
3. Лихачев, Д. С. Экология культуры (несколько цитат) [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа: <https://marina-klimkova.livejournal.com/414278.html>. – Дата доступа: 22.08.2023.
4. Устюгова, Е. Н. Экология культуры: грани проблемы / Е. Н. Устюгова // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. Сер. 17. – 2013. – Вып. 29 (3). – С. 64–67.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО ФИЛОСОФСКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

А. И. Левко

Современное образование по своему содержанию и организации предстает своеобразным выражением научной методологии и концептуального осмысления естественнонаучных и гуманитарных

проблем общественного развития. Сама же наука при этом представляется как знание о незнании или способ постижения мира с помощью особых интеллектуальных методов, применимых как к естествознанию, так и гуманитарным наукам. С помощью этих методов определяется сам процесс мыследеятельности в виде своеобразных взаимных переходов от всеобщего представления к особенному восприятию и конкретному опыту и от них к всеобщему их обобщению на основе номинации или обозначения словом изучаемого предмета, явления или процесса и выявления сущности создаваемого на этой основе понятия. *Сущность – это постигаемая разумом символическая, а не бытийная реальность или реальность слова и числа.* При этом, исходным пунктом познания выступает овладение специфическим знаково-символическим способом коммуникации и общения с другими людьми или устной и письменной речью. В основе этих видов речи лежит слово и число, обозначаемые ими понятия и научные категории. С их помощью на основе формально-логических, грамматических и других методов и правил создаются речевые или устные и письменные тексты. На основе же математических алгоритмов как концептуального выражения символики числа, формируется представление о причинно-следственной сущности пространственно-временной организации бытия. Овладение навыками и умениями владения этими текстами и числовыми алгоритмами, методами их создания и расшифровки кодов языка и числовых значений, а вместе с ними и постижения смысла сказанного, и является основной задачей образования. Оно начинается с номинализма познания или овладения навыками письма и символическими значениями каждой буквы алфавита и букваря. Передача же добытых знаний от поколения к поколению осуществляется с помощью подготовки текстов учебников по гуманитарным и естественнонаучным предметам и разработки технологии расшифровки кодов языка и математических алгоритмов, их смыслов в виде грамматики, семантики и методики их преподавания, таблицы умножения, аксиом и интегралов. Философско-эпистемологические и теоретико-методологические основания образования проявляются уже в самих его сущностных характеристиках и таких обозначающих их терминах как «система», «структура», «содержание», «государственные стандарты», «научная методика преподавания» и т. д. Они прочно вошли и в научный обиход, поскольку в соответствии с ними образовательный процесс является внутренне структурированным и внешне организованным. Он предстает как социальный институт, существующий наряду с социальными институтами права, политики, культуры и т. д. и во многом определяется ими, образуя своеобразную социальную систему, состоящую из учреждений образования. Социальный институт образования, как и другие социальные институты, можно учреждать, реформировать и закрывать в соответствии с теми или иными

государственными приоритетами, идеологией и правом. Традиции такого конструирования образования, как и культурного развития страны, в Западной Европе восходят еще к древнеримской и древнегреческой городским цивилизациям, развитие которых основывается на правовых, этических и эстетических основах градостроительства и государственного управления народными массами. Именно в это время создавались арены состязания гладиаторов, спортивные стадионы, водопровод и коллективные бани, дворцы и театры, изысканная городская архитектура и принципы ее эстетического оформления, ориентированные на свою аудиторию болельщиков, зрителей и слушателей, превращающихся в основной инструмент обуздания энергии масс и управления ими с помощью хлеба и зрелищ. Такова была сама социальная реальность этих эпох и способы ее конструирования, во многом воспроизводимая в познании сначала на основе методологии средневекового номинализма и реализма, затем Возрождения, Просвещения и Романтизма, креативных технологий и другими способами, способность воспроизводства которых была безвозвратно утеряна. При этом способы эти всегда соответствовали и соответствуют определенному историческому времени. Если с середины XIX и начала XXI вв. в гуманитарном образовании доминировала философская эпистемология с опорой на концептуальное видение мира и фундаментальную теоретическую подготовку, то с конца XX и начала XXI вв. основная ставка делается на социально-культурный реализм и практико-ориентированное образование.

Это не означает, что фундаментальная подготовка в вузах и других учебных заведениях уже не актуальна. Изменяются сами принципы этой подготовки в обретении теоретического и практического знания, а также понимание самой практической ориентации. Практика в данном случае предстает не как эмпирический индивидуальный опыт, а социально-культурная реальность. Быть практико-ориентированным в данном случае означает исходить из этой реальности, а не руководствоваться лишь абстрактно-теоретическими и схоластическими рефлексивными схемами. Если следовать логике эпистемологии, то и до сих пор современная система образования является своеобразным выражением практической реализации понятийно-категориальных концептов и теоретико-методологических принципов системного, синергетического, сетевого, ценностно-нормативного и других методологических подходов. Основным содержанием этих подходов и принципов выступают знаково-символическая структуризация и теоретические разработки в области философской эпистемологии и социальной философии модернизма. При этом в самой философии модернизма выделяются два основных периода: организационно-управленческий или структурно-нормативный и креативно-творческий или социально-культурный. Структурно-нормативный модернизм вслед за научным позитивизмом делает акцент на

рациональных концептуально-теоретических разработках и их внедрении в социальную практику, фактически ставя знак равенства между знаниями и разумом и явно недооценивая эмоционально-чувственное и духовное переживание самого социально-культурного опыта. Вследствие этого образование, как и сам процесс познания, сводится к формально-логической схематизации и лишается своего живого содержания и эмоционально-чувственного переживания, свойственного искусству. Одной из наиболее важных проблем раннего модерна оказывается «нехватка аффекта», так как общество раннего модерна вначале XX в. воплощало идеал «организованной современности». Организация этой современности в раннем модернизме сводилась к философско-эпистемологическим проблемам, в то время как на этапе позднего модернизма и постмодернизма она стремительно разворачивается в сторону осмысления социально-культурных проблем и прежде всего проблем социального сотворчества. И образование не является тому исключением. Отчетливый крен в сторону осмысления социально-культурных проблем в системе образования формируется уже к концу XX в., когда практико-ориентированный подход здесь становится важнее теоретико-методологического, а сама практика как особый способ реализации социальных структурно-нормативных требований начинает рассматриваться как переживание нравственно-эстетического и другого социального опыта. «Сфера креативности как специфический социальный феномен, – по мнению белорусского исследователя И. Я. Мацевич-Духан, – оформляется в XX в. во многом под влиянием индустрии массового потребления. С ее помощью распространяется практика *повседневной креативности*, свойственной в той или иной степени каждому индивиду. Постепенное ее осознание как характеристики любого человеческого действия приводит к культивированию привычки самофокусирования индивида на собственном творческом потенциале, воплощающемся в реальности с помощью *креативных практик*. Последние требовали построения соответствующей институциональной инфраструктуры на государственном и международном уровнях специальных образовательных учреждений, исследовательских институтов, коммерческих корпораций, промышленных предприятий, СМИ, финансовых структур, культурных и даже религиозных учреждений, ориентированных на поддержку креативной деятельности различных социальных групп» [1, с. 78–79].

На этой основе не только осуществляется организационное упорядочивание образовательного процесса и функционально-нормативная социальная институализация самого образования, но и делаются попытки межпредметной интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, осуществляется компьютеризация учебно-воспитательного процесса и его рассмотрение в качестве информационно-

коммуникационной сети. Существовавшая с древности система преподаваемых в школе гуманитарных и естественнонаучных предметов, носивших в средневековье название «тривия» и «квадривия» предстает сегодня в виде нерасчлененного целого, обеспечивающего творческое мышление и креативность не только образования, но и всего общества и его прагматическую ориентацию.

Чаще всего образование до сих пор представляется как целостная система учебных, воспитательных форм педагогической деятельности, ориентированных на социальный заказ, социальные потребности гражданского общества. Считается, что социализация образования позволяет преодолеть разобщенность, поляризацию взаимосвязанных компонентов культуры: естественнонаучного, технико-технологического и социально-гуманитарного и рассмотреть их на основе научного рационализма в качестве структурных элементов единой целостной системы. «Однако реализация такого замысла сталкивается с непреодолимым препятствием на уровне самого философского осмысления культуры как посредника между материально-технической и духовной деятельностью человека и общества, диалектики внешних и внутренних детерминант их развития. И поскольку наука делает основную ставку на постижение естественных закономерностей и научно-технический прогресс, ориентируясь на теоретический анализ эмпирических фактов из поля ее зрения незаметно исчезают живой ум, живая мысль, как мышление несводимое лишь к логике рационального мышления и постижению объективных закономерностей, так как в его основе лежит, как отмечал в свое время советский философ и филолог, профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина Алексей Федорович Лосев, субъективное "дерзание духа", и основанное на нем мировоззрение и культивирование самого образа жизни общества. А для этого, по его мнению, необходимо учиться диалектике как основному принципу мышления. К тому же этот дух и духовный мир в целом все больше вытесняются сегодня информационными технологиями» [2, с. 6]. Образование и человеческое сообщество в силу этого превращаются в человеческий капитал производства, в общество потребления материальных благ, учебного материала и другой информации, лишенных живой мысли отражения действительности как системы отношений единораздельной и глобальной целостности. Ибо далеко не все можно классифицировать, систематизировать, проектировать и моделировать, всем управлять и манипулировать, совершенствуя лишь научную методологию. Эта методология пока бессильна в постижении диалектики души, тела и духа человека и опыта его взаимодействия с другими людьми как духовно-нравственного стержня личности. Да и сам «термин система» неизбежно превращается в методологический реликт уже ушедшего времени

классической рациональности, на которой и основываются все предлагаемые концепции модернизации образования. Все они ориентированы лишь на внешние объективные материально-технические и информационные детерминанты общественного развития, в то время как наряду с ними существуют и внутренние детерминанты в виде духовной культуры и диалектики материальных и идеальных форм ее реального проявления. Без них обеспечить гуманитарную безопасность интеллектуальной культуры в условиях глобальных вызовов невозможно.

Литература и источники

1. Мацевич-Духан, И. Я. Креативное общество: от концепции к теории // И. Я. Мацевич-Духан. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 294 с.
2. Левко, А. И. Образование на перекрестке культур и цивилизаций: опыт философского осмысления: к 75-летию / А. И. Левко ; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларуская навука, 2023. – 489 с.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

И. И. Лецинская

В современных условиях образование, на наш взгляд, призвано в первую очередь обеспечить две важнейшие взаимосвязанные задачи: во-первых, формирование личности как субъекта культуры, во-вторых, подготовка молодых людей к высокой степени адаптивности в условиях неустойчивости и непредсказуемости развития современного социума с его глобальными рисками. По сути дела, речь идет об ответственности образования за будущее человека и культуры, т. е. за обеспечение гуманитарной безопасности общества. Решение данных задач немыслимо без формирования высокого уровня интеллектуальной культуры.

Интеллектуальная культура выступает как сложное и динамичное образование. Исследователи данного феномена отмечают, что она представляет собой «...целостное системное образование, включающее в качестве составляющих в свою структуру мыслительные способности, мотивы, ценностно-смысловую сферу личности – и это не простая сумма подсистем, а совокупность, обладающая синергетическим эффектом» [1, с. 101]. Подавляющее большинство исследователей также убеждено, что ядром интеллектуальной культуры является неразрывное единство интеллекта и личностных качеств. Эти два основных уровня – «личностный и знаниевый – опосредованы мотивами и ценностями, выступающими как системообразующие детерминанты. Мотивационно-ценностные и смысложизненные тенденции определяют не только

индивидуальную позицию, но и направленность и особенности профессиональной активности, а также зрелость личности, ее социальность» [1, с. 107].

Коммуникативные практики субъектов образования, их целевые ориентиры и формы реализации детерминированы господствующими в культуре образовательными парадигмами. Образовательная парадигма, представляя собой специфическую форму производства и воспроизводства знания, включает в себя совокупность научно-мировоззренческих и ценностных принципов, онтологических и антропологических идей, определяющих образовательные модели и формы образовательных коммуникаций.

Специфику формирования интеллектуальной культуры в рамках современной образовательной парадигмы можно выявить посредством ее сравнения с аналогичным процессом в контексте традиционной (классической) образовательной парадигмы. Последняя получила свое обоснование и оформление в эпоху Просвещения. Для нее была характерна ориентация на фундаментальные установки модерна и обслуживание потребностей товарного производства и рынка.

Образовательная коммуникация в рамках традиционной образовательной парадигмы может быть представлена в виде следующей формулы: автор – преподаватель как создатель академического продукта; знание – результат, произведенный его профессиональной активностью; преподавание – процесс трансляции содержания и смыслов данного произведения; и, наконец, обучаемый – его потребитель. Данная парадигма, несмотря на формальные и содержательные установки, а также требования, задаваемые нормативными документами, регулирующими учебный процесс, представляла определенные возможности для самовыражения преподавателя. Это позволяло преподавателю в определенной мере персонифицировать содержание и форму презентации своего академического курса.

В рамках данной парадигмы фигура обучающего (преподавателя) имела особый статус и обладала определенной степенью сакральности, так как она была не только носителем знаний, но и во многих случаях и непосредственным субъектом процесса их производства. Что касалось обучаемого (студента), то ему отводились по преимуществу функции усвоения, запоминания и воспроизведения полученного знания. «Традиционное обучение главным показателем эффективности учебной деятельности считало усвоение знаний, умений и навыков (ЗУН), и при этом был забыт человек как носитель и пользователь этих знаний» [1, с. 106]. Данная модель образовательной коммуникации по преимуществу была нацелена на формирование знаниевого уровня в структуре интеллектуальной культуры, оставляя при этом личность обучаемого без должного интереса и внимания. Она обнаружила свою

неэффективность в деле решения стоящих перед современным образованием задач, что явилось одной из причин, приведших к ее изменению.

Становление и развитие современной образовательной парадигмы были тесно связаны с процессом цифровизации и с формированием сетевого общества. Указанные процессы предопределили специфику онтологии современного человека и оказали мощное влияние и давление на учебно-воспитательный процесс. «Актуализировалась проблема интеллектуального развития конкурентоспособной личности, готовой к осуществлению социально ответственного выбора, к осознанному оцениванию своей деятельности и адаптации к различным общественным условиям, и достижению поставленной цели» [2]. В сложившихся условиях потребовалась корреляция образовательной парадигмы в соответствии со сложившимися социальными реалиями.

Новая образовательная парадигма представлена в современной исследовательской литературе в различных версиях: «педагогика партнерства», «педагогика диалога», «ризомное обучение», «критическая педагогика» и др. Основой ее формирования явилось изменение диспозиции субъектов образовательного процесса и вектора их взаимодействия. На смену субъект-объектной модели образовательной коммуникации приходит субъект-субъектная, в рамках которой активность преподавателя и студента имеет взаимную направленность. Реализация новой парадигмы также предполагает создание соответствующей образовательной среды как совокупности социальных, культурных условий для достижения ее основных задач. Центральной фигурой образовательной среды становится обучаемый, следовательно, вся инфраструктура данной среды выстраивается соответственно его индивидуальным особенностям и требованиям социальной реальности.

В рамках новой парадигмы мотивированная активность студентов, с одной стороны, и профессиональные знания, а также исследовательский опыт преподавателя, другой стороны, призваны стать основанием для их творческого партнерства, в котором находят свое применение преимущества каждой из сторон. В этом процессе обучающего взаимодействия осуществляется диалог студента и преподавателя, который направлен на «созидание» и развитие личности в процессе совместного «производства» знания. В данных условиях именно личностное развитие становится целью и основной ценностью образования. Оно призвано подготовить молодого человека к «неопределимому будущему» и обеспечить его конкурентоспособность и успешность. Смена обозначенных парадигм в литературе определяется как «коперниканский переворот» в образовании. В результате данной трансформации изменяется не только статус образовательных субъектов и вектор их взаимодействия, но и статус знания. Знание как «готовый продукт»,

добытый многочисленными субъектами познавательной деятельности и подлежащий последующей трансляции, перестает быть целью образования и становится средством ее достижения. Целью выступает личность, которая в процессе активного приобретения знания призвана обрести саму себя, свою идентичность.

Таким образом, в структуре современной интеллектуальной культуры личностный уровень играет определяющую роль и приобретает особую значимость. В силу этого процесс формирования интеллектуальной культуры в рамках современной образовательной парадигмы представляет собой в первую очередь развитие активно-деятельных (когнитивных, креативных, организационных) и социально-значимых качеств личности.

Литература и источники

1. Иванова, В. П. Интеллектуальная культура как системное образование / В. П. Иванова // Системная психология и социология. – 2018. – № 3 (27). – С. 99–109.
2. Самус, Е. В. Интеллектуальное образование в России на рубеже конца XX – начала XXI веков: парадигмальный анализ / Е. В. Самус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnoe-obrazovanie-v-rossii-na-rubezhe-kontsa-xx-nachala-xxi-vekov-paradigmalnyy-analiz-retsenzirovana>. – Дата доступа: 12.09.2023.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Е. В. Лу

Вступление в новую эпоху, эпоху цифровой цивилизации, значительно актуализирует развитие образования как одной из важнейших сфер общества и государства, притягивает внимание исследователей, педагогов, психологов, социологов, философов и многих других. «Наука и образование являются базовыми направлениями развития цифровой цивилизации» [1, с. 327]. Одним из приоритетных направлений современной педагогики является электронное дистанционное образование, что непосредственно связано с развитием цифровизации и информатизации в целом этой отрасли, и, соответственно, требует решения сопутствующих ей проблем: формирования новых установок, методов, знаний и навыков.

Информатизация и цифровизация образования – процесс неизбежный и обусловленный трансформациями, которые происходят во всех сферах общества, что, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные моменты. К положительным моментам относят

возможность выстраивать индивидуальную траекторию обучения: направление, время, место и темп обучения, что способствует повышению эффективности усвоения новых знаний. Для этого информационное пространство содержит огромное количество различных платформ, программ, сервисов, цифровых технологий.

Интенсивность употребления понятия «цифровизация образования» требует определения этого понятия. Прежде всего, под термином «цифровизация» понимают: эру больших данных и технологии; новую парадигму мысли, этап жизни с ростом качества жизни, средство повышения эффективной экономической, управленческой деятельности [2, с. 86]. Различают «цифровое образование» (digital education) и «цифровое обучение» (digital learning) [3, с. 88]. Под цифровым образованием понимается переформатирование образования в электронный, цифровой формат, т. е. преподавание, обучение, управление и др. Цифровое обучение подразумевает использование цифровых технологий с целью повышения эффективности процесса обучения. Очевидно, что цифровое обучение, являясь составной частью цифрового образования, требует техническую оснащенность и соответствующие знания и компетенции.

Информатизация и цифровизация образования имеет множество положительных аспектов. Так, Ш. Н. Козловой отмечается повышенная «производительность интеллектуального труда человека» [4, с. 88]. «Модель, основанная на цифровых технологиях, отвечает на вызовы времени, позволяет формировать новые образовательные результаты, основанные на цифровой грамотности, ориентированные на систему 4 К (критическое мышление, креативность, коммуникация, координация)» [5, с. 4]. В критическом мышлении ощущается острая потребность современного человека, на которого обрушивается огромный поток информации, и, особенно, сегодня во время информационных войн и идеологической борьбы за сознание человека.

Внедрение цифровизации в систему образования Узбекистана началось в период пандемии, в условиях паники и ажиотажа. Мы осваивали новый, он-лайн формат обучения. Сегодня нет острой необходимости в он-лайн обучении, но процесс цифровизации необратим. В образовательную систему Узбекистана внедрена единая платформа Nemis, в которой отражается образовательный процесс: занятия, задания, оценки, научно-методическая деятельность преподавателя и др. Платформа связывает такие элементы системы как отдел кадров, деканат, кафедру, преподавателей и студентов. Целью данной платформы представляется прозрачность образовательного процесса. Так, родители, чиновники системы образования имеют доступ к информации о посещаемости и успеваемости студентов и работе преподавателей.

Цифровизация образования, являясь реальностью современного

общества, требует преодолеть трудности, связанные с новшествами, инновациями в педагогике, в том числе с помощью цифровой грамотности. Под цифровой грамотностью Н. П. Петрова и Г. А. Бондарева понимают «различные ее виды: медиаграмотность, отношение к инновациям, коммуникативная, компьютерная, информационная грамотность» [6, с. 353]. К сожалению, техника и технологии развиваются стремительно, что вызывает затруднения с их освоением. По данным Н. Б. Стрекаловой, из 200 опрошенных 80% подтвердило необходимость формирования компетенций, связанных с информационными технологиями [2]. Ш. Н. Козлова также отмечает низкий уровень компьютерной грамотности: 13% «имеют уровень грамотности, превышающий уровень интеллектуальных компьютерных систем» [4].

О. Б. Даутова отмечает, что цифровая среда в современном формате малоинтересна для учащихся. «Даже внесение в процесс обучения игровых моментов (т. е. игрофикация образования) не всегда решает проблему мотивации». Огромный потенциал цифровых технологий, который востребован в образовании, «используется не в полной мере, это обусловлено недостаточной цифровой грамотностью преподавателей и приводит к возникновению цифрового разрыва» [5, с. 355].

Таким образом, цифровизация образования является фактом и реальностью, в которой мы живем и работаем. Нельзя не признать те проблемы, которые существуют и которые необходимо решать: разрабатывать платформы, программы, сервисы удобными и понятными для пользователей, усовершенствовать их через обратную связь или анализ проблем, связанных с их использованием, а также повышать уровень компьютерной грамотности пользователей, техническую оснащенность.

Литература и источники

1. Иззетова, Э. М. Философский анализ образования и науки в контексте глобальных культурных трансформаций / Э. М. Иззетова, Е. В. Ли // *Academic research in educational sciences*. – 2022. – Т. 3. – С. 326–331.
2. Стрекалова, Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образовании // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 84–88.
3. Психология образования: современный вектор развития [монография] / Науч. ред. С. Б. Малых, Т. И. Тихомирова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 790 с.
4. Козлова, Ш. Н. Цифровые технологии в образовании / Ш. Н. Козлова // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. – 2019. – № 1 (40). – С. 83–91.
5. Даутова, О. Б. Массовый формат смешанного обучения как движение цифровой трансформации образования / О. Б. Даутова, Е. Ю. Игнатьева, О. Н. Шилова // *Непрерывное образование: XXI век*. – 2020. – Вып. 3 (31).

6. Петрова, Н. П. Цифровизация и цифровые технологии в образовании / Н. П. Петрова, Г. А. Бондарева // Мир науки, культуры, образования. – № 5 (78). – 2019. – С. 353–355.

ТВОРЧЕСТВО И СОЗНАНИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Ю. В. Логиновская

В настоящий момент времени культура как основание гуманитарной безопасности нуждается в развитии представлений о сознании «во всем богатстве его бытийных, рефлексивных, духовных свойств и качеств, о сознании творящем, действенном и действующем» [1, с. 38]. Но понимание сознания в контексте культуры невозможно без изучения творчества. Взаимовлияние творчества и сознания оказывается ключевым фактором социокультурной стадии эволюции, а само творчество составляет специфику человека и выступает его видовым свойством, определяющим процесс становления и прогресс человечества в целом.

Непрерывное взаимодействие индивидуального сознания и мира культуры рекурсивно обогащает их: мир, порождаемый культурой, становится объектом индивидуального представления и наоборот. Чем больше культурное многообразие вокруг нас, тем более творчески развитыми людьми мы становимся за счет обогащения мировоззрения при взаимодействии с богатством и сложностью нашего мира. Но важно уточнить, что многообразие творческих проявлений, на которые способно человеческое сознание, имеет культурно-историческую значимость лишь тогда, когда оно встроено в культуру народа, подчеркивает его красоту и своеобразие, приобщает к высшим ценностям и добродетелям. Подлинное творчество человеческого сознания в таких формах культуры, как наука, искусство, религия, выводит на уровень «всечеловечности» (в терминах Н. Я. Данилевского) как общечеловеческих ценностных оснований, сохраняя при этом индивидуальность творческого проявления личности. А. В. Смирнов подчеркивает фундаментальную идею значения культуры у Н. Я. Данилевского, отмечавшего неповторимость творческих потенциалов культур и понимавшего культуру человечества как свободное творчество субъектов истории человечества, т. е. народов, строящих свою цивилизацию, и неповторимость такого творчества [2, с. 108]. Всечеловеческая цивилизация суммирует уникальные достижения всех культур, а не нивелирует каждую из них до уровня абстрактного общего.

Использование культурно-исторического подхода в исследованиях творческого аспекта сознания прослеживается в трудах многих российских философов и психологов: Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, В. В. Гумбольдта, Л. С. Выготского, А. Лурии, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского,

В. П. Зинченко. Творческо-культурный ракурс исследования сознания позволяет более полно раскрыть полифункциональность и полифоничность сознания, включая источники творчества, зарождение парадокса и юмора, особенности душевно-духовной жизни человека. Культурно-творческое измерение сознания человека объединяет индивидуальный и социальный уровень, выводя самореализацию человека с личностного плана на общечеловеческий, когда, реализуя свой творческий потенциал, он предстает достойным представителем человечества как единой живой системы и становится двигателем творческой эволюции: «Поскольку все наше существо во всех своих точках приходит в движение, оно творчески-деятельно; все ... непременно должно соответствовать ему самому и в свою очередь обладать единством и целостностью, а это и есть те два понятия, которые мы соединяем, пользуясь выражением "мир"» [3, с. 175].

Достаточно полная характеристика типов творческого сознания в культурно-историческом контексте разработана философом Г. Г. Шпетом, в концепции которого различаются: языковое, религиозно-мифологическое сознание, художественно-героическое сознание, научно-техническое (познающее), культурно-историческое (преобразующее самого человека в «социального репрезентанта конкретного целого») и философско-культурное сознание (преобразующее социальный лик человека) [1, с. 79–80]. Представленные типы сознания с эволюционной точки зрения могут быть рассмотрены этапы становления сознания, где философская рефлексия занимает высшее положение, раскрывающее «Творчество» с большой буквы, имеющее универсальное, общечеловеческое значение. Важно отметить также преобразующую силу творческого аспекта сознания. Наряду с познавательной активностью, понимание и проживание опыта высокого творчества запускает процессы прироста творческого потенциала индивидуального сознания, воспринимающего себя частью мира культуры и одновременно раскрывающего трансцендентное измерение во внутреннем мире человека.

Современной науке приходится воссоздавать целое, чтобы рассматривать сознание и творчество как единую, организованную и самоорганизующуюся систему, в которой творчество выступает фундаментальным онтологическим основанием сознания. В картине мира, основанной на идеях холизма, системности и глобального эволюционизма, творческий акт сознания является высшей степенью самореализации, через который человек самосознающий не только создает новые знания и культурные формы, но созидает и преобразует самого себя [4, с. 75]. Творчество, как и сознание, обладает неисчерпаемой онтологической и гносеологической глубиной, именно поэтому творческий аспект сознания как элемент духовной, смыслопорождающей и концептуальной работы в культурном поле, обеспечивает неисчерпаемость и непрерывность

социокультурной эволюции.

Литература и источники

1. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 592 с.
2. Смирнов, А. В. Общечеловеческое и всечеловеческое, или чему сегодня нас может научить Н. Я. Данилевский / А. В. Смирнов // Россия в диалоге культур. – М., 2010. – С. 103–109.
3. Гумбольдт, В. Ф. Язык и философия культуры / В. Ф. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
4. Черникова, И. В. Глобально-эволюционный подход к сознанию в когнитивной науке / И. В. Черникова, Ю. В. Логиновская // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 466. – С. 71–78.

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ VANI-МИРА

Н. Б. Ломакина

Вопросы интеллекта и интеллектуальной культуры очень актуальны в современном «обществе знаний», которое выступает новой стадией развития постиндустриального типа общества. В «обществе знаний» именно знания выступают основной производительной силой, поэтому значение интеллекта сильно возрастает, делая его стратегическим ресурсом, способным творить новые знания и новые технологии.

К теме интеллекта философы обращались еще с античных времен, поэтому определений этого термина накопилось немало. Так, О. В. Беляева под интеллектом понимает «способность к рациональному познанию и отражению действительности, к адаптации на основе рассудочной деятельности, к получению и обработке получаемой информации и использованию ее в духовной и практической деятельности» [1, с. 74]. Ф. Кликс отмечает, что «если слово "мышление" обозначает процесс, то под интеллектом мы понимаем качество этого процесса» [2, с. 185].

Через определение интеллекта, который А. А. Брудный характеризует как свойство «человека как сознательного существа», позволяющее «мысленно перемещаться в пространстве возможностей, отвлекаясь от фрагментов непосредственно данной реальности и обращаясь к прошлому и будущему», дается и определение интеллектуальной культуры: она представляет собой качественное выражение интеллекта [3, с. 140]. В. П. Иванова и В. В. Еременко подчеркивают две формы существования интеллектуальной культуры как психологического феномена – общественную и личную: на уровне общества она выполняет функции «формирования творчески мыслящей

личности и развития сущностных сил человека», на уровне индивида она выступает «полифункциональным явлением», несущим когнитивную, регулятивную и коммуникативную функции [4, с. 152]. Перечисленные функции оказывают на индивида влияние, благодаря которому у него развиваются способности не только к творческому мышлению, но и к конструированию и передаче понимания, адекватной оценке и регуляции собственного мыслительного процесса, пониманию окружающих и донесения своих смыслов. Все эти качества, приобретенные индивидом, оказываются крайне полезными в условиях наступившего ВANI-мира, для которого характерны хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость [5]. Противопоставить перечисленным характеристикам ВANI-мира индивиду футурологи, философы и психологи предлагают следующие стратегии: формировать мета-навыки по развитию устойчивости нервной системы и росту количества ресурсов психики, «прокачивать» понимание и коммуникацию, а также использовать новые инструменты в процессах работы и управления. Потребность принимать четкие и быстрые решения в условиях неопределенности вызывает необходимость уметь оценивать риски и управлять ими. Кроме того, психологи рекомендуют в условиях нового мироустройства уделять особое внимание развитию эмоционального интеллекта – эмпатии, интуиции, стойкости, гибкости, проактивности, адаптивности и стрессоустойчивости, значение которых в современном обществе резко возросло.

Таким образом, можно сделать вывод, что интеллектуальная культура, теоретическая модель которой выступает в качестве «системного психического образования, интегрирующего в качестве подсистем базовые интеллектуальные качества» [4, с. 152–153], как на личностном уровне (формирование умения усваивать и успешно применять на практике новые знания и навыки), так и на энергетическом (формирование системы личных интеллектуальных ресурсов), становится крайне важным явлением в ВANI-мире. Именно интеллектуальная культура как качественное выражение интеллекта человека позволяет сформировать нужную для развития новых, необходимых в наступившем мироустройстве качеств и навыков индивида и общества.

Литература и источники

1. Беляева, О. В. Понятие «интеллект» в философии культуры / О. В. Беляева // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 67–75.
2. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – М., 1982. – 312 с.
3. Брудный, А. А. Пространство возможностей: Введение в исследование реальности / А. А. Брудный. – Бишкек : Илим, 1999. – 339 с.

4. Иванова, В. П. Интеллектуальная культура цифрового общества / В. П. Иванова, В. В. Еременко // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции / Под общ. ред. Р. В. Ершовой. – М. : Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. – С. 151–155.

5. Cascio, J. Facing the Age of Chaos [Electronic resource] / J. Casio. – Mode of access: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>. – Date of access: 14.09.2023.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. В. Лукьянов, М. А. Пушкарева, Н. А. Шергенз

Актуальность настоящего исследования связана с развитием эвристического потенциала философского наследия в условиях социокультурных трансформаций. Трансцендентально-интеллектуальная культура связана с погружением в глубины культурного, духовного опыта. Если трансцендентное сопровождается выходом интеллектуала за границы культурного опыта, то трансцендентальное означает то, что имманентно сознанию, может быть познано и действительно познается. «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori» [1, с. 121].

Элемент новизны работы состоит в следующем: трансцендентально-интеллектуальная культура должна содержать в полном объеме как аналитическое, так и априорное синтетическое знание. Трансцендентальная критика познания имеет своей целью не расширение самих знаний, а только утверждение критерия достоинства личности. В данном отношении трансцендентально-интеллектуальная культура связана не только с ограничением познания субъекта. Критика познавательной способности должна быть связана с архитектурой разума. Но основным принципом здесь должна стать рефлексия над универсалиями культуры. Огромный вклад в познание разума здесь внес В. С. Стёпин, который разработал и исследовал закономерности функционирования конкретно-научной теории. Он разработал проблему формирования научного знания, исследовал динамику оснований научного познания [2, с. 1038]. В концепции В. С. Стёпина исследована системная модель социокультурной детерминации наук. В результате он исследовал смену парадигм интеллектуального поиска.

Философия как рефлексия над универсалиями культуры занимается воспроизводством основных структур социальной жизни. Трансцендентальная философия есть основание гуманитарной

безопасности и перехода к устойчивому развитию. Ведь эта философия, связанная с понятием долга, отсылает нас к самим источникам познания.

Обращение человека к культурному развитию сегодня оборачивается культурным шоком. Люди, конечно, думают о безопасности своего существования. В настоящее время культурный шок достиг максимума. Мир, при этом, оказался фрагментарным, а дом человека – хрупким. Интегрирование людей в жизнь общества продвигается весьма медленно.

Трансцендентально-интеллектуальная культура проявляется как нечто странное и непривычное. Однако трансцендентально-интеллектуальная культура приближает человека к жизни дома, где человек всегда будет любим и прощен. Культурная безопасность оказывает влияние на саму духовную и культурную дистанцию. Эта дистанция может восприниматься как более далекая или близкая. Но адаптация человека к культурным изменениям сегодня сложна.

Литература и источники

1. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
2. Стёпин, В. С. История философии: Энциклопедия / В. С. Стёпин. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный дом, 2022. – 1376 с.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРЫ

В. А. Максимович

Каждое художественное произведение в своей концептуальной части включает в себя систему ценностей, принятую в обществе или предлагаемую автором. Через эту систему ценностей автор не только обращается к реципиенту, не просто повествует или декларирует нечто, – он утверждает в мире предлагаемые ценности, выступая в роли не столько носителя их, сколько репрезентанта, активно формирующего диалог, коммуникацию с той социальной средой, к которой обращается.

При непосредственном соприкосновении с искусством каждый человек может вести как прямой диалог с художником, его внутренним миром, так и опосредованный диалог с реальностью, которая легла в основание художественного произведения. Отмеченное обстоятельство дает нам убедительное свидетельство того, что ценностное содержание культуры обусловлено характером и направленностью ценностно-смыслового содержания художественного творчества, его способностью порождать главную бытийную особенность культуры – ее ценностный характер. Как известно, базовыми структурными компонентами ценностного пространства культуры являются универсалии, архетипы,

символы, артефакты. В них инкорпорирован человеческий, этнонациональный, индивидуальный опыт. Каждая из культур формируется на основе органического соединения универсалий, архетипов, мифологем, являющихся в некотором роде глобальной матрицей и хранителем стратегии человеческого способа бытия и индивидуального «прочтения» матрицы, выражающегося в виде индивидуального национально-этнического архетипа, или паттерна. Конфигурация паттернов и архетипов создает стиль (модель) национальной культуры, который выделяет ее из всего многообразия культур и придает ей оригинальность.

По утверждению исследователей, наша эпоха – эпоха отсутствия больших (великих) стилей в классическом их понимании. Их место занимают многочисленные течения, отличающиеся радикальным пересмотром вопроса о сущности искусства, его предназначения, а также отношением к способам и средствам художественного моделирования реальности. Несмотря на это, ряд ценностей и идеалов минувших эпох продолжают существовать как определенная реальность в культуросозидающем пространстве следующего столетия. Тот же академизм теряет свои позиции официального, институционального стиля, тем не менее имманентно присутствуя в том или ином виде художественно-творческой деятельности. Академизм, по словам В. М. Полевого, «врастает в образующийся... обширный, своего рода донный слой художественной деятельности, который отчетливо просматривается сквозь все многообразие направлений и школ искусства XX в. <...> Питающая его деятельность не двигает историю искусства, а следует за ней рептильным ходом, всасывая и перерабатывая в ходячие банальности то, что добыто подлинным творчеством» [1, с. 33].

Феномен культуры, наравне с присутствием материально-предметной, включает в себя и ментальную (духовную, умственную) составляющую, связанную с планом семантического (смыслового) выражения, представления. Культура прежде всего коррелирует с миром смыслов, которые человек вкладывает в свои действия, творения, предметы, артефакты. Поэтому ценность релевантна смыслу, который идентифицирует содержание человеческого бытия, выступая ментальным посредником в выстраивании отношений с окружающим миром и самим собой. Российский философ М. Каган утверждает, что «ценность предстает перед нами именно как отношение, причем отношение специфическое, поскольку она связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, т.е. носителем культурных и социальных качеств, определяющих сверхиндивидуальное содержание его духовной деятельности» [2, с. 67]. Украинский философ С. Крымский отмечает, что подтверждающая и облагораживающая собой мир человеческого бытия культура конституирована как «ценностно-смысловой универсум» [3, с. 30].

Ценности призваны актуализировать антропоморфные смыслы, интенсифицировать смыслополагающую активность человеческого сознания и продуктивно-конструктивную деятельность субъекта. Признавая особую важность культуры в жизни отдельного человека и общества, немецкий философ Г. Риккерт отмечал: «Сущность культуры всегда остается неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления созданы, или, если они уже существовали, то взлелеяны человеком... В объектах культуры заложены ценности» [4, с. 84].

Аксиологическая доминанта заключает в себе как бы магистральную для актуальной культуры систему мировидения, позволяющую придавать, сообщать единый, универсальный, всеохватный смысл человеческому бытию, который имеет не только узко темпоральную значимость, но и характеризует всю культурно-историческую эпоху. Как замечает И. Г. Сухина, «легитимизированные семантическим контекстом культурной картины мира культурные ценности соответствующим образом стимулируют и организуют восприятие сущего, задавая способы его осознания, осмысления и переживания, лежащие в основе праксеологического отношения к нему человека. Культурные ценности способствуют формированию устойчивых, типичных ментальных образов миро-представления или тех репрезентант – апперцепций, которые образуются посредством наложения семантической матрицы культурной картины мира на конкретные формы действительности» [5, с. 239].

Специфика художественного творчества, непосредственно граничащая с творческими озарениями, открытиями, способна сама инспирировать основы нового жизне- и культууроустроительного развития, становиться источником новых культурно-цивилизационных ориентиров, обогащать и расширять сложившуюся картину мира, непосредственно связанную с системой ценностей, значимых, первостепенных для носителей определенного ментального сознания. Она также призвана определять общие мировоззренческие представления и ориентиры субъектов данной культуры, стимулируя и активизируя смысложизненные интенции, культивируя и генерируя новые ценностные смыслы, представления, идеалы, выполняя при этом интегративную и организующую функцию. По словам О. А. Кривцуна, искусство как закономерный результат творчества способно «переориентировать общественную психологию и сознание и нередко превосходить уровень наличной культуры общества» [6].

Российский философ и культуролог Ю. Романов отмечает, что «в своих устоявшихся, "клишированных" формах культура суммируется в гуманитарную картину мира, растворенную в сознании людей. На ее основе формируются повседневный уклад и образ жизни, которого придерживается человек, если он осознает свою приверженность к данной

культуре» [7, с. 26]. Художественное творчество в совокупности с содержательной наполненностью разнообразных культурных форм и артефактов помогает не только выработать целостный образ мироздания, но и непосредственно влияет на культурогенную активность человека как представителя культурного мегаполиса, оптимизирует творческую активность субъектов культуры.

Художественные артефакты как закономерный результат художественного творчества (деятельности) на этапе их рецептивного восприятия способны порождать новый конгломерат ценностно-смысловых коннотаций, обнаруживая таким образом свое культуросозидающее начало и выступая в роли культурного посредника, открывающего путь к перманентному диалогу между людьми, эпохами, странами. Вполне допустимо и сознательное реверсное обращение к уже отработанным, архаичным стилям, отвечающим новой культурной ситуации и входящим в резонанс с внутренним эмоционально-когнитивным состоянием личности. Подтверждением тому может служить и факт культивирования в творчестве Максима Богдановича символического поэтического канона, созданного на основе художественного синтеза разных культурных миров, образцов мировидения и мироощущения. Подобная интенция к смешиванию стилей, мировоззренческих систем, контрастирующих начал – довольно распространенное явление в области художественных практик.

Творческая личность – это по определению активный субъект, творящий культуру и реализующий свой культуротворческий потенциал с опорой на богатое наследие прошлого, способный на генерирование новых смыслов, на создание новой художественной реальности, готовый на то, чтобы превзойти в творческом акте устоявшиеся матрицы и коды культуры путем обращения к новой художественной оптике. Но и в этом случае творчество не должно становиться игрой, банальным самопозиционированием, а быть настроенной на извлечение смыслопорождающих интенций, выявление духовных запросов современника. Важным представляется замечание, что художественное творчество никак нельзя отождествлять с умышленным и преднамеренным преодолением классического смысла и предназначения творчества: всегда, во все времена будет востребована творческая уникальность искусства и связанная с ней относительная автономия, преодолевающая любую функциональность и прагматику, культивирование высоких эстетических образцов и основ человеческого существования.

Литература и источники

1. Полевой, В. М. Малая история искусств. Искусство XX в. (1901–1945) / В. М. Полевой. – М. : Искусство, 1991. – 304 с.

2. Шаламов, В. Т. Все или ничего. Эссе о поэзии и прозе / В. Т. Шаламов. – СПб. : Лимбус Пресс ; Издательство К. Тублина, 2016. – 305 с.
3. Сиземская, И. Н. Философские измерения художественного творчества / И. Н. Сиземская // Философские науки. – 2020. – Т. 63, № 3. – С. 7–23.
4. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – М. : Феникс, 1981. – 328 с.
5. Прозерский, В. В. Архаизирующие тенденции в современной художественной культуре / В. В. Прозерский. – М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2011. – 687 с.
6. Кривцун, О. А. Искусство как феномен культуры / О. А. Кривцун // Вестник культурологии. – 2011. – № 1. – С. 123–132.
7. Романов, Ю. И. Культурология / Ю. И. Романов. – СПб. : Питер, 2006. – 206 с.

ЗЕМЛЯ, СОБЫТИЕ, СМЫСЛ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДЖ. САЛЛИСА И Ж.-Л. НАНСИ

Д. В. Малахов

Проблема, которая ставится в настоящих тезисах, имеет следующую вопросительную конфигурацию: в каком отношении к феноменологическим формам смыслополагания в отношении событий прошлого и исторической памяти могут находиться пространственно локализованные места осуществления событий как *места максимального смыслового сгущения самоданности* смысла памяти и сосредоточения самой возможности иметь историческую память? Легитимность данного вопроса находит подтверждение у известного американского феноменолога Э. Кейси, подчеркивающего фундаментальное значение для феноменологии исторической памяти ее «мест» [1, р. 184], расположенных в определенных регионах и ареалах Земли. Наше предположение заключается в том, что историческая память представляет собой не только социально-политический, методологический и гносеологический феномен, но и феномен *онтологического* порядка.

В этом смысле (возможно, мышление восточнославянского человека имеет здесь ключевое значение) мы считаем ошибочным утверждение американского феноменолога Дж. Саллиса о том, что земля (имеется в виду земля как стихия, как сверхплотное и в своей сверхплотности «спекающееся» начало и основание феноменальности конкретных сущих вещей) «как сущностно само-замыкающаяся, не только сама остается закрытой, но разделяет свою замкнутость с вещами, предоставляя им убежище само-затворенности», притом, что «вещи в итоге нисходят обратно, в стихию земли» в полном согласии с тем, что «присущая природным вещам удерживающая власть ...осуществляется как само-распускающееся, само-раскрывающееся явление, которому сопутствует

отступление в затворенность», земля же суть «место, куда возвращаются, где укрываются и в конце концов погребаются возникающие, выходящие на свет вещи» [2, с. 13].

Дж. Саллис предваряет сказанное весьма существенной «феноменальной» характеристикой земли как стихии – сопротивлением, которое она оказывает всякому вторжению, всякой попытке проникновения в себя, в свое сверхплотное самоспекание – нарушению своей собственной и изначальной формы *самовозвратного экстазиса* (наша аналогия к термину Дж. Саллиса «нисхождение земли к земле» – Д.М. [2, с. 12]) *к самой себе*. То есть земля необходимо и неизбежно останавливает в себе и для себя всякую возможность выйти в простор феноменальной явленности сущих вещей, мира; земля как «сокрытое» основание феноменального порядка самопроявления вещей (Дж. Саллис использует для обозначения этого природного порядка древнегреческое понятие «фюсис»), таким образом, *про-являет* себя тем, что в режиме постоянного *самосокрытия*, или *сверхплотного самоспекания*, становится фундаментом постоянства любого процесса, любой формы явленности сущего и тотальной формой его, сущего, упокоения, смерти. Поясняя данную мысль, Дж. Саллис добавляет, что данное постоянство земли, «ее способность быть опорой настолько фундаментальны, что все непреходящее и дающее опору не только оценивается в соотношении с ней, но в некотором смысле заимствуется из нее» [2, с. 12]. Земля, таким образом, непосредственно не наделяясь Дж. Саллисом способностью смыслополагания явленности сущего в мире и для мира, выступает своего рода телеологическим *смыслом* его бытия в плане устойчивости, основательности и конечного преемства, упокоения.

Земля как бытие природного универсума – основания всех вещей и их явленности, весьма напоминает поэтический образ-термин Ж.-Л. Нанси *сердце вещей* – глубинное, *небьющееся сердце*, по-лагающее, или из-лагающее, к примеру, камень «как гравий на дороге, булыжник в воде, на земле, плавящийся в магме» [3, с. 7]. Сердце вещей давит на мысль своей тяжестью *глубинного имени-бытия, там-бытия* вещей, в сравнении с которой тяжесть как абстрактный феномен физического измерения природного тяготения не представляет собой сколько-нибудь существенной проблемы для мышления, которое, обращаясь к самой вещи и к каменному покою основания его пребывания в мире «обретает свой истинный вес, узнает себя и обрушивается под своим весом», поскольку находясь именно в сердце вещей и в нем мысля сами вещи, «мысль, несмотря на то, что она находится в нем и именно в нем себе соответствует, может мыслить себя только как изменчивость или причину изменений», вследствие чего сердце вещей, исходя из собственной *неподвижности, небияния*, препятствует мысли, «остается бесчувственным к этой мысли» [3, с. 7].

Итак, сердце вещей каменно своим постоянством имени места для являющихся в мир вещей, их посюсторонней фундаментальности, оно не бьется в том смысле, что никаким образом не совпадает ни с чем неподобным себе («Сердце неизменности бьется, сердце со-впадения – нет» [3, с. 16]) и, видимо, в первую очередь с попыткой изменчивой мысли проникнуть в себя. Но на то оно и *сердце* (Ж.-Л. Нанси не случайно избирает образ «сердца»), чтобы быть основанием и средоточием вещей в их смысловой данности, явленности: «Но поскольку имется вещь, эта вещь и ее исход подлежат *смыслу*. Под "происходит некая вещь" имеется в виду имеется в виду, что некая вещь отдана возможности смысла и захвата смыслом. Или, скорее, некая вещь уже осмыслена и уже подпадает под принцип осмысления, так как она происходит. В этом смысле "смысл" предшествует всем "значениям", превосходит и излагает их. ...Мир подлежит придающему смысл "имеется" – как каждой отдельной вещью, так и всеми вещами в целом. Таков *смысл вещей*, смысл существования в сердце вещей» [3, с. 8].

Судя по всему, именно благодаря *смыслу как таковому* не бьющееся, каменное сердце вещей утверждается Ж.-Л. Нанси в качестве живого, страдающего, свободного: «Эдакое каменное сердце. Но вместо того, чтобы быть бесчувственным, не иметь страстей, камень этого сердца содержит в себе *и* излагает вовне как таковое максимально неизменное сосредоточение всякой возможности страдания или страсти, всякого изменения – будь то нежного или жестокого, вызывающего радость или ужасающего. Это каменное сердце намного ближе к первоначальному, чем какая-либо противоречивость, неопределенность страсти как собственно страсти» [3, с. 7].

Что такое сердце вещей? По мысли Ж.-Л. Нанси, оно *изнашивается* в «изложении», *выявлении* вещей в наличное существование, но и *изнашивает* собой *бытие* как пребывающие в явленности и осмысленности бытие вещей. Может быть, оно суть *замысел-смысл* сущей земли как *первоглубины* материально-событийной и смысловой явленности универсума сущих вещей, событий? Каменное, неьющееся, но – *живое*. Сколь удивителен и богат философскими смыслами данный образ и сколь глубоко он коррелируется с мыслью Дж. Саллиса о земле как стихии, в отношении мышления которой необходимо осуществить кардинальный сдвиг, поворот – так, чтобы «земля мыслилась не как *из чего* материального состава, но как *из чего* про-явления», что позволило бы мыслить вещи не в их онтологической отдельности и композиционной совокупности друг с другом, но как вещи «*из земли*», что означало бы раскрытие «нечто относительно того, как они являют себя» [2, с. 11].

Однако, замечание о том, что сердце вещей не бьется «еще» [3, с. 8], то есть *пока еще*, – наиболее, на наш взгляд, интригующее и захватывающее положение в данной работе Ж.-Л. Нанси. Не утверждая

непосредственного тождества предметов мысли Дж. Саллиса и Ж.-Л. Нанси, выделим в них фундаментальные, на наш взгляд, составляющие: *самобытие* и *смысл*. Если на основании косвенных совпадений мы предположим, что речь в том и другом случае может идти о *собственном смысле* Земли как *места*, в котором *имеет* место все остальное и которое не может быть наделено *несобственной* для него «душой» [3, с. 18], то сможем задать вопрос о *человеческом* измерении данного смысла. Согласно Ж.-Л. Нанси, мышление в своей легкости и изменчивости не выдерживает покоя и тяжести сердца вещей; согласно Дж. Саллису, мышление может мыслить лишь явленность вещи из земли как основания смысла явленности, но не само это основание. Получается, что мышление здесь бессильно. Что же тогда может быть принято сердцем вещей и абсолютно закрытой землей в качестве проникающего и, тем самым, нарушающего естественный порядок «закрытости» / «небиения» фактора воздействия?

Почему, спросим мы, сердце вещей не бьется? Ответ представляется очевидным. Потому что в сердце вещей нет *вмещения* иного по отношению к себе, нет *восприятия* иного, нет смысла, который пересилил, перевесил бы смысл собственный как смысл, онтологически безукоризненно распространяемый на универсум явленных вещей. Нет страдания, которое пересилило бы страдание замершего сердца вещей (как не вспомнить об источнике ущербности бытия сущего в концепции «негативного онто-теологического уподобления?»), предоставив ему собственное страдающее сердце для синхронизации с ним «первого удара» небьющегося «еще» сердца, наподобие сердца матери, сообщающего свое биение первому удару сердца плода в утробе. Вещи и смыслы должны в какой-то мере перерасти, *перевесить* тяжесть каменного сердца или *вынудить* землю трансцендировать себя в иное феноменально-онтологическое измерение, нежели то, в котором она есть как сущая и в себе самой замкнутая стихия. Получается, что Земля должна либо воспринять, либо радикально *различить* себя как сокрытую и открытую одновременно.

Но тогда возникает вопрос, *что* способно дать Земле измерение открытости, ведь оно *потенциально* заложено в ней как в стихии, поскольку, как отметил Дж. Саллис, абсолютная сокрытость земли суть не только *бытие-для-себя*, но и *бытие-для-вещей*, устойчивость и покой которых она обеспечивает? Так что именно, если не мышление? Ведь сердце вещей Ж.-Л. Нанси и земля Дж. Саллиса оказываются не подвержены проникновению в себя не в силу того, что они *сами* исключают его, но вследствие отсутствия адекватного, то есть превосходящего их собственную онтологию замкнутости *способа* проникновения: мышления как «взламывания» *самонисхождения* земли и самостояния *самосущего* смысла сердца вещей. В качестве способа

проникновения возникает идея *зова памяти*, в котором онтология индифферентной, то есть «стихийно-пассивной» и непроницаемой в отношении человеческого мира, земли представала бы в качестве онтологии Земли как *самого* сущего, включенного в историчную событийность судьбы народов и самого бытия.

Литература и источники

1. Casey, E. Remembering. A Phenomenological Study / E. Casey. – Indiana University Press, 2000. – 362 p.
2. Саллис, Дж. Стихия земля / Дж. Саллис ; пер. с англ. О. Н. Оришевой // Топос. – 2001. – № 2–3 (5). – С. 4–16.
3. Нанси, Ж.-Л. Сердце вещей / Ж.-Л. Нанси ; пер. с франц. П. Хицкого // Топос. – 2004. – № 1 (8). – С. 4–21.

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Г. И. Малыхина, В. И. Миськевич

В рамках проблематики конференции, связанной с интеллектуальной культурой и гуманитарной безопасностью белорусского социума и государства, особую актуальность в современных условиях приобретает гуманитарная культура личности и общества. В контексте вызовов цифровой эпохи в содержании понятия «гуманитарная культура» появляются новые коннотации, требующие переосмысления и реинтерпретации.

Гуманитарная культура в массовом сознании обычно ассоциируется с гуманитарным образованием и гуманитарными знаниями – историческими, философскими, педагогическими, культурологическими, теологическими, эстетическими, этическими, правовыми, политическими и т. п. Вместе с тем уже в культуре древнего мира можно обнаружить более широкий ракурс понимания культуры, центрированной именно на человеке. Кроме знаниевой компоненты, мы обнаруживаем там также ее духовное, телесное и социальное измерения. В Древней Индии, например, сосредоточенная интеллектуальная, духовная и соматическая практики индивида рассматривались как пути к освобождению. В Древнем Китае непременным атрибутом «благородного мужа» было знание истории, литературы, каллиграфическое мастерство и государственное служение. В античной Греции важнейшей добродетелью свободного человека считалось стремление к гармоничному развитию ума и тела, логоса и этики. Гуманитарная культура Древнего Рима, как и древнекитайская, была социоориентированной. Наряду с философским образованием, знанием истории и права, первостепенное внимание уделялось

культивированию духа преданности интересам государства. В Средние века считалось, что индивид, изучая «свободные искусства» и классические языки, приобретал нечто экзистенциально важное для понимания самого себя и своего места в мире. Ситуация стала меняться с Нового времени и эпохи Просвещения. Научная революция, промышленный переворот, социальные революции в Старом и Новом свете сместили фокус общественных интересов и интеллектуальных запросов социума на исследование природы и познавательных потенций человека. В итоге сформировалась новая система образования и новая образовательная парадигма. Она была ориентирована не столько на образование и воспитание «доброго христианина», «рыцаря без страха и упрека» или (в секуляризованном варианте) «безупречного джентльмена», сколько на подготовку профессионалов – ученых, инженеров, практиков. По мере утверждения техногенного общества неуклонно возрастал авторитет и социальный статус носителей новой «техноциентистской» культуры. Что касается гуманитарного образования, то оно продолжало культивироваться в классических университетах. А вот в учебных заведениях нового типа («краснокирпичных») его удельный вес в программах обучения неуклонно снижался. И в настоящее время гуманитарная подготовка в образовательных программах учреждений образования сохранилась, по большей части, благодаря традиции.

Как следует из беглого исторического экскурса, в понятии «гуманитарная культура» следует выделять два плана: теоретический и практический. Первый связан с философско-методологическим и конкретно-научным анализом содержания и объема рассматриваемой универсалии; второй – с пониманием культуры в нормативно-правовых документах государств. Теоретический анализ не может не быть плюралистичным, диалогичным, дискуссионным. Нормативное же понимание культуры по необходимости должно быть монологичным и императивным. Только в этом случае возможна институциональная организация культурной деятельности, ее финансовая поддержка, управление и контроль (в той или иной, предусмотренной законом, форме).

Что касается теоретического измерения понятия «гуманитарная культура», то следует отметить, что она стала предметом сосредоточенной рефлексии сравнительно недавно – лишь во второй половине XX в. Начало данному процессу было положено работами Ч. Сноу («Две культуры») и А. Моля («Социодинамика культуры»). Названные авторы, как отмечается в литературе, первыми поставили ряд вопросов о специфике гуманитарной культуры, ее месте и статусе в общекультурном пространстве, взаимоотношениях с другими формами культуры, углубляющейся пропасти между гуманитарной и естественнонаучной интеллигенцией, а

также ее роли в воспитании и образовании человека. В настоящее время дискуссии продолжаются и все чаще носят междисциплинарный характер.

Акцентируем наиболее проблематичные аспекты гуманитарной культуры. Как было сказано выше, фактом является отсутствие ее общепринятого определения. Это обстоятельство, с одной стороны, плодотворно для дальнейшего теоретического дискурса, но с другой – в известной мере дезориентирует работу практиков, т. е. правоведов, законодателей, чиновников и педагогов. Поэтому волей законодателя поток теоретического дискурса «останавливается» и, исходя из тех или иных государственных приоритетов, артикулируется и возводится в ранг юридической нормы та или иная концепция культуры и вытекающие из нее дефиниции. Приняв правовую форму, они переводятся в плоскость разнообразных практических действий.

Говоря о гуманитарной культуре в контексте вызовов цифровой эпохи, следует исходить из понимания гуманитарной культуры как атрибутивного компонента (измерения) личности. Личность – это человек, в структуре мотивов которого доминируют силы внутренней самодетерминации, он обладает высокой самооценкой, имеет четко осознаваемые цели и волю к их достижению, готов нести ответственность за свои действия и их результаты. Подобный ракурс видения личности предполагает и соответствующую интерпретацию гуманитарной культуры. Гуманитарная культура в этом аспекте обнаруживает себя как компонент сил внутренней самоорганизации и саморазвития личности. Она может проявляться в соматической, психологической, эстетической, нравственной, когнитивной, языковой и т. д. культуре человека, его коммуникациях и поведении. Гуманитарная культура – это интегральная характеристика жизненной позиции человека, способного самостоятельно принимать решения, действовать и отвечать за свои поступки.

Не менее проблемным является вопрос о том, какой тип личности нужен современному обществу. Идеалы и образцы прошлого вдохновляют сегодня немногих. В перспективе постчеловека фактом является ослабление потребности у нынешней молодежи к внутренним усилиям, развитию воли к достижениям, требующих сосредоточенной работы над собой. Все чаще ставка делается на «Google-мышление» и «помощь» Сети. Шанс самосохраниться видится в синтезе естественного с искусственным. Тем самым, возможно, открывается новый план эволюции человека. Но пока этот процесс носит спонтанный характер и имеет непредсказуемую траекторию. Эмпирически же можно констатировать факт появления нового кумира – Искусственного интеллекта (ИИ). Он становится объектом всеобщего почитания и жертвоприношения. К его алтарю на заклатие приносится время – бесценное и невозвратное богатство любого индивида. А с ним и жизнь, возможность личностного роста и самореализации. Человек, в соответствии с логикой ИИ, все более

становится «биофлешкой», подключенной к глобальному серверу: «жив», пока подключен к информационным потокам, а «не-жив» – есть его простое отключение от Сети.

Важнейшим каналом ретрансляции гуманитарной культуры, воспитания человека является система образования (во всем многообразии ее форм и способов репрезентации). Сегодня доминирующим трендом ее функционирования и трансформации является цифровизация учебно-воспитательного процесса, ставка на развитие у учащихся левополушарного мышления, нередко в клиповых формах. Потенциал правого полушария, «ответственного» за социальный и эмоциональный интеллект личности, остается невостребованным. Гуманитарная неразвитость обнаруживается во внешнем виде человека, его манерах, речи, формах коммуникаций и проведения досуга, потребностях и вкусах. Ее общий знаменатель – примитивизация и декультурация бытия людей. И поскольку каждый стремится «быть как все», то собственная «нищета» на общем фоне как бы и не бросается в глаза. Тем паче, что она вполне может микшироваться «блеском» социальных статусов и потребительских возможностей. Эти и другие тенденции в сфере гуманитарной культуры нарушают синергичную целостность когнитивного, аксиологического и творчески-деятельного компонентов образования и содержат в себе, по мнению специалистов социально-гуманитарного профиля, определенные риски и угрозы гуманитарной безопасности Республики Беларусь.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СВОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИМИ УЧЕНЫМИ

Е. В. Мартищенко

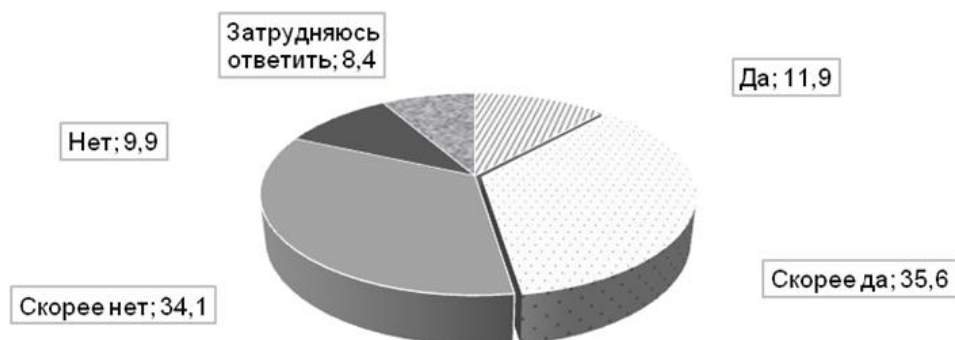
Достижение устойчивого экономического развития любого государства неразрывно связано с развитием такой отрасли экономики, как научная сфера. Интеграция науки и производства в нынешних реалиях являются важнейшими условиями для решения комплекса задач, связанных с повышением конкурентоспособности экономики и укреплением национальной безопасности страны. Достижение этих целей невозможно без наличия в научных организациях и на наукоемких производствах высококвалифицированных кадров новой формации, способных проводить исследования на мировом уровне. В этой связи научным организациям НАН Беларуси, осуществляющим организацию и координацию фундаментальных и прикладных научных исследований, выполняемых всеми субъектами научной деятельности, проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, отводится особая роль, а вопросы кадрового обеспечения академических организаций, состояние социального самочувствия ученых, также как и повышение

имиджа белорусской науки среди населения, должны относиться к числу приоритетных задач государственной научно-технологической политики.

При всех позитивных тенденциях развития белорусской науки остается пока еще недостаточно актуализированной проблема имиджа науки и ученого в обществе. С целью изучения престижности профессии ученого в белорусском обществе, перспектив развития белорусской науки, а также вопросов социального и профессионального положения научных работников в октябре-ноябре 2022 года Институтом социологии НАН Беларуси проведен социологический опрос ученых в области естественных, социально-гуманитарных, технических и других наук. Достигнутая выборочная совокупность исследования составила 366 научных работников из 50 государственных научных учреждений и институтов в разрезе отделений НАН Беларуси: отделение физики, математики и информатики (ОФМИ) – 15,2% (56 исследователей); отделение физико-технических наук (ОФТН) – 25,1% (92 исследователя); отделение химии и наук о Земле (ОХНЗ) – 10,5% (38 исследователей); отделение биологических наук (ОБН) – 12,6% (46 исследователей); отделение медицинских наук (ОМН) – 3,0% (11 исследователей); отделение гуманитарных наук и искусств (ОГНИ) – 10,6% (39 исследователей); отделение аграрных наук (ОАН) – 23,0% (84 исследователя).

Одной из задач настоящего исследования было оценить восприятие учеными своей деятельности по критериям общественной полезности, престижности (признание в обществе, статус, условия и уровень оплаты труда и т. п.). С этой целью в инструментарий исследования был включен вопрос: «Считаете ли Вы профессию ученого престижной в Беларуси?». Распределение ответов опрошенных ученых представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Оценки ученых престижности своей профессии в Беларуси, в %

Как видно на рисунке, мнения ученых разделились на две практически равные группы (без учета 8,4% затруднившихся с ответом) – 47,5% опрошенных исследователей считают профессию ученого

престижной в Беларуси (варианты ответа «да» и «скорее да»), а 44,0% придерживаются противоположного мнения (варианты ответа «нет» и «скорее нет»).

По данному вопросу выявлены существенные, статистически значимые различия в оценках респондентов в зависимости от отделений наук, в которых они занимаются исследованиями. Так, чаще, чем в среднем по выборочной совокупности мнения о том, что профессия ученого является престижной в Беларуси, встречались среди исследователей ОМН (69,1%), ОБН (54,2%) и ОАН (51,3%). Противоположного мнения (не считают престижной) чаще других придерживались исследователи ОФМИ (52,6%) и ОГНИ (52,3%).

В ходе опроса респондентам, которые считают профессию ученого престижной в Беларуси, было предложено назвать факторы и условия профессиональной деятельности, которые подтверждают их мнение. Наиболее часто (более 50%) опрошенные исследователи отмечали следующие:

- в научной сфере больше возможностей для общения с интеллектуальной элитой общества;
- в научной сфере больше возможностей для самореализации творческого потенциала;
- ученые вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие страны.

В то же время такие факторы и условия профессиональной деятельности, как возможности для быстрого карьерного роста в научной сфере, а также уровень оплаты труда ученых были отмечены достаточно небольшим количеством респондентов – 11,5% и 5,0%, соответственно.

Еще одним индикатором определения престижности профессии ученого в Беларуси, на наш взгляд, могут служить оценки исследователей полезности и нужности обществу результатов их труда. В ходе опроса респондентам задавался вопрос: «Ощущаете ли Вы себя как ученый нужным обществу?». Полученные результаты особого оптимизма в данном контексте не вызывают (таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«Ощущаете ли Вы себя как ученый нужным обществу?»,
в разрезе академических отделений наук, в %

Варианты ответа	Всего	в том числе по отделениям:						
		ОФМИ	ОФТН	ОХНЗ	ОБН	ОМН	ОГНИ	ОАН
Да	15,0	11,3	12,3	7,0	22,7	19,3	18,9	17,3
Скорее да	33,7	25,8	31,6	36,1	34,9	46,3	42,1	33,6
<i>Утвердительно</i>	<i>48,7</i>	<i>37,1</i>	<i>43,9</i>	<i>43,1</i>	<i>57,6</i>	<i>65,6</i>	<i>61,0</i>	<i>50,9</i>
Скорее нет	26,2	31,2	30,5	21,5	24,2	8,6	22,7	25,5
Нет	6,4	9,0	7,0	11,1	8,1	0,0	4,9	2,6
<i>Отрицательно</i>	<i>32,6</i>	<i>40,2</i>	<i>37,5</i>	<i>32,6</i>	<i>32,3</i>	<i>8,6</i>	<i>27,6</i>	<i>28,1</i>
Затрудняюсь ответить	18,7	22,7	18,5	24,3	10,1	25,8	11,3	20,9

В целом по выборочной совокупности в той или иной степени утвердительно на данный вопрос ответили только 48,7% опрошенных исследователей, отрицательно – 32,6% и 18,7% не смогли оценить свою нужность обществу как ученые.

В разрезе академических отделений наук выявлены существенные различия в оценках опрошенных полезности и нужности обществу результатов их труда. Так, чаще других полезными для общества ощущают себя научные работники отделения медицинских наук (65,6%), отделения гуманитарных наук и искусств (61,0%), биологических наук (57,6%). Особо отметим, что только половина исследователей (50,9%) отделения аграрных наук считают, что как ученые они нужны нашему обществу, приблизительно 1/3 – придерживается противоположного мнения и 20,9% не смогли дать оценки вообще. Хотя, на наш взгляд, в свете последних событий и мировой ситуации в целом, продовольственная безопасность стран выходит на первые позиции по важности и, соответственно, среди аграриев оценки полезности для общества своего труда должны были бы быть более высокими, если не максимальными.

Больше всего отрицательных ответов на данный вопрос выявлено среди ученых отделений физики, математики и информатики (40,2%) и физико-технических наук (37,5%). Что тоже выглядит достаточно странным – ведь разработки ученых технической направленности используются во всех отраслях экономики любой страны.

Представленные в статье данные наглядно показывают необходимость осуществления информационно-просветительской деятельности и принятия дополнительных (в том числе и социально-экономических) мер, направленных на повышение имиджа науки и научной деятельности в Республике Беларусь и престижности профессии ученого в массовом сознании белорусов. Ведь если уже сейчас часть ученых перестает считать свою профессию престижной и востребованной, то в обывательском восприятии статус ученого будет снижаться, что впоследствии приведет к недостатку высококвалифицированных кадров

из-за нежелания молодежи заниматься научной деятельностью.

Формирование положительного имиджа науки в массовом сознании будет способствовать привлечению в научную сферу перспективной и талантливой молодежи, что в конечном итоге приведет к более эффективному функционированию экономики нашей страны.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ТЕХНОГЕННОГО МИРА

В. Ф. Мартынов

Со второй половины XX века в рамках глобального социума достаточно зримо обозначились кардинальные изменения, связанные с масштабной реализацией научно-технических проектов, отражающих интенцию к цивилизационной парадигме мира. Уже в эпоху Просвещения наука становится ведущей формой культуротворчества. Научный прогресс начинает рассматриваться как главный фактор гармонизации социальных отношений. С дальнейшим развитием общества интерес к научно-техническим достижениям возрастает. В середине XX века Хайдеггер в работе «Вопрос о технике» отмечал: «Техника не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины» [1, с. 225]. Все это говорит о том, что немецкий философ чрезвычайно высоко оценивал роль техники в познании мира, выражая устремления западного менталитета. Но может ли техника, действительно, помочь в раскрытии потаенного, сокровенного? Может ли техника способствовать проникновению в истоки сакрального? Думается, нет. Познание глубинного смысла бытия требует более тонкого, эзотерического инструментария, которым является человеческая душа, сознание. Опыт развития мировой культуры убедительно показал, что технические достижения не в состоянии решить ни одной сакральной проблемы. Для этого существуют такие формы культуры, как религия, искусство, философия, мораль. Наука и техника нацелены на расщепление, рассечение, разъятие бытия, манипулирование реальностью. В то время, как такие базовые понятия, отражающие уровень духовного развития человека (красота, любовь, добро, правда, нравственность, Бог), требуют максимальной интеграции внутренних потенций сознания и бескорыстного, а не прагматического отношения к миру. Однако идеология расщепления бытия стала душой техногенной цивилизации.

Вот почему научно-технический взлет в современном обществе привел не только к открытию новых возможностей для реализации творческих способностей человека, но и повлек за собой всплеск негативных тенденций, отражающих деградацию внутреннего мира

личности. Слишком далеко современная цивилизация ушла от познания «потаенности» бытия, опираясь на технический прорыв. Сознание человека, выросшее на техногенной почве, стало приобретать одномерный, узконаправленный, экспансивный, утилитарный характер. В результате глубокого погружения общества в искусственную реальность возросла дистанция между человеком и миром природы. Искусственный мир все в большей степени стал определять мироощущение человека, отрывая его от креативного воздействия природной гармонии. Живя в техногенной среде, главное назначение которой в управлении силами природы, максимальном обслуживании материальных потребностей социума, человек остро ощутил утрату эмоциональных связей с миром. Происходит все большее дистанцирование от первозданности бытия. Деформация естественного мира привела к разрушению уникального многообразия природной гармонии, неповторимой красоты первозданной реальности. А естественная красота является главным источником развития эмпатической способности личности. Вот почему стремительное вытеснение природной гармонии искусственным миром оказало негативное воздействие на внутреннее состояние личности. Душа человека стала намного беднее, холоднее, прагматичнее. Природное задает свой пластичный, гибкий ритм жизни. Искусственная среда диктует свои жесткие, рациональные законы. В результате в человеке укореняется внутренний диссонанс, вызванный рассогласованием двуритмов. Он с трудом начинает балансировать в разорванности различных реальностей, в расщепленной двойственности мира, переживая внутренний разлад, лишаясь гармонии как фундаментальной почвы для культивирования чувства гармонии. Техника и природа столкнулись в мощном противоборстве.

Заметно углубляется процесс информатизации сознания. Нарастающий объем искусственной реальности потребовал от человека культивирования логических, рассудочных способностей в ущерб развитию душевности, отзывчивости, чуткости. Культ рационализма расширяется под несоизмеримо возросшим объемом информации, вытесняющей значимость культурных открытий. Современный человек в большей степени обладает сведениями о мире, нежели фундаментальным духовным опытом. Анализ победил синтез, что привело к фрагментаризации человеческого бытия. В контексте решения функциональных задач спрессованности знаний придается первостепенное значение в ущерб полноценному, гармоничному развитию человека. Именно тенденция рационализации современного общества отражает нарастающий процесс вытеснения многообразия культурного опыта специализированным знанием, информацией, что предопределяет формирование сугубо функциональной личности. Так, диктатура функционального разъедает многогранное богатство человеческих

отношений. Технократические программы правят миром. Именно поэтому человеческие чувства остаются нередко неразвитыми, незрелыми, холодными. Падение уровня душевной чувствительности приобрело масштабный характер и стало глобальной проблемой. Вот почему современные люди не только с трудом устанавливают контакт с природой, но и плохо чувствуют друг друга, что неизбежно приводит к конфликтам, фактам жесткой и даже жестокой коммуникации.

На распространение атмосферы пессимизма влияет процесс нарастающего динамизма жизни, что негативно отражается на качестве человеческих отношений. Современный человек тяготеет к виртуальным, опосредованным формам коммуникации. Поверхностная, количественная, основанная на технических достижениях коммуникация вытесняет мир глубинного, непосредственного духовного общения. Техногенный мир пропитан виртуальным духом. Сознание, погруженное в виртуальный мир, виртуализируется, становится зыбким, непрочным, эфемерным, неустойчивым. Оно перенимает свойства воображаемой среды. Но человек все равно стремится погрузиться в воображаемый мир из-за легкости управления, развивая манипулятивные наклонности. Растворяясь в виртуальной реальности, индивид теряет понимание неисчерпаемой силы сознания, утрачивая контакт с креативной точкой душевного пространства. Происходит отождествление внутреннего мира личности с воображаемой средой, своеобразный факт подмены. Человеческий интерес начинает активно смещаться в мир отражений. Виртуализация внутреннего мира личности – одна из самых опасных тенденций техногенной цивилизации, в процессе которой стирается граница между реальным и воображаемым. Под интенсивным воздействием виртуального мира человек получает не подлинную, а иллюзорную, или узконаправленную власть, которая питает каналы сугубо технического развития. В пространстве эфемерного мира не могут созреть такие величайшие плоды мировой культуры, как Библия, Упанишады, Коран, творения Пифагора, Софокла, Шекспира, Бетховена, Достоевского и других. Виртуальный мир способен производить только вторичные ценности и с трудом сохраняет лучшие достижения культуротворчества. Ирреальная среда наполнена скороспелыми плодами человеческой деятельности. Культ сенсорного мира порождает сенсорное мировосприятие, которое базируется на доверии к видимости бытия. Связь с метафизической реальностью утрачивается. Сенсорная личность находится во власти первичных ощущений или плоскостного мировидения. Говоря языком Платона, человек снова оказался в «пещере», но уже виртуального типа. Он отрешен от сияния вселенской гармонии и удален от мировых культурных достижений.

Таким образом, доминирование научно-технических ценностных ориентиров в практической деятельности современного человека неизбежно приводит к трем основным формам отчуждения: 1) человека от

первозданности бытия (что неизбежно приводит к экологическим проблемам); 2) человека от человека (что предопределяет обострение форм глобальной конфронтации); 3) человека от самого себя (что является главной причиной для пессимизма, страха, разочарований, депрессий). Формируется рациональная личность, которая способна дистанцироваться от временного потока, но довольно слабо улавливает противоречия техногенных реалий и опасность утраты эмпатических способностей человека.

Литература и источники

1. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с нем. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С. Н. Мизякина

Термин «гуманитарная безопасность» был введен в оборот в 1994 г. в Отчете о развитии человечества, изданном в рамках Программы развития ООН [1, р. 22]. Согласно этому документу гуманитарная безопасность означает защиту личности от угроз болезней, голода, безработицы, преступности, социальных конфликтов, политических репрессий и экологических опасностей, иными словами, от рисков, угрожающих физическому, психическому и духовному существованию человека.

Цель данной работы – выявить основные демографические риски современного общества, угрожающие безопасности личности. В рамках данной работы понятие «риск» будет пониматься как такое взаимодействие с опасностями в условиях неопределенности, которое позволяет учесть возможные потери и, приняв решение, попытаться уменьшить вероятность и величину ущерба. Опасность можно рассматривать как внешний фактор, способный причинить вред (физический, экономический, моральный и т. д.).

Современное общество сталкивается с локальными и глобальными демографическими рисками. Они определяются как объективными опасностями (например, увеличение степени риска тяжелого заболевания с возрастом), так и субъективным демографическим поведением людей, их отношением к риску. Остановимся лишь на некоторых демографических рисках и их влиянии на гуманитарную безопасность.

Как известно, глобальной демографической проблемой современности является увеличение численности населения Земли. Перенаселенность планеты приводит к риску недостаточного удовлетворения потребностей людей в еде, чистой воде, жилье,

энергетических и других сырьевых ресурсах. Повышение плотности населения увеличивает риск быстрого распространения инфекционных заболеваний, роста психологических проблем. Однако естественный рост численности населения наблюдается далеко не во всех странах. В частности, в Республике Беларусь имеет место обратная тенденция уменьшения численности населения, которая также несет в себе риски.

Одним из глобальных явлений современного общества стала массовая миграция, которая порождает многочисленные риски. Отток населения из страны приводит к уменьшению его численности, сокращению рождаемости, кадровым проблемам, может создать дисбаланс населения по возрасту, несет с собой имиджевые потери страны, влияет на ее безопасность и развитие экономики. С другой стороны, приток мигрантов в страну также может иметь отрицательные последствия, создавая проблему их трудоустройства, адаптации к ценностям господствующей культуры, часто приводит к росту преступности, несет потенциальную угрозу межнациональных и межрелигиозных конфликтов, подрывая тем самым гуманитарную безопасность.

Значимым демографическим риском современного общества является постарение населения, связанное с увеличением продолжительности жизни и уменьшением доли населения трудоспособного возраста, что ведет к экономическим и психологическим угрозам для личности.

Изменение взглядов современной молодежи на срок вступления в брак, тенденции откладывания рождения первого ребенка ради карьеры, введение государственного пенсионного обеспечения, развитие контрацепции, популяризация ЛГБТ движения все в большей степени усиливают риск сокращения рождаемости, что может привести к уменьшению численности населения.

В свою очередь, уменьшение численности населения несет риск депопуляции – ситуации, когда рождаемость становится ниже уровня смертности. Кроме снижения рождаемости, к депопуляции могут привести иммиграция, войны, болезни. Но главной ее причиной в современном мире ученые считают трансформацию института семьи. И если развитым странам пока удастся решить эту проблему и даже значительно омолодить население за счет притока эмигрантов, то страны с менее привлекательной экономикой несут серьезные экономические потери, вызванные сокращением численности населения, что, конечно же, не способствует упрочению гуманитарной безопасности [2, с. 46].

На повышение степени демографических рисков могут влиять самые разные факторы: непродуманные экономические и политические решения, войны, природные катаклизмы, эпидемии и т. п. Например, изоляция населения во время пандемии может привести к увеличению числа разводов. Так, в Китае после снятия ковидного карантина в некоторых

провинциях число разводов увеличилось в несколько раз [3].

В Республике Беларусь для смягчения демографических рисков в 2002 году был принят закон «О демографической безопасности Республики Беларусь» [4]. В нем выделены задачи, решение которых должно обеспечить демографическую, а значит и гуманитарную, безопасность нашей страны:

- улучшение социально-экономических условий жизнедеятельности населения;

- поэтапное обеспечение и совершенствование государственных минимальных социальных стандартов в области оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального обслуживания, социальной поддержки и социального обслуживания;

- оптимизация внешних и внутренних миграционных потоков населения;

- противодействие нелегальной миграции;

- содействие добровольному возвращению белорусов на этническую родину (по месту рождения);

- стимулирование привлечения и закрепления специалистов в сельской местности;

- формирование высоких духовно-нравственных стандартов граждан в области семейных отношений, повышение престижа семьи в обществе;

- обеспечение репродуктивных прав граждан и содействие формированию высоких репродуктивных потребностей населения.

Подводя итог, можно сказать, что демографические риски оказывают большое влияние на гуманитарную безопасность. Понимание возможных рисков и способов их минимизации является важной задачей политики любого государства.

Литература и источники

1. Human Development Report 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostatspdf.pdf>. – Дата доступа: 14.09.2023.

2. О демографической безопасности Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 14.09.2023.

3. Виноградова, А. Не выдержали испытания: китайцы разводятся после карантина [Электронный ресурс] / А. Виноградова. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/04/a_13032175.shtml. – Дата доступа: 14.09.2023.

4. Калачикова, О. Н. Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия / О. Н. Калачикова,

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ВЫПУСКНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

М. В. Михайлова, А. Е. Михайлов

В медицинском вузе уже на начальном этапе обучения гуманитарная подготовка направлена на развитие у студентов теоретико-методологических основ научного мировоззрения, что способствует формированию у них осознанных убеждений и установок, задающих ориентиры в нарастающем потоке противоречивой информации. В процессе изучения будущими врачами специализированных учебных дисциплин формируются профессиональные компетенции с учетом компетенций, закладываемых в ходе освоения дисциплин гуманитарного блока учебной программы. Такой интеграции способствует курс «Биоэтика» через междисциплинарное и комплексное рассмотрение философских, культурологических, этико-правовых, социальных аспектов внедрения новых технологий в биомедицине.

Исследование биоэтических проблем предполагает необходимость учета культурно-исторического контекста и не укладывается в рамки ценностно нейтральной классической модели философии науки. Изучение возможных позитивных и негативных социальных последствий технологических инноваций стимулировало появление перспективных форм технологического проектирования. В таком проектировании в качестве объекта «выступает не сама по себе технология, а более сложный комплекс – технология плюс экосистема, в которую она будет внедрена, плюс социокультурная среда, принимающая новую технологию, и все это рассматривается как целостная, саморазвивающаяся человекообразная система» [1, с. 340].

В недостаточной гуманитарной подготовке будущих врачей В. И. Моисеев, О. Н. Моисеева видят причину господства редукционистского мировоззрения в биомедицине. При таком подходе «человек есть биомашина, болезнь есть ее поломка, лечение – ремонт, врач – биоинженер, биотехнолог, устраняющий поломку и получающий за это деньги... Весь мир, вся вселенная редукционизма оказывается лишенной жизни, в ней нет ценностей, смыслов и целей – есть только раздражения нервов и рефлексy, а вся культура – лишь иллюзия, за которой скрывается бездна небытия. Вырываясь из учебников, редукционизм разрастается до космических масштабов всеобщего мировоззрения, практически новой наукообразной религии, которая своим

богом делает машину и технологию. Вот откуда произрастают все основные кризисы современной культуры, в том числе – медицины и образования» [2, с. 29]. Редукционизму противопоставляется целостный (холистский) подход к человеку, реализующийся через гуманитарное знание. Радикальное преодоление такого мировоззренческого раскола в медицинском образовании авторы видят в формировании интегральной биомедицины через синтез холизма и редукционизма.

С ростом возможностей регуляции на различных уровнях процессов, протекающих в человеческом организме, расширяются границы человеческой свободы, которая при игнорировании исторически сложившихся культурных ценностей становится самоцелью. Узкий технократический подход в реализации некоторых биомедицинских инноваций (генной инженерии, вспомогательных репродуктивных технологий, смены пола и др.) порождает экзистенциальные риски и угрозы, разрушающие жизненно важные для значительной части общества смыслы. Конвергентные подходы, представленные, прежде всего, трансдисциплинарными технологиями NBIC (нано, био, инфо, когно), рассматриваются даже как угроза существованию человечества [3, с. 5–8].

Релятивизация под влиянием биомедицинских инноваций сложившихся традиционных духовно-нравственных ценностей и норм требует совершенствования биоэтического контроля и правового регулирования этой сферы. В разработанной Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ). Международной классификации болезней 11 пересмотра (МКБ-11) реализуется гибкий подход к диагностике с учетом полиморфности и изменчивости, с акцентом на релятивизм (относительно привычного индивидуального уровня функционирования и относительно культурных норм). Так, в главе 17 «Нарушения сексуальной сферы» трансгендерная идентичность уже не рассматривается как психическое расстройство. Главный врач лечебно-реабилитационного научного центра «Феникс», врач-психиатр О. А. Бухановская считает недопустимой с точки зрения классической отечественной психиатрии предлагаемую в МКБ-11 трактовку таких заболеваний, как транссексуализм, зоофилия, трансвестизм и других множественных расстройств сексуального предпочтения. Она придерживается позиции необходимости полного запрета использования МКБ-11 «на территории страны в разделах "Психические и поведенческие расстройства" и "Состояния, связанные с сексуальным здоровьем человека", так как изложенные в них подходы полностью рушат сложившуюся систему взглядов на понимание, диагностику и лечение психических расстройств» [4].

В России принят закон о запрете смены пола (за исключением по медицинским показаниям). По словам Председателя Государственной Думы РФ В. В. Володина, такое решение «направлено на защиту наших граждан, детей, на укрепление института семьи и сохранение

традиционных ценностей», тогда как растущее за рубежом, в частности, в США, число операций по смене пола ведет к вырождению нации, что для нас недопустимо [5].

В настоящее время переосмысливаются кардинальные изменения, происходящие во взаимодействии биологических и социокультурных факторов в жизни человека. При выборе направлений научного поиска, в оценке целей, средств и возможных последствий решения проблемных ситуаций, в повышении чувства ответственности за последствия инновационных технологий в духовно-нравственной сфере возрастает роль гуманитарных ценностей, которые интегрируются в социальную установку биомедицины. При получении студентами высшего медицинского образования предполагается формирование у них «умений и навыков демаркации конструктивных подходов в совершенствовании биомедицины, в которых сохраняются духовные ценности как квинтэссенция всей человеческой истории от разрушительных последствий биомедицинских инноваций, основанных на уничтожающей традиционные ценности идеологии» [6].

Профессиональные качества работающих в сфере медицины и здравоохранения должны определяться мировоззренческими установками, формирующимися на основе усвоения лучших традиций духовно-нравственной культуры человечества, не ограничиваясь критериями узких трактовок инструментализма, прагматизма и консюмеризма. Решению этой задачи способствует интеграционный подход в гуманитарной подготовке студентов медицинского вуза, реализующийся через целеполагание в его когнитивной, аксиологической и мотивационно-мобилизующей вариативности на основе исторически сложившихся традиционных ценностей и норм, которые обеспечивают устойчивое развитие общества.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII–XXI вв. / В. С. Стёпин, А. М. Сточик, С. Н. Затравкин – М. : Академический проект. 2020. – 375 с.
2. Моисеев, В. И. Судьба медико-гуманитарного образования в России / В. И. Моисеев, О. Н. Моисеева // Биоэтика. – 2022. – Т. 15. – С. 24–32.
3. Кутырев, В. А. Человечество и технос: философия коэволюции / В. А. Кутырев, В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов – СПб. : Алетей, 2020. – 260 с.
4. Бухановская, О. А. Лучше вообще отказаться от МКБ-11 (Интервью «Медвестнику») [Электронный ресурс] / О. А. Бухановская. – Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?text=Лучше+вообще+отказаться+от+МКБ-11> Центр «Феникс» Пресса+и+ТВ+&lr=46. – Дата доступа: 30.08.2023.
5. Володин, В. В. Не оставлять лазеек для операций по смене пола [Электронный ресурс] / В. В. Володин. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/volodin-prizval-ne-ostavlyat-lazeek-dlya-operaciy-po-smene-pola.html>. – Дата доступа: 31.08.2023.

6. Сахарова, Л. Г. Теоретико-методологические основы формирования духовно-нравственных ценностей у будущих врачей / Л. Г. Сахарова, В. А. Сахаров, М. В. Михайлова, А. Е. Михайлов // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. – 2023. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru>. – Дата доступа: 31.08.2023.

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. И. Мушинский

Обеспечение гуманитарной безопасности является важным фактором устойчивого развития Республики Беларусь, позволяющим своевременно находить адекватные и креативные ориентиры в условиях турбулентной социальной динамики современности. Философско-этическое осмысление проблем *справедливости* дает возможность эффективно выявлять все новые возникающие риски и угрозы устойчивому развитию социальной системы, определять креативные способы их купирования и минимизации.

Детерминирующим фактором современной деструктивной динамики в сфере гуманитарной безопасности представляются объективные закономерности научно-технического прогресса.

С одной стороны, на протяжении истории человечество накапливает позитивные знания об окружающей природе, на этой основе непрерывно совершенствует свой технологический потенциал, «способ производства». От первобытной охоты и собирательства происходит переход к земледелию и скотоводству, далее следуют промышленный переворот, цифровизация «постиндустриальной» эпохи. Для каждой новой стадии характерен количественный скачок численности народонаселения, как результат более эффективного снабжения первичными жизненными ресурсами. При этом в разных регионах научно-техническое развитие идет неравномерно, интенсивной умственной деятельности способствуют «пограничные ситуации» на грани вымирания в условиях дефицита полезных природных ресурсов. В теплом восточном климате с обширными речными системами, допускающими высокопродуктивное ирригационное земледелие, на протяжении тысячелетий технические инновации менее востребованы; в то время, как западноевропейская цивилизация изначально ориентирована на совершенствование ремесел, хотя бы самых примитивных. Именно поэтому там раньше начался промышленный переворот, в ходе которого европейско-североамериканские регионы временно выдвинулись на передовые позиции, хотя в «постиндустриальный» период ситуация постепенно выравнивается.

С другой стороны, научно-технический прогресс предполагает

совершенствование средств коммуникации (транспорта и связи), которое органически дополняет произошедшие «скачки» в производственной сфере. После того, как «западный» человек с помощью новых технологий создал избыток полезной продукции, он думает, как его куда-то вывезти и с выгодой продать, а впоследствии заселить освоенные территории, переселить туда возникший излишек народонаселения. По этой схеме, как известно, происходила античная колонизация периода классических полисных демократий, завершившаяся возникновением эллинистических монархий и Римской империи. Аналогично складывается колониальная система ранней индустриальной эпохи, на этот раз уже не только в средиземноморском регионе, а в общепланетарном масштабе (отсюда современные тенденции «глобализации»).

Таким образом, объединение человечества есть объективный процесс, обусловленный очередным прорывом в развитии технических средств коммуникации (транспорта, связи, информационной составляющей). Проблема состоит в том, что «передовые» западные страны достигли экономического пика еще в индустриальную эпоху, с появлением же «постиндустриальных» инновационных технологий им все сложнее сохранять свое лидерство. Удаленные регионы стремительно их нагоняют, требуют равноправного *справедливого* к себе отношения, свергают колониальный гнет. Запад, сам переживая период стагнации, пытается их сдерживать внеэкономическими методами неокOLONИализма, приводя с помощью спецслужб к власти милитаризированные марионеточные режимы, захватывая природные ресурсы, провоцируя внутренние вооруженные конфликты под лицемерными лозунгами «свободы» и «демократии». Попутно продолжается борьба между самими западными странами, обострившаяся в годы мировых войн XX столетия, однако с появлением оружия массового поражения принявшая «холодные», «гибридные», «информационные» и т. п. формы. Так, американцы, используя натовскую организацию, фактически расширили свою послевоенную оккупационную зону, окончательно подчинив европейские страны (во главе с «объединенной» Германией), и всеми возможными средствами сдерживают их экономический рост. С этой целью они спровоцировали ближневосточный и украинский миграционный кризис, под «санкционным» предлогом лишают европейцев дешевых российских энергоносителей, через принудительные поставки вооружений воюющей Украине снижают их военный потенциал... При этом никого не заботит ухудшение экологии, глобальное потепление климата, возникающие пандемии, другие общечеловеческие проблемы, решать которые можно только совместными усилиями, объединившись на основе принципов *справедливости*.

Отвечать на техногенные вызовы и угрозы устойчивому развитию рано или поздно придется, иначе мировая цивилизация просто не выживет.

Поэтому ведущие философские направления призывают к преодолению взаимной вражды и конфронтации, установлению универсальных общезначимых критериев *справедливости*. В частности, *этика постмодернизма* призывает к «деконструкции логоцентризма», стремящегося «надзирать и наказывать» всех инакомыслящих через «древесную» структуру «бинарных оппозиций» (добро и зло, «наука» и религия, «демократия» и «диктатура» и т. п.), через некритически построенный нарратив «виртуальной реальности», продуцирующего все новые «симуляции и симулякры» массового сознания. Как сказал Ж. Деррида, «все вместе группируется ... под рубрикой *логоцентризма*, которую я выдвинул... одновременно с проектом *деконструкции*» [1, с. 91]. Взамен предлагается полифоничный дискурс «грамматологии», «смерть Автора», «хаос дискурсивных практик», что удивительно созвучно белорусской модели «многовекторной политики», российской концепции «многополярного мира», мирного сосуществования множества «центров силы» в современных условиях: «Политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к неизвестному, обретает свои очертания» [2, с. 159]. Несмотря на все попытки агрессивной псевдодемократии (на самом деле являющейся американской финансовой олигархией) навязывать свое экономическое господство всему миру с позиции силы, человечество все в большей степени осознает, что его позитивное дальнейшее саморазвитие может опираться только на уважительное отношение к разнообразным позициям, на гуманистические одинаковые для всех принципы *справедливости*.

Интеллектуальная культура Беларуси отражает общие тенденции развития мировой этико-философской мысли в контексте обеспечения устойчивости социальной системы и гуманитарной безопасности. Купирование и минимизация современных рисков и угроз базируются на всестороннем осмыслении универсальных общезначимых критериев *справедливости*.

Литература и источники

1. Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида : пер. с франц. – К. : «Д. Л.», 1996. – 192 с.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.

SOME THEORETICAL ASPECTS OF INTERETHNIC RELATIONS TRANSFORMATION IN THE POLY-ETHNIC SOCIETY OF THE CENTRAL ASIA

Nasriddin Nazarov

It is remarkable that the Central Asia, along with the creation and

promotion of values of morality and spirituality of the region, embodies a great ethno-social and cultural fragmentation of this multinational space. Diversity of ethnic and cultural demands, desires and needs of nations and ethnic groups that form the basis of this poly-ethnic society are differentiated, and the solution to these problems and needs constitutes the model of transformation of inter-ethnic relations in the region and indicates the optimal nature of transformation processes. Therefore, the study of theoretical aspects of the problem, examined as a regional model of the polytechnic community, sets the place of interethnic relations in the development of the Central Asia. Rationalism is the main paradigm of the theoretical approach in determining the problem solving on the basis of scientific and philosophical realities, which requires a reasonable and perceptible approach to interethnic relations.

The Central Asian republics have been living in peace and harmony for centuries thanks to the commonality of ethnic fate, the unity of the region, Islamic culture and the ethnic mentality of the nations, and these transnational, trade-economic and social relationships have been developing relative ties between our peoples. This, in turn, contributes to the development of mutual understanding in the region, as well as the transformation of this process as an important factor in raising the level of relations among the region's population.

Evolutionary process of inter-ethnic relations in the Central Asian region has a historical essence in the culture and the lifestyle of the people of the region on the basis of heritage dialectics. Unity and bloodshed in the process of universal ethno genesis, as well as for common progress, have been manifested in mutual relations, and never had a problematic situation with the peoples of the region, without the influence of the third force. At the end of the last century, the ethnic appearance of the old system was a manifestation of the problems on the socio-national backdrop, if we were to look at the ethnic identity of Alma-Ata, Osh, Meskhetian Turks and the events in Tajikistan. Osh events on the national ground of the year 2010 should be regarded as a contradiction that has been emerged by a third force.

Transformation processes in the poly-ethnic societies of the Central Asia are not smooth. Due to ethno-territorial properties, sometimes problems are also common. A. Pulatov, a Tajik scientist said: "The problem of nationalities and interethnic relations, especially of small nations, which do not have their own territorial state, has not been solved yet. One of the reasons why nationalism has worsened today in many countries is the problem that has not been addressed" [1, p. 29], as he said, indicating that inter-ethnic relations in the Central Asian region are still some of the most pressing.

The state of inter-ethnic relations is closely linked to ethno-social processes. Ethnic issues today are as follows: ethnic consolidation, inter-ethnic integration and assimilation. This process happens in every country in one place or another. Ethnic consolidation is an internal ethnic process characterized by ethnos self-development. Consolidation of nationalities, which are at the various

stages of national self-consciousness, is important for the formation of national unity, which is characteristic of ensuring the positive development of the national relations, even if it is within one nation. Interethnic integration is the result of nations' complementary contribution and enrichment, and the core of the transformation of inter-ethnic relations. Internationalization assimilates the identity, language, customs and traditions of a particular nation, and embodies the bounds of national relations, even if it is inferior to other nationalities.

Inter-ethnic relations develop in three ways: low, medium and high. Its low visibility is the relationship that has arisen in the face of potential interethnic conflicts, while the middle one is a manifestation of national tolerance and national solidarity in society. High level of interethnic relations is the interaction between the two countries, not only at the level of one state, but also at the level of neighboring countries, to ensure optimal and harmonious nature of these relations. National harmony is a positive socio-political and cultural atmosphere of different ethnicities, as well as the relationship between different ethnic groups and ethnic groups within a particular achievement in a variety of issues on the basis of mutually beneficial cooperation, which provides the positive essence of transformational processes.

Improving interethnic relations is an effective tool of communication within the subjects of poly-ethnic relations as well as achieving effective methods of cooperation between nations and peoples, friendship and mutual support. It is well known that the study of the theoretical foundations of interethnic relations, analyzing improvement processes, promoting practical conclusions, and applying these conclusions to social life are a necessary factor for the positive development of the process. These are:

1. Ensure sustainable development in all societies and create conditions for the representatives of all nations and nationalities to pursue a common goal that is crucial to the improvement of interethnic relations;

2. Ethnic stability in social life is the key to the optimal development of national relations, it ensures the development of the culture, traditions and customs of nations and countries, which in turn promotes the cultural and ethical aspects of society based on social relationships and ensures its merits;

3. The solidarity in poly-ethnic societies ensures a healthy environment in the society, and ensures progress. Considering the success of the activities of civil society institutions with the qualitative stages of social development, tolerance, unity and solidarity are more important nowadays than ever.

4. The analysis of real processes in social life shows that inter-ethnic relations among nations and ethnic groups are important to ensure the positive development of the process, as no progress in the improvement of cultural and ethical dimensions of interethnic relations is expected.

Ensuring the improvement of inter-ethnic relations is a multifaceted process, as well as inter-ethnic relations in the society, with the constant attention of state and government. The following suggestions can be made to

ensure the improvement of interethnic relations in the Central Asia and to ensure the positive nature of the transformation processes:

1. Along with the positive character of interethnic relations, it is necessary to lead this relationship in a certain direction, and to manage it. For this purpose, strengthening the activities of public and political organizations that coordinate the activities of national cultural centers and national societies, including promoting national culture and values, as well as promoting the positive aspects of cultures and enhancing their relationships with active participation of the activists of neighboring cultural centers should be maintained.

2. To explore and address societal inquiries in various fields of social life among representatives of multiethnic communities, members of multinational societies. It is important for the public opinion to be balanced with the country and public interest, as well as the ability to formulate public opinion, to develop it, to set goals, and to address the existing problems and shortcomings identified in the survey, nationally and socially.

3. It is natural that problems in the field of interethnic relations are reflected in all areas of social life, and at first it may be problematic. In such a situation, it is necessary to ensure the solution of socio-economic problems in the form of lifestyles of representatives of different nationalities and ethnicities, not allowing the discrepancy issues to turn into a conflict.

4. Polytechnic society should promote the culture of inter-ethnic relations in everyday life in the form of solidarity among diverse ethnic groups, a single civilization mentality, and the formation of regional mentality, and the sustainable development of any society is directly related to this factor.

Thus, researching the theoretical foundations of interethnic relations on the basis of scientific and philosophical approach, promoting scientifically-conceptual views in this area, along with ensuring the development of our national science, serves to further enrich the concepts of international relations in the field of inter-ethnic relations, as well as the role of national science in scientific circles. This is very important in ensuring the positive nature of transformation processes in the context of the Central Asian poly-ethnic phenomena.

References

1. Pulatov, A. X. Democratic development and national relations / A. X. Pulatov. – Dushanbe : Irfon, 1999. – 212 p.

СТАТУС ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКО- ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. В. Новикова

Мейнстримом в философско-историческом дискурсе двух первых десятилетий XXI в. выступает нарративное течение, базовая интуиция которого сводится к констатации дескриптивного, повествовательного характера исторической науки и склоняется к рассмотрению истории как совокупности нарративов, придавая, соответственно, особый статус проблеме интерпретации. Как отмечает нидерландский философ Ф. Р. Анкерсмит, прошлое не может быть понято как текст, обретающий ценность в историографическом нарративе, оно требует интерпретации, причем, эта интерпретация не может быть простой фиксацией или отражением событий и фактов. Вместе с тем нормативы научной строгости сохраняют свою значимость: «двадцать лет назад философия истории была сциентистской; теперь следует избегать другой крайности – понимания историографии как формы литературы» [1, с. 118]. Прошлое не дано нам непосредственно в виде событий, оно всегда существует в режиме знания, и исторический факт – это форма знания, которую историк придает событиям прошлого. При этом различные интерпретации конкурируют в стремлении к утверждению своего единства с фактами, представленными в исторических данных, т. е. интерпретация выступает как форма организации знания, которая не только задается фактами, но и надстраивается над ними.

Актуальная проблема современной философии истории – статус и ценность исторического опыта (речь идет и о коллективном опыте, и о частном опыте историка), который определяет условия и специфику исторического познания. Когда историк имеет дело с некой сущностью из прошлого, он конструирует ее как специфический объект знания, используя как историографическую традицию, в рамках которой он работает, так и собственный субъективный опыт. Как писал П. Рикер, «субъективность историка, если сравнивать ее с субъективностью физика, вторгается в сферу особого смысла, привнося с собой необходимые для интерпретации схемы» [2, с. 41]. Доминирующая в социально-гуманитарном знании последних десятилетий конструктивистская парадигма применительно к историографическому и философско-историческому дискурсу означает восприятие любых исторических объяснений и описаний как конструкций, зависящих от исследовательских установок авторов. Более того, по словам Х. Уайта, «если историческое объяснение или интерпретация есть конструкция, концептуальная или воображаемая, то таков и объект, к которому прилагаются эти

объяснительные техники. Когда дело доходит до исторических явлений, здесь все – от начала и до конца – конструкция» [3, с. 12]. Тем самым статус исторической истины, как и статус смысла истории, девальвированные в философии постмодернизма, могут выступать предметом интереса для философа истории скорее как отрицание или деконструкция каких-либо смыслов и значений.

Признание приоритета исторического опыта влечет за собой популяризацию идеи памяти в историографии и философии истории («мест памяти» (П. Нора), «культурной памяти» (А. Эткинд), «коллективной памяти» (Я. Ассман), «мемориальной политики» (А. Ассман), и др.). Ф. Р. Анкерсмит использует для обозначения этих тенденций исторического описания термин «приватизация прошлого», характерным признаком которой выступает склонность «употреблять термин "память" там, где раньше предпочитали говорить об "Истории" или о "прошлом"» [4, с. 24]. В отличие от объективных коннотаций понятий истории и прошлого, указывающих на субъектность более не существующих социальных образований, память – явление гибкое, изменчивое, избирательное – и тем не менее не лишенное объективности: «если прошлое возникает вновь, не так важно, возникает ли оно в моем или в чужом сознании» [5, с. 29]. «Приватизация прошлого» является своеобразной попыткой как выстраивания диалога с историей, так и легитимации потомками статуса наследников. В этом контексте исторический опыт обретает иной смысл: нам недоступно физическое переживание прошлого, но доступна реконструкция его в памяти, и память представляется как механизм, связывающий прошлое с настоящим и воссоздающий прошлое в настоящем.

С другой стороны, как отмечал почти сто лет назад М. Хальвбакс, поскольку для выживания коллективы должны обладать определенной целостностью и единством, «общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия» [5, с. 337]. Тем самым прошлое не только приватизируется – оно формируется и деформируется в памяти. Интересный момент: в большинстве европейских языков для обозначения истории как прошлого и истории как научной дисциплины, изучающей прошлое, используется одно и то же слово; тем самым изначально была задана установка на объективность и достоверность исторического знания. Смещение акцентов в сторону приоритета памяти и доминанты интерпретаций над фактологией задает новый ракурс в понимании исторической объективности, осмысление которого и является одной из центральных проблем философии истории в настоящее время.

Литература и источники

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология, взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит ; пер. с англ. : М. Кукарцева и др. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Рикер, П. История и истина / П. Рикер ; пер. с франц. : И. С. Вдовина, А. И. Мачульской. – СПб. : Алетейя, 2002. – 400 с.
3. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт ; пер. с англ. : Е. Г. Трубина, В. В. Харитонов. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2002. – 528 с.
4. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит ; пер. с англ. : А. А. Олейников и др. – М. : Издательство «Европа», 2007. – 612 с.
5. Хальвбакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальвбакс ; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.

МОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О. А. Павловская

В проекте новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (Постановление Совета безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023 г.) среди стратегических национальных интересов называются: «сохранение самобытности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти, патриотическое воспитание граждан, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений» [1], что непосредственно указывает на первостепенное значение морального фактора в достижении социальной консолидации и стабильности.

В контексте современного информационно-коммуникационного процесса весьма критическим оказалось положение в духовно-нравственной сфере. В частности, об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных в Беларуси. Так, среди личностных качеств, которые востребованы в современной жизни, респонденты называют: трудолюбие (84,0%), образованность (79,2%), творчество (76,1%), честность (75,0%), независимость (57,3%), но в то же время – угодничество начальству (78,5%), умение обходить закон (51,3%), эгоизм (49,5%), корыстолюбие (45,0%). Эти данные, по мнению известного белорусского социолога С. А. Шавеля, говорят о том, что «в общественном сознании происходят не просто некоторые подвижки, а настоящие флуктуации, перестраивающие нравственные критерии в пользу прагматико-приспособительского свойства» [2, с. 351–352].

В ходе решения актуальных задач по стабилизации общественно-

политической ситуации и предотвращения негативного воздействия глобальных угроз необходимо обозначить ключевые положения проявления морального фактора в системе национальной безопасности.

1. В резко критических (природных или социальных) условиях проявляется уникальная черта морали, обусловленная ее онтологической сущностью: и в самом человеке как разумном существе, и в народе как естественно-коллективном сообществе заключены глубинные психологические основания, которые выступают источниками самосохранения и воспроизведения человеческой жизни как таковой, а также стимулируют потребность в оздоровлении общественных нравов на том или ином историческом этапе.

2. Социально-регулятивная роль морали раскрывается как стихийно в потоке народной жизни (посредством общественных нравов), так и целенаправленно в деятельности государства, иных общественных институтов, отдельных субъектов. Последовательное преодоление негативных последствий в значительной степени связано с действием духовно-культурных факторов. Это осуществляется: 1) путем сохранения традиционных ценностей, трансляции и развития достижений национальной и мировой культуры, совершенствования способов регуляции повседневных отношений между людьми; 2) посредством продуманной и реалистичной (научно обоснованной) стратегии и тактики государственной деятельности по поддержанию действующей системы социального регулирования, а также ее реформированию в кризисных условиях; 3) за счет стимулирования и активизации интеллектуальных и духовно-нравственных сил различных социальных субъектов, направленных на преобразование окружающей действительности.

3. Культуросозидательная роль морали непосредственно связана с жизнедеятельностью конкретного человека, процессом и уровнем его духовно-культурного развития, что непосредственно проявляется в его личностной культуре. В ее структуре различные моральные компоненты являются как своеобразным стержнем («ядром»), вокруг которого вращается и взаимодействует весь «арсенал» индивидуально значимых ценностей и смыслов, так и катализатором мотивационных и поведенческих структур человеческой деятельности.

4. В системе национальной безопасности следует признать целесообразным формирование такого направления, как *духовно-нравственная безопасность*, которая представляет собой совокупность социальных условий и факторов, обеспечивающих состояние защищенности и самозащищенности человека, его сознания, отношений с окружающим миром от воздействия различного рода угроз, что способствует возвышению человеческой духовности, гармонизации межличностных отношений, формированию благоприятного социально-психологического климата, стабилизации в целом общественных

отношений. При таком рассмотрении в центре внимания находится сам человек, который, с одной стороны, нуждается в защите и получает ее от различных социальных структур, с другой – он осознает степень опасности тех или иных объектов и обеспечивает свою самозащиту и защиту других людей [3, с. 254].

5. При решении актуальных социальных проблем можно выделить два основных вида воздействия: во-первых, *опосредованный*, когда в той или иной мере духовно-нравственное развитие людей осуществляется спонтанно (попутно) как в процессе самореализации человека в различных видах деятельности, так и в ходе реализации государственных программ по развитию социально ориентированной экономики, внедрению новейших технологий, выполнению многих социальных и культурных проектов. Это непосредственно сказывается на улучшении условий жизни людей, а следовательно, оказывает положительное воздействие на их морально-психологическое состояние; во-вторых, *целенаправленный*, когда сам человек ориентирован на свое самосовершенствование, когда государственные и общественные институты, формальные структуры и неформальные объединения граждан осуществляют различные действия с определенной целью – сознательно и организовано оказывать воздействие на духовный мир личности, морально-психологическое состояние тех или иных социальных общностей.

6. С точки зрения обеспечения национальной безопасности необходимо во взаимосвязи рассматривать: с одной стороны, *личностное* развитие человека, квинтэссенцией которого следует считать такую нравственную ценность, как собственное человеческое достоинство; с другой – *гражданское* развитие человека, посредством чего он идентифицирует себя с определенной общностью людей, государством, где живет и трудится, историей и культурой того или иного народа (нескольких народов), результатом чего становится его осознанная гражданская позиция, в которой воплощаются чувство долга и ответственности, любовь к родной земле и уважение к людям.

7. Целенаправленные усилия по стабилизации общественной обстановки с учетом морального фактора должны быть направлены: 1) на усиление духовно-нравственных приоритетов в идеологической работе, что позволит активизировать гражданско-патриотическое воспитание граждан; 2) на оптимизацию системы образования с последовательным усилением действий по нравственному воспитанию и этическому просвещению учащихся, повышением уровня нравственно-профессиональной культуры преподавателей / наставников, совершенствованием учебных программ социально-гуманитарных дисциплин; 3) на комплексное решение задач по правовому и нравственному развитию граждан, формированию нравственно-правовой культуры личности; 4) на разработку этических кодексов различных видов

профессиональной деятельности, развитие нравственно-профессиональной культуры руководителя / воспитателя, оздоровление морально-психологического климата в социальных группах, трудовых коллективах; 5) на последовательное соблюдение прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания, уважение их мировоззренческого (религиозного либо светского) выбора; 6) на профилактику девиантного поведения и активизацию здорового образа жизни.

Литература и источники

1. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Постановление Совета безопасности Республики Беларусь. 6 марта 2023 г., № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s000>. – Дата доступа: 20.05.2023.
2. Шавель, С. А. Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 507 с.
3. Павловская, О. А. Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход / О. А. Павловская. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 308 с.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК АКТУАЛЬНЫЙ ФАКТОР КУЛЬТУРООБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е. А. Ротмирова

В современных условиях обострения глобальных кризисов, пересмотра движущих факторов и инструментов гарантирования безопасности нации, общества, государства, человека, гуманитарность выступает одним из ведущих приоритетов, выдвигающих на первый план культурную политику, идеологию, культуру [1; 5]. Культура как фундаментальный ресурс социальной устойчивости и источник познания предопределяет гуманитарное развитие личностных ожиданий и проекций. Современное образование в единстве осмысленного и праксиологического призвано воспроизводить, развивать культурные способы понимания и сохранения мира. Обилие информационных потоков империрует требования компетентностного познания Вселенной, человека, искусства через проектирование визуальной реальности, преобразование, редуцирование ее до культурных образов передачи, отражения идей в связи поколений и культур, результатов действий с общей культурой, потребностей с замыслами сохранения, духовного насыщения, гуманитарной безопасности [1; 2; 6].

Гуманитарная безопасность в контексте защищенности веры, традиций, образования, духовности, нравственности, гарантии свобод и прав личности, соблюдения конкретных обязанностей гражданина обуславливает культуру безопасного поведения в направлении сохранения

и устойчивого развития целей, идеалов, ценностей и смыслов, норм и традиций человека, семьи и социума, социальных институтов [5; 7]. Идеи гуманитарной устойчивости приобретают новую функцию движения к безопасной эмергентной среде с культурным уровнем сознания субъектов. Процессы понимания и одухотворения призваны строиться на принципах культуры перехода от гармоничной личности к гармонии окружения, когда душевная гармония, обеспечиваемая изобразительным творчеством, особо востребованным в кризисные периоды для сохранения социальности, общечеловеческих и нравственных ориентиров, противостоит цели разрушения, утверждает ценности гуманизации, созидания в противовес угрозам национальной безопасности (клиповость мышледействия, обилие образцов массовой культуры) [1; 5; 6].

Гуманитарная культура, как критически осмысливаемый показатель человеческого опыта и бытия, обуславливает ценности художественно-изобразительного образования в его возможностях сохранения и утверждения смыслообразующих координат созидания, обеспечения духовной безопасности [1; 5], развития эстетико-культурного сознания и творческого потенциала социума. Сферу изобразительной культуры необходимо использовать в качестве многоуровневой системы, созидающей в универсальности ресурсов, так как для успешного развития социума и конкурентоспособности государства требуется не столько грамотное исполнение, сколько мыследеятельность и ответственность. Художественно-познавательная, интеллектуально-творческая, духовно-созидательная специфика изобразительных объектов обуславливает их смысловую, внутренне-продуктивную целостность (в единстве логического и образного, эмоционального и рационального, материального и духовного, теоретического, практического) и внешнюю продуктивность (в процессах преобразования, создания, воссоздания замысла с присущей метафоричностью, эмоциональностью, образностью). Соответственно, культуuroобразное взаимодействие и отражение мира идентично личностному мироотображению в системе рационального и эмоционального воспроизведения объектов во внешних продуктах и внутренних проявлениях, их мифологического сопровождения с целью транслирования системы представлений, духовных ценностей [2; 6].

Учитывая, что сферы реального человеческого общения ограничены эмпирически, а художественного – не имеют границ, применение изобразительных образцов в прямом назначении позволяет ценности культуры воплотить в жизненной позиции каждого (особенно в школьном возрасте как актуальном периоде формирования ценностей в условиях развивающейся образовательной среды в единстве воспринятого, осмысленного, духовного и материального, праксиологического) [1; 3]. Так как художественно-творческое мышление позволяет ассоциативно воспринимать форму и идею, сопоставляя изображения с жизненными

смыслами, гуманизация современной школы должна строиться на созидании образов, где искусство как зеркало, в которое человек может смотреть и познавать, совершенствуя себя [4; 6].

Одним из актуальных методов, обеспечивающих изображения знаковостью, символизмом, глубиной смыслов выступает изобразительное проектирование, в котором проектируемые смысловые изображения выступают как образцы безопасного ценностно-смыслового самоутверждения, раскрывающие выбранные идеи-инварианты, нормирующие пределы преобразований. Смысловая норма как элемент устойчивости и повествования диктует для изображения особую внешнюю и внутреннюю структурную организацию, принадлежащую изобразительной форме [6; 7]. Полагаем, что наличие ресурсных рамок, продуктивность, учет рисков и затрат, инновационность, глобальность и панорамность, логика предписания и обоснования, а также тиражируемость, широта распространения и внедрения выступят в качестве отличительных признаков проектируемой изобразительной деятельности, основывающейся на системе идей, смыслов и связей. Изобразительные проекты призваны выступить как оптимальные инструктивы культурного решения проблем и реализации творческих ожиданий, характеризующие практики мыследействия и созидания, направленные на конкретный продуманный, поэтапно достигаемый результат в соответствии с дидактической нормой (изобразительные задания (упражнения и задачи); проекты по образцу-аналогу; поисковые; авторские). Эта многоаспектность и творческий ресурс позволит фасилитативно использовать художественно-творящую форму для обеспечения устойчивости изобразительного и образовательных процессов при совокупности внутренне осмысленных и внешне проявленных действий.

Конструктивный эффект устойчивости достигается через визуальную внешнюю и внутреннюю гармонии культурно-образовательной среды (соответствие внутренней и внешней формы) в показателях восприятия, отношения, осмысления, открытия, проектирования, отражения, транслирования. Культурная реализация образовательных задач будет обеспечена системой поуровневых, культурно-ориентированных, дидактико-развивающих процессов (базовых; интегративных; персонализированных, индивидуально-целостных). Процесс культурного развития, прогнозируемый на уровнях продуктивности и рациональности, устойчивости и творчества, предстанет как взаимодействие обучающихся, педагогов с предметным и социальным окружением, империруя человекоориентированное мировоззрение на уровне духовных потребностей и созидательной активности, актуализации гуманитарной безопасности, сохранения культурно-образовательной преемственности.

Таким образом, в современных ситуациях многомерного диалога, определяющего способы существования культуры и образованного человека в мире культуры, эпицентром измерения становится духовная безопасность как система проектируемых условий, позволяющая обществу изобразительно транслировать жизненно важные установки с учетом сложившихся и принятых идей, норм, способствуя переориентации социального сознания, ценностных смыслов с материальных на духовные, гуманистические [1; 3]. Изобразительно проектируемые смыслы гарантируют выдвижение жизненноценных задач культурного характера с учетом художественно-творческого опыта прошлого, для настоящего и во имя будущего, стимулируя аспекты культуросохранения и культуросозидания в образно-смысловой интеграции науки и искусства.

Литература и источники

1. Балакина, Е. И. Культура народа – здоровье общества : монография / Е. И. Балакина. – Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2019. – 313 с.
2. Запесоцкий, А. С. Образование: философия, культурология, политика / А. С. Запесоцкий. – М. : Наука, 2001. – 443 с.
3. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 2003. – 368 с.
4. Мелик-Пашаев, А. А. О состоянии и возможностях художественного образования / А. А. Мелик-Пашаев // Искусство в школе. – 2008. – № 1. – С. 4-9.
5. Михайленок, О. М. Гуманитарная культура как фактор национальной безопасности / О. М. Михайленок // Россия реформирующаяся. – 2010. – № 9. – С. 108–122.
6. Печко, Л. П. Выразительность эстетики природы и культура личности : монография / Л. П. Печко. – Ульяновск ; Москва : ФАО Ульянов. гос. техн. ун-т, 2008. – 363 с.
7. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.

ПАКАЛЕННЕ І ПРАБЛЕМА ФАРМІРАВАННЯ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМ'ЯЦІ

А. Э. Рудкоўская

Прынцыпы геапалітычнага супрацьстаяння падразумяваюць у тым ліку неабходнасць псіхалагічнага злому насельніцтва праціўніка, аб'ясцэнвання традыцый, разрыва сувязі пакаленняў праз непрымальны вопыт старэйшых. У гэтай сувязі вельмі актуальным і апраўданым уяўляецца ўдакладненне ў арт. 15 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь адказнасці дзяржавы за захаванне не проста гісторыка-культурнай і духоўнай спадчыны, але «гістарычнай праўды і памяці аб гераічным

подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны» [1, с. 7]. Аслабленая гістарычная памяць будзе не здольная супраціўляцца выцясненню традыцыйных каштоўнасцей чужымі, злому нацыянальнай ідэнтычнасці, навязванню «правільнай» версіі гістарычнага мінулага.

У чым бачацца перашкоды, неспрыяльныя фактары, якія ўскладняюць рэалізацыю задач, выкладзеных у Праграме бесперапыннага выхавання дзяцей і вучнёўскай моладзі на 2021–2025 гг.?

1. Складванне ў моладзі новых сэнсавых канструктаў, на наш погляд, дакладна ўкладваецца ў тэорыю амерыканскага антраполога, этнографа М. Мід, якая прасачыла пераход ад постфігуратыўнай культуры да кофігуратыўнай, а пасля – прэфігуратыўнай. У першым выпадку старэйшае пакаленне выступае ў якасці бездакорнага аўтарытэту, прыкладу для пераймання; яго вопыт, каштоўнасці, стыль жыцця задаюць аўтаматызм паводзін дзяцей. У другім выпадку мы маем справу з канфліктамі пакаленняў, калі моладзь не мае патрэбы ў пакаленні дзядоў, бо лічыць вопыт старэйшых недастатковым (а то і непрыдатным); арыентуецца на аднагодкаў і шукае новыя эталоны, ідэалы, спосабы жыццядзейнасці і самасцвярджэння. Па прагнозах даследчыка, у будучыні зварот да вопыту мінулага, узаемадзеянне пакаленняў стане яшчэ больш дыскрэтным, нетрывалым з прычыны інтэнсіфікацыі грамадскіх трансфармацый, паскарэння тэмпаў развіцця. Як кажучь, не дзеці жывуць у наш час, а мы – у іх часе. Сярод фактараў, якія прадудыруюць падобныя тэндэнцыі ў духоўнай культуры, можна назваць кардынальныя сацыяльна-палітычныя, эканамічныя змены, тэхнічныя навацыі.

2. Пакаленне Z, – па словах М. Прэнскі, – «лічбавыя абарыгены», у найбольшай ступені схільныя да ўплыву віртуальнага медыаасяроддзя, сацыяльных сетак. Гэта тоіць у сабе мноства рызык. Па-першае, кібернетычны чалавек засяроджваецца на ўласных інтарэсах, фантомнай рэальнасці і выключаецца з сапраўднага жыцця, сферы грамадскіх ідэалаў, сацыяльных сувязяў. Э. Фром назваў такога аўтычнага чалавека хвораай асобай хворага свету. Па-другое, у сетцы кожны сам сабе гісторык, які размяшчае далёкія ад навуковай верыфікацыі пасты, каментары. Накручаныя лайкі і колькасць праглядаў уплываюць на цікавасць аўдыторыі да размешчанага матэрыялу, што становіцца інструментам кіравання стаўленнем людзей да падзей мінулага. Маладыя людзі не заўсёды ўмеюць аддзяляць збожжа ад пустазелля, фільтраваць кантэнт. Па-трэцяе, кола пытанняў, якія цікавяць моладзь, досыць вузкае, юнакі звяртаюць увагу, як казаў П. Сарокін, толькі на «пустыя банальнасці, яркія і шкодныя забавы і нетрывалы "поспех"» [2]. Па-чацвёртае, суб'екты інтэрнэт-прасторы становяцца лідэрамі меркаванняў для моладзі, канкуруюць за аўтарытэт з педагогамі і бацькамі.

3. Па кан'юнктурных матывах асобных палітычных сіл бітвы за гісторыю рэзка абвастраліся. Безадказная і безапеляцыйная інтэрпрэтацыя

падзей мінулага, этычная і аргументацыйная раскаванасць у ацэнках, распаўсюджванне канфліктагенных тэкстаў, дэзінфармацыя і дыскрэдытацыя, падробка і фальсіфікацыя, выбіральнасць адбору інфармацыі і аднабаковасць яе падачы сталі звыклымі сугестыўнымі, маніпулятыўнымі практыкамі ў справе светамадэлявання. Маладым людзям складана разабрацца ў падобным інфармацыйным хаосе, што правакуе скепсіс, ідэалагічную індыверэнтнасць, страту цікавасці да гістарычнай праблематыцы.

4. Перашкодай на шляху фарміравання гістарычнай памяці, патрыятызму выступае таксама агульная ментальная спецыфіка эпохі постмадэрнізму. Постсучаснаму свету са мноствам рызык стала ўласціва адсутнасць бяспекі ва ўсіх сэнсах. У постмадэрнісцкай культуры нігілізму дзейнічаюць гнуткія правілы, культура адмены. Грамадскае выцясняецца індывідуальным, гістарычнасць – папуры звестак пра мінулае, аўтарытэты – дэкананізацыяй традыцыйных каштоўнасцей, знакаў і герояў, сістэматычнасць ведаў – мазаічнай інфармацыяй, змест – формай, этычныя прынцыпы – геданізмам, гісторыка-сацыякультурная ідэнтычнасць – нежаданнем змяшчаць сябе ў якую-небудзь ідэнтыфікацыйную матрыцу. У выніку культ свабоды выбару, разнастайнасці і радапалажэння выліліся, на думку філосафа Ю. Харына, у нараджэнне новай з’явы, – хома цвішэнс – дэзарыентаванага, няўпэўненага чалавека «міжбыцця», абцяжаранага выбарам паміж мноствам варыянтаў; існуючага па прынцыпу дэ-: дэгуманізацыі, дэцэнтрацыі, дэрацыяналізацыі, дэфармацыі, дэструкцыі.

Але чалавек як істота, якая патрабуе сэнсу, не можа бясконца знаходзіцца ў стане нявызначанасці на ростанях, не можа без укаранення ў гістарычным, маральным субстраце: перакаці-поле – усё ж выключэнне. Дзяржаве варта і далей праводзіць адказную палітыку памяці для фарміравання нацыянальнай самасвядомасці, умацавання інтэграцыі і адзінства грамадства. Названыя рызыкі павінны падштурхнуць суб’ектаў сацыялізацыі да інтэнсіфікацыі работы па супрацьдзеянні дэструктыўнаму інфармацыйнаму ўплыву, пошуку новых форм узаемадзеяння з моладдзю ў мэтах яе сацыякультурнай інтэграцыі.

Літаратура і крыніцы

1. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.). – Минск : Национальн. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Сорокин, П. А. Долгий путь: Автобиограф. роман / П. А. Сорокин ; пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. – Сыктывкар : Союз Журналистов Коми АССР : Шыпас, 1991. – 304 с.

ВИДЕОИГРЫ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А. Д. Рымашевский

На данный момент видеоигры являются социально-культурным феноменом, который с каждым днем привлекает к себе все большее количество людей, а остаться вне игрового опыта становится все сложнее с ростом уровня технологий и их широкого распространения в современных социумах. Однако, любая культурная парадигма является отражением той эпохи и того социального порядка, который господствует в обществе. Анализ видеоигр с точки зрения теории «индустрии культуры» может позволить выявить наиболее характерные процессы и тенденции, сложившиеся в игровой индустрии, изучить специфику формирования культурных аспектов информационного общества.

Известно, что становление и развитие видеоигр как индустрии происходило в рамках высокоразвитого капиталистического общества со всеми присущими ему процессами, именно поэтому видеоигры являются не только объектом искусства, но и товаром, за который конечный потребитель платит свои деньги. Слова Т. Адорно и М. Хоркхаймера о том, что искусство превращается в сплошную коммерцию и полностью зависит от крупных корпораций, всецело применимы к сфере видеоигр [1]. Так, в самом начале 2019 г. бизнес-издание «Капитал» опубликовало статью о 10 крупнейших компаниях в игровом мире, среди которых значатся не только привычные для геймера издатели и разработчики, например, такие, как Ubisoft или Electronic Arts, но и студии, которые приобрели всемирную известность благодаря не созданию игр, а продаже компьютерного программного обеспечения или высокотехнологичных девайсов. Что примечательно, именно Microsoft Studios и Sony Computer Entertainment возглавляют список 10 самых богатейших студий-издателей видеоигр, с капиталоборотом 12,82 млрд. долларов и 13,4 млрд. соответственно [2].

Необходимо также обратить внимание на сходство в развитии между индустрией кинематографа и видеоигр. Кинематограф как жанр искусства сформировался в самом конце XIX вв. и приблизительно через 30–40 лет стал по-настоящему большой индустрией, которую критиковали деятели франкфуртской школы. С играми произошло то же самое: в 1970-х годах начали появляться первые игровые автоматы, в конце XX вв. – первые игровые приставки, а в XXI в. массовое распространение получили компьютерные и мобильные игровые приложения, а также сформировались огромные корпорации, которые являются крупнейшими игроками на рынке и по сей день. Вдобавок к этому, игровая индустрия приносит большую прибыль не только издателям и разработчикам

видеоигр, но и владельцам крупных компаний, создающих продукцию и ведущих исследования в смежных отраслях (фирмам, занимающимся созданием и тестированием программного обеспечения; компаниям, разрабатывающим компьютерную и мобильную периферию; маркетинговым, аналитическим и экономическим изданиям, собирающим информацию о потребителях и товарах и т. п.).

Видеоигры с каждым днем привлекают и все большее внимание политиков, т. к. действия, проводимые компаниями для извлечения прибыли, могут приносить вред игрокам, в частности детям. В качестве примера можно вспомнить случай 2018 года, когда правительства Великобритании, Нидерландов, Новой Зеландии, Бельгии и ряда других стран решили ограничить возможность игровых компаний торговать такими внутриигровыми предметами, как лутбоксы со случайным шансом выпадения того или иного предмета [3]. По мнению экспертов, из Бельгийской комиссии по азартным играм, такие известные игровые серии, как FIFA, Overwatch, и другие, нарушали законодательство страны об азартных играх и пагубно влияли на несовершеннолетних. Далее последовала просьба к разработчикам убрать соответствующие механики, с указанием на то, что в случае невыполнения распоряжения, игры будут заблокированы на территории страны, а игровые издательства получат штраф в 800 тыс. евро с возможным наказанием до 5 лет лишения свободы для сотрудников [4].

Данные события подтверждают теорию Т. Адорно и М. Хоркхаймера о том, что культурные продукты становятся все более связанными с экономикой и политикой. Опираясь на эмпирическое исследование О. А. Степанцевой в работе «Социальный портрет геймера», можно отметить, что «получение новых знаний, освоение новых технологий», «свобода получать любую информацию без ограничения», «духовное саморазвитие» стоят на последних трех строчках в выборе приоритета ценностей у геймеров, при этом «материальное благополучие» находится на 3 позиции в начале в списке, что еще раз подтверждает тезисы концепции, изложенной в работе «Диалектика просвещения», о том, что искусство и культура перестали нести просвещающий характер [1]. О. А. Степанцева приходит к выводу, что такие ценности полностью соответствуют ценностям общества постмодерна и рыночно-потребительским отношениям, господствующим в нем [5].

При анализе видеоигровой индустрии стоит сфокусировать внимание на термине «пастиш», введенном в оборот американским литературным критиком Дж. Фредериком и обозначающим создание вторичных художественных произведений [6]. Сюда можно отнести игровую адаптацию серии романов «Сага о Ведьмаке» польского писателя А. Сапковского, ряд игр по вселенной «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина, несколько частей игр в жанре Shooter, посвященных

книгам российского писателя Д. Глуховского «Метро 2033» и многие другие игровые ре-издания известных фэнтезийных и приключенческих вселенных. Что же касается цикличности и массового копирования произведений культуры, описанного сторонниками критической теории восприятия культуры, то игры подвержены этому в большей степени, чем кинематограф. Среди наиболее продаваемых игр, в основном, фигурируют игры-серии, созданные крупнейшими издателями и разработчиками, которые выходят с периодичностью раз в несколько лет и / или каждый год, как в случае с франшизами Call Of Duty или FIFA. Пока подобные франшизы будут коммерчески успешными, разработчики не перестанут выпускать одну и ту же игру, но с небольшими изменениями, предлагая при этом приобрести вторичное художественное произведение за полную стоимость [7]. Возвращаясь к произведению «Диалектика просвещения», стоит упомянуть тезис авторов о том, что человек стал придаточной частью индустрии, которая постоянно «штампует» стереотипный, полностью состоящий из клише контент для потребителей [1].

Таким образом, те свойства и характеристики, которыми Т. Адорно и М. Хоркхаймер, а также исследователи франкфуртской школы, наделяли массовую культуру и искусство первой половины XX в., применимы и к продуктам культуры информационного общества, в частности, к видеоиграм. В качестве основных свойств и характеристик последних можно выделить: превалирование ценностей общества потребления у игроков вместо стремления к получению новой информации и интеллектуального обогащения, взаимосвязь политики и других сфер жизни с игровой индустрией, рост коммерциализации игровой индустрии, вторичность художественных произведений и обилие пастишей.

Литература и источники

1. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения: Филос. фрагм. / М. Хоркхаймер // Пер. с нем. : М. Кузнецова. – М. : Медиум ; СПб. : Ювента, 1997. – 310 с.
2. Топ-10 компаний игрового мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kapital.kz/tehnology/74944/top-10-kompaniy-igrovogo-mira.html>. – Дата доступа: 13.04.2020.
3. В Нидерландах признали лутбоксы в PUBG, Dota 2 и FIFA 18 формой азартных игр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gamemag.ru/news/127720/gollandskie-vlasti-priznali-lutboksy-v-pubg-i-fifa-formoy-azartnyh-igr>. – Дата доступа: 28.04.2020.
4. Бельгийская комиссия по азартным играм постановила, что Overwatch, FIFA 18 и CS: GO нарушают закон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dtf.ru/gamedev/19010-belgiyskaya-komissiya-po-azartnym-igram-postanovila-chto-overwatch-fifa-18-i-cs-go-narushayut-zakon>. – Дата доступа: 04.05.2020.
5. Степанцева, О. А. «Социальный портрет» геймера / О. А. Степанцева // Известия Российского государственного педагогического университета

им. А. И. Герцена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-portret-geymera>. – Дата доступа: 11.04.2020.

6. Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 4. – С. 63–77.

7. Список самых продаваемых игр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 04.05.2020.

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. В. Сабирзянова

Первая четверть XXI века обозначилась как время стремительных социодинамических процессов: глобальных трансформаций, масштабных цивилизационных сдвигов, фундаментальных изменений, конструирования ситуаций неопределенности. Глобальный проект единой универсальной цивилизационной модели, по западному образцу, потерпел крах, ввергнув мировое сообщество в зону турбулентности – ситуацию новых межэтнических, межконфессиональных столкновений. Здесь и далее под термином турбулентность (лат. *turbulentus* – бурный, беспорядочный) мы будем понимать (применительно к социальной динамике) возможность стремительных, парадоксальных, порой не поддающихся рациональной рефлексии изменений.

Четко обозначившиеся сегодня линии цивилизационных разломов как результат «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) по линии Запад-Восток, могут быть определены, в широком смысле, как «конфликты, линии противостояния между цивилизациями», в узком – как зоны потенциальных конфликтов, географически локализующиеся рубежами цивилизаций с различными типами религиозных, идеологических и социокультурных систем. Например, линии соприкосновения христианского и мусульманского миров, противостояние западных и восточных христиан, шиитов и суннитов свидетельствуют о многократном усилении деструктивных тенденций в современном мире (подробнее об этом: [3, с. 374–375]).

Причем в основании подобных стратегий мультипликации кризисных сценариев зачастую лежит отнюдь не уровень экономического развития, а духовные, ментальные конструкты (нравственные и религиозные традиции; мировоззренческие установки и системы ценностных ориентаций). Согласимся с мнением И. В. Малыгиной, указывающей на первостепенную роль ценностей и смыслов, их совпадения или противоборства в определении характера межкультурного и межцивилизационного взаимодействия, что, в свою очередь, мыслится

«маркером самобытности, основанием самоопределения и самоуважения народов и культур» [2].

Современное осмысление проблемы цивилизационных столкновений, разрастающихся по линии бинарной оппозиции Восток-Запад, а также методология аксиологического подхода позволяют выявить их ценностную природу и идентифицировать как зону турбулентности социальной динамики. К подобным территориальным образованиям сегодня все чаще в отечественной историко-философской и социально-политической мысли применяется термин «фронтир» (англ. *frontier* – граница, рубеж, пограничье), имеющий, собственно, американское происхождение. Историк Ф. Дж. Тернер предложил его в работе «Значение границы в американской истории» («The Significance of the Frontier in American History», 1893 г.) для определения границы Дикого Запада (своеобразная линия, разделяющая освоенные и неосвоенные земли). Употребление термина «фронтир» в данном случае – аналог границы между цивилизацией и дикостью. В сборнике статей «Фронтир в американской истории», который увидел свет в 1920 г., были собраны исследования Ф. Дж. Тернера по колонизации и освоению Америки, тем самым был институализирован термин «фронтир» в значении «расширение и освоение территорий» [4].

Ныне термин аккумулировал семантическое многообразие и вобрал в себя весь спектр фронтально обозначаемых объектов, процессов и состояний:

1. связанных по смыслу с понятием границы (окраина, обрамление, межа, грань, барьер, линия, рубеж, порубежье, пограничная область, пограничные регионы, пограничный город);

2. семантически обозначающих историко-цивилизационный процесс (пограничный предел, маргинальность, соприкосновение, разграничение);

3. фронтально организованной информации о человеке (пограничное сознание, пограничная личность, человек (люди) фронта).

Существенным фактором формирования линий цивилизационных разломов становится культура (А. Н. Чумаков) как ценностно-смысловое пространство (Универсум) и социально-культурный контекст детонаторов общественных противоречий (различий в культурно-цивилизационном развитии). Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций» отмечал, что «Запад и Восток, Европа и Азия представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями... Это историко-географические аксиомы, в которых никто не сомневается... Ибо, если не Запад, так Восток; не Европа, так Азия – середины тут нет, нет Европо-Азии, Западо-Востока...» [1, с. 83]. И далее: «...ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшествующими или современными, во всех сторонах развития» [1, с. 123].

В качестве универсальных скреп культуры выступают фундаментальные ценности, имеющие определенное смысловое воплощение в те или иные исторические эпохи. Историко-культурное наполнение понятия «ценность» представлено большим количеством идей, концепций, в зависимости от конкретного исторического контекста. Именно в границах социально-философского дискурса происходит объективация ценности в качестве феномена культуры.

Современная парадигмальная трансформация всей системы традиционных ценностей явилась следствием глобальных изменений начала XXI века: речь идет о деформации ценностей и ценностных ориентаций в современном мире, где на смену рационализму приходит иррационализм, а трагическое самосознание утрачивает существенную актуальность, сменяясь ироническим пессимизмом (постмодернизм).

Характерной особенностью становится не отражение объективной реальности, а ее интерпретация как социального конструкта, что вполне импонирует постмодернизму. Смыслы утрачивают свою сущностную составляющую, все чаще ей на смену приходит практика построения – создания и тиражирования. Подобное конструирование вызывает к жизни новые, алогичные события и явления (постановочные новостные ленты, информационные войны, принудительная дипломатия, гибридные войны, цветные революции) [3, с. 374–375].

Территории турбулентности, нестабильности, географически располагающиеся на линиях цивилизационных разломов, возникающих в столкновении различных культурно-цивилизационных типов, включают в себе мощный деструктивный потенциал для существующих акторов геополитической карты мира («цветные революции», квазигосударственные новообразования, непризнанные или частично признанные территории).

Вместе с тем именно неустойчивость, пластичность этих территорий предоставляет возможность переосмысления, взаимодействия, интеграции, турбулентности духовных констант. Именно ценностно-смысловое пространство культуры фронта потенциально готово как к сохранению старых, так и к формированию новых идеалов и норм, ибо сюда свободно (вне всякой идеологии) проникают деформированные представления о сущем и должном, вызывая к жизни процесс трансформации общества, и, соответственно, коррелирующие с ним изменения содержания, структуры, состава, значения ценностей.

Таким образом, мы убеждаемся в ценностной природе культурно-цивилизационного фронта (*англ.* *frontier* – буквально «рубеж», «граница») – «территории», определяемой, с одной стороны, географически, в категориях «ничейности», противоборства, столкновения; с другой – ментально, как надтерриториальный феномен, фазу «бифуркации», потенциальную контактную зону турбулентности в

противоречивом сочетании негативно поляризованных культурно-цивилизационных практик и ценностных ориентаций, возможность синтеза нового и старого, «своего» и «чужого», генерирующую различные варианты в выборе систем ценностей.

Литература и источники

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций / Н. Я. Данилевский. – М. : Алгоритм, 2014. – 576 с.
2. Малыгина, И. В. Российская идентичность в контексте цивилизационных разломов Запада и Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cult-cult.ru/the-russian-identity-in-the-context-of-civilizational-rift-between-the-west-and>. – Дата доступа: 05.05.2023.
3. Сабирзянова, И. В. Цивилизационные разломы и глобальные мировые трансформации / И. В. Сабирзянова // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право : сборник научных трудов. – Симферополь : ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2018. – С. 374–378.
4. Тернер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тернер ; пер. с англ. А. И. Петренко. – М. : Весь Мир, 2009. – 304 с.

ПРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

В. А. Салеев

В XXI веке, в связи с существенной трансформацией политической картины мира, закономерно появляется понятийная система, касающаяся безопасности стран, стремящихся сохранить свою целостность и суверенитет. Эта система многослойная и многосторонняя. Она включает в себя и прямой широкий выход понимания безопасности страны (который обеспечивает, прежде всего, армия), и множество иных важных аспектов (таких, как понятие продовольственной безопасности, которую обеспечивает сельское хозяйство страны).

Вместе с тем, в современном мире, технологически и информационно насыщенном, в мире, раздираемым противоречиями и противоборствами, становится, на наш взгляд, необходимым ввести еще одну понятийную систему – и речь идет о гуманитарной безопасности.

Еще недавно, в начале XXI века, в центре внимания мировой общественности находилась проблема глобализации. Отмечалось, в частности, что глобализация, представляя собой новейший вариант американизации и вестернизации мира, наиболее ярко проявлялась не только в политико-экономической сфере, но и в сфере духовной, прежде всего в культуре и искусстве.

Воздействие глобализации в этом направлении сводится, главным

образом, к унификации культурного развития различных стран и регионов, к стремлению сформировать новое культурное пространство, ориентированное на англосаксонские ценности культуры.

При этом, адепты глобализма не уставали говорить о необходимости «перехода к планетарной культуре», игнорируя стремление стран к сохранению их культурной идентичности, родного языка, глубинных ценностей, накопленных в течение долгого исторического развития национальными культурами.

Один из участников международного симпозиума «Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі», проведенного в Минске в июле 2002 года (с участием Генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацуура), югославский философ и социолог Ю. Райкович отмечал: «"Глобализация" и "культура" не равноправны между собой с точки зрения соотношения причины и следствия. На самом деле глобализация проводится двумя путями: подражанием явлениям самой культуры (например, в моде) и *сознательным расширением* стереотипов, имеющих свое начало в экономико-финансовой сфере мега-капитала, определением мировых целей "культуры" и культурной политики мира, осваиванием и созданием учреждений, непосредственно или опосредованно влияющих на реальную политику в области культуры. Мега-капиталу не нужны культурные народы, ему нужны потребители того, что он (мега-капитал) определяет» [1, с. 342].

За двадцать с лишним лет, прошедших с начала XXI века, многое изменилось в атмосфере человеческого бытия на планете Земля, но не в повадках того самого мега-капитала, о котором говорил югославский философ.

Ярким, на наш взгляд, подтверждением этого явилось решение организаторов Всемирного эстетического конгресса (Краков, 2013 год) объявить единственным рабочим языком конгресса английский язык (вопреки сложившейся на эстетических конгрессах традиции, согласно которой рабочими языками конгресса объявлялись три языка: английский, французский и местный). В результате даже представление истории эстетики в Польше польскими эстетиками проводилось на не совсем совершенном английском языке. Нет сомнений, что это было сделано в угоду американским участникам конгресса, число которых заметно превышало другие делегации.

Однако глобализационным тенденциям создания гомогенного культурного пространства стали, со временем, противостоять идеи глокализации, то есть стремление отдельных стран и народов уберечь собственную культуру от смертоносного воздействия глобализационных культуртрегеров, сохранить свою культурную (и шире национальную) идентичность, свое суверенное видение мира.

Проблема осложняется тем, что никто не может отменить

взаимодействия культур, именно в этом взаимодействии и развиваются национальные культуры, вызревает самосознание этносов, утверждается их культурная идентичность.

Рассматривая взаимодействие национальных культур, выдающийся советский и российский ученый Д. С. Лихачев особое значение придавал пограничью культур: «На границах культур воспитывается их самосознание. Если граница сохраняется как зона общения – она обычно и зона творчества, зона формирования культур. Если граница – зона разобщения, она консервирует культуру, омертвляет ее, придает ей жесткие и упрощенные формы. ...В начале развития культуры ее границы – по большей части границы общения и обмена опытом. К концу границы культуры становятся границами охраны себя от соседних культур» [2, с 98].

История подтверждает размышления академика. Так, белорусская культура несколько столетий вызревала, находясь под влиянием близких славянских культур: польской и российской. Причем, когда обнаруживалось доминирующее давление со стороны польской культуры (XVIII век), белорусская культура уходила вглубь себя, где пользовалась выработанными народом формами (фольклор, ремесла, батлейка, родной язык). Совсем другая картина предстала в 30-х – 40-х годах XIX века, когда взаимодействие польской и белорусской культур стало осуществляться на свободной и недоминирующей основе. Именно тогда, во многом благодаря влиянию польского романтизма (А. Мицкевич и целая группа польско-белорусских поэтов – Я. Чечот, Вл. Сырокомля и др.), и возникает новая белорусская литература (В. Дунин-Марцинкевич), ставшая локомотивом национальной белорусской культуры.

Однако на переломе XX и XXI веков ситуация существенно изменяется. Многие страны начинают ориентироваться на многополярность мира. Тем более, что в западном обществе начинают все более радикально внедряться либеральные идеи, затрагивающие вековые устои человеческого общежития. Это касается и гендерных проблем, и устройства семьи, и, вообще, личностного проявления человека в обществе, которому, кажется, нет границ. Чего стоит только внедрение в США классификации семейной пары: родители № 1 и № 2. Разумеется, восточные славяне имеют свой, сложившийся столетиями взгляд на эту проблему, взгляд, так хорошо выраженный в лермонтовских строках: «я никому не мог сказать священных слов отец и мать...».

Таким образом, речь идет о принципиально различающихся ценностях в системе национальных культур. Их изменение (тем более насильственное) есть нарушение гуманитарной безопасности страны.

Самое главное – противостояние разрушительному стороннему воздействию не может решаться простым идеологическим способом – скажем, выступлениями даже квалифицированных политологов.

Думается, что серьезный и системный подход к укреплению и укоренению духовных ценностей, выработанных в национальных культурах восточных славян, должен опираться на принципы калокагатии.

Калокагатия – это система воспитания у древних греков (теоретически обоснованная Платоном, практически воплощенная Сократом), которая предполагает высокое физическое развитие и высочайшее духовное. Духовное сконцентрировано в сочетании прекрасного (калос) и хорошего, доброго (агатос). И в самом деле, нравственная основа жизни человека делает эту жизнь направленной, целеустремленной, смыслодержающей. Именно она позволяет сохранять основные, глубинные ценности, выработанные народом (этносом) на его долгом историческом (полном социальных метаморфоз) пути. Эстетическое придает этому укреплению глубинных ценностей внешнее и внутреннее равновесие, гармоничность, стимулирует стремление к творчеству.

Вспомним – в нашей стране есть исторические прецеденты такого подхода: на переломе 1970-х – 1980-х годов в белорусских школах присутствовал курс «Семейное и нравственное воспитание», а к концу перестройки система эстетического воспитания в Беларуси была признана третьей в СССР. На наш взгляд, только такой трудоемкий подход может явиться основой патриотического и гражданского воспитания, национального самосознания, а также обеспечить подлинную гуманитарную безопасность страны.

Литература и источники

1. Райкович, Ю. О симпозиуме в Минске и как ему дальше существовать / Ю. Райкевич // Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: матэрыялы Міжнароднага сімпозіума, Мінск, 9–10 ліпеня 2002 г. ; у 2-х кнігах / Рэдкал. А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : БелСаЭС «Чарнобыль», 2003. – Кніга 1. – С. 341–345.
2. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. – СПб. : Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. – 159 с.

СУБЪЕКТ ФИЛОСОФИИ СЕГОДНЯ (КРАТКИЕ ТЕЗИСЫ)

Н. С. Семенов

1. Кто сегодня субъект философии (можно добавить: реальный и / или воображаемый) и в чем сегодня заключается сама «субъектность» философии? – Сразу же вполне резонно возникает контрвопрос: что вы понимаете под этим «сегодня»? Какую социально-политическую ситуацию – или, быть может, культурно-историческую «формацию»?

Чтобы ответить на последнее, пришлось бы писать иную статью либо эссе. Поэтому все же попытаемся сосредоточиться на первом вопросе (при всей условности, но, с другой стороны, и более-менее общепонятной интуиции этого нашего «сегодня»).

2. Субъект (актор, агент); все-таки это некоторым образом звательная и именуемая – или номинальная и персонифицированная (абстрактно ли, конкретно ли) фигура. В данном случае – тот, кто совершает «философские акты»; не просто «философствует» (ибо так или иначе философствуют все люди), а относится (принадлежит) к какому-либо философскому дискурсу, презентует признанную неким сообществом «философскую практику». Подчеркнем: не субъективные наброски своего частного философствования (только), а определенный его способ, притязающий на определенную же общезначимость.

3. Тема субъектности философии, напротив, не столько номинальная, сколько функционально-процессуальная; здесь подразумевается рассмотрение ее (философии) способности отвечать на вызовы (исторические, социально-политические, экзистенциальные), чутко реагировать и поднимать новые проблемы, а также принимать решения, давая ответы на свои же вопросы и неся за них свою меру ответственности (Иногда считают важным добавить: в рамках своей компетенции. Но ее «компетенция» по многим пунктам и в отношении ко многим сферам бытия сама ныне как раз стоит под вопросом).

4. И первое, на что надо обратить внимание (именно «сегодня»), – это необходимость конверсии общего традиционного взгляда на философию как на «дело вопрошания». О понятии конверсии в данном контексте интересные соображения представлены в книге Пьера Адо [1, с. 197–212]. Обычная «презумпция» здесь такова: куда важнее выявить и правильно поставить либо задать вопрос; философия значима уже тем, что ставит некие «предельные» вопросы, каковые, собственно, только она и выявляет в силу своей особой «интеллектуальной конституции» (со времен Платона включающей в себя не только мир эйдосов и их логос, сиречь диалектику, но и философский эрос / страсть, и особый этос (склад) философского духа).

5. Здесь нет места и времени погружаться в эти классические категории и «структуры». Но можно привести пример Канта. Он не просто поставил свои знаменитые четыре вопроса (каковые обладают и своей строгой внутренней структурой) – вопросы, определившие и сегодня еще во многом определяющие горизонты философствования (уж классического – точно). Кант на этом, как известно, не остановился; то есть не уклонился (мол, достаточно поставить великие вопросы), а взял на себя гигантский труд дать на них не просто свой частный, а философский ответ, прежде всего воплотившийся в трех его грандиозных Критиках.

6. Кстати, в этих ответах он определил и задачу философии – как

задачу трансцендентальной критики; не критика того или иного, будь то социальный порядок, исторические события, феномены человеческого существования (это все уже во вторую очередь), а критика самого нашего разума, самой сути и границ нашей человеческой разумности – с выяснением и определением условий самой возможности той «предметности», которую мы взялись рассматривать (да и собственно рассматривания как такового).

7. Отталкиваясь от этого кантовского примера, вернемся к «конверсии» философского начинания как «дела вопрошания». Нисколько не отказываясь от него, только принципиально иначе ставя акценты. А именно: не привычная схема «вопрошание – ответствование (в двойном смысле: и конкретный ответ, и ответственность за него) – новое вопрошание»; схема, согласно которой традиционно и «делается» философ, ибо она наделяет его статусом (и привилегией) «специалиста по вопрошанию». Но – конверсированная (или, если угодно, несколько «смещенная») схема: «ответствование – вопрошание – решение – ответственность».

8. Сразу укажем хотя бы на два момента. Первый. Человек изначально поставлен под вопрос. Так я понимаю философскую тему Бытия. Изначально – значит, не самим человеком. И постольку для человека – онтологически, а не онтически «стоящим под вопросом», – первично как раз ответствование. И только в контексте своего ответствования (или уклонения от него), где решается его онтологическая судьба, – возможно подлинное вопрошание того рода сущего, которое именуется «человеком». В самом простом выражении: сначала ответствование, потом – вопрошание (в свете этого ответствования; но не будем сейчас развивать тему «ответствование кому или чему?»). И далее – те ответы, которые мы можем, смеем и должны дать.

9. Второй (момент). Дать ответы – и нести за них ответственность (что в конце концов и порождает новые вопросы). Иначе говоря, не следует путать, а, напротив, надо различать эти понятия: ответствование (имеющее бытийный, онтологический смысл) – и собственно ответы (интеллектуально обоснованные), а, равно, и этическую (социальную и прочее) ответственность. То есть ответствование, о котором здесь говорится, отнюдь не сводимо к этической либо этико-политической, да и какой угодно ответственности; но последняя не отстраняема от первой (а если это забывают или игнорируют, то «искажающий эффект» в ту и другую сторону – неизбежен).

10. Вопрос о субъекте философии поставлен, но дан ли ответ? Так кто же «сегодня» субъект философии? – Вот это и решается прежде всего нашим ответствованием; именно каждого, а не только того, кто избрал Философию в свой «жизненный удел» (много ли таких сегодня?); каждого, кто испытывает в себе и на себе соблазны «сверхчеловеческого», «ино-

человеческого», «пост-человеческого», но при этом не забывает и не отказывается от труднейшего, предназначенного нам, – стать и быть Человеком, сохраняя (в любых условиях и вопреки всему) «человечность». И этот вопрос о «человечности», ее забытом, утриванном и должном смысле, философия – сегодня – тоже обязана возобновить с новой, быть может, еще не виданной остротой и актуальностью, граничащей с суровым вызовом нам.

11. В таком случае, что же все-таки такое эта «человечность»? – Если очень кратко, то, пожалуй, это все то в нас, что восхищается всем великим и прекрасным, созданным человечеством, любит его и готово защищать; но в то же время и равно негодует, презирает все то мерзкое, подлое, что им же сотворено. Некий (в рамках нашего земного исторического бытия) высший наш «судья»; в нас самих и над нами. – Итак, под радикальный вопрос поставлены мы сами. В свете этого «онтологического вопрошания», которое обращено к нам и на нас самих, мы призваны ответить. И только в контексте нашего ответствования, мы и сами вопрошаем. Вопрошая, даем ответы и несем за них свою меру ответственности. А эта ответственность, и ее меняющаяся историческая мера, рождает новое наше вопрошание (все так же в контексте изначального ответствования).

12. Рассматривая загадочное отношение философии и политики (и усматривая между ними некий третий элемент в виде демократии), Бадью дает и такое определение философии: «Философия – это акт реорганизации всех видов теоретического и практического опыта за счет предложения нового большого нормативного разделения, которое подрывает установленный интеллектуальный порядок и обещает новые ценности, превосходящие общепринятые» [2, с. 22–23]. Он ставит свой вопрос – и предлагает свой ответ на сформулированную им же дилемму: демократия ли важнее философии (в общем виде позиция, например, Рорти) – или философия важнее демократии (Платон)? Ответом является «путь справедливости». Если мы правильно поняли, то он призван отдать должное и тому, и другому, но в то же время и превзойти их. Но есть ли это всего лишь «акт реорганизации» (пусть и «всех видов теоретического и практического опыта»)? А согласившись с таким ответом, отдаем ли мы сегодня должное философии? Какой именно? И отдаем ли мы сегодня должное демократии? Какой именно?

Литература и источники

1. Адо, П. Духовные упражнения и античная философия / П. Адо. – М., СПб. : Изд-во «Степной ветер», ИД «Коло», 2005. – 448 с.
2. Бадью, А. Загадочное отношение философии и политики / А. Бадью. – М. : ИОИ, 2016. – 112 с.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Т. Ю. Сидорина

На протяжении XX столетия техническое развитие оказало значительное влияние на разные области жизни человека и общества, в том числе способствовало возникновению массового общества и человека массы, обострению антропологического кризиса, о котором писали многие философы в первой половине XX в. (Н. Бердяев, С. Франк, Г. Федотов, М. Шелер, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Гвардини). В то же время обращение к технике в первой трети XX в. можно оценить как поиск нового прочного основания социальной стабильности. Перспективы технического развития представляются в это время достаточно обещающими. Большие надежды связываются с концепцией технократии как власти формирующейся технической, инженерной интеллигенции. Со временем технократия, предполагавшаяся как этически нейтральная форма управления обществом и производством, – технократия в форме господства технических экспертов в социуме и политике, – превратилась в информационную системнократию в информационно-контролируемом обществе (Х. Ленк), а техническая экспансия привела к возможности тотального контроля в обществе, новым рубежам и критериям власти (П. Вышеславцев, Н. Устрялов, Ш. Зубофф, А. Уильямс и др.), а также очередному обострению антропологического кризиса.

Закономерностями социального развития становятся чрезмерность социальных процессов (включая экономические) и развитие любых технологий; а также искусственно созданная подчиненность одних элементов другим, не существующая на сущностном уровне, и пр.

Невероятное ускорение социальных процессов, изменения, связанные с развитием техники, внедрение искусственного интеллекта ведут к переменам в образе жизни, мировосприятию и характере человеческой деятельности. Цифровизация обостряет переживаемый человечеством антропологический кризис. Освобождая человека как агента трудовой деятельности, автоматизация трудовых процессов инициирует так называемый «тренд ухода», когда человек передает «умной машине» все большее число привычных видов деятельности. Что же тогда остается самому человеку? (С. Смирнов). Переход к цифровым технологиям расширил формы нематериального труда, сделав их более доступными и востребованными. В то же время традиционные профессии уходят в прошлое, что обостряет социальную напряженность. Совпадение цифровизации по времени с глобальной эпидемической ситуацией ускорило переход на дистанционный формат работы, в том числе к работе онлайн. С одной стороны, это повысило комфорт и удобство работы, с

другой – деформировало согласованность времени труда и отдыха, работы и дома. Подобные изменения в сфере труда ведут к изменениям самого человека, испытывающего влияние цифровых технологий в условиях социальной неопределенности (Т. Сидорина).

В докладе я обращаюсь к тотальной технизации как своеобразной форме авторитаризма, проводящей политику искусственной трансформации природных и общественных процессов, провоцирующей обострение антропологического кризиса, вызванного среди прочих факторов результатами технической экспансии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23–28–00273 «Рефлексия о технике в русской философии культуры XX–XXI веков как ответ на антропологический кризис и технократический императив современности».

ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ГАЗЕТЫ «НАША ДОЛЯ»

И. К. Ставровский

Долгое время белорусская национальная эстетика не имела возможности полноценно развиваться. Это связано с тем, что интеллигенция практически полностью была погружена в русский, польский или общеевропейский культурный контекст, а интерес к белорусской национальной традиции практически отсутствовал. По этой причине белорусская культура, несмотря на свою уникальность, просто не могла полноценно развиваться как самостоятельное явление, оставаясь на уровне фольклора, мифов, народного искусства и т. д.

Для изменения этой ситуации требовалось преодолеть образовавшийся разрыв между интеллигенцией и простым народом. Эту функцию на себя пыталась взять нелегальная белорусская пресса XIX – XX вв., но ее влияние было ограниченным. Только после революции 1905 г. появилась возможность законно печатать прессу на белорусском языке. Первым таким изданием стала газета «Наша доля», первый тираж которой был напечатан в Вильно 1 (14) сентября 1906 г. Фактически газета стала рупором Белорусской социалистической грамады, потому публикации имели ярко выраженную политическую окраску [3, с. 25].

Однако важно понимать, что редакторами и постоянными авторами газеты были поэты и писатели. Например, некоторые важные работы таких классиков белорусской литературы как Тётка и Я. Колас впервые были опубликованы именно на страницах «Нашай долі». Это сделало неизбежным появление в газете художественных произведений, которые выражали социо-политические и философские взгляды авторов в литературной форме. В этом отношении наибольший интерес

представляют два стихотворения: «Наш палетак» Тётки и «Беларусам» Я. Коласа. Данные работы являются программными и имеют большое значение для белорусской эстетической мысли, потому их необходимо рассмотреть подробно.

Стихотворение «Наш палетак» Тётки [4, с. 39] открывает собой первый номер «Нашай долі», потому в каком-то смысле задает тон всем публикациям газеты. Это произведение в иносказательной форме описывает тяжелую ситуацию в Беларуси, представленной как «палетак паміж межаў». При этом причина сложившейся ситуации описывается так:

Глеба чорна, ў руках сіла,
Толькі нашых гаратаяў
Некась мара ўсё звadzіла
Гэн за межы да выраяў.

Иными словами, дело вовсе не в плохой земле или плохом народе, а в том, что до сих пор белорусы обогащали своим трудом и талантом другие страны, другие культуры. В этой оценке содержится как досада, так и надежда на лучшее будущее, ведь из сказанного следует, что ситуацию можно легко изменить в лучшую сторону. Достаточно перенаправить общие усилия народа на «свой палетак»:

Жыва, жыва за работу!
Без аглядкі, хто што можа,
Усе роўны без расчоту,
Усіх праца буцце гожа!

Очень близкие по духу мысли были высказаны в третьем номере «Нашей долі» в стихотворении «Беларусам» за авторством Якуба Коласа [2]. Произведения двух поэтов похожи как содержательно, так и по форме. В «Беларусам» тоже озвучивается идея того, что проблема тяжелого положения исключительно в отсутствии народного единства, направляющего свои усилия на общее дело:

Выйдзем разам да работы,
Дружна станем, як сцяна,
І працнецца ад дрымоты
З намі наша старана!

Оба стихотворения подчеркивают неразрывную онтологическую связь народа и родной земли. Последнюю требуется просто пробудить ото сна с помощью целенаправленных созидательных усилий. В этом случае и сама родная земля выступит на стороне белорусов, придавая им сил. Кроме того, отметим, что используемые художественные метафоры отсылают к крестьянскому быту: родина как поле, возделывание почвы как созидание нового и т. д. Поэт лишь литературно обрабатывал повседневный опыт

простых людей, что позволяло говорить с народом на одном языке, не отгораживаясь от него с помощью излишне литературных метафор. Именно такое понимание творчества и роли поэта на долгие годы закрепится в белорусской эстетике.

Литература и источники

1. Дорошевич, Э. К. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии / Э. К. Дорошевич, В. М. Конон. – М. : Искусство, 1972. – 320 с.
2. Колас, Я. Беларусам / Якуб Колас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yakubkolas.ru/belarusam>. – Дата доступа: 14.09.2023.
3. Конан, У. М. Развіццё эстэтычнай думкі Беларусі (1917–1934 гг.) / У. М. Конан. – Минск : Навука і тэхніка, 1968. – 189 с.
4. Цётка. Выбраныя творы / Цётка – Минск : Мастацкая літаратура, 2016. – 198 с.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В КОММУНИКАЦИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Н. В. Струтинская

Современные технологии позволяют с легкостью использовать при коммуникационном взаимодействии разнообразные по форме и содержанию сообщения, очень часто в цифровой коммуникации присутствует визуальная информация. В соответствии с тенденциями эпохи использование визуального контента в некоторых случаях становится не привычкой, а нормой. Например, наличие презентации при чтении лекции уже выступает одним из критериев оценки лекции и преподавательской работы.

В современном коммуникативном пространстве визуальный текст является разновидностью медиатекста, а иногда и отождествляется с ним. Тем не менее медиатекст представляет собой мультитекст, при создании которого могут быть использованы вербальные (письменные), аудиальные и визуальные элементы. Подобные комплексные тексты в настоящее время конструируются посредством преимущественно цифровых устройств и технологий и распространяются новыми медиа.

Визуальный образ по отношению к визуальному тексту выступает в качестве составляющего элемента. Как указывает Н. А. Симбирцева, визуальный текст возможно не только воспринять, но и прочитать [1, с. 184]. Конечно, визуальный образ также может «читаться». Однако один и тот же образ может быть использован в разных сообщениях и представлять разные идеи. В визуальных исследованиях, в теориях «иконического поворота» признается идея смысловой автономии образа, также образ трактуется как «универсальная модель зримости», которая может показать, «как именно все становится видимым» [2, с. 185]. То есть

донесение некоторой информации от одного субъекта к другому не является первостепенной задачей визуального образа. В то же время визуальный текст, будучи элементом коммуникативного процесса, ориентирован на получателя сообщения, то есть он «пишется» с целью быть доступным для «прочтения» адресатом. В коммуникативном пространстве визуальный образ может выступать в качестве самостоятельного текста. В этом случае он наделяется необходимостью передать некий определенный смысл, который связан как с исходной реальностью, зафиксированной в образе, так и с общим социокультурным пространством и уникальной ситуацией взаимодействия.

По отношению к визуальному образу визуальный текст выступает вторичным образованием. И если «традиционный образ» [3] все-таки отражает первичную реальность, имеет необходимую связь с ней, то визуальный текст является инструментом создания реальности человека цифрового общества, его актуального жизненного мира. В. Флюссер различает «традиционный образ» и «технический образ». «Технический образ» является не только более поздним изобретением человечества, но и более далеким от первичной изначальной реальности. Это «абстракция третьей степени» [3, с. 13], которая означает не первичную реальность, а мир, созданный текстом, письменностью.

В современном коммуникативном пространстве можно выделить несколько групп визуальных текстов. К первой группе можно отнести визуальные тексты на основе одного природного образа, почти «традиционного образа». Это «просто красивая картинка», отражающая «естественный мир», «дикую природу». Данные тексты иллюстрируют, выражают представления современного человека об окружающем мире, природе. В другую группу можно выделить «просто красивые картинки», в которых отражаются образы человеческой культуры и фантазии. Это изображения героев комиксов, персонажей фильмов и книг, фантастических ландшафтов. Визуальные тексты данных двух групп являются базовыми, представляют идеи, из которых потом конструируют более сложные по структуре тексты.

Отдельную группу составляют тексты, визуализирующие информацию в виде схем, графиков, диаграмм. Они конструируются на основе четких данных и соответствующих требований. Данные тексты также используются при создании более сложных структурных текстов.

Визуальный текст (медiateкст) имеет определенную структуру – вертикальную или горизонтальную, – которая является результатом развития письменной культуры. Современный визуальный текст не возвращает человека к реальности дотехнического человека, дописьменной эпохи, а создает новую реальность – реальность человека цифрового общества.

Литература и источники

1. Симбирцева, Н. А. Визуальный текст как явление современной культуры / Н. А. Симбирцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (33): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 183–185.
2. Инишев, И. Н. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе / И. Н. Инишев // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 184–211.
3. Флюссер, В. За философию фотографии / В. Флюссер: пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 146 с.

ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ: О СИНЕРГИЙНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО

Т. М. Тузова

О проблеме ответственности сегодня можно услышать в самых разных контекстах: от экологической ответственности человечества за кризисное состояние окружающей среды и ответственности современного человека за будущее планеты и жизнь будущих поколений до социальной ответственности ученого и моральной ответственности политика; от социальной ответственности бизнеса до экономической и моральной ответственности работников предприятия как представителей его корпоративной культуры и т. д. В современной культуре растет понимание того факта, что именно ответственность агентов социально-исторического процесса является той болевой точкой, в которой одновременно сходятся и все *последствия* предшествующих человеческих действий, и нити *поиска возможных путей их преодоления*, выхода из глобального и локальных кризисов, претерпеваемых человечеством. Характеризуя заботу о будущем человека как неведомую ранее (до XX в.) заботу о сохранении самой *природы* человека, немецкий философ Карл Ясперс связывал эту необходимость с тем, что – незаметно для самого себя или в результате страшных катастроф – человечество может вступить в стадию нивелирования и механизации, «в жизнь, где нет свободы и свершений, в царство черной злобы, не знающей гуманности». Будущее человечества «не придет само, как явление природы. Все то, что сегодня и каждую минуту совершают люди, как они мыслят и чего ждут, является предначертанием будущего, его истоками, которые зависят от людей. ... Путь человечества зависит от самого человека. Каждый отдельный человек, правда, бессилен; лишь объединившись, люди могут одолеть грозящую им опасность... Только ответственность за настоящее позволяет нам ощутить ответственность за будущее» [1, с. 160, с. 162, с. 165].

Этику будущего определяют как «этику ответственности» и характеризуют эту ответственность как континуум моментов бытия,

существующего «здесь и теперь» [2, с. 77]. По-новому пытаются осмыслить статус и содержание этой проблемы, к примеру, через тематизацию *временности* как модуса человеческого существования и человеческой истории. Отмечают, что традиционные этические учения, сфокусированные на рассмотрении взаимосвязанных явлений, принадлежащих к одному и тому же временному ряду, не могли предвидеть ситуаций, когда человек – это проблематичное, фундаментально уязвимое существо, вынужденное действовать в условиях неполноты знания и, нередко, полного незнания не только отдаленных, опосредованных, но даже ближайших, непосредственных результатов своей деятельности, – оказывается не способным гарантировать жизнь нескольким последующим поколениям людей или способным вовсе уничтожить ее. Интерпретируя трансмиссию как временной интервал, порождающий смысл прошлого, и работу наследования традиции (что способно придавать историческому процессу некоторое смысловое единство и направленность), обосновывая *этический смысл* трансмиссии на основе тезисов об онтологической ответственности за идею человека и будущее человечества, о необходимости для современного человека осознать значимость подчинения своей деятельности главной задаче – *сделать возможное будущее достойным самой жизни*, профессор Ж. Грейш (декан философского факультета Парижского Католического института) в своей лекции «Ответственность за будущие поколения: этический смысл трансмиссии» (МГУ, 1992), утверждал: хотим мы того или нет, но сегодня мы «уже вступили в новую этическую эпоху, в которой ответственность является "ценностью из ценностей": будучи сегодня чем-то большим, чем просто добродетель или ценность, она должна стать *принципом построения новой этической концепции*» [3, с. 205] (Курсив мой. – Т. Т.)

В качестве категорического императива ответственности современная философия выдвигает требование: *результаты твоей деятельности не должны быть пагубными для самой возможности будущей жизни на Земле* [4, с. 340–344].

Артикулировать проблему ответственности можно по-разному – в ее нравственных, познавательных и социальных размерностях, от ее объективных до ее субъективных условий и предпосылок, от личной до коллективной ответственности и др. Однако при этом следует понимать, что последняя имеет своим онтологическим основанием ответственность как *личностную* структуру сознания и поведения индивида. Речь идет о личной ответственности человека, о личной ответственности единичных, конкретных субъектов действия (актеров), составляющих большую или малую социальную группу. Иными словами, важнейшим онтологическим условием реализации коллективной ответственности в любых ее формах является способность человека к *субъектности*, возможность реализации

личной ответственности в каждой отдельной точке социального пространства и времени. Говоря о «линии необратимости» в человеческой истории, способной предотвратить разрушение цивилизации, об «элементарных и минимальных условиях жизнеспособности и полноты бытия общественных образований», М. К. Мамардашвили отмечал неустранимость «индивидуальной метафизики». «Необратимым нечто может быть лишь в человеке. Нужны индивидуальные точки необратимости, и важно, *сколько* таких "точек", в противодействие которых упирался бы любой процесс распада и разрушения. По ним и выведется *тот или иной* интеграл... Ибо нет и не может быть никакого социального механизма, даже самого изоциренного и совершенного, который мог бы обойти разрешающие индивидуальные точки: результаты самой усложненной системы все равно устанавливаются по уровню их разрешающей способности» [5, с. 190]. И важно, чтобы социальное поле допускало / не разрушало существование этих «разрешающих индивидуальных точек». То есть философское обоснование возможности любых форм коллективной ответственности упирается в необходимость онтологического обоснования ответственности как личностной структуры сознания и поведения человека *без стирания онтологической специфики* человеческого бытия, сознания и самосознания.

При этом понятия коллективной и личной ответственности вовсе не являются тождественными: как коллектив не является простой суммой всех входящих в социальную группу членов, так и коллективная ответственность не является простой «суммой ответственностей» составляющих его индивидов. Это связано со спецификой онтологической природы социального: реализуясь в поле социальной материи, объективируясь в пространстве неким образом всегда уже структурированных социальных возможностей, индивидуальные действия (и их смыслы) неизбежно трансформируются, сталкиваясь с актами (и их смыслами) других участников события, смешиваясь и переплетаясь с ними. В этом тотальном взаимодействии в социальном поле индивидуальные действия неизбежно приобретают новые размерности своего смысла, отклоняющие его от первоначального намерения агента действия, от его первоначального смысла в «авторском» («изолированном») пространстве сознания, самосознания, понимания и практики (О метаморфозах индивидуального намерения и акта в отчуждающем поле социальной материи – см. [6]). Смысл как «результатирующее», таким образом, трансформируется в многомерное, гетерономное социальное образование – смысл «без автора».

Эти компоненты синергичности индивидуального и социального ставят исследователей перед острым вопросом: *кто является субъектом ответственности за действие и смысл «без автора»?* Ведь, в конечном счете, все и всегда живут и действуют в мире, «среди вещей и Других», и

для каждого оказывается справедливой мысль Ф. И. Тютчева «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется...».

Литература и источники

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Республика, 1994. – 527 с.
2. Jonas, H. Le Principe Responsabilité / Trad. fr. par J. Greisch. – P. : Ed. du Serf, 1990.
3. Грейш, Ж. Ответственность за будущие поколения: этический смысл трансмиссии / Ж. Грейш ; пер. с франц. И. С. Вдовиной. // История философии ; отв. ред. А. М. Руткевич. – М. : ИФРАН, 1997. – № 1.
4. Ricoeur, P. Soi-même comme un autre / P. Ricoeur. – P. : Ed. du Seuil, 1990.
5. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М., 1992. – 416 с.
6. Sartre, J.-P. Critique de la raison dialectique. – P. : Gallimard, 1960. – V. 1: Théorie des ensembles pratiques. – 757 p.; P. : Gallimard, 1985. – V. 2: L'intelligibilité de l'histoire. – 452 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТИ CHATGPT В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОПАСНОСТИ

А. И. Федоров

Независимо от того будет ли предусмотрено учебной программой ВУЗа использование нейросетей типа ChatGPT или нет, их применение обучающимися в будущем будет только расти. В связи с этим преподавателям предстоит столкнуться с новыми вызовами в процессе обучения. Как и всякая технология, ChatGPT несет в себе как плюсы, так и некоторые опасности.

Одна из сложностей – студенты, а иногда и преподаватели, в значительной степени полагаются на автоматизированные системы при создании или проверке работы. «Эти системы меняют не только форму, но и содержание того, что участники процесса могут сообщить друг другу. А технологии, подобные ChatGPT, уже самих людей делают посредниками в коммуникации между алгоритмами: студент создает работу с помощью чат-бота, преподаватель проверяет ее на антиплагиат с помощью специальных алгоритмов» [1, с. 58]. Так что проверка заданий преподавателем может потребовать все больше дополнительных компетенций.

Следующая проблема лежит в области авторского права – ChatGPT может не дать или дать неверную ссылку на источник, что снижает долю корректного цитирования как в академической среде, так и в процессе обучения. «ChatGPT было предложено дать ссылку на конкретную работу

П. В. Сысоева, в которой изложена научная позиция автора. Результаты запроса подтвердили предположение исследователей о том, что в случаях отсутствия необходимых сведений или данных ChatGPT начинает фантазировать или врать, вводя в заблуждение начинающего исследователя» [2, с. 288]. Здесь же следует сказать, что если ChatGPT дает неправильные ответы или неверно интерпретирует вопросы, то это повлечет за собой неправильное обучение.

Еще одна проблема заключается в том, что в тексте, который генерирует нейросеть, могут содержаться предубеждения. Этические установки, которыми она руководствуется, не всегда прозрачны. Так, нейросеть довольно легко отождествляет справедливость с соблюдением прав человека и весьма ангажирована в некоторых политических и социальных вопросах.

Еще одна опасность – зависимость. В случае, если, например, студенту удастся успешно выполнять задания с использованием GPT (Generative Pre-trained Transformer), то в дальнейшем, когда он попытается обойтись без него, это может оказаться очень проблематично, поскольку обучающийся не наработал требуемых навыков в процессе своего обучения. С одной стороны, это отчасти ответственность преподавателя, который должен был заметить, что работу делал не студент, с другой стороны, сама нейросеть может затруднять такую проверку все эффективнее и эффективнее: «Ведь, как оказалось, антиплагиат можно легко преодолеть, заставив нейросеть (пере)генерировать практически любой текст, чтобы получить его "оригинальный" вариант. И не столь важно, стихотворение это, эссе или диссертация по социально-гуманитарной специальности» [3, с. 12].

Литература и источники

1. Резаев, А. В. ChatGPT и пять уроков для высшей школы в период становления «искусственной социальности» / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 1. – С. 57–61.
2. Сысоев, П. В. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов // Вестник тамбовского государственного университета. Серия : гуманитарные науки. – 2023. – № 2. – С. 276–301.
3. Ивахненко, Е. Н. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? / Е. Н. Ивахненко, В. С. Никольский // Высшее образование в России. – 2023. – № 4. – С. 9–22.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА

О. Р. Чугрина

Проблема взаимоотношения науки и религии, знания и веры всегда была в центре внимания мыслителей и относится к числу древних проблем философии. Одни считают, что наука и религия – это противоположные формы общественного сознания, взаимоисключающие друг друга. Другие же считают их совместимыми, влияющими друг на друга. Например, российский философ и теоретик науки П. П. Гайденко, рассуждая о генезисе новоевропейского естествознания, отмечает: «именно христианская теология и прежде всего догматы о творении и боговоплощении оказали существенное влияние на становление новой науки. Благодаря этому влиянию было преодолено характерное для античной науки разделение всего сущего на естественное и искусственное, а также снят водораздел между небесным и земным мирами» [1, с. 69].

В широком культурно-историческом контексте познавательный процесс неразрывно связан с многообразными видами социальных институтов, в том числе с наукой и религией. В процессе познания наука и религия выражают собственные идеи и позиции. Они обе играют в нем значимую роль, но основную сложность в их взаимодействии составляет принципиальное различие в механизмах формирования знаний. Наука – это интеллектуальные наработки и усилия, которые основаны на эмпирических исследованиях и направлены на объяснение процессов, происходящих в физическом мире. Религию наука рассматривает как нечто противоположное, искажающее истину и действительность.

В современном социуме наука не рассматривается как единственный способ познания истины (наряду с ней существуют и другие способы вненаучного знания). Наука зачастую заставляет исследователя обращаться к иррациональному и раскрывать не только глубинные слои рационального познания. Порой внутреннее научное обоснование законов невозможно без обращения к трансцендентному и религиозным представлениям о целостности бытия. Выдающиеся представители и религиозной мысли (А. Августин, Ф. Аквинский), и научной (А. Эйнштейн, В. Вернадский) обращали внимание на то, что противостояние науки и религии сужает сознание человека, в то время как гармоничное взаимодействие – расширяет.

В силу того, что некоторые сферы интересов науки и религии совпадают, сегодня многие исследователи пытаются определить степень взаимопроникновения религиозного и научного знания в процессе познания. Например, в вопросах определения сущности бытия, его специфики в состав религиозного знания вводятся некоторые факты и

теории естествознания (теория Большого взрыва как свидетельство в пользу концепции сотворения мира), а также положения, с помощью которых религиозные деятели стремятся убедить окружающих в существовании богооткровенной истины (учение о сотворении человека, о бессмертии души).

Несмотря на бурное развитие науки в Новое и Новейшее время, религия не только сохранила свои позиции, но где-то и упрочила их, если иметь в виду «религиозный ренессанс» второй половины XX века. Постепенно начал складываться новый, постконфронтационный формат в отношениях между религией и наукой.

Зарождение постмодернистского мировоззрения во второй половине XX в. открыло новые перспективы сближения науки и религии. Наука в концепциях постмодернистов перестает быть единственным способом познания мира, претендующим на монопольное обладание истиной. Вера и разум присущи обеим рассматриваемым формам духовной культуры. Ведь наука, опираясь на разум, верит в его могущество, тогда как религия использует разум для доказательства многих своих положений.

Постмодернизм подвергает науку критике за то, что она абсолютизирует рациональные методы познания, игнорируя другие эпистемологические методы и формы, и тем самым обрекает себя на упрощенное знание о мире. Некоторые постмодернисты предлагают уравнивать религию с наукой, вернуть ей прежний приоритет, поскольку именно религия дает абсолютные и фундаментальные истины.

Любые крайности в оценках места религии и науки в культуре однобоки. Наука и религия – два важнейших феномена духовной культуры человечества, которые пересекаются, но не являются взаимозаменяемыми, у каждого из них свои функции. Там, где заканчиваются возможности науки как рационального, теоретического, проверяемого знания, вступает в свои права религия как область нерационализируемого опыта, интуитивного, ценностного знания. Ценностный аспект в религии более значим, чем в науке. Поэтому И. Кант, опровергая доказательства бытия Бога, рассматривает саму идею Бога как регулятивную, соразмерную человеку [2, с. 164–168].

Однако несмотря на то, что наука и религия являются создателями духовных основ общества, в процессе познания им сложно найти взаимопонимание в силу того, что по отдельным вопросам наука и религия не могут дать однозначного ответа. Тем не менее в познавательном процессе они взаимодополняют друг друга, поскольку наука признает наличие в процессе познания скрытых фактов, а религия, в свою очередь, перестает воспринимать научные открытия как покушения на учение церкви.

За последние десятилетия сущность науки изменилась, и в ее структуру стали добавляться духовные ценности, аксиологическая

компонента стала неоспоримым ориентиром современной науки. Это дает толчок для открытия новых возможностей в области взаимодействия религии и науки. Каждая из этих форм мировоззрения имеет целый ряд особенностей, придающих процессу познания специфичность и уникальность. Наука активно вторгается и исследует те явления и области, которые раньше были только под наблюдением и контролем религии, область научных знаний расширяется за счет проникновения в сферу религиозных представлений. Однако при исключении религии нашу цивилизацию понять невозможно, так как развитие человечества не обходилось без той или иной религиозной стадии. Возможно, именно наука докажет бытие Бога и найдет подтверждение тем представлениям и знаниям, которые транслирует религия. Именно на границе научного и религиозного знания возникает та область, в которой с помощью философии может быть осуществлен их синтез. Дальнейшее осмысление этих вопросов – это вызов эпохе метамодерна.

Литература и источники

1. Гайденко, П. П. Философско-религиозные истоки науки / П. П. Гайденко. – М. : Мартис, 1997. – 319 с.
2. Кант, И. Религия в пределах только разума. Метафизика нравов / И. Кант // Сочинения : в 8 т. ; под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 6. – 613 с.

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF PHILOSOPHICAL EDUCATION

O. A. Shershnyova

Today humanity is at a new stage of its development. Unprecedented successes in the field of the technical industry have been replaced by risks and destructive manifestations in the fields of ecology, geopolitical and economic restructuring. A person and social structures that ensure his life today have faced new requirements that initiate the value of philosophical knowledge due to increasing divergent processes in our society, manifesting in the increase of conflict potential and destabilization of the social environment.

Since modern reality has become more dynamic, a person bumps into the need to preserve the common cultural heritage, which in undergoes significant and not always positive changes in the age of innovative modernization. Philosophy can cope with this task as a significant phenomenon of national culture and social consciousness, which necessarily turns philosophy into an objective need. The demand for philosophy by society is determined not only by the fact of its national heritage, but also by its real contribution to the cultural development of a particular society.

Claiming to be whole universal knowledge that has a full meaning,

philosophy sets certain values that contribute to the integration of scientific knowledge, makes it possible to explain general phenomena and processes in a historical context, formulates the most general laws of the development of society, its interaction with nature. Moreover, philosophy allows us to see the general trend of the development of global problems, acts as the most adequate tool for cognition, including such systems, among which education occupies a special place which is in need of qualitative modernization.

Being the main mechanism for the formation of a competitive society, the new model of education should become more flexible, mobile and highly efficient. On the one hand such a goal implies the orientation of education towards advanced information technologies and, on the other hand, the development of its stable value foundation, which is impossible outside of philosophical methodological guidelines.

It is no coincidence that V. V. Kraevsky believed that the science of education in a broad sense can serve as “pedagogical philosophy, which reveals the connection of the broadest ideas about the world, society and the place of a person in it with pedagogical reality” [2, p. 78], since philosophy is able to synthesize historical, ontological, axiological, anthropological, scientific and pedagogical foundations of education.

The result of this synthesis was the philosophy of education, which is now recognized as an interdisciplinary system organization of knowledge. The emergence of the philosophy of education as a scientific discipline suggests that today the problems of education require philosophical reflection. Thanks to a serious theoretical justification of pedagogical problems through philosophical analysis it is possible to see epistemological, anthropological and other projections of modern society systemically. In this sense, the philosophy of education stimulates a theoretical search in the field of educational development strategy, defines the goals, value foundations of education and the principles of its formation at the present stage.

Thus, the philosophy of education is a sphere of philosophical knowledge that uses general philosophical approaches to analyze the role and basic laws of the development of education, which in the conditions of a modernized society is recognized as relevant and progressive. The creation of a modernized society is impossible without interconnection of education with philosophical reflection. As A. S. Zapesotsky pointed out: “the influence of philosophy on education was direct (through understanding the essence, functions of educational institutions) and indirect, but no less significant – through the approval of the method of cognition itself” [4, p. 52].

There is no reason to dispute the multifaceted significance of philosophy for personal growth. However, the objective axiological potential of philosophical education can be realized only when the value of philosophical knowledge is included in the system of personal meanings of the subject and philosophical knowledge is accepted as a significant component of the structure

of individual educational achievements.

Today it is hardly possible to say that philosophy is not needed by “real life” and is far from its priorities and values. It is necessary to determine the relevance of philosophy in those conditions that are new to society. Reality itself is being transformed in modern Belarus. On this basis a completely different relevance of philosophy appears in comparison with the past.

In modern culture there is also a rethinking of the nature of philosophy, which is seen as creating a space for the discovery of truth. In this regard, the philosophical component of philosophical knowledge has become the core of philosophy. The special value of philosophy is associated with its social aspects of functioning, it indicates the emerging trends that will determine the development of the social system in the future. As society turns into a technological organization, education and philosophical knowledge as its quintessence become the driving force of social development. Man strives to “make the future the foundation of his present existence” [3, p. 80–81]. To be successful in the labor market a specialist must be distinguished by innovative non-standard thinking, update existing knowledge, respond sensitively to the demands of today.

The prospects of philosophy can be predetermined by two circumstances. Philosophy should, firstly, become critical thinking in constantly changing conditions, and secondly, rethink the continuity of ideas of classical philosophy, logic and methodology of science. Philosophy as critical thinking and transdisciplinary methodology should take the form of analysis, understanding, evaluation or modification. The structural basis of the analysis is the triad “the problem – the way to solve it – the rationale for this solution”. “The problem of substantiation of statements and systems of statements is the central problem of philosophical and scientific thinking” [1, p. 127].

Philosophy exists in society mainly as the highest intellectual culture, which cannot be mass, as, for example, the sphere of public opinion. It is not by chance that it is defined as an absolute spirit, as something perfect, although not finished. No other form of consciousness claims such a status, and this makes philosophy indispensable and necessary in the spiritual life of a nation: without philosophy, there can be no unique culture and a unique nation as a social being.

The philosophy of education is not only the sphere of theoretical developments, which set the direction of the educational process, but acts as a pedagogical practice, an educational technology that directly embodies theoretical developments in education in everyday life. The philosophy of education allows us to rethink educational processes radically. The traditional educational paradigm based solely on the acquisition of knowledge and skills today requires a synthesis of philosophy and education. Focusing on the cultural needs and creative abilities of the individual the philosophy of education solves the problems of moral ideological choice, which means accepting certain life orientations, values, preserving the humanistic status of spiritual forms of being.

Philosophy inevitably forms a scientific picture of the world, which has a significant impact on the formation of a person's worldview, combining a person's vital practical experience with scientific theory. That is why the task of education becomes especially important, related to the acquisition of a complete and voluminous, multidimensional view of the integral, unified Nature, understanding the essence of the main phenomena of the objective world and the laws operating in reality, a deep awareness of the essence and role of Man in this world by students.

References

1. Albert, H. A Treatise on Critical Reason / H. Albert // Translated from German, introductory article and note by I. Z. Shishkova. – M. : Editorial URSS, 2010. – 264 p.
2. Krayevsky, V. V. Science of education and science of education (methodological problems of modern pedagogy) / V. V. Krayevsky // Questions of philosophy. – 2009. – No. 3. – P. 77–82.
3. Pavlenko, A. N. The possibility of technology / A. N. Pavlenko. – St. Petersburg : Aleteya, 2010. – 224 p.
4. Zapesotsky, A. S. Education: Philosophy, cultural studies, politics / A. S. Zapesotsky. – M. : Science, 2003. – 456 p.

МЕТАДАЛАГІЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ЭТНАЭКАЛАГІЧНЫХ ІДЭЙ БЕЛАРУСАЎ

I. M. Шыманская

Нацыянальная стратэгія ўстойлівага развіцця Рэспублікі Беларусь да 2035 года значнае месца адводзіць забеспячэнню экалагічнай бяспекі краіны, называючы гэтую праблему адной з трох, якія найбольш востра абазначыліся ў сучаснасці. У дакуменце падкрэсліваецца, што хоць «Беларусь уключана ў першую трэць краін з найлепшымі паказчыкамі па адносінах да аховы прыроды», але ў гэтай галіне маецца яшчэ шмат нявырашаных пытанняў, таму сёння апошні «трэці выклік для ўстойлівага развіцця краіны – забеспячэнне экалагічна спрыяльных умоў для жыццядзейнасці насельніцтва» [1, с. 6]. Вялікія надзеі ў комплексным вырашэнні гэтай праблемы ўскладаюцца на адукацыю, таму яе экалагічная арыентацыя вылучана ў якасці ключавага падыходу дзяржаўнай палітыкі ў сферы адукацыі. Цалкам заканамерна, што ў Праграме бесперапыннага выхавання дзяцей і навучэнскай моладзі на 2021–2025 гг. «экалагічнае выхаванне, накіраванае на фарміраванне ў навучэнцаў каштоўнасных адносін да прыроды, навыкаў рацыянальнага прыродакарыстання і абароны навакольнага асяроддзя» [2, с. 5], заяўлена адным з асноўных напрамкаў выхаваўчай дзейнасці ў Рэспубліцы Беларусь, бо чалавечы фактар тут з'яўляецца вызначальным. Экалагічная адукацыя, якая ўключае

ў сябе экалагічнае навучанне і экалагічнае выхаванне, фарміруе сістэму ведаў, уменняў і навыкаў, рыс і якасцей асобы па беражлівых адносінах да прыроды, імкненню да захавання і прымнажэння натуральных рэсурсаў.

У апошні час, у межах выканання вышэйназванай праграмы, вельмі шмат робіцца як у навукова-метадычным забеспячэнні, так і ў практычнай арганізацыі экалагічнай адукацыі. Беларускія даследчыкі, абапіраючыся на дасягненні замежных навукоўцаў і ўласныя навуковыя вынікі, распрацавалі пэўныя тэарэтычныя падставы арганізацыі бесперапыннай экалагічнай адукацыі ў сучаснасці. З выкарыстаннем гэтага навукова-тэарэтычнага матэрыялу ў дачыненні да рэальных сацыякультурных умоў, у Беларусі разгорнута шырокамаштабная педагагічная дзейнасць па стварэнню метадычнага забеспячэння і арганізацыі экалагічнай адукацыі ўсіх навучэнцаў. Асаблівая актыўнасць і дынаміка развіцця дадзенага працэсу назіраецца на ўзроўні дашкольнай і пачатковай адукацыі.

Аналіз праводзімай працы дае падставы сцвярджаць, што яе выніковасць значна павышаецца, калі яна абапіраецца на глыбінныя карані – этнапедагагічную, этнаэкалагічную спадчыну беларускага народа. Заснавальнік найважнейшага напрамку сучаснай педагагічнай навукі – этнапедагогікі Г. Н. Волкаў пісаў: «толькі ў мясцовай нацыянальнай этнічнай культуры адлюстраваны вопыт узаемадзеяння народа са сваёй экасістэмай – экалагічны вопыт. Таму толькі нацыянальная культура робіць чалавека руплівым гаспадаром на сваёй зямлі» [3, с. 29]. Бо ў гэтым выпадку пазітыўную ролю выконваюць многія фактары: пераемнасць, традыцыяналізм, менталітэт, натуральнасць, даступнасць, апора на рацыянальныя і ірацыянальныя асновы, цесная сувязь з рэальным жыццём і інш. Разам з тым вывучэнне навуковых прац, праграм, метадычных распрацовак і іншага матэрыялу па экалагічнай адукацыі паказвае, што толькі адзінкавыя з іх абапіраюцца і выкарыстоўваюць этнаэкалагічны вопыт нашых продкаў.

Трэба адзначыць, што падобнае назіраецца і ў іншых краінах. Прынамсі, расійскі навуковец З. А. Хусаінаў ў доктарскай дысертацыі адзначае: «На жаль, вельмі мала сучасных педагагічных даследаванняў прысвечана вопыту фарміравання экалагічнай культуры навучэнцаў на аснове этнапедагогікі. Мала і навукова-абгрунтаваных прац, дзе вырашаліся б асноўныя метадалагічныя і тэарэтычныя праблемы фарміравання экалагічнай культуры вучняў на субстраце этнапедагогікі» [4, с. 3]. Тут варта нагадаць сцвярджэнне К. Дз. Ушынскага: «Як нельга жыць па ўзоры іншага народа, якім бы прываблівым не быў гэты ўзор, гэтак жа сама нельга выхоўваць па чужой педагагічнай сістэме, якой бы ні была яна стромкая і добра абдуманая» [5, с. 166]. Усім вышэйсказаным і абумоўлена актуальнасць разгляду пытання аб выкарыстанні этнаэкалагічных ідэй народнай педагогікі беларусаў у сучаснасці, якое можа весціся па розных напрамках. У дадзенай працы хацелася б спыніцца

на адным з іх.

Вынікі вывучэння этнаэкалагічных ідэй народнай педагогікі беларусаў дазваляюць істотна ўмацоўваць і папаўняць метадалагічныя асновы экалагічнага выхавання ў цэлым. Сучасны расійскі вучоны Л. В. Майсеева канстатуе: «Светапоглядныя і філасофскія аспекты сучаснай навуковай карціны свету абапіраюцца на экалагічную філасофію, а метадалогія экалагічнай адукацыі павінна вызначацца экалагічнай педагогікай» [6, с. 68]. Развіваючы гэтую думку, можна сцвярджаць, што этналагічнай педагогіцы ў метадалогіі экалагічнай адукацыі павінна быць адведзена найважнейшая, сістэмаўтваральнае месца. Этнаэкалагічныя ідэі беларусаў абапіраюцца на народную філасофію, якая фарміруе метадалагічныя арыенціры ўзаемадзеяння чалавека з прыродай, што спрыяюць фарміраванню цэласнай экалага-светапогляднай пазіцыі і актыўнай экалагічнай дзейнасці. Пабудаваная на эмпірычных падыходах вывучэння рэчаіснасці, народная педагогіка садзейнічае актуалізацыі эмпірычных метадаў у метадалогіі сучаснага экалагічнага выхавання. Выкарыстанне этнаэкалагічных ідэй народнай педагогікі беларусаў асабліва дапаможа ўзбагаціць культуралагічны падыход да вырашэння праблем сучаснага экалагічнага выхавання, суадносячы яго становішча з палажэннямі этнаэкалагічнай культуры, перш за ўсё праз катэгорыі духоўнасці і маральнасці. Падобнае ў поўнай меры адносіцца да аксіялагічнага, асобасна-арыентаванага, дзейнаснага, кантэкстнага і тэхналагічнага метадалагічных падыходаў. Таксама прадуктыўным будзе сінтэз ідэй каэвалюцыйнага і генетычнага падыходаў, якія з'яўляюцца аднымі з асноўных у метадалогіі экалагічнага выхавання.

Важна адзначыць магчымасць выкарыстання этнаэкалагічных ідэй, не толькі пры распрацоўцы метадалагічных асноў экалагічнага выхавання, але і пры распрацоўцы метадалагічных асноў даследавання праблем сучаснага экалагічнага выхавання. Гэтыя працэсы хоць ўзаемазвязаныя і ўзаемазалежныя, але маюць істотныя адрозненні. На гэтым робіць акцэнт даследчык народнай педагогікі беларусаў В. С. Болбас [7]. Так, выкарыстанне адзначаных вышэй культуралагічнага падыходу і эмпірычных метадаў з характэрнымі этнаацыянальнымі асаблівасцямі ўзбагацяць сучасныя метадалагічныя асновы даследавання экалагічнага выхавання. Пэўную спецыфіку ўносіць выкарыстанне этнаэкалагічных ідэй беларусаў ва ўзбагачэнне герменеўтычнага, эвалюцыйна-эпістэмалагічнага і антрапаэкалагічнага метадалагічных падыходаў, дапамагаючы навукоўцу дакладней асэнсаваць, сістэматызаваць і канцэптуалізаваць дасягненні народнага вопыту, супастаўляючы і інтэгруючы яго з дасягненнямі сучаснай педагогічнай і экалагічнай навукі.

Такім чынам, апора на этнаэкалагічныя ідэі народнай педагогікі беларусаў спрыяе ўзбагачэнню метадалагічных асноў даследавання экалагічнай адукацыі і арганізацыі адпаведнай навукова-даследчай

дзеінасці, а таксама ўзбагачэнню метадалагічных асноў экалагічнай адукацыі як найважнейшага фактару ўстойлівага развіцця і праектаванню на гэтай аснове сучасных канцэптואльных падыходаў яго ажыццяўлення.

Праца выканана ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гады па дагавору № ГБФ2111/2021.

Літаратура і крыніцы

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>. – Дата доступа: 23.07.2023.
2. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/molodezhnaya-politika/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki-upravlenie-raboty/informatsiya/programmy-vospitaniya/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf>. – Дата доступа: 23.07.2023.
3. Волков, Г. Н. Педагогика любви. Избранные этнопедагогические сочинения / Г. Н. Волков ; в 2 т. – М. : Изд. Дом Магистр-Пресс, 2002. – Т. 2. – 460 с.
4. Хусаинов, З. А. Концептуальные основы формирования экологической культуры школьников: этнопедагогический аспект : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / З. А. Хусаинов ; Татарский гос. гум. пед. ун-т. – Ижевск, 2006. – 40 с.
5. Ушинский, К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. / К. Д. Ушинский ; редкол. : А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948. – Т. 2: Педагогические статьи, 1857–1861 гг. – 655 с.
6. Моисеева, Л. В. Теоретико-методологические основы экологической педагогики / Л. В. Моисеева // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 7. – С. 67–69.
7. Болбас, В. С. Методологические основы научной и практической педагогической деятельности / В. С. Болбас // Педагогика. – 2021. – № 8. – С. 28–35.

Круглый стол «ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ: ОНТОЛОГИЯ, СУЩНОСТЬ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ»

ОНТОЛОГИЯ ПРЕВРАЩЕННЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОСТИ ПЕРЕХОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Т. И. Адуло

Прошедший XX век его живые свидетели называют нередко самым жестоким веком в человеческой истории. И они, несомненно, правы. Но, судя по первой четверти нынешнего, XXI века, по жестокости он способен превзойти своего предшественника: выражаясь словами К. Маркса, еще с самого начала он стал «уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [1, с. 230]. Масштаб превращенных форм социальности, т. е. самых разнообразных феноменов, чуждых человеческой сущности, достиг предела: они пронизывают мировое сообщество во всех его фундаментальных сферах.

На постсоветском пространстве четко выделяются в качестве таковых формы, которые связаны процессом перевода обретших суверенитет советских республик на капиталистический путь развития с его атрибутивной стадией первоначального накопления капитала, что было характерно для 1990-х годов. Согласно учению К. Маркса, формирование капитализма предполагает разделение общества на собственников, владельцев капитала, и не собственников, не имеющих средств не только для создания какого-либо производства, но и для физиологического существования. Именно поэтому не собственники вынуждены продавать свой личный труд владельцу капитала, причем, чаще всего на его условиях. Стадию первоначального накопления капитала описал Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии». Обратим внимание на то, что эта стадия в истории западноевропейских государств заняла длительный промежуток времени. Притом капитал накапливался не только за счет внутренних ресурсов – эксплуатации наемных работников, – но и за счет внешних ресурсов – неэквивалентного обмена товарами с колониями, а то и вовсе их открытого грабежа.

В постсоветских государствах процесс первоначального накопления

капитала осуществлялся в чрезмерно сжатые сроки (проект шоковой терапии): имеющиеся активы – финансы, предприятия и даже природные ресурсы – довольно быстро обрели своих владельцев, среди которых оказались советская партийная номенклатура, директорский корпус («красные директора»), дождавшиеся своего звездного часа так называемые «теневики», наконец, криминальные элементы. Немаловажно и то, что первоначальное накопление капитала в постсоветских государствах осуществлялось исключительно за счет внутренних ресурсов. Кроме того, к разграблению национальных богатств активно подключились транснациональные корпорации. Все это тяжелым бременем ложилось на не собственников – трудовой люд. И еще одна особенность этого процесса в России и некоторых других постсоветских государствах. Владельцы отечественного капитала не были заинтересованы в инновациях и модернизации производства, создании новых рабочих мест, напротив, стремясь получить сверхприбыль, максимально эксплуатировали доставшиеся им предприятия, что нередко вело к авариям и банкротству.

Превращенные формы социальности той эпохи, по сути, мало чем отличались от таких же форм, описанных когда-то К. Марксом. В одной из первых своих крупных работ «Экономическо-философские рукописи 1844 года», правда, так и оставшейся при жизни автора лишь рукописью, он выделил различные характерные для капитализма порабощающие человека формы отчуждения. К ним отнесены: *отчуждение практической человеческой деятельности* – отчуждение рабочего от своего труда и продукта своего труда, в силу чего «труд становится противостоящей ему самостоятельной силой», а «жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая»; отчуждение рабочего от чувственного внешнего мира, предметов природы и от себя, от собственной деятельности, как чуждой, ему не принадлежащей «в самом акте производства, в самой производственной деятельности» («если продукт труда есть отчуждение, то и само производство должно быть деятельным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения»); отчуждение человека от своей родовой сущности и, как следствие, – отчуждение человека от человека и др. [2, с. 88–97]. В целом, в результате чрезмерно спрессованного во времени процесса первоначального накопления капитала, когда миллионы людей оказались за чертой бедности, назревала революционная ситуация, которую властным структурам приходилось разрешать не мирными средствами.

Кто раньше, кто позже, стадию первоначального накопления капитала постсоветские государства прошли, и в настоящее время они непосредственно столкнулись с противоречиями, характерными для капиталистического общества на его последней стадии существования. Такого рода противоречия детально проанализированы В. И. Лениным в

работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». В 1917 году в предисловии к французскому и немецкому изданиям данной работы он констатировал: «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью "передовых" стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой "добычи" происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю» [3, с. 305]. *Данная более ста лет назад характеристика хищнической сущности капитализма актуальна и в наши дни, ведь природа и сущность этого социального феномена ничуть не изменились.* Современный капитализм, как и капитализм начала XX века, характеризуется концентрацией производства и образованием монополий («империализм есть монополистическая стадия капитализма» [3, с. 386]), обобществлением производства, господством финансового капитала («"Личная" уния банков с промышленностью дополняется "личной унией" тех и других обществ с правительством» [3, с. 337–338]), финансовой олигархией, вывозом капитала, разделом мира между союзами капиталистов, ростом слоя рантье и его оторванностью от производства, наконец, увеличением иммиграции. В. И. Ленин четко увязывал сущность современных войн с сущностью империализма, его экономической основой. «Я бы хотел надеяться, – указывал он, – что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма» [3, с. 302]. Аналитики современных войн, в том числе и войны на Украине, не всегда обращают внимание на «экономический вопрос», а он является главным. Многие были убеждены в том, что снятое в начале 1990-х годов противостояние Запада и Востока кануло в лету. Но это была лишь кажимость: в начале XXI века оно вспыхнуло с новой силой, хотя, как оказалось, Запад и не помышлял о прекращении борьбы с Востоком, в данном случае уже с серьезно ослабленной Россией. И если раньше военные сражения велись на других континентах, то с конца 1990-х годов военная агрессия США против России была развернута на ее собственной территории.

Что ждет мировое сообщество в ближайшей перспективе? Российский ученый И. В. Бестужев-Лада считает, что «наиболее распространенная формула альтернативной цивилизации» предстает в таком виде: «низкоэнергетическая (в смысле восстановления глобальных балансов, на которых зиждется человечество), экологически чистая, полностью демилитаризованная и подлинно человеческая» [4, с. 67]. Современная антигуманная социальная практика убеждает нас в иллюзорности, а, следовательно, в бесперспективности предложенной модели альтернативной цивилизации. До тех пор, пока будет сохранена

онтологическая основа нынешней цивилизации в виде частной собственности на средства производства, а предложенная модель не предполагает ее упразднения, не может вестись речь о практической реализации проекта новой, альтернативной, более гуманной цивилизации в принципе. Как отмечает А. В. Савиных, «политическая власть меняется, а в экономике мы постоянно видим несменяемые центры влияния. Эти центры контролируются элитой, которая за последние 200 лет сумела защитить свое существование через утверждение незыблемости священного права частной собственности» [5].

Литература и источники

1. Маркс, К. Будущие результаты британского владычества в Индии / К. Маркс // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1957. – Т. 9. – С. 224–230.
2. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
3. Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 27. – С. 299–426.
4. Бестужев-Лада, И. В. Альтернативная цивилизация / И. В. Бестужев-Лада. – М. : Изд-во Алгоритм, 2003. – 448 с.
5. Савиных, А. Блеск и нищета западной модели демократии / А. Савиных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/comments/view/blesk-i-nischeta-zapadnoj-modeli-demokratii-7802/>. – Дата доступа: 06.09.2023.

ЭСКАЛАЦИЯ НАСИЛИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ГРАНИЦЫ

Н. А. Балаклеец

Еще классиками политической философии была сформулирована проблема эскалации насилия, суть которой заключается в следующем. Симметричный ответ на насильственное действие соперника приводит не к разрешению, но к усугублению конфликта. Противонасилие со стороны соперника вынуждает инициатора насильственных действий изобретать новые, более эффективные средства и способы разрешения конфликта, разрабатывать контрмеры в ответ на исходные меры противника. Необходимость постоянного противодействия неприятелю как реакция на комплекс его военно-стратегических инициатив приводит в действие спираль насилия, набирающую новые, все более масштабные обороты и лишенную надежных имманентных инструментов сдерживания. Гонка вооружений, подкрепленная несилowymi инструментами решения политических конфликтов, приводит к делокализации военных рисков и

угроз и обостряет военно-политическое противостояние соперников.

Социальные и политические риски, связанные с исходным актом насилия, были осмыслены еще Э. Роттердамским, который утверждал: «Война порождает войну, месть влечет за собой месть» [4, с. 59]. Размышляя об особенностях военно-политических конфликтов, И. Фихте приходит к выводу об отсутствии надежных способов самоограничения субъектов насилия. Добровольное ограничение воли к сражению было бы губительным для участника вооруженного столкновения: «среди тех, кто пытается захватить все, что только может, ограничивающий сам себя обречен на гибель» [5, с. 292].

Квинтэссенцией осмысления проблемы устремления насилия к его крайним формам является теоретическая модель войны, предложенная К. фон Клаузевицем. Прусский генерал и теоретик войны не просто описывает зеркальные эффекты, которые возникают в процессе применения насилия. Он ставит вопросы о крайних формах, к которым может прийти война в процессе своей эволюции, и о соответствии конкретно-эмпирических форм, принимаемых войной, ее теоретической модели. По мысли Клаузевица, «война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей» [1, с. 37]. Приведенное определение войны послужило отправной точкой как для политико-философских исследований, так и для военно-теоретических штудий, посвященных феномену эскалации вооруженного насилия.

Мыслителями разных эпох были выявлены как природные, так и вызванные деятельностью человека ограничители насилия. Преграды для достижения насилием его крайних форм могут носить естественный и объективный характер (военную деятельность ограничивают географические и антропологические факторы, несовершенство военной техники). Кроме того, на протяжении своей истории человечество вырабатывало социальные, политические, этические инструменты деэскалации насилия, которые отличались разной степенью эффективности и практической применимости.

Если общество традиционного типа изобрело такой механизм деэскалации насилия, как «жертва отпущения» (Р. Жирар), то общество эпохи модерна помещает насилие в политические рамки (так, в концепции К. фон Клаузевица цель (Ziel) войны подчинена политической цели – Zweck) [6, s. 14]. Тем самым, с одной стороны, происходит ограничение имманентной насилию тенденции к трансгрессии собственных границ. С другой стороны, трансформации в политической сфере жизни общества способны породить новые формы насилия (неоспоримо влияние Французской революции 1789 года на возрастание масштаба европейских войн).

В военной теории проблема устремления вооруженного насилия к его крайним формам воплотилась в разработке так называемых лестниц эскалации. Хрестоматийным в данной связи является исследование Г. Кана, который в 1960-е годы предложил лестницу эскалации, состоящую из 44 ступеней. Высший уровень эскалации насилия в концепции Кана получил название «спазматическая война» (см [2, с. 221]). В российской науке лестница эскалации с меньшим числом ступеней была разработана А. А. Кокошиным. Согласно выводам российского ученого, мировая политическая система способна поэтапно переходить от «нормального состояния» (первая ступень лестницы) через ряд стадий, включающих «гибридные» и «обычные» способы ведения военных действий, а также конфликты с демонстрационным и ограниченным применением ядерного оружия, к финальной фазе вооруженного насилия (последняя ступень лестницы) – «войне с массированным применением ядерного оружия» [2, с. 221–222]. Смысл приведенных лестниц эскалации заключается отнюдь не в том, чтобы довести политический конфликт до его катастрофической финальной точки, что привело бы человечество к небытию. Напротив, речь идет о выработке эффективных способов управления войной и оценке перспектив развертывания конфликта. Иными словами, участник вооруженного противостояния должен найти выход из дилеммы: пойти на уступки противнику, начав с ним переговоры, либо продолжать дальнейшую интенсификацию конфликта, стремясь к достижению эскалационного доминирования.

Появление технически более совершенного средства ведения войны заставляет соперника разрабатывать контрсредство. При этом, как показывают выводы Э. Люттвака, основные усилия соперника будут направлены на выработку контрмер против того вражеского оборудования, которое представляется наиболее опасным. Парадоксальным образом, возможность стратегического доминирования связывается не с обладанием самым совершенным на текущий момент времени оружием, действие которого может быть нивелировано в ближайшей временной перспективе. Не столь совершенное техническое устройство способно обладать большим временным потенциалом полезности, поскольку оно не служит объектом, привлекающим основные ресурсы неприятеля: «чем выше успех того или иного технологического нововведения и острее вызванная им реакция, тем вероятнее, что будет задействован широкий спектр научных решений в попытке выработать контрмеры. А это уменьшает вероятность того, что эти контрмеры будут успешно предвосхищены» [3, с. 51].

Таким образом, военно-техническая гонка имеет нелинейный характер и не может быть описана посредством узкой и одномерной схемы «вызова и ответа». Насилие не складывается из простой последовательности действий и противодействий. Рассматривая проблему эскалации насилия, необходимо принимать во внимание комплексный

характер вызовов противника, не все из которых обусловлены наличием в его арсенале самых совершенных видов военной техники. На наш взгляд, насилие воплощается в совокупности миметических рядов, которые имеют как физическую, так и символическую природу.

Литература и источники

1. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М. : Издательская корпорация «Логос» ; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. – 448 с.
2. Кокошин, А. А. Вопросы прикладной теории войны / А. А. Кокошин. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 227 с.
3. Люттвак, Э. Стратегия: Логика войны и мира / Э. Люттвак. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 392 с.
4. Роттердамский, Э. Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного / Э. Роттердамский // Трактаты о вечном мире. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 29–59.
5. Фихте, И. Г. Речи к немецкой нации / И. Г. Фихте. – СПб. : Наука, 2009. – 349 с.
6. Münkler, H. Clausewitz' Theorie des Krieges / H. Münkler // Würzburger Vorträge für Rechtsphilosophie, Rechtslehre und Rechtssoziologie. Heft 30. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2003. – 28 s.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О. В. Беркова

В последнее время растет количество замечаний, касающихся качества научных и диссертационных работ по экономическим наукам. В частности, отмечаются низкий уровень владения современными методами прогнозирования и эконометрического моделирования, элементарные ошибки в применении экономико-математических методов и моделей, и так далее.

Попробуем разобраться в причинах данного явления и посмотрим, что говорит об использовании экономико-математических методов и моделей современная методология теоретических исследований.

В соответствующей литературе на эту тему отмечается, что характерной чертой теоретического мышления является применение абстрактных объектов, т. е. особых образов действительности, которые схватывают в обобщенной форме наиболее существенные признаки изучаемых явлений. «Математик, например, в теоретическом исследовании пользуется образами точки, прямой линии, треугольника окружности и т. д.; физик использует образы идеализированных весов,

частичек газа или различных движущихся тел (катящейся тележки у Галилея, брошенного камня у Ньютона, падающего или взлетающего лифта у Эйнштейна); химик оперирует с образом структуры вещества; биолог – с образом структуры клетки и т. д.» [1, с. 117].

В процессе мысленного эксперимента, используя абстрактные объекты, исследователь часто оперирует идеализированными ситуациями. Такие ситуации конструируются в результате особой процедуры, которая получила название идеализации. Далее, все более и более проникая в структуру объективных явлений, современная наука приближается к таким «однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку» [1, с. 124]. В связи с математизацией науки в ней все шире используется особый прием теоретического мышления – формализация.

Необходимо помнить, что идеализация, как и всякий научный метод, несмотря на ее большое значение в теоретическом исследовании, имеет свои границы и в этом смысле носит относительный характер. Относительность ее проявляется в том, что: 1) идеализированные представления могут уточняться, корректироваться или даже заменяться новыми; 2) каждая идеализация создается для решения определенных задач, т. е. свойство, от которого мы абстрагируемся в одних условиях, может оказаться важным при реализации других условий – тогда и приходится создавать принципиально новые идеализированные объекты; 3) не во всех случаях можно перейти от идеализированных представлений (закрепленных в математических формулах) непосредственно к эмпирическим объектам; для такого перехода необходимы определенные коррективы (введение, например, эмпирически установленных коэффициентов).

Посмотрим, как обстоят дела с использованием экономико-математических моделей в современной практике.

В управлении экономическими объектами удачно используются такие модели, как теория игр (прогнозирование реакции конкурентов на изменение цен, новые кампании поддержки сбыта, предложения дополнительного обслуживания, модификация и освоение новой продукции), модели теории очередей (используется для определения оптимального числа каналов обслуживания по отношению к потребностям в них), модели управления запасами (используется для определения времени размещения заказов на ресурсы и их количества, а также массы готовой продукции на складах), модель линейного программирования, имитационное моделирование, экономический анализ и т. д.

Однако, несмотря на это, построение экономико-математических моделей и их использование наталкивается на определенные трудности, которые обусловлены следующим.

Во-первых, любая модель опирается на некоторые исходные

допущения или предпосылки и некоторые из них не поддаются оценке и не могут быть объективно проверены, так как возможности в получении нужной информации, которая влияет и на построение, и на использование моделей, ограничены. Во-вторых, построение моделей наиболее затруднительно в условиях неопределенности. «Когда необходимая информация настолько неопределенна, что ее трудно получить, исходя из критерия объективности, руководителю, возможно, целесообразно положиться на свой опыт, способность к суждению, интуицию и помощь консультантов» [2, с. 210–211]. В-третьих, основная причина неиспользования моделей заключается в том, что руководители могут не вполне понимать получаемые с помощью модели результаты и поэтому бояться ее применять. Здесь решающим фактором выступает недостаток знаний и сопротивление переменам. В-четвертых, выгоды от использования моделей, как и других методов управления, должны с избытком оправдывать их стоимость (в которую входят затраты на построение модели и сбор информации, расходы и время на обучение, стоимость обработки и хранение информации), что случается далеко не всегда.

При этом надо помнить, что методы, успешные при изучении одних объектов (в данном случае – моделирование), могут привести к неправильным результатам при их формальном переносе на исследование других объектов. Поскольку плодотворность научного метода определяется тем, насколько он соответствует характеру объекта, постольку исследователь должен иметь предварительное знание об объекте, на основе которого он будет вырабатывать приемы исследования и их систему. Оценивая значение метода в познании, К. Маркс отмечал, что «не только результаты исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» [3, с. 7].

Экономические объекты, как правило, являются сложными открытыми саморегулирующимися, а порой и саморазвивающимися, системами. Поэтому успешность применения экономико-математических моделей зависит от того, насколько те или иные связи и отношения экономической действительности получается разложить на однородные и простые элементы, функционирующие при определенных условиях и ограничениях всех прочих факторов. Дальнейшая эффективность метода моделирования определяется способностью рассматривать упрощенные отношения в развитии, где дальнейшие связи, более близкие к поверхности явлений и доступные для непосредственного наблюдения, генетически возникают одна из другой, и каждая вновь возникающая связь изменяет предыдущую.

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Методы научного познания / В. С. Стёпин, А. Н. Елсуков. – Минск : Вышэйшая школа, 1974. – 152 с.
2. Мескон, М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедуори. – М. : Вильямс, 2016. – 665 с.
3. Маркс, К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М. : Политиздат, 1959. – Т. 1. – 770 с.

ОБОСНОВАНИЕ ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

И. Н. Браницкая

Стагнация мировой экономики и нестабильность финансовых рынков последних лет, а также проблемы возникновения военных конфликтов и политических переворотов, кризис перераспределения ресурсов и распространения болезней заставляют осознать, что старые методы решения проблем не работают. Возникает острая необходимость в фундаментальной трансформации экономических, социальных и культурных общественных договоренностей, что способствовало бы устойчивому экономическому росту, обеспечению мира и повышению конкурентоспособности стран.

За последние десять лет во всем мире наблюдается волна незаурядного интереса к социальным инновациям как способу достижения устойчивого экономического роста. В частности, такие важные инновационные решения, как справедливая торговля, дистанционное обучение, цифровизация валют, восстановительное правосудие и безуглеродное строительство помогают решить ряд наиболее насущных проблем современности.

При этом теория и практика социальных инноваций в обществе, в которой до сих пор доминируют западные системы знаний, на современном этапе не может найти выход из затруднительного положения, чтобы выстроить новую систему знаний управления социальными инновациями, основанную на действительно глобальном значении.

Концептуально социология инноваций исходит из представления об инновациях как закономерном проявлении функционирования механизма общественной политики в условиях полноценного действия основных социально-экономических законов: разделения труда, изменения условий жизнедеятельности и конкуренции в их органическом взаимодействии. В связи с тем, что инновация выступает способом развития индивидов, коллективов, социальных сообществ и общества в целом, специфика подхода социологии инноваций заключается в пересмотре инновации как способа существования социальных систем. Объектом социологии

инноваций выступает инновация как социальный процесс, а предметом – социальные механизмы, регулирующие процессы формирования, разработки, внедрения, адаптации и интеграции инноваций в различных сферах жизни общества [1; 2].

Практика показывает, что в тех странах, которые выбрали социально ориентированный тип развития, именно социальные инновации формируют инновационную среду, способствующую научно-технологическим и др. формационным нововведениям, обеспечивает их ускорение, повышение эффективности использования новых технологий, сокращение инновационных затрат. И наоборот, там, где наблюдается противоречие между заявленными социальными целями и реальными действиями, возникают конфликты, повышается степень недоверия в обществе, обостряются социальные проблемы.

В XXI веке особую актуальность приобретают идеи сообщества с единой судьбой человечества внутри страны и за рубежом (Восточная концепция; Китай [3]), общие ценности мира, развития, справедливости, демократии и свободы для всего человечества (Западная концепция; США, страны ЕС [2]), человеческого прогресса и трансформации глобального управления в контексте построения многополярного мира (страны Центральной Европы [1]).

Восточная концепция обосновывается тем, что с точки зрения философского мировоззрения человек, природа и общество представляют собой органично единое целое, и прежде всего следует ценить не различие индивидуальных интересов, а гармонию общих интересов всего человечества и даже интересов планеты. Все факторы, такие как национальные государства, транснациональные корпорации, глобальное гражданское общество, субнациональные правительства, этнические группы, расы, религии и т. д., рассматриваются как органическая часть всей планеты.

Процесс социализации в этом контексте является социально-психологическим способом воздействия на сознание личности, формирующим социальную реальность и одновременно являющимся способом осознания этой же реальности. В нашем случае речь идет о способах социализации инноваций (новых идей и концепций), которые предусматривают обновление социальных инноваций и активизацию жизнедеятельности, что порождает инициативу граждан и влечет за собой развитие более продуктивной деятельности.

В то же время, научная критика существующих теорий социальных инноваций, включая функциональную теорию, теорию конкуренции интересов, концептуальную теорию и историческую теорию, обуславливает необходимость построения новой системы развития социальных инноваций белорусского общества, выраженную в трех измерениях.

Первое – *открытость деятельности государственного института управления социальными инновациями*. Структура управления социальными инновациями должна быть открыта и представлять собой сеть, а не иерархическую структуру, охватывающую множество субъектов, таких как государство, негосударственные организации и даже отдельные лица. В отличие от государственного управления и экономического управления, управленческое поведение граждан в социуме – это не система власти, предоставляемая законом, а система ответственности за позитивные действия, социальное управление или управление важным атрибутом, таким как активная гражданская позиция.

Хотя государственное управление может достичь открытости и прозрачности в принятии решений посредством публичности процедур, а государственное администрирование также может включать в себя больше заинтересованных сторон, субъекты, участвующие в этом процессе, наделяются определенными правами и степенью ответственности. Пока они придерживаются ориентации на общественную ответственность, они могут участвовать в управлении социальными инновациями.

Второе – *социальный характер инноваций*. Традиционно социальные проблемы в основном связаны с миром и развитием, то есть с тем, как избежать и предотвратить войны, а также добиться национального развития и процветания, что относится к вопросам международных отношений и международной политической экономии. По сравнению с международными отношениями и международной политической экономией социальные инновации в обществе направлены на решение ряда социальных и экологических проблем – таких, как изменение климата, безработица, преступность, социальное отчуждение, материальная бедность, миграция, неравенство в распределении благосостояния, старение населения и другие [1, с. 55].

Третье – *консультативный характер методов управления социальными инновациями*. Управление социальными инновациями в обществе – это процесс, в котором соответствующие стороны осуществляют коллективные действия, направленные на реализацию задач по обеспечению мира, безопасности и социально-экономического развития общества. Стоит отметить, что достаточно сложно управлять коллективными действиями и обеспечивать глобальные общественные блага в национальном масштабе. Как эффективно организовать коллективные действия посредством консультаций, стало ключевым вопросом, который необходимо решить с целью формирования новой системы реализации социальных инноваций в белорусском обществе.

Таким образом, социальные инновации как новые способы достижения социального результата в соответствии с целями развития белорусского общества требуют постоянного внимания как со стороны ученых, так и представителей власти. Убедительный опыт ведущих стран

мира показывает, что их социально-экономическое развитие во многом определяется социальными инновациями, что является основным инструментом повышения качества жизни населения. Именно приоритет социальных инноваций в отличие от традиционного экономико-технологического подхода определяет тесное взаимодействие социальных инновационных процессов и изменений в экономике.

В Республике Беларусь трансформация социального государства, а соответственно экономики и общества должна заключаться в приостановлении разрушения социального пространства, ослаблении социального неравенства и активизации поведения людей в направлении прогрессивного развития. Если концепция социальных инноваций, система целей и приоритетов социально-экономического развития научно обоснованы и четко определены, то содержательный анализ и оценка регулируемых процессов, вслед за которыми устанавливается общественное понимание результатов социально-экономического развития и эффектов реализации социальной политики, позволит достичь положительных результатов.

Литература и источники

1. Горюнов, А. В. Модели социальных инноваций в социальной философии и науке: экспликация и социально-философский анализ / А. В. Горюнов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4. – С. 54–60.
2. Baker, S. Social innovation and the governance of sustainable places / S. Baker, A. Mehmood // The International Journal of Justice and Sustainability. – 2015. – Vol. 20, № 3. – P. 321–334.
3. Solov'eva, T. S. Social innovation in Spain, China and Russia: key aspects of development / T. S. Solov'eva, A. V. Popov, A. Caro-Gonzalez, Li Hua // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2018. – Vol. 11, № 2. – P. 52–68.

ТОВАР И МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

А. С. Галанзовский

В основании массового общества в контексте восприятия информационных процессов и технологий нахождение начала в новом отношении формируется непосредственно в мировоззренческом восприятии товара. Однако товар не следует представлять в качестве какой-либо заготовки или продукции, которую производят манипуляторные движения по отношению к непосредственно данной природе – подобное отношение было справедливым для эпохи пре-модерна, которая была во многом спекулятивна, но при этом старательно

отделяла человека от всего того, что он производит. Указанное убеждение существовало и в разграничении мысли, и данного непосредственно опыта. Модерн же отвечает на каждый из трансцендентных вопросов с помощью отсылки к имманентному, что не решает проблемы, но трансформирует взгляд на них. В данном случае представляется актуальным рассмотреть меняющуюся в современном массовом обществе роль товара и его влияния на формирование личностных эмоций и восприятия.

Подобное отношение позволило локализовать чувства и даже мысли. Городской житель, как пример вольного фланера, был научен городом воспринимать тот или иной шум, давая ему единую интерпретацию; иные чувства также были перестроены, но не в плане резкости восприятия, а в смысле задачи, которая перед ними стоит. Это удачно обозначил Георг Зиммель, заметив, что тот, кто видит, не слыша, в гораздо большей степени обуреваем беспокойством, чем тот, кто слышит и при этом не видит. В этом заключается нечто примечательное для социологии большого города. Взаимоотношение людей в больших городах отличается ярко выраженным перевесом активности зрения над активностью слуха. Основной причиной для этого является общественный транспорт. До появления омнибусов, железной дороги, трамваев в девятнадцатом столетии люди не оказывались в ситуации, когда они на протяжении продолжительного времени вынуждены смотреть друг на друга, при этом не обмениваясь словами [3, с. 303].

Вместе с этим переменялось отношение к человеку: не столько человек, став массовым, утратил свою индивидуальность благодаря феномену толпы (Г. Лебон) (как это было возможно в племенах аборигенов: с утратой социальной души потерять и метафизическую) – изменение претерпело само место человека. Представляется парадоксальным, что вместе с развитием больших городов развилась и фотографическая съемка, которая словно бы уничтожает инкогнито человека в толпе, делая его видимым. Вальтер Беньямин настаивал на том, что благодаря массовой доступности фотографии, появился и массовый интерес к детективному жанру, который словно бы фиксирует слова и действия в человеке-преступнике. Триумф детектива – это победа толпы над индивидуальностью, института над процессом [4, с. 54].

Поскольку человек, будучи рабочей силой, является товаром, ему нет нужды специально представлять себя товаром. Чем больше этот образ бытия, к которому он приговорен способом производства, входит в его сознание – чем дальше продвигается его пролетаризация, – тем больше его пронизывает ледяное дыхание товарного хозяйства и тем меньше ему необходимо «входить в роль» товара [2, с. 66]. Таким образом, товаром человек делается не то чтобы нехотя – скорее это присуще ему имманентно. Этот факт не является исключительно недавним, хоть и стал обретать видимые формы лишь благодаря индустриализации: истоки же

можно отыскать как в разделении труда, так и в телеологической специализации. Это ведет лишь к одному: то или иное сообщество рано или поздно приходит к классовому неравенству, которое и составляет прогресс, ибо только в неравном обществе существует пассионарность.

Но и без толпы не был бы возможен товар в современном понимании этого слова, ибо массовость спроса на товар обеспечивается таким же массовым производством, которое продает частицы индивидуальности, несокрытости и самой фиксации в той непроизводственной реальности, которая символично отлучена от воспоминания (что создает труд, лишенный профессиональной определенности и охарактеризованный как промежуточный между полной и частичной механизацией).

Обратимся к феномену артефакта у М. Вебера, описанному в работе «О некоторых категориях понимающей социологии». Современный потребитель обычно лишь в самых общих чертах представляет себе технику изготовления повседневно употребляемых им продуктов, а подчас не ведает даже, из какого материала и в какой отрасли промышленности они создаются. Его интересуют лишь практически важные для него аспекты этих артефактов [6, с. 543]. Мы же представим этот феномен более явно, уже не как скрытность автоматизации, а следующим образом: артефакт – это вещь, наделенная свойствами, которые раскрываются индивидууму лишь на основании устоявшейся практики использования, без целокупного понимания всех свойств вещи. Повседневная манипуляция артефактами может быть действительна лишь при обращении к смыслу применения, механизм будет действителен только лишь исходя из ожидаемого отклика.

Создается некоторый шок для группы. Его бессилие соответствует изначальности сущностного мышления, его власть означает: способность распоряжаться непосредственным осуществлением того или иного плана в рамках наличного, – а сущностное мышление свершается в наброске истины бытия [5, с. 223], что никогда не представлено налично и единственно верно. Эта массовая церемония имеет парадоксальную значимость. Она совершается в молчаливой приватности. Тем не менее каждый, кто к ней причастен, прекрасно знает, что церемония, которую он исполняет, дублируется одновременно тысячами других людей, в чьем существовании он уверен, хотя не имеет ни малейшего представления об их идентичности. Кроме того, эта церемония непрестанно повторяется с интервалом в день или полдня в потоке календарного времени. Можно ли представить себе более живой образ секулярного, исторически отмеряемого часами воображаемого сообщества? В то же время читатель газеты, наблюдая точные повторения своих манипуляций с газетой соседями по метро, парикмахерской или месту жительства, постоянно убеждается в том, что воображаемый мир зримо укоренен в повседневной жизни. Вымысел бесшумно и непрерывно проникает в реальность,

создавая ту замечательную уверенность сообщества в анонимности, которая является краеугольным камнем современных наций [1, с. 137].

Подобное создает и анонимность товара, который предпочитает индивидуальное и скрытное потребление: чем больше людей вокруг себя видит человек, тем более старательно он старается укрыться в своем, как ему кажется, индивидуальном мире, но тут мы наконец пробираемся к первым всполохам коллективного мышления. Товары предлагают своим потребителям концентрированные воспоминания, которые могут им и не принадлежать. Многообразие рекламных слоганов и видеороликов напоминает своему потребителю о том, кем он был и в каком состоянии находился в момент визуализированного контакта с медиарекламным контентом. На основании вышесказанного можно заключить, что реклама выступает в качестве основания нашего времени. Ироничное и психоэмоциональное содержание контента принуждает определять свое будущее, дарит концепт воспоминаний – и подобные ощущения присущи не только лишь впечатленной в контексте личностных эмоций группе людей. Указанные ощущения составляют структуру коллективного мышления, подчиняя себе не только товары, но и социальные институты, и даже сам по себе исторический процесс в контексте пространства и времени.

Литература и источники

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 281 с.
2. Беньямин, В. Бодлер / В. Беньямин. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. – 224 с.
3. Зиммель, Г. Созерцание жизни / Г. Зиммель // Избранное. – М. : Юрист, 1996. – Т. 2. – 607 с.
4. Беньямин, В. Улица с односторонним движением: Берлинское детство на рубеже веков / В. Беньямин. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2021. – 1902 с.
5. Хайдеггер, М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / М. Хайдеггер. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
6. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТАТИВНЫЕ МОДЕЛИ В ПОЛИТИКЕ

Т. В. Жмакина

В общей концепции аргументации Амстердамской школы аргументативная модель, типичная для определенной коммуникативной деятельности, называется *прототипической* [1, р. 20]. Контекстуально обусловленная прототипическая модель характеризуется определенным стратегическим маневрированием, направленным на достижение

институциональной функции коммуникативного типа деятельности. Прототипические модели реализуются и в сфере политической коммуникации.

При осуществлении политической аргументации стороны должны учитывать институциональные основания типа политической коммуникации и критическую реакцию оппонента. Данные условия формируют аргументативную модель аргументации в политике, представленную совокупностью определенных аргументативных шагов, направленных на разрешение конфликта мнений и защиту точки зрения посредством использования определенной аргументативной структуры.

В сфере политики обычно существует множество разногласий: между властью и оппозицией, политическими партиями, социальными классами, группами, этническими общностями, организациями, ассоциациями, государствами и даже отдельными личностями. Разногласия между субъектами политики, например, могут возникать относительно способа политического устройства общества. Устранение данных разногласий в демократическом обществе достигается посредством использования политической аргументации, позволяющей убедить оппонентов, что их права не будут нарушены, а интересы будут учтены.

Специфика аргументативного обмена в процессе политической коммуникации определяется не только видом различий во мнениях (*расхождение во мнениях* или *позиция сомнения* [2, р. 8]), типом точки зрения в политической аргументации, которая, согласно общей концепции аргументации Амстердамской школы, может быть *оценочной, предписательной, описательной* [3, р. 4], а также *процедурными* и *материальными* исходными условиями аргументативного обмена (эксплицитными и имплицитными) [4, р. 396], но и особыми требованиями, определяющими способ обмена аргументативными и критическими высказываниями. Этот способ может варьироваться от нормативно регулируемого до межличностного коммуникативного взаимодействия, а его возможным результатом является изменение мнения у оппонента.

В политической коммуникации используются характерные для нее аргументативные схемы.

Например, критические вопросы политического (под)типа аргументативной схемы, используемой для обоснования точки зрения, направлены на то, чтобы вызвать в процессе аргументации у аудитории нужную критическую реакцию.

В отличие от юридической сферы, которой в большей степени свойственны симптоматическая аргументация и аргументация обоснования судебного вердикта по аналогии, и академической сферы, обоснование точки зрения в которой выстраивается на основе аргументации по

признаку, в политической коммуникации чаще используется прагматическая политическая аргументация, направленная на обоснование политической позиции.

Проанализируем более подробно широко используемую в политике прототипическую модель политической аргументации, связанную с особенностями прагматической аргументации [1, р. 22–26].

В общей концепции аргументации Амстердамской школы схемы аргументации различаются своей диалектической целью. Прагматическая аргументация является подтипом аргументации по признаку.

В прагматической аргументации (не)приемлемость точки зрения обосновывается (не)целесообразностью результата. «Положительный вариант прагматической аргументации защищает положительную точку зрения (действие A должно быть выполнено), отрицательный вариант защищает отрицательную точку зрения (действие A не должно быть выполнено)» [1, р. 23].

Аргументативная схема положительного варианта прагматической аргументации представлена следующим образом:

1 Действие A , выраженное в точке зрения, должно быть выполнено,

1.1 так как выполнение действия A приведет к положительному результату действия B .

(1.1) Должны быть выполнены и действия A^{2-n} , реализация которых будет способствовать достижению положительного результата действий B^{2-n} .

Оценка эффективности прагматической аргументации проходит путем выявления соответствия аргументации критическим вопросам данной схемы аргументации:

(а) Приводит ли реализация действия A к достижению результата B ?

(а²) Возможно ли достичь результата B более быстрым и экономичным способом посредством реализации других действий? Каких?

(б) Является ли результат A действительно положительным (целесообразным) / отрицательным (нецелесообразным)?

(б²) Есть ли более положительный (более предпочтительный) результат C , чем результат B ?

(в) Нет ли у действия A негативных (нежелательных) / позитивных (желательных) побочных эффектов?

(в²) Есть ли возможность избежать или нейтрализовать негативные (нежелательные) побочные эффекты и каким способом это можно сделать? [1, р. 23–24].

Политические аргументативные модели также определяются институциональным контекстом аргументативной политической практики. В рамках политического институционального контекста аргументативное взаимодействие выстраивается в соответствии с присущей ему аргументативной моделью. Это характерно, например, для предвыборных

дебатов.

В процессе убеждения аудитории в (не)приемлемости точки зрения при устранении конфликта мнений по существу вопроса важное значение отводится аргументативному стилю.

Само понятие «стиль» в риторике соотносится с фигурами мысли, подразделяясь на торжественный (хвалебные и порицающие речи), совещательный или политический (убеждающие и разубеждающие речи), судебный (обвиняющие и защищающие речи) стили, и фигурами речи, представляя высокий, средний и низкий стили.

С риторической точки зрения под понятием «стиль» (от лат. *stilus, stylus* – остроконечная палочка для письма, манера письма) понимается разновидность языка определенной сферы социальной жизни, частично отличающегося от других разновидностей того же языка лексикой, грамматикой, фонетикой; общепринятая манера, способ исполнения конкретного типа речевых актов; индивидуальная манера, способ исполнения речевого акта (в частности, определенного политика) или произведение, в том числе литературно-художественное; языковая парадигма определенной эпохи, состояние языка в стилевом отношении в данную эпоху.

С позиций общей концепции аргументации Амстердамской школы аргументативный стиль представляет собой способ реализации аргументации по разрешению конфликта мнений по существу вопроса [5].

Аргументативный стиль характеризуется *аргументативными ходами* (речевыми актами, используемыми на всех стадиях разрешения конфликта мнений критической дискуссии), *диалектической процедурой* (схемами аргументации, используемыми для обоснования (не)приемлемости точки зрения), *стратегическим согласованием*, выбор которых обуславливает формирование прототипических аргументативных моделей [6, р. 155–163].

Аргументативный стиль представляет собой «способ выбора в аргументативном дискурсе из потенциала различных топик (выбор стратегий аргументации), адаптацию к ожиданиям аудитории и средства презентации, реализуемые в стратегическом маневрировании. Способ, посредством которого создаются три измерения аргументативного стиля, находит проявление в аргументативных ходах, аргументативной модели выбранной диалектической процедуры и стратегическом дизайне, отражающем реализацию стратегического согласования» [6, р. 165].

Аргументативный стиль в современной лингвистике иногда подразделяется на аргументативный стиль речевого события (аргумент «Китайской комнаты» Дж. Серля), аргументативный стиль определенной личности (аргументативный стиль определенного политика, например, Д. Трампа) или группы (аргументативный стиль активистов правозащитного движения), аргументативный стиль вида коммуникативной деятельности (например, предвыборные дебаты,

передовая статья печатного издания и др.) или сферы коммуникативной деятельности (политики, медицины и др.), что можно рассматривать как важные характеристики риторичности политической аргументации в условиях коммуникации.

Литература и источники

1. Prototypical Argumentative Patterns. Exploring the relationship between argumentative discourse and institutional context / F. H. van Eemeren [et al.] ; ed. F. H. van Eemeren. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2017. – 182 p.
2. Van Eemeren, F. H. Argumentation: Analysis, Evaluation, Presentation / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, A. F. Snoeck Henkemans. – London : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. – 195 p.
3. Van Eemeren, F. H. Argumentation Theory: A Pragma-Dialectical Perspective / F. H. van Eemeren. – Switzerland : Springer International Publishing, 2018. – 199 p.
4. Van Eemeren, F. H. Reasonableness and Effectiveness in Argumentative Discourse: Fifty Contributions to the Development of Pragma-Dialectics / F. H. van Eemeren [et al.]. – Switzerland : Springer International Publishing, 2015. – 904 p.
5. Жмакина, Т. В. Концепция политической аргументации Амстердамской школы : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Т. В. Жмакина. – Минск, 2022. – 197 л.
6. Van Eemeren, F. H. Argumentative Style: A Complex Notion / F. H. van Eemeren // Argumentation. – 2019. – № 33. – P. 153–171.

ПРОКСИ-ВОЙНА КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

В. А. Ксенофонов

В проекте Концепции национальной безопасности (далее – НБ) Республики Беларусь *военная безопасность* трактуется как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от существующих и зарождающихся военных угроз» [1, с. 4]. Диалектика современных опасностей (угроз) и военной сферы НБ все отчетливее свидетельствует, что нетрадиционные (новые) военные конфликты являются потенциальными угрозами НБ республики в военном отношении. Следовательно, познание сущностного содержания возможных военных конфликтов, которые могут быть развязаны в отношении белорусского государства, является не только научной, но и практически политической задачей.

К актуальным формам современного противоборства относится технология прокси-войны (далее – ПВ). Термин *проху* заимствован из английского языка и означает «полномочие», «доверенность», «представитель». Развитию данного типа войны послужило то, что в условиях существования ядерного оружия мировые лидеры предпочитают

противоборствовать не напрямую, а по доверенности через своих агентов [2, с. 11]. Этому типу конфликта (ПВ) необходимо научиться противостоять, поскольку он имеет достаточно широкое распространение в военно-политической сфере.

Разделяем точку зрения военного аналитика А. А. Бартоша, который определяет *прокси-войну* как «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [2, с. 61].

В современных условиях ПВ занимает особое место в деятельности консолидированного Запада, которая направлена на разрушение и раздел России, а в перспективе и Китая. Безусловно, с военно-стратегической точки зрения данный тип насилия касается и Республики Беларусь как составной части Союзного государства. Дело в том, что США и их союзники по блоку НАТО не стремятся к прямому военному противоборству против неугодных им государств, поэтому в западных стратегиях ставка делается на опосредованную войну, позволяющую продвигать интересы как самих США, так и их партнеров «чужими руками». ПВ способствуют истощению геополитического противника, создают ему не только комплекс внутренних, но и массу внешних проблем, подрывают его авторитет на международной арене. Развитию форм и способов противоборства, которые базируются на стратегии гибридной войны и ее инструментов: ПВ [2], информационно-психологической войны (ментальной войны) [3] и цветной революции [4], способствуют современные тенденции мировой политики. Специальная военная операция, проводимая Россией в Украине, является ярким примером ПВ.

ПВ как многомерному конфликту присущи следующие *измерения*:

– используется против объекта агрессии в качестве главного средства изнурения противника;

– имеет всеобъемлющий характер, нацелена на изнурение и развал государства-жертвы;

– национализм и этническая самоидентификация представляют собой важные факторы мотивации участников ПВ и использование их деструктивного потенциала против государства – объекта ПВ;

– имеет системный характер, ведется с помощью военных и невоенных действий;

– построена на стратегии измора, что придает конфликту перманентный разрушительный характер с акцентированным воздействием на военную, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую сферу государства – цели ПВ;

– неприменимы нормы международного права, многие законы и обычаи войны, она не попадает под определение «агрессия», отсутствуют

понятия «фронт» и «тыл» [2, с. 84].

Решение проблемы защиты от гибридной агрессии и ее составляющих требует адаптации систем национальной и военной безопасности к вызовам и угрозам нового типа. Существенный потенциал кроется в формировании научного знания о гибридных угрозах и на этой основе определение стратегии государства в целом, уточнение приоритетов развития военной организации государства и ее основного компонента – Вооруженных Сил, развития экономики и культурно-мировоззренческой сферы. Важно понимать, что гибридные угрозы касаются всего государственного организма (системы НБ), а не только силового блока страны. Следует осуществить своеобразный синтез существующих и исследуемых типов военных конфликтов в единую Концепцию и на этой основе выстраивать модель системного противодействия им.

Еще раз обратим внимание, что *смысл ПВ* заключается в попытке достичь заинтересованным государством собственных стратегических целей посредством провоцирования и поддержки военных действий между двумя и более сторонами на территории страны-жертвы. Конечная *цель* этой войны может быть разной и включать: 1) ослабление и разрушение государства-жертвы с последующим его переводом в целом или части под внешнее управление; 2) создание существенной, нередко, экзистенциальной угрозы третьему государству, чья безопасность, экономика и политика в значительной мере зависят от стабильности страны-жертвы ПВ, и развитию с ней дружеских партнерских или союзнических отношений [2, с. 86].

Тенденции развития международных отношений и военно-политической составляющей свидетельствуют о том, что в обозримой перспективе роль и частота использования гибридных и ПВ будут возрастать при фактически непрерывном ведении ментальной войны и экономическом воздействии на Россию, Китай объединенного Запада при сохранении в нем лидирующей роли США.

Важнейшими задачами в противодействии от ПВ могут быть:

– дальнейшее развитие военной и гуманитарной науки в контексте обеспечения НБ государства от военного и невоенного насилия;

– повышение уровня готовности и способности органов государственного и военного управления оперативно реагировать на нелинейный характер современных гибридных угроз, в частности ПВ;

– переход от непосредственной защиты пространства политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сфер государства к функциональному контролю над наиболее существенными стратегически элементами каждой сферы;

– обеспечение возможности оперативного сосредоточения основных усилий и необходимых ресурсов на наиболее угрожающем месте;

– ведение непрерывной разведки и тесное взаимодействие со структурами политического и военного управления с целью реализации стратегии, позволяющей обеспечивать создание и использование преимущества на угрожаемом направлении;

– подготовка и рациональное использование кадрового потенциала, способного обеспечить разработку и реализацию стратегии противоборства в гибридной и ПВ [2, с. 99].

В целях сохранения государства и перспектив его развития важно разработать модели отражения новых факторов, влияющих на НБ государства.

Литература и источники

1. Проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь 6 марта 2023 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 14.07.2023.
2. Бартош, А. А. Прокси-война / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2023. – 256 с.
3. Ильницкий, А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2023. – № 6. – С. 18–36.
4. Наумов, А. О. «Цветные революции» / А. О. Наумов. – М. : «Кучково поле», 2023. – 496 с.

AFFLUENZA («БОЛЕЗНЬ ИЗОБИЛИЕМ») КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСКАПИТАЛИЗМА

А. Ю. Опарин

Концепт «превращенная форма» был введен в научный обиход К. Марксом и до сих пор активно используется в марксистской теории. Этот концепт, как представляется, должен был показать, хотя он, конечно, нечаянно был произнесен Марксом, неадекватность классических понятий «формы» и «содержания», когда одно из них может подчинить другое в социальных отношениях, или разрушить другое ввиду накопившихся противоречий. Классическая аристотелевская диалектика «формы» и «потенции» стала нерабочей в философском плане, когда оказалось, что социально-экономическая «материя» все свои прочие надстроечные «формы» создает, а не «наполняет».

Принято считать, что к проблеме «превращенных форм» социальности Маркс подошел только при написании «Капитала», а конкретно, в окончании своего черновика, озаглавленного теперь «К

критике политической экономии». Там идет речь о том, как труд трансформируется в капитал, в деньги, что и есть, по Марксу, превращенная форма труда во временном измерении, неадекватная «живому труду» [3, с. 148]. На самом деле, проблема была поставлена еще в период «раннего Маркса», в «Немецкой идеологии», когда классики марксизма попытались разобрать превращенные формы общественного сознания и причины их возникновения. И она не касалась только проблем политэкономии, так подробно разобранных в «Капитале», но касалась и других проявлений социального, не упомянутых, но так или иначе находившихся в фокусе внимания Маркса. Не случайно тут Маркс применил к понятию «превращенная форма» предикат социального: речь шла об общественных отношениях и коллективном труде, а не об экономических отношениях, как в других работах Маркса, где использовались выражения «процесс превращения», «превращенная форма» при объяснении механизма обращения капитала, товарного обмена и т. д. [2, с. 43].

Но что мы должны понимать под «превращенной формой»? Она не означает просто изменение или трансформацию (хотя, к слову, любое означение, обозначение предмета есть его вербальное «превращение»), в ней раскрывается более важное свойство – деформация, извращение социального явления, переворачивание явления или процесса с ног на голову (сам Маркс пытался применить к этому аналогию «камеры-обскура»), выворачивание наизнанку. При этом «превращение в свою полную противоположность происходит настолько незаметно, что люди с удовольствием или по необходимости принимают видимость за истину, форму за содержание, делая вид, будто ничего в их жизни не изменилось» [2, с. 44]. При этом «превращенная форма» обретает свой самостоятельный онтологический статус, где ее самостоятельность «проявляется... в принципиальной раздельности того, что в ней непосредственно явлено, и тем, что в ней действительно заключено» [6, с. 37]. Иными словами, когда форма подменяет содержание, маскирует содержание, выдавая себя за него. Возвратившись к «Немецкой идеологии», мы должны вспомнить, что понятие «видимость» (*Schein*) достаточно часто встречается там в применении к «перевернутым» («превращенным») формам общественного сознания, однако это не означает, что они воспроизводят иллюзию, «кажимость». Напротив, они вполне могут отсылать к определенной (но скрываемой) ими реальности [1, с. 125–127].

В этом смысле, одной из любопытных современных превращенных форм социального, вписанных в контуры идеологии консюмеризма, является открытый американскими специалистами феномен *affluenza* (термин получен путем слияния слов «*affluent*» и «*influenza*», что означает «болезнь изобилием»; в качестве русского перевода специалистами предлагаются «потреблудие», «консьюмопатия», «изобилиенция», но

общего мнения пока нет). В самом общем смысле, это – особый вид деятельности современного жителя капиталистической страны, направленный на безудержное потребление товаров не самой первой необходимости. Авторы одной из посвященных этому социальному феномену книг понимают это как «болезненное, заразное, передающееся внутри общества состояние пресыщения, обремененности долгами, тревоги и опустошенности, которое является результатом упрямой погони за новыми и новыми приобретениями» [8, р. 25]. Британский психолог Дж. Оливер описывает «болезнь изобилием» как «придание высокой ценности деньгам, имуществу, внешности (физической и социальной) и славе» и объясняет распространенность *affluenza* результатом «эгоистичного капитализма» и либерально-рыночного политического правления. Он пишет, что современный человек (Оливер использует заимствованное у Э. Фромма понятие «рыночный характер») воспринимает себя как товар, чье значение или цена определяется извне. Но поскольку большинство людей испытывают недостаток индивидуальности и находят слишком болезненным столкновение с базовыми смысложизненными вопросами «кто я» и «для чего я существую?», то в таком избыточном потреблении находится простой выход через отвлечение и ложную индивидуализацию на основе обладания. «Токсины эгоистического капиталиста, которые наиболее опасны для благополучия человека», – это систематическая поддержка тех идей, что будто бы только «материальное богатство – это ключ к самореализации, что только преуспевшие в материальном отношении являются победителями...» [6, с. 70–71]. В итоге «люди различают друг друга по тому, чем они владеют, а не по тому, кто они есть, по тому, что они имеют, а не по тому, что они есть» [7, р. 65]. Это крайний, болезненный вариант «статусного» (или «демонстративного») потребления, которое должно служить поддержанию имиджа «благополучного человека». Однако в основании его – непреодолимый комплекс неполноценности и желание самоутвердиться. В результате потребители становятся добычей «для циничного рынка», производящего бесчисленные средства, «чтобы погладить нарциссизм секулярной души, одержимой своим правом на самовыражение, самореализацию и "подлинность" ...» [9, р. 74].

Но все это было предусмотрено Марксом еще на заре капитализма. «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения... Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под

игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления» [4, с. 599]. Для поддержания жизнеспособности экономики современной капиталистической системы необходимо постоянное увеличение объемов производства и реализации товаров и услуг. Однако, и так давно имела существование та точка зрения, что капитализм имеет врожденную тенденцию производить гораздо больше, чем может быть поглощено потреблением. Сторонники этой позиции всегда были склонны объяснять капиталистические кризисы «недопотреблением». Именно поэтому усилиями маркетологов и стимулированием искусственных потребностей и была порождена «болезнь изобилием», на самом деле под своей формой скрывающая только капиталистическую реальность с ее тенденцией к постоянному росту.

Литература и источники

1. Баллаев, А. Б. Читая Маркса: Историко-философские очерки / А. Б. Баллаев. – М. : Праксис, 2004. – 288 с.
2. Добренъков, В. И. Фундаментальная социология: в 15 т. / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА-М, 2005. – Т. VI: Социальные деформации. – 1074 с.
3. Маркс, К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов / К. Маркс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 48. – С. 3–548.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1956. – С. 517–642.
5. Рыбаченко, С. В. О предпосылках использования Марксом концепта «превращенная форма» при описании экономических феноменов / С. В. Рыбаченко // Вестник РГГУ. – 2009. – № 12. – С. 37–47.
6. Фишер, М. Капиталистический реализм / Марк Фишер; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М. : Ультракультура 2.0, 2010. – 144 с.
7. James, O. Affluenza: How to Be Successful and Stay Sane / O. James. – London : Vermilion, 2007. – 570 p.
8. John de Graaf. Affluenza: The All-Consuming Epidemic / John de Graaf, David Wann, Thomas Naylor. – San Francisco, CA : Berrett-Koehler Publishers, 2010. – 268 p.
9. Ward, Fr. Why Rousseau was Wrong: Christianity and the Secular Soul / Fr. Ward. – London : Bloomsbury Publishing, 2013. – 272 p.

К ВОПРОСУ О ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ УТОПИИ КАК ПРЕВРАЩЕННОЙ ФОРМЕ СОЦИАЛЬНОСТИ

В. Н. Семенова

Либертарианство не является специфически новой идеологией

XXI в., его программные произведения публиковались на протяжении всего XX в. Отметим среди них следующие: «Либерализм в классической традиции» (1927). Л. Фон Мизеса, «Дорога к рабству» (1944), «Индивидуализм и экономический порядок» (1948). Ф. фон Хайека, «Атлант расправил плечи» (1957). Айн Рэнд, «Этика свободы» (1982). М. Ротбарда. Эти мыслители не могут быть объединены в единое направление, но на основе их интеллектуальной деятельности формируется новый тип общественной и политической утопии, получивший в начале нового тысячелетия широкое распространение и поддержку среди обеспеченных слоев населения и молодежи. Либертарианская утопия основывается на индивидуализме, этике «разумного эгоизма», абсолютной свободе личности и ее независимости от государства.

Американский исследователь Д. Боаз отмечает, что либертарианство возникло как реакция на усиление и расширение государства в XX в.: «XX век был веком государственной власти, от Гитлера и Сталина до тоталитарных государств за железным занавесом, от диктатур по всей Африке до бюрократических "государств всеобщего благосостояния" Северной Америки и Западной Европы» [1, с. 28]. Либертарианство стало радикальным ответом на авторитарное расширение государства и на доминирование во второй половине XX в. социалистических и социал-либеральных идеологий. В упрек государству либертарианство ставит принуждение и произвол, монопольное право на насилие, подавление индивидуальных свобод. В этом плане либертарианство, хотя этот аспект учения редко афишируется, является по духу разновидностью анархизма, традиционно причисляемого к крайне левым идеологиям. Подобно анархизму, либертарианство рассматривает государство как ненужный и враждебный человеку социальный институт, представляющий собой «аппарат насилия».

Социалистическому равенству, либеральному равноправию и уважению индивидуальных прав и свобод личности либертарианство противопоставляет радикальные индивидуальные различия и социальную иерархию, что роднит либертарианцев с консерваторами и «правыми». Сегодня либертарианство пытается перехватить идеологическую инициативу у консерваторов, сделав еще более резкий поворот «вправо». Ряд исследователей считает, что неоконсерватизм конца XX в. (рейганомика и тэтчеризм) взял на вооружение либертарианскую доктрину Ф. фон Хайека [4, с. 71]. Исследователь американского неоконсерватизма Дж. Нэш также полагает, что его истоками является именно либертарианство. Заметим, что вновь возродившийся интерес на Западе к австрийской школе экономики и политической философии во многом связан с пропагандой Л. фон Мизесом и Ф. фон Хайеком либертарианских идей.

Одновременно в радикальной критике умеренной левой повестки и идеалов Просвещения либертарианство близко постмодернистскому отрицанию идеалов Модерна. Утопия либертарианства – в реставрации «старых» (до-Модерна) порядков: слабое государство, конкуренция властных элит и институтов гражданского общества, максимум прав и индивидуальных свобод (фактически ничем не ограниченных), максимальные экономические свободы. Такое широкое понимание свободы, отмечают исследователи, затрудняет политическую идентификацию либертарианцев, но способствует его популярности среди молодежи [2, с. 560] и, в целом, среди носителей индивидуалистического мировоззрения [3, с. 18]. Многие сторонники либертарианства видят себя сверхчеловеками, как, например, герои Айн Рэнд, заменившие собой ницшевского сверхчеловека [5, с. 16].

Обозначенные выше три компонента создают удивительный постмодернистский гибрид правого анархизма. Отметим, что либертарианство – это одна из немногих настоящих постмодернистских идеологий, причудливым образом объединяющая в себе принципы до-модернового консерватизма, классического либерализма, индивидуалистического анархизма и постмодернизма. Либертарианство, как и постмодернизм, создает мир хаотичного фрагментированного общества; вторит, с одной стороны, консервативному, а с другой стороны, постмодернистскому анархическому индивидуализму (в частности, поддерживая идею свободного перехода от одной идентичности к другой).

Любая теория должна строиться на основаниях, которые, в свою очередь, аксиоматичны, не требуют доказательства, и согласно первому правилу метода Декарта, должны быть ясны и очевидны. Обратимся к двум основным принципам либертарианской утопии: самопринадлежности личности и ничем не ограниченной экономической свободе.

1. Подобно классическому либерализму, либертарианцы исходят из самодостаточного автономного и независимого субъекта, обладающего от рождения определенным набором прав и свобод. Важнейшим таким правом является право самопринадлежности индивида, то есть его полная и абсолютная свобода распоряжаться своей жизнью, здоровьем, благополучием, если эта свобода не ущемляет равные права других [1, с. 118]. Принципиальным отличием либертарианского понимания естественных прав на жизнь и свободу от классического либерализма является возможность самоотчуждения этих прав самой личностью. То есть для классического либерала самоубийство – смертный грех, поскольку право на жизнь является не только естественным, но и неотчуждаемым, данным Богом, и сам человек не может от него отказаться. Либертарианцы же, для которых фактически человек и является богом, поддерживают эвтаназию и толерантно относятся к суициду (ведь это, как они полагают, свободный выбор самого человека).

Таким образом, утопия либертарианства оказывается не для всех, а только для сильных, смелых, целеустремленных и дисциплинированных (добавим, что обычно герои либертарианской утопии, например, в Библии либертарианства, романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи», практически всегда оказываются еще здоровыми, молодыми и богатыми). Удел остальных – в духе социал-дарвинизма: «подтолкни падающего!». Неудивительно, что, например, крайние либертарианцы выступают за добровольное рабство и самозаклады, опять апеллируя к индивидуальной свободе человека (хочу – продаю себя в рабство, это мой свободный (!) выбор).

Важнейшим контраргументом против либеральной утопии является и крайняя сомнительность самого принципа самопринадлежности индивида в эпоху массового общества, влияния политических идеологий на общественное сознание, манипуляций с общественным мнением. С учетом данных факторов трудно полагать современного человека автономным и свободным в принятии хоть какого-нибудь решения.

2. Согласно либертарианству, все социокультурные феномены и социальные институты возникли самостоятельно, без помощи государства, поэтому они могут успешно существовать (подобно неолиберальной идее саморегулирующегося рынка) без государства: на договорных отношениях между самим обществом и его отдельными индивидами. Поэтому либеральная утопия провозглашает отмену налогов («государство – главный рэкетир»), отмену фиксированной минимальной заработной платы и антимонопольного регулирования (либертарианцы выступают за ничем не ограниченный, саморегулируемый экономический рынок). Следствием этого является отмена всех государственных социальных пособий, выплат и льгот. Разгосударствление экономического и управленческого сектора, а также социальной сферы должно привести к формированию здоровой частной конкуренции. В этом глобальном рынке будут честно и свободно конкурировать и договариваться между собой, добровольно вступать в экономические союзы автономные субъекты. В теории это выглядит рационально. Однако в реальной практике известно, когда сплоченное меньшинство сознательно нарушает закон спроса и предложения, например, уничтожая целый урожай апельсинов, чтобы не снижать на них цену (известный школьный пример). Институт рыночных перекупщиков и посредников известен еще со времен Древнего Рима. Эффективные способы борьбы за права производителей (мелких собственников) до сих пор не найдены. Еще один пример. Что мешает собственникам в либертарианской утопии договориться о самой минимальной оплате труда, например, для неквалифицированных и малоквалифицированных работников?! Традиционные объяснения либертарианцев, что если человека не устраивает маленькая зарплата, то его никто не заставляет работать (напоминает известное выражение «если

у них нет хлеба, пусть едят пирожные!»), разбиваются о многовековой опыт вынужденного труда малообеспеченных слоев населения за нищенскую плату.

Либертарианская политика упразднения государственного контроля монополизацией экономической сферы, за образованием, здравоохранением, социальной сферой и т. п. очень быстро приводит к резкой дифференциации доходов, выстраивая жесткий рыночный механизм, где бенефициаром становится сплоченный слой богатого населения, элитистские группы, подменяющие собой государство. Это идеология в интересах крупного и олигархического бизнеса. Основная масса населения, которая и в условиях государственной социальной поддержки во многих странах относится к числу бедных, в либертарианской утопии фактически обречена на нищету и кабальные условия труда (поскольку отменены минимальная заработная плата, оплата больничных листов, социальные пособия, льготы и государственные пенсии).

Фактически либертарианская утопия может привести человечество к полному демонтажу всех достижений социального государства, возврату к принципам до-модернового феодализма и реставрации социал-дарвинизма.

Литература и источники

1. Боуз, Д. Либертарианство: История, принципы, политика / Д. Боуз ; пер. с англ. под ред. А. В. Куряева. – Челябинск : Социум, Cato Institute, 2004. – 392 с.
2. Думлер, Д. А. Политическая и гражданская идентичность либертарианцев в современной России: проблемы и перспективы / Д. А. Думлер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 4. – С. 560–569.
3. Карнаушенко, Л. В. Либертарианство как политико-правовой феномен / Л. В. Карнаушенко // Закон и право. – 2021. – № 10. – С. 17–21.
4. Мусихин, Г. И. Консерватизм в поисках идентичности: от либертарианства к постмодернизму / Г. И. Мусихин // Исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 70–77.
5. Ремизов, В. А. Либертарианство и современная Россия / В. А. Ремизов, В. С. Садовская // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 6 (92). – С. 15–24.

Сведения об авторах

Адуло Тадеуш Иванович, заведующий отделом социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Амирова Айша Айдаровна, докторант Академии Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (г. Алматы).

Анципович Николай Васильевич; кандидат философских наук, доцент (г. Минск).

Артюхин Михаил Иванович, заведующий центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бабосов Евгений Михайлович, главный научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Балаклеец Наталья Александровна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета; кандидат философских наук, доцент.

Баханович Наталья Леонидовна, научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск).

Бекдербек Айбол Асханбекұлы, докторант Академии Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (г. Алматы).

Берков Владимир Федотович, доктор философских наук, профессор (г. Минск).

Беркова Ольга Владимировна, доцент кафедры «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бобков Игорь Михайлович, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Болбас Галина Владимировна, докторант кафедры педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат педагогических наук, доцент.

Борисюк Татьяна Петровна, научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск).

Браницкая Ирина Николаевна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Бурак Петр Михайлович, доцент кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бурьянов Максим Сергеевич, магистр юриспруденции, эксперт Global Shapers Community Moscow, эксперт молодежной группы стран СНГ МСЭ ООН (ITU UN), эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации (г. Москва).

Бурьянов Сергей Анатольевич, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук, доцент.

Вальковский Михаил Александрович, доцент кафедры международной журналистики факультета журналистики Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат филологических наук, доцент.

Ватиль Виктор Николаевич, заведующий кафедрой политологии и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; доктор политических наук, профессор.

Вишняков Алексей Васильевич, ординатор, аспирант кафедры психиатрии имени В.И. Багаева Кировского государственного медицинского университета.

Воробьева Светлана Викторовна, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Галанзовский Алексей Сергеевич, магистрант Университета Национальной академии наук Беларуси (г. Минск).

Ганус Александр Андреевич, юрист, научный сотрудник (г. Москва).

Голубев Вячеслав Андреевич, аспирант кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова.

Давлятова Елена Валентиновна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат исторических наук, доцент.

Данилов Александр Николаевич, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

Дедюлина Марина Анатольевна, доцент Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (г. Таганрог); кандидат философских наук, доцент.

Добrorодний Данила Григорьевич, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Дождикова Раиса Нуриевна, доцент кафедры «Философские учения» Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Доронина Светлана Геннадиевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Екадумов Андрей Иванович, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Жмакина Татьяна Владимировна, заместитель директора по научно-методической работе Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат политических наук.

Жук Екатерина Ивановна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Жук Сергей Александрович, аналитик Белорусского института стратегических исследований (г. Брест).

Завадский Михаил Борисович, и. о. ученого секретаря Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Зайцева Ольга Юрьевна, заведующий кафедрой психологии и педагогики дошкольного образования Иркутского государственного университета; кандидат психологических наук, доцент.

Захарова Наталия Евгеньевна, заведующий отделом социальной экологии и биоэтики Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Иззетова Эмине Мустафаевна, профессор кафедры «Восточная философия и культура» Ташкентского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

Ильина Елена Михайловна, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат политических наук, доцент.

Карнажицкая Татьяна Вадимовна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат культурологии, доцент.

Кисель Наталья Константиновна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Климович Анна Игоревна, доцент кафедры патологической анатомии и судебной медицины Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Колесников Андрей Витальевич, заведующий отделом философии информационных и когнитивных процессов Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Колядко Илья Николаевич, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Корень Елена Васильевна, доцент кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат исторических наук, доцент.

Костиневич Кирилл Игоревич, ассистент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск); кандидат политических наук.

Коховец Ярослав Александрович, аспирант факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Кравцов Олег Юрьевич, соискатель ученой степени кандидата философских наук Научно-методического учреждения «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь (г. Минск).

Ксенофонов Владислав Анатольевич, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Кузнецов Анатолий Владимирович, руководитель временного научного коллектива «Техногенное общество» при Белорусском государственном педагогическом университете имени М. Танка (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Кузнецов Виталий Владимирович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Кузнецова Евгения Владимировна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Кулак Никита Иванович, старший преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Кулаков Иннокентий Дмитриевич, исследователь (г. Минск).

Лазаревич Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Левко Анатолий Игнатьевич, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор социологических наук, профессор.

Легчилин Анатолий Александрович, профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лещинская Ирина Ивановна, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ли Екатерина Владимировна, доцент Ташкентского государственного педагогического университета; кандидат философских наук, доцент.

Личевский Глеб Андреевич, магистрант Белорусского государственного университета (г. Минск).

Логиновская Юлия Владимировна, ассистент кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета.

Лойко Александр Иванович, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Лойко Лариса Егоровна, доцент Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ломакина Наталья Борисовна, ассистент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (МИЭТ).

Лукьянов Аркадий Викторович, профессор кафедры философии и культурологии Высшей школы философии и социологии Института социальных и гуманитарных исследований Уфимского университета науки и технологий; доктор философских наук, профессор.

Лукьянович Надежда Михайловна, аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Максимович Валерий Александрович, заведующий отделом философии литературы и эстетики Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор филологических наук, профессор.

Малахов Данила Владимирович, докторант Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Малыхина Галина Ивановна, заведующий кафедрой философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Мартищенко Елена Владимировна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Мартынов Владимир Федорович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор культурологии, профессор.

Мацевич Мария Янушевна, доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в промышленности Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Медведев Николай Владимирович, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина; доктор философских наук, профессор.

Мизякина Светлана Николаевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Миськевич Владимир Иосифович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Михайлов Андрей Евгеньевич, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент.

Михайлова Марина Васильевна, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент.

Мицкевич Юлия Владимировна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента Института современных знаний имени А.М. Широкова (г. Минск); кандидат педагогических наук, доцент.

Мозгов Сергей Анатольевич, начальник бюро по техническому развитию управляющей компании отдела технического развития ОАО «Белорусский металлургический завод – управляющая компания холдинга «Белорусская металлургическая компания» (г. Жлобин).

Молчанов Павел Юрьевич, старший преподаватель Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Мушинский Николай Иосифович, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Мушта Александр Александрович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской части Академии национальной безопасности Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Назаров Насриддин Атакулович, профессор Чирчикского государственного педагогического университета (г. Ташкент); доктор философских наук, профессор.

Наливайко Инна Михайловна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Наумов Дмитрий Иванович, ученый секретарь Белорусской государственной академии связи (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Нафикова Алиса Ильдаровна, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий; кандидат философских наук, доцент.

Никитина Юлия Федоровна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Новикова Ольга Владимировна, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Новицкая Татьяна Евгеньевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Опарин Александр Юрьевич, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (г. Минск).

Павловская Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

Пирогов Александр Иванович, профессор Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (МИЭТ); доктор философских наук, профессор.

Пирогова Лидия Ивановна, юрисконсульт АО «Центральное конструкторское бюро «Дейтон» (г. Москва); кандидат политических наук, доцент.

Попова Варвара Сергеевна, профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград); доктор философских наук.

Пушкарева Марина Алексеевна, профессор кафедры философии и культурологии Высшей школы философии и социологии Института социальных и гуманитарных исследований Уфимского университета науки и технологий; доктор философских наук, профессор.

Пушкевич Сергей Александрович, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Ратникова Ирина Михайловна, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ротмирова Елена Александровна, профессор кафедры информационных технологий в образовании Минского городского института развития образования; кандидат педагогических наук, доцент.

Рудковская Елена Эдвардовна, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат педагогических наук, доцент.

Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; кандидат философских наук, доцент.

Румянцева Татьяна Герардовна, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Рымашевский Алексей Дмитриевич, магистрант Университета Национальной академии наук Беларуси (г. Минск).

Сабирзянова Инна Викторовна, заведующий кафедрой философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук, доцент.

Саковский Евгений Петрович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Салеев Вадим Алексеевич, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь.

Санько Сергей Иванович, заведующий отделом философии культуры Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Сарна Александр Янисович, доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Севостьянова Надежда Григорьевна, доцент кафедры истории и социальных наук Минского государственного лингвистического университета; кандидат философских наук, доцент.

Селезнёв Антон Сергеевич, менеджер веб-студии «СЕО-Плюс» (г. Минск).

Семенов Николай Сергеевич, доцент кафедры религиоведения Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Семенова Владислава Николаевна, соискатель кафедры социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Середа Юлия Петровна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Сидоренко Ирина Николаевна, заведующий кафедрой философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

Сидорина Татьяна Юрьевна, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

Сокольчик Валерия Николаевна, докторант Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ставровский Игорь Константинович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Столяров Дмитрий Владимирович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Струтинская Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск).

Тузова Тамара Михайловна, профессор «БИП – Университет права и социально-информационных технологий» (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Тюгашев Евгений Александрович, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета; доктор философских наук, доцент.

Фабрикант Маргарита Сауловна, доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат психологических наук, доцент.

Федоров Андрей Игоревич, доцент Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (МИЭТ); кандидат философских наук, доцент.

Филиппович Алексей Валентинович, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Хамутовская Светлана Викторовна, заведующий отделом социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Чугрина Оксана Романовна, доцент кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат исторических наук, доцент.

Чуешов Виктор Иванович, заведующий кафедрой социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Шергенз Наталия Алексеевна, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ульяновского института

гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева; доктор философских наук, профессор.

Шершнева Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск).

Шиманская Инна Михайловна, аспирант кафедры педагогики и психологии факультета дошкольного и начального образования Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина.

Шиханцова Дарья Александровна, аспирант Белорусского государственного университета (г. Минск).

Щурок Элла Михайловна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:**

гуманитарная безопасность

в условиях глобальных вызовов

Материалы Седьмой международной научной конференции
(16–17 ноября 2023 г., г. Минск)

В двух томах

Том 1

На русском, белорусском и английском языках

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Ответственный за выпуск

А. Ю. Дудчик

Подписано в печать 03.11.2023.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22,67. Уч.-изд. л. 22,23.
Тираж 50 экз. Заказ 1066.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by